

Геннадий Семенович КУЧЕРЕНКО

СЕН-СИМОНИЗМ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XIX в.

М.: Наука. 1975

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#),
2010

Тематические материалы

*Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до
1848 года*

ВВЕДЕНИЕ

I. РАБОЧИЕ ФРАНЦИИ в ЭПОХУ КОРПОРАЦИЙ и МАНУФАКТУР

II. УЧАСТИЕ РАБОЧИХ в ВЕЛИКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

III. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ПРОЛЕТАРИАТ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ

XIX в.

IV. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ РАБОЧИХ

в 30-40-е года XIX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской
революции

В.Волгин. Сборник работ «Очерки истории социалистических идей с
древности до конца XVIII в.»

В.Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм

В.Волгин. Социальное учение раннего сенсимонизма

В.Волгин. Французский утопический коммунизм XVIII-XIX вв.

История международного рабочего и национально-освободительного
движения (хронологические таблицы, сост. З.А.Замыслова: от 60-х гг. XVIII
в. до 1957 г.)

В.Волгин. Этьен Кабе

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно
есть и каким оно должно было бы быть

Изложение учения Сен-Симона (лекции, прочитанные Анфантенон,
Базаром и Родригом)

В.Волгин. Социальное учение Вейтлинга

В.Альтман. Жизнь и деятельность Вильгельма Вейтлинга

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Пекер, Видаль, Каабе (с
отрывками из их произведений)

К главе III:

Б.Реизов. Воинствующий романтизм. Огюстен Тьерри (глава из монографии
«Французская романтическая историография 1815-1830»)

Н.Кареев. Историки Великой французской революции

М.Алпатов. Политические идеи буржуазной историографии XIX в.

(О.Тьерри, Ф.Гизо, Ж.Мишле, А.Токвиль, И.Тэн и др.)

Филипп Жозеф БЮШЕ (31.03.1796 — 12.08.1865). Материалы о нем:
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#buche>

Об авторе:

А.Гладышев. Геннадий Семенович Кучеренко: штрихи биографии

Глава I. Сен-Симон в историографии XIX—XX вв.

1. Вводные замечания
2. Основные направления позитивистской и социально-католической историографии о Сен-Симоне
3. К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин о критически-утопическом социализме Сен-Симона
4. Сен-Симон в марксистско-ленинской историографии
5. Задачи и источники исследования

Глава II. Судьба идейного наследия Сен-Симона в критически-утопическом социализме

1. Сен-Симон и сен-симонистское движение
2. Развитие Базаром критически-утопического социализма Сен-Симона
3. Сен-симонизм в «Политической экономии и политике» Анфантена
4. Фурье и Сен-Симон
5. Сен-симонизм и оуэнизм (постановка вопроса)

Глава III. Буржуазные интерпретации сен-симонизма

1. Вводные замечания
2. Сен-Симон и Тьерри (К вопросу о влиянии сен-симонизма на историков эпохи Реставрации)
3. Отношения между Сен-Симоном и Контом
4. Отношение к сен-симонизму Филиппа Бюше

Вместо заключения

Приложение. Сен-Симон и пролетарии: письмо Сен-Симона рабочим и черновые наброски (озаглавленные в наст.издании «класс пролетариев»)

Библиография

Указатель имен

Глава I. СЕН-СИМОН В ИСТОРИОГРАФИИ XIX—XX ВВ.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Было время, и не столь уж далекое, когда о «Городе Солнца» Кампанеллы и «Утопии» Мора писали как о каких-то безделицах, созданных на забаву друзьям, как о плодах досужего ума, как о мимолетных эпизодах в творчестве их создателей. Было время, когда потешались над фантазером и «полусумасшедшим чудаком» Фурье, над неудачливым коммерсантом Сен-Симоном, потерпевшим фиаско в финансовых аферах и занявшимся социальным прожектерством. Ныне о «несерьезности» утопий уже не говорят: слишком велик в современном мире интерес к социализму и его идейным истокам. Сама жизнь потребовала серьезного отношения к истории социалистической мысли.

За рубежом в последние годы переиздаются как в академических изданиях, так и сериях, рассчитанных на массового читателя, сочинения социалистов-утопистов, появляется немало статей и монографий, посвященных их жизни и творчеству, растет число историков, философов и социологов, занимающихся проблемами утопического социализма. Случается, что даже ежедневные буржуазные газеты отводят соответствующим материалам по несколько полос¹. Можно отметить положительную сторону этого процесса: внимание общества привлекается к важнейшей отрасли исторической науки, осуществ-

¹ См. «Le Monde», 2.VI-1972, p. 13, 16, 17; 21—22.X-1973, p.17.

ляется критическое издание источников, печатаются неопубликованные сочинения, выявляются новые биографические материалы и т. д. Вместе с тем в условиях напряженной идеологической борьбы между социализмом и капитализмом многие зарубежные авторы вольно или невольно становятся на путь, весьма далекий от объективного научного исследования.

В период холодной войны, когда идеологи буржуазии охотно рассуждали о природе «тоталитарных государств», некоторые профессиональные историки пытались искать идейные истоки «тоталитаризма» в учениях таких социалистов-утопистов, как, например, Мор, Кампанелла и Сен-Симон. С другой стороны, с целью дискредитации принципов миролюбивой внешней политики Советского Союза и социалистических стран в ход пошли домыслы об «истинном», «гуманном социализме», который прямо выводился из наследия утопистов и открыто противопоставлялся марксизму-ленинизму и практике строительства социализма в СССР и странах социалистического содружества. Развертывание научно-технической революции возродило на Западе увядшие было идеи технократов и вызвало к жизни пресловутую теорию «индустриального общества» и «конвергенции».

В этой связи в ряде работ, посвященных социалистам-утопистам, содержатся утверждения о том, будто предшественники К. Маркса и Ф. Энгельса вообще не защищали ни капитализма, ни социализма, а выступали лишь поборниками общности духа и чувства братства, лишь носителями представлений о возможностях безграничного процветания в условиях капиталистических общественных отношений; будто главное в социализме — не уничтожение частной собственности, а обеспечение планового экономического прогресса, целенаправленной эксплуатации земного шара без коренного социально-политического преобразования и создание то ли путем самодисциплины, то ли путем «истинной религии» новой морали, новой системы этических ценностей, которые только и способны обеспечить торжество «гуманного социализма», независимо от того, какая форма собственности, частная или коллективная, господствует в обществе.

Для К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина утопический социализм (французский в первую очередь) — один

из трех идейных истоков марксизма и в то же время его диалектическая противоположность, выступающая как противоположность между научным социализмом и социализмом утопическим, т. е. ненаучным.

В их трудах дан глубокий анализ генезиса, содержания и характера утопического социализма, его достижений и слабостей, его исторической роли и ограниченности, а также всех этапов развития социализма «от утопии к науке».

Идейное наследие Сен-Симона, Фурье и Оуэна основоположники научного социализма характеризовали как «критически-утопический социализм», как «собственные социалистические и коммунистические системы»².

Ф. Энгельс подчеркивал, что «у Сен-Симона мы встречаем гениальную широту взгляда, вследствие чего его воззрения содержат в зародыше почти все не строго экономические мысли позднейших социалистов»³.

В. И. Ленин относился к творчеству Сен-Симона, Фурье и Оуэна как к «учениям величайших представителей философии, политической экономии и социализма»⁴.

На марксистско-ленинской методологии основывают свои исследования советские и зарубежные историки-марксисты, которые внесли существенный вклад в разработку проблем утопического социализма, в изучение идей Сен-Симона и их роли в истории общественной мысли.

2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЗИТИВИСТСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ О СЕН-СИМОНЕ

В развитии немарксистской, буржуазной историографии о Сен-Симоне можно отметить ряд этапов и выявить некоторые довольно устойчивые тенденции. Первый этап начинается с жизнеописания Сен-Симона, составленного О. Родригом⁵, с библиографии А. Фурнеля⁶ и публика-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 455.

³ Там же, т. 19, стр. 196.

⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 23, стр. 40.

⁵ В течение апреля—мая 1826 г. им были опубликованы четыре большие статьи. «Le Producteur», t. III, p. 86—110, 281—304, 426—443; t. IV, p. 85—112.

⁶ H. Fournel. Bibliographie saint-simonienne de 1802 au 31 decembre 1832. Paris, 1833.

ции первых собраний сочинений⁷, т. е. 20—30-е годы: он завершается в конце 70-х годов XIX в., когда было осуществлено издание «Собрания сочинений Сен-Симона и Анфантена» в 47 томах, из которых 14 посвящены деятельности Сен-Симона и сен-симонистской школы⁸. Крупных исследований на данном этапе не появилось. Авторы обобщающих работ по истории утопического социализма⁹, разумеется, не обходили Сен-Симона молчанием, но, как правило, больше занимались сен-симонистами, чем их учителем. Из специальных работ выделялась книга А. Ж. Бута, описавшего главные этапы сен-симонистского движения¹⁰, монография Г. Юббара о жизни и творчестве Сен-Симона¹¹, лекции П. Жане, который призвал издать полное собрание сочинений Сен-Симона и не смешивать его идей со взглядами Анфантена, Базара и других сен-симонистов¹².

Второй этап можно отнести к концу XIX — началу XX в., когда после открытия в 1894 г. доступа к сен-симонистским архивам были завершены исследования Ж. Вейля¹³, С. Шарлети¹⁴, А. Дальмана¹⁵ и И. И. Иванова¹⁶, а также получили широкое распространение кни-

ги Ж- Дюма¹⁷, Ф. Мюкле¹⁸, О. Варшауера¹⁹ и некоторых других авторов. В то же время появилась опись сен-симонистских архивов, хранящихся в Отделе рукописей Библиотеки Арсенала²⁰, и чрезвычайно ценная библиография И. Штаммхаммера²¹. По охвату материала, в том числе архивных документов, второй этап был, может быть, самым плодотворным в буржуазной историографии о Сен-Симоне.

Третий этап — это 20—30-е годы XX в., когда авторы, писавшие о Сен-Симоне, предпочитали скорее интерпретировать, чем исследовать его творчество²².

К столетию со дня смерти Сен-Симона был выпущен специальный номер журнала²³.

Третий этап отмечен научным изданием отдельных сочинений Сен-Симона и сен-симонистской школы²⁴, а также вторжением в эту тематику буржуазных социологов-позитивистов, публикацией трехтомной монографии А. Гуйе²⁵, который средствами исторического исследования пытался обосновать неопозитивистские интерпретации сен-симонизма.

Четвертый этап начинается после второй мировой

⁷ Oeuvres complètes de Saint-Simon. Publ. par Olinde Rodrigues son disciple. Paris, 1832; Oeuvres complètes de Saint-Simon. Seconde livraison. Paris, 1832; Oeuvres complètes de Saint-Simon. Paris, 1841; Oeuvres choisies de Saint-Simon, précédées d'un essai sur la doctrine, t. I—III. Bruxelles, 1859.

⁸ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, publiées par des membres du conseil institué par Enfantin... et précédées de deux notices historiques, v. 1—47. Paris, 1865—1878 (произведения Сен-Симона помещены в XV, XVIII, XXXVII—XL томах).

⁹ L. Reybaud. Etudes sur les réformateurs contemporains ou socialistes modernes. Paris, 1840; A. Sudre. Histoire du communisme, ou Réfutation historique des utopies socialistes. Paris, 1840; L. von Stein. Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs. Leipzig, 1842; /. /. Tonissen. Le socialisme depuis l'antiquité jusqu'à la Constitution française du 14 Janvier 1852; v. 1—2. Paris, et Louvain, 1852.

¹⁰ A. J. Booth. Saint-Simon and saint-simonisme. A chapter in the history of socialism in France. London, 1871.

¹¹ G. Hubbart. Saint-Simon. Sa vie et ses travaux. Paris, 1857.

¹² P. Janet. Saint-Simon et saint-simonisme. Paris, 1878.

¹³ G. Weill. Saint-Simon et son oeuvre. Paris, 1894; *idem*. L'école saint-simonienne, son histoire, son influence jusqu'à nos jours. Paris, 1896.

¹⁴ S. Charletu. Histoire du saint-simonisme. Paris, 1895.

¹⁵ H. R. D'Allemagne. Les saint-simoniens, 1827—1837. Paris, 1930.

¹⁶ Ив. Иванов. Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1901.

¹⁷ G. Dumas. Psychologie de deux messies positivistes: A. Comte et Saint-Simon. Paris, 1905.

¹⁸ F. Muckle. Henri de Saint-Simon. Die Persönlichkeit und ihr Werk. Jena, 1908.

¹⁹ O. Warschauer. Geschichte des Sozialismus und neueren Kommunismus. Erste Abteilung: Saint-Simon und der Saint-Simonismus. Leipzig, 1892.

²⁰ Catalogue General des manuscrits des bibliothèques publiques en France, t. XLIII. Suppl. IV. Paris (Arsenal), Fonds Enfantin. Paris, 1904.

²¹ /. Stammhammer. Bibliographie des Sozialismus und Kommunismus, Bd. I—IV. Jena, 1893—1909.

²² C. Bougie. Introduction. L'oeuvre d'Henri de Saint-Simon. Textes choisis. Paris, 1925, C. Bougie et L'Halevy. Introduction Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année, 1829; Paris, 1925; M. Leroy. Le socialisme des producteurs: Henri de Saint-Simon. Paris, 1924; *idem*. La vie véritable du comte Henri de Saint-Simon. Paris, 1925.

²³ «Revue d'histoire économique et sociale», 1925, № 2.

²⁴ Кроме публикаций Бугле и Алеви, необходимо отметить издание «Писем женеважского обитателя», осуществленное А. Перейром: H. Saint-Simon. Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains. Introduction par A. Pereire. Paris, 1925.

²⁵ H. Gouhier. La jeunesse d'Auguste Comte et la formation du positivisme, t. I. Sous signe de la liberté. Paris, 1933, t. II. Saint-Simon jusqu'à la Restauration. Paris, 1936; t. III, Auguste Comte et Saint-Simon. Paris, 1941.

войны и длится поныне. На основе работ, созданных в это время, и будут прослежены в общем виде основные тенденции в истолковании наследия Сен-Симона.

Зарубежная историография о Сен-Симоне за последние 20 лет обогатилась разнообразными публикациями: это и его сочинения²⁶, и библиографические справочники²⁷, и специальные выпуски журналов²⁸, и работы, в которых анализ творчества Сен-Симона служит целям создания претенциозных научно несостоятельных социологических и историографических схем²⁹.

²⁶ *H. Saint-Simon. Textes choisis. Pref. J. Dautry. Paris, 1951; idem. Selected, writings. Ed. and transl. by F. Markham. Oxford, 1952; idem. La physiologie sociale. Introd. et notes de Q. Gurvitch. Paris, 1965; idem. Le nouveau christianisme et les écrits sur la religion. Choisis et presented par Henri Desroche. Paris, 1969; Oeuvres, vol. 1–6. Paris, 1966;* Данное собрание сочинений издано методом беззаборной печати. Т. 1 этого издания с фотографической точностью воспроизводит XV и XVIII тома «Собрания сочинений Сен-Симона и Анфантена», т. 2—XIX и XX, т. 3—XXI, XXII и XXIII, т. 4—XXXVII и XXXVIII, т. 5—XXXIX и XL. В т. 6 включены труды Сен-Симона из «брюссельского издания 1859 г.», а также из некоторых других публикаций. При ссылках на издания 1966 г. мы будем указывать том арабскими цифрами, а в скобках римскими цифрами обозначать соответствующий том издания 1865—1878 гг. (реп.: «Le Monde», 3—4.IV 1966; Ж. Дотри. Полное собрание сочинений Сен-Симона.— «Французский ежегодник. 1966». М., 1967). Избранные сочинения Сен-Симона изданы в Болгарии (1947), Венгрии (1963 и 1969), Польше (1968).

²⁷ В 1962 г. итальянский журнал «Annali» (№ 5, p. 847—885) опубликовал перечень трудов Сен-Симона; первый после А. Фурнеля опыт сводной библиографии о Сен-Симоне и сен-симонизме принадлежит французскому исследователю Жану Вальну: / J. Walch. Bibliographie du saint-simonisme. Paris, 1967.

²⁸ 200-летию со дня рождения Сен-Симона посвящен специальный выпуск «Revue Internationale de philosophie», 1960, № 53—54; пять специальных выпусков (1970, № 4, 6, 10; 1971, № 7, 1973, № 1) журнала «Economie set sociales» (орган Научного института прикладной экономики). Выпуски объединены общим заголовком «Saint-simonisme et pari pour industrie XIXe—XXe siecles». Каждый из выпусков имеет собственное название: т. I — «Theorie et politique», т. II — «Saint-simonisme et pensees contemporaines», т. III — «Influence a l'etranger», т. IV — «Economie politique», т. V — «Industrie et crise de civilisation» (реп. см. / J. Lacroix. Saint-Simon et nous.— «Le Monde», 21—22.X 1973, p. 17). в «Economies et societes» опубликованы статьи наиболее известных специалистов Франции, США, Англии, Италии и некоторых других стран. Это международное коллективное издание осуществлено по инициативе и под руководством двух известных французских ученых — философа П.-М. Шуля и экономиста Ф. Перру.

²⁹ Они будут рассмотрены ниже.

Новые издания способствуют росту наших знаний и свидетельствуют о непреходящем значении идей Сен-Симона в истории общественной мысли. При этом интерпретация идейного наследия великого социалиста-утописта самым тесным образом связана с нынешними идеологическими сражениями между капитализмом и социализмом.

Толкование социологических идей Сен-Симона продолжает оставаться в центре внимания буржуазных авторов. Как известно, в 1925 г. была опубликована работа Э. Дюркгейма «Сен-Симон — основатель позитивизма и социологии»; в 1928 г., значительно дополненная, она была переиздана под измененным заглавием³⁰. Так лекции по истории социализма, прочитанные им еще в конце 1895 — начале 1896 г. в университете Бордо, стали достоянием широкой аудитории, так произошло вторжение социологов в сен-симонистскую тематику. И сами лекции, и их опубликование подвели черту под давним спором о первородстве: Конт или Сен-Симон. Позитивисты отступили. Устами одного из своих первосвященников они признали, что многим обязаны мыслителю, которого столь долго поносили. Хотя Конт и остался в центре позитивистской вселенной, Сен-Симон отныне приобрел знак буржуазной respeitability и титул основателя буржуазной социологии. Формированию нового отношения позитивистов к Сен-Симону содействовали труды Ж.-Дюма³¹ и исследования А. Гуйе³².

После второй мировой войны такие видные буржуазные обществоведы, как Ж. Гурвич, Дж. Сантоанастазо, М. Дондо, Ф. Манюэл, Дж. Иггерс, Ф. Джентиле, У. М. Саймон, Ф. Перру, Д. Физикелла, Р. Факкар, П. Ансар³³, многие авторы, упомянутые выше в специ-

³⁰ *E. Durkheim. Saint-Simon, fondateur du positivisme et de la sociologie.— «Revue philosophique», XCIX, 1925; idem. Le socialisme, ses definitions, ses debuts; la doctrine saint-simonienne. Paris, 1928.*

³¹ *G. Dumas. Saint-Simon, pere du positivisme.— «Revue philosophique», LVII, 1904; idem. Psychologie de deux messies positivistes: A Comte et Saint-Simon. Paris, 1905.*

³² *H. Gouhier. Le jeunesse d'Auguste Comte et la formation du positivisme, t. I—III; idem. Saint-Simon et Auguste Comte devant la Revolution française.— «Revue philosophique», 1939.*

³³ *G. Santoanastaso. Il socialismo francese da Saint-Simon a Proudhon. Firenze, 1954; G. Gurvitch. Les fondateurs francaises de la sociologie contemporaine. Paris, 1955 (2-e ed. 1961); M. Dondo. The*

альных выпусках журнала «Economies et sociétés», также немало потрудились для обоснования ложного тезиса о прямой причастности Сен-Симона к созданию позитивистской социологии и теории индустриализма, т. е. теории безграничного экономического развития на базе существующего капиталистического общества.

Каковы бы ни были индивидуальные особенности и профессиональные отличия всех этих авторов, их работам присущи некоторые общие черты. Одна из них — представление о Сен-Симоне именно как об основателе буржуазной социологии и позитивизма. Издатели последнего собрания его сочинений хорошо сформулировали это широко распространенное мнение. «Сен-Симона, — писали они, — можно рассматривать как предшественника не только современной социальной мысли, социализма и социологии, но также позитивизма, сциентизма и технократии»³⁴. Подобно тем трактатам об утопиях, в которых выстроены единые ряды «утопистов» без учета характера самих «утопий» и идеологических устремлений их создателей³⁵, позитивистские эссе по истории социологии и социологические этюды о творчестве Сен-Симона опираются на аналогичные шеренги «социоло-

гов». Разумеется, в таких чаще всего умозрительных, а не исследовательских работах отсутствуют понятия «буржуазная социология», «марксистская социология», а Сен-Симон может выступать лишь как один из зачинателей «деидеологизированной социологии», теории «индустриального общества» и «конвергенции», а вовсе не как великий социалист-утопист, чье творчество влияет в разветвленную систему идейных истоков марксизма.

Как и в работах Э. Дюркгейма, Ж. Дюма и А. Гуйе, большое внимание уделяется здесь вопросу о взаимоотношениях Сен-Симона и Конта. Сам факт, что Конт был секретарем, учеником и сотрудником Сен-Симона, может послужить поводом для превращения Сен-Симона либо в создателя, либо, по выражению Ж.-Гурвича, по меньшей мере в Иоанна Предтечу буржуазной социологии. Конт многому научился у Сен-Симона и, лишив сен-симонизм черт критически-утопического социализма, использовал отдельные его теоретические достижения для разработки системы буржуазной социологии. Однако ни ему, ни какому-либо «неосен-симонисту» из числа неопозитивистов не удалось, как остроумно заметил Ж.-Дотри, «прослыть Сен-Симоном. Никто из них, собравшись в поход против рабочего движения и марксизма, не смог перешагнуть эту роковую для него грань»³⁶.

Наибольшее внимание проблемам взаимоотношения Сен-Симона и Конта, разработке научно несостоятельного тезиса о прямой связи между сен-симонизмом и буржуазным позитивизмом уделяют Дж. Сантоанастазо и Ж. Гурвич, У. М. Саймон и Д. Физикелла. Тема эта представлена и в специальных выпусках журнала «Economies et sociétés» статьями П. Арно³⁷. Эти работы стоят на более низком исследовательском уровне, чем, например, труды Ж. Вейля, С. Шарлети или А. Гуйе. Что касается самих толкований данных вопросов современными авторами на основе ранее накопленных фактов, то и здесь приходится говорить о повторении, в лучшем случае о модификации концепций Э. Дюркгейма и А. Гуйе.

French Faust Henri de Saint-Simon. New York, 1955; *F. Manuel*. The New World of Henri Saint-Simon. Cambridge (Mass.), 1956; *G. Iggers*. Notes and introduction. The Doctrine of Saint-Simon. Exposition. First Year 1828—1829. Boston, 1958; *F. Gentile*. Dala concezione illuministica alia concezioni storica della vita sociale. Saggio sul concetto di societa nel pensiero di C. H. de Saint-Simon. Padova, 1960; *P. M. Schuhl*. Henri de Saint-Simon (1760—1825).—«Revue philosophique», 1960, N 4; *W. M. Simon*. European Positivism in the Nineteenth Century. An Essay in Intellectual History. New York, 1963; *F. Perroux*. Industrie et creation collective. Paris, 1964; *D. Fisichella*. Il potere nella societa industriale. Saint-Simon e Comte. Napoli, 1965; *R. Fakkar*. Sociologie, Socialisme et Internationalisme pre-marxiste. L'influence de Saint-Simon. Neuchatel, 1968; *P. Ansart*. Saint-Simon. Paris, 1969; *idem*. Marx et l'anarchisme. Essais sur les sociologies de Saint-Simon. Proudhon et Marx. Paris, 1969; *idem*. Sociologie de Saint-Simon. Paris, 1970.

³⁴ Note des editeurs, — *Saint-Simon*, v. 1. Paris, 1966, p. 1.

³⁵ Наиболее характерны в этом отношении работы Манхепма и Л. Мэмфорда (*L. Mamford*. The Story of Utopies. New York, 1922), коллективный труд под ред. Ф. Манюзла (*Utopies and Utopian Thought*. Boston, 1966). Ср. *В. П. Шестаков*. Понятие утопии и современные концепции утопического. — «Вопросы философии», 1972, № 8.

³⁶ Ж. Дотри. Полное собрание сочинений Сен-Симона, стр. 258.

³⁷ *P. Arnaud*. Saint-Simon, le Saint-Simonisme et les Saint-Simoniens vus par Auguste Comte. — «Economies et sociétés», 1970, № 6.

В рамках позитивистской интерпретации сен-симонизма наряду с темой «Сен-Симон и Кюнт» в послевоенной зарубежной литературе видное место также занимают рассуждения о том, что Сен-Симон — предшественник современных теоретиков «индустриального общества», с их домыслами о «конвергенции», «технократии», «деидеологизации», «революции менеджеров» и т. д. Такие мысли особенно характерны для М. Дондо, Ф. Манюэла, Дж. Иггерса, П.-М. Шуля, Ф. Перру и 'Д. Физикеллы. Причем, работа последнего как бы объединяет сен-симонизм и континизм в понятии теории индустриального общества, противопоставляемой марксизму и реально существующему социализму.

Если отделить идеи Сен-Симона относительно всемерного развития производительных сил от его мыслей о коренном социальном преобразовании в интересах «самого бедного и самого многочисленного класса», если закрыть глаза на то, что он отмечал не только противоположность между феодалами и производителями, но также между собственниками и несобственниками, если, не обратив на это внимания, сделать главным «позитивным» основанием рассуждений утопическую мысль Сен-Симона о якобы едином классе производителей, то, подобно Ф. Перру, легко прийти к заключению, будто «бесклассовое общество по Сен-Симону... таково, из него изгнаны феодалы и все становятся производителями», будто само требование Сен-Симона о всеобщности труда и ассоциации трудящихся может быть истолковано как призыв к акту организованного коллективного творчества в рамках существующего капиталистического общества»³⁸.

Если «деидеологизировать» социологию, то придется вслед за П. М. Шулем утверждать, будто основное ядро идей Сен-Симона, который ввел понятие «индустриальный», ограничено требованием «передать власть индустриалам, производителям, помочь «ученым занять в обществе подобающее место», позаботиться «об улучшении судьбы бедняков»³⁹.

Если абсолютизировать известную формулу Сен-Симона «светская власть — производителям, духовная — ученым» и одновременно рассматривать ее автора как

основоположника позитивизма и индустриализма, то можно, подобно Д. Физикелле, дойти до мысли, что в позитивизме, который якобы неотделим от сен-симонизма, был «впервые сформулирован принцип заката идеологий в индустриальном обществе»⁴⁰.

Образ Сен-Симона как пионера теории индустриализма расцветает все новыми красками.

Последний пример тому — пять специальных выпусков журнала «Economies et societies» и хвалебная рецензия в газете «Le Monde»⁴¹. Все выпуски объединены общим заголовком «Сен-симонизм и ставка на индустрию в XIX—XX вв.», главная их тема — освещение различных аспектов «сен-симонистского индустриализма»⁴². А вот главный вывод, прозвучавший со страниц влиятельной буржуазной газеты: «Именно Сен-Симон сделал ставку на индустрию... Этот пророк индустриализма не принадлежит ни капитализму, ни социализму. Его доктрина предшествовала им, она может их заменить. Индустриализация их объединяет, синтезируя лучшее, что в них есть»⁴³.

Анализ социологических воззрений одного из предшественников научного социализма служит некоторым буржуазным авторам не только для уподобления сен-симонизма континизму и теории индустриализма, но нередко сопровождается прямыми антимарксистскими спекуляциями.

⁴⁰ D. Fisichella. Il poiere nella societa industriale, p. 351.

⁴¹ /. Lacroix. Saint-Simon et nous. «Le Monde», 21—22.X 1973.

⁴² Вот как проходит эта тема в каждом выпуске: D. Fisichella. Pouvoirs et politique dans la societe industrielle; L. Girard. Vaieur et permanence des themes saint-simoniens.— «Economies et societies», 1970, № 4; /. Walch. Michel Chevalier et la puissance productive du travail? B. Gille. Les saint-simoniens et le credit.— «Economies et societies», 1970, № 6; /. Walch. Les saint-simoniens et les grandes entreprises du XIX siecle.— «Economies et societies», 1970, № 10; /. Walch. La monnaie selon Michel Chevalier; E. James. Note sur les propositions de Michel Chevalier en matiere monetaire; R. B. Carlisle. Les chemins de fer, les Rothschild et les Saint-Simoniens; G. Taboulet. Le role des saint-simoniens dans le percement de l'isthme de Suez; B. M. Ratcliffe. Les Pereire et le saint-simonisme.— «Economies et societies», 1971, № 7; /. Walch. Sain-simonisme et philosophie de la civilisation; H. Guillemin. Croire en actes; /. Lacroix. Production et organisation selon Saint-Simon; F. Perroux. Une relecture de Saint-Simon: l'industrie et l'universalisation de la culture.— «Economies et societies», 1973, № 1.

⁴³ «Le Monde», 21—22.X 1973, p. 17.

³⁸ F. Perroux. Industrie et creation collective, p. 50, 55

³⁹ P. M. Schuhl. Henri de Saint-Simon, p. 447.

«В наши дни,— пишет автор «Предисловия» к специальным выпускам журнала «Economies et societies»,— когда обновление политической и социальной философии выступает как настоятельная необходимость, когда идеологические системы, базирующиеся на марксизме, больше не могут удовлетворить искренних сторонников прогресса, когда перед нами зияет пустота, созданная кризисом либеральной мысли, с новой силой проявляется интерес к истокам социальных и политических теорий, в том числе и к сен-симонизму»⁴⁴.

Обращение к истокам дает нынешним позитивистским интерпретаторам, в частности Ж. Вальшу, повод утверждать, будто «сен-симонизм содержит исторический материализм Маркса в зародыше. Но если немецкий реформатор отделяет экономический базис от идеологической надстройки, а некоторые марксисты весьма упрощенно объясняют историю, отвергая в ней всякую причинность, кроме той, которая связывает базис и надстройку, то Сен-Симон предоставляет возможность для более богатой и близкой к реальности интерпретации исторического процесса, выдвигая идеи о системе многочисленных и сложных причинных взаимосвязей между производством, социальными классами, руководителями общества, идеологией...»⁴⁵. С такой оценкой теоретического наследия Сен-Симона трудно согласиться уже хотя бы потому, что она основана на весьма поверхностном представлении о марксизме. Как известно, исторический материализм вовсе не ограничивает объяснение истории тем, что устанавливает связь между базисом и надстройкой, хотя, разумеется, и настаивает на первичности социально-экономического фактора по отношению к политике и идеологии.

Сен-Симон утверждал, подчеркивает Вальн, что изменения в обществе подчинены определенным законам, благодаря которым могут существовать позитивная общественная наука и позитивная политика. Эти утверждения позволили Сен-Симону «стать в глазах большинства социологов признанным отцом современной социоло-

гии»⁴⁶. Основное противоречие послереволюционной Франции, продолжает Вальн, Сен-Симон видит в том, что господствовавшая в ней система распределения собственности соответствовала интересам праздного аристократического класса. Законы общественного прогресса требуют, чтобы все работали. «Когда каждый будет трудиться на благо общества, сами собой установятся новые социальные порядки», возникнет «индустриальное общество», которое создаст иерархическую, научную организацию, социальное бытие и постепенно распространится на весь мир". Но это произойдет, если люди будут желать нововведений. Разжечь такие желания и обеспечить счастливое будущее человечества должна обновленная религия, новое христианство»⁴⁸.

По мнению Вальша, сен-симонизм не может быть назван утопическим социализмом, вопреки авторам, которые опираются на работу Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». Именно в этой брошюре, опубликованной в Париже в 1880 г., утверждается, что социологические учения, предшествовавшие марксизму, утопичны⁴⁹. Заметим сразу, что Вальша снова подводит недостаточное знание марксизма — ведь об утопическом социализме, в частности критическом-утопическом социализме Сен-Симона, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, например, в «Манифесте Коммунистической партии» в 1847 г., т. е. более чем за 30 лет до опубликования упомянутой работы Ф. Энгельса.

В силу своих высоких научно-теоретических достоинств и практического характера требований, полагает Вальш, сен-симонизм не может быть отнесен к числу утопий. По крайней мере, он не большая утопия, чем все остальные социалистические учения, включая марксизм, ибо в каждом из них есть и утопическое, и научное содержание⁵⁰. Если же, как мы читали выше, сен-симонизм, по Вальшу, теоретически «богаче и ближе к реальности», чем марксизм, то выходит, что К. Маркс — больший утопист, чем Сен-Симон и его ученики.

⁴⁴ Introduction.— «Economies et societies». 1970, № 4, p. 2—3.

⁴⁵ /. Walch. Qu'est ce que le saint-simonisme? Vues actuelles sur le saint-simonisme du XIX-e siecle.— «Economies et societies», 1970, № 4, p. 7—8.

⁴⁶ Ibid., p. 8.

⁴⁷ Ibid., p. 9, 10.

⁴⁸ Ibid., p. 11.

⁴⁹ Ibid., p. 17.

⁵⁰ Ibid., p. 18.

Сен-симонизм, по мнению Вальша, не был «социализмом в экономическом смысле», ибо не выступал за общность имуществ. Однако он был «социализмом в политическом и моральном смысле», ибо этим словом могут обозначаться социальные доктрины, стремящиеся к улучшению условий физического и морального существования обездоленных классов; именно эту цель и провозглашает сен-симонизм. «Политический и моральный социализм» может не совпадать с «социализмом экономическим», социализация может быть достигнута без коллективизации⁵¹, проще говоря, социализм, по Вальшу, осуществим в рамках капитализма. «Значительная часть сен-симонистской программы реализована,— пишет Вальш, открыто выражая свои идеологические устремления,— в западных обществах»⁵².

Интерпретация высказываний Сен-Симона о религии также весьма содействует распространению ложных представлений о социализме как форме религии и служит одной из исторических и идейных опор так называемого социального католицизма, католического социального обновления, воплощающегося ныне в деятельности христианских демократов и высших иерархов католической церкви.

Важно подчеркнуть, что если раньше клерикально настроенные историки решительно отрицались от любого намека на возможную идейную близость с социалистами-утопистами, то теперь мы все чаще замечаем, как великих мыслителей всеми правдами и неправдами они стараются перетянуть в свой лагерь: Томас Мор восхваляется как образцовый католик, святой, канонизированный католической церковью, как идеолог контрреформации, а его «Утопия» превозносится как плод «христианского гуманизма»; о Кампанелле пишут как о «философе католической реставрации», а Город Солнца изображают идеальным теократическим государством, отразившим будто бы извечную мечту великого калабрийца о всемирной монархии папы римского; труды Сен-Симона, Фурье, Оуэна рассматриваются как богословские трактаты, как священные книги новой религиозно-этической системы.

Отношение к трудам Сен-Симона как к непревзой-

денному образцу нового христианства вливается в общий ноток тех рассуждений об «утопизме», когда в утопическом социализме преувеличиваются его иррациональные, мистические, психоаналитические, мессианистические черты, когда выдвигается тезис об утопизме как особой форме двойственного, религиозно-рационалистического или мистически-рационального мышления.

Низведение утопического социализма до уровня религии и «утопизма» — одно из наиболее активных направлений в новейшей буржуазной литературе по истории общественной мысли. Оно требует самого пристального внимания и критической оценки, ибо создает искаженное представление о предшественниках научного социализма, используется для различных антимарксистских идеологических и политических спекуляций, для обоснования социального католицизма, а также некоторых новейших сюрреалистических и «левацких» концепций.

Религиозность и социальный мистицизм Сен-Симона — не новые темы в буржуазной историографии. Они рассматриваются, например, в работах Ж.-Ренье и Ж. Брюне⁵³. Однако особенно острый интерес к этим темам возник в связи с книгой Ж. Дюрозеля⁵⁴, которая стала на Западе одним из канонических трудов по истории социального католицизма. Она создавалась в 1944—1949 гг., когда во Франции и других странах с выходом христианско-демократических партий на политическую арену проблема генезиса социального христианства волновала как верующих, так и атеистов и становилась одной из наиболее серьезных в буржуазной историографии⁵⁵.

Избрав в качестве критерия социального католицизма отношение католиков и церкви к «новым проблемам, поставленным промышленной революцией», главным образом их отношение к пролетариям⁵⁶, автор говорит о

⁵³ /. *Regnier*. Les idées religieuses, politique et sociale de Saint-Simon. — «Nouvelle Revue», Janvier — février, 1903; /. *Brunet*. Le mysticisme social de Saint-Simon. Paris, 1923.

⁵⁴ /. *Duroselle*. Les débuts du catholicisme social en France (1822—1870). Paris, 1951.

⁵⁵ Некоторое представление о литературе, посвященной социальному христианству, дает доклад Р. Обера, представленный XIII Международному конгрессу исторических наук в Москве. См. *Р. Обер*. Социальное христианство. М., 1970.

⁵⁶ /. *Duroselle*. Les débuts du catholicisme social en France, p. 5.

⁵¹ /. *Watch*. Op. cit., p. 18.

⁵² Ibid., p. 19.

начале социального католицизма и его идейных связях с социализмом. Как известно, позиция католической церкви по «рабочему вопросу» была изложена только в 1891 г. в энциклике «*Regum novarum*» папы Льва XIII. Высказав соображение о том, будто появление этой энциклики было подготовлено многочисленными усилиями католиков, действовавших по личной инициативе, Дюрозель получил возможность принимать за проявление социального католицизма практически любое сочувственное выступление католика о рабочих и утверждать, что социальный католицизм и социализм развиваются одновременно и параллельно.

Дюрозель подчеркивает, что «социализм до 1848 г. пропитан христианской фразеологией, что многие социалисты называли себя христианами, а многие их труды, в том числе «Новое христианство» Сен-Симона, носили двусмысленные заголовки: «Народное евангелие», «Общественный катехизис», «Евангелие и республика». При этом делается оговорка: «Какой бы интерес ни представляли эти христианизированные социалисты, мы не будем смешивать их с социальными католиками»⁵⁷. К числу последних Дюрозель (в ту пору он был одним из инициаторов молодежного католического движения) относил лишь подлинных «католических активистов»⁵⁸. Несмотря на этот юношеский максимализм, Дюрозель вплетает в свое исследование «великих социальных реформаторов»⁵⁹, «великих основателей социализма»⁶⁰, в первую очередь Сен-Симона, хотя при всем желании их нельзя назвать, добавим от себя, ревностными католиками.

Связывая социализм и христианство, Дюрозель не делает различия между утопическим и научным социализмом и не принимает во внимание то обстоятельство, что революция конца XVIII в. привела во Франции к гибели феодального общества, к утверждению капитализма и тем самым породила великую социальную проблему современности — проблему рабочего класса, его социального и политического освобождения, социалистической революции и диктатуры пролетариата, а отнюдь не просто проблему избавления рабочих от нищеты.

Для автора словно не существует внутренней противоречивости самого понятия «социальный католицизм». Ведь основополагающим признаком всякой религии, в том числе католицизма, служит то, что в ней в фантастической форме происходит «перевод» проблем социальных в сферу духовно-этическую, подчинение социального религиозному, сакральному. Ф. Энгельс, говоря о первоначальном христианстве, подчеркивал, что «во всех классах должно было быть известное количество людей, которые, отчаявшись в материальном освобождении, искали взамен его освобождения духовного...»⁶¹.

Революционность первоначального христианства, его особенности как «религии рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»⁶² ни в малой мере не устранили его характера именно как религиозной идеологии. «И христианство, и рабочий социализм,— писал Энгельс,— проповедуют грядущее избавление от рабства и нищеты; христианство ищет этого избавления в посмертной потусторонней жизни на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества»⁶³. Всякие хилиастические ожидания реального «тысячелетнего царства на земле» или эсхатологические надежды на близкий конец прежнего мира означали известные отступления от религиозности, выдвигавшей на первый план спасение души, а не решение реальных социально значимых вопросов⁶⁴.

Любые земные социально-политические ориентации в христианстве, да и в любой другой религии, выступали как ересь, как сектантское бунтарство, как попытки «обратного» перевода социальных проблем из области религиозной в мир реальности. В этом свете «социальная доктрина», «улучшение социальных порядков», «христианизация общества», «социальное евангелие», «социальный католицизм» — не проявление некоей изначальной

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 312.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 167.

⁵⁹ Там же.

⁶⁴ Очень удачно, по нашему мнению, некоторые стороны проблемы взаимоотношения «духовного» и «земного» в христианстве освещаются в работе: М. К. Трофимова. Христианство и рабство (по данным новозаветной литературы).— В кн.: Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971.

⁵⁷ /. Duroselle. Lcs debuts..., p. 13.

⁵⁸ Ibid., p. 14.

⁵⁹ Ibid., p. 7.

⁶⁰ Ibid., p. 80.

сущности христианства, а обусловленное всем ходом социально-классовой и политической борьбы восприятие и приспособление социальных идей и требований, возникших вне религиозной идеологии и вопреки ей. Именно здесь кроется ключ к пониманию проблемы взаимоотношений социализма и «социального католицизма». Она вовсе не о том, будто социализм возникает в недрах христианства и на первых порах даже рядится в христианские одежды. Социализм, даже утопический, в противоположность религии прежде всего стремится, хотя до возникновения марксизма и ложными путями, к решению реальных, посюсторонних противоречий человеческого бытия. Католицизм становится «социальным» в той мере, в какой ему удается, оставаясь самим собой, поступиться своей религиозной сверхъестественной сущностью в пользу идей «социальных реформаторов», в том числе некоторых идей социалистов-утопистов.

Непосредственный объект исследований Дюрозеля — сочинения тех католиков, которых занимали социальные проблемы, главным образом судьба рабочего класса. Знакомство с их творчеством показало, что многие из них, особенно до 1848 г., основательно штудировали и пропагандировали идеи Сен-Симона.

Так «открытый» Дюрозелем религиозный мыслитель, причастный к социальному католицизму, Шарль де Ку (1787—1864)⁶⁵ опубликовал в «Revue de Bruxelles» в августе 1839 г. статью «Новые теории XIX века: сен-симонизм, Оуэн, Фурье», а в октябре — статью «История сен-симонизма»⁶⁶. Жозеф де Жерадо (1772—1842) — «настоящий католик» и «знаменитый идеолог начала XIX века»⁶⁷ — в своем главном труде весьма сочувственно пишет о Сен-Симоне⁶⁸. Филипп Бюше (1796—1865), которого Дюрозель считает «одним из подлинных предшественников социального католицизма»⁶⁹, является несомненным учеником Сен-Симона, видным деятелем сен-симонистской школы. Дюрозель выражает сожаление, что Бюше не было посвящено специальной монографии⁷⁰.

⁶⁵ /. Durosette. Les debuts..., p. 40—59.

⁶⁶ Ibid., p. 55.

⁶⁷ /. M. Gerado. De la Bienfaisance publique. Paris, 1839.

⁶⁸ Ibid., p. 71—74.

⁶⁹ /. Durosette. Les debuts..., p. 14.

⁷⁰ Ibid., p. 81.

Он приходит к выводу, что «при посредничестве Бюше идеи Сен-Симона, правда, очень глубоко измененные, оказали значительное влияние на некоторых католиков»⁷¹. Видный деятель католического движения, известный писатель Ф. Озанам (1813—1853)⁷² свое первое сочинение по социальному вопросу озаглавил: «Суммарное изложение учения Сен-Симона»⁷³. Дюрозель приводит и некоторые другие примеры, свидетельствующие об освоении социальным католицизмом первой половины XIX в. идейного наследия Сен-Симона⁷⁴.

Таким образом, в книге Дюрозеля Сен-Симон изображен одним из идейных наставников социального католицизма, во всяком случае мыслителем, стоявшим у его истоков. Тем самым автор как бы канонизировал великого социалиста-утописта, благословил дальнейшие исследования его творчества, призвав, в частности, к написанию монографии о сен-симонисте Бюше. При этом Дюрозель словно не замечает, что эта канонизация противоречит его собственному представлению о первичности религиозного, христианского начала и в социальном католицизме, и в социализме. Сглаживание этого противоречия, дальнейшая разработка тезиса о христианской первооснове социализма стало одной из важнейших задач единомышленников Дюрозеля. Именно с решением этой задачи связано стремление изобразить великого социалиста-утописта религиозным мыслителем.

Труды Ф. Изамбера⁷⁵ — не только ответ на призыв Дюрозеля написать о Бюше монографию, они — новая, весьма изощренная попытка использовать творчество Сен-Симона для укрепления позиций социального христианства. Изамбер начинал как социолог⁷⁶, ныне он один из руководителей журнала «Archives de sociologie

⁷¹ Ibid., p. 120.

⁷² Ibid., p. 165—175.

⁷³ Ibid., p. 167.

⁷⁴ Ibid., p. 252, 406.

⁷⁵ F. A. Isambert. De la Charbonnerie au saint-simonisme. Etude sur la jeunesse de Buchez. Paris, 1966; *idem*. Politique, religion et science de Thomme chez Philippe Buchez (1796—1865). These principalee presentee pour le Doctorat es Lettres. Paris, 1967. В дальнейшем мы будем ссылаться именно на эту работу, так как она включает наиболее важные разделы предыдущей.

⁷⁶ F. A. Isambert. Christianisme et classe ouvriere. Jalons pour une etude de sociologie historique. Paris, 1961.

des religions». Это не просто придает его историческим штудиям столь модный ныне «социологический» аромат, но и вдохновляет на дерзкий замысел пересмотра традиционной генеалогии французской буржуазной социологии. Изамбера не устраивает схема, в которой центральное место занимает Конт, Сен-Симону отводится роль его прямого предтечи, а Дюркгейм с учениками выступают единственными законными его наследниками. Автор предлагает другую схему, в центре которой располагается «продолжатель Сен-Симона и соперник Опоста Конта» — социальный католик Филипп Бюше»⁷⁷.

Ниже мы подробно расскажем о работах Ф. Изамбера, сейчас лишь отметим, что важным элементом созданной им схемы является мысль о будто бы доказанном подобии теологических и «научно-религиозных» концепций Бюше и Сен-Симона. В угоду этой же схеме Изамбер пытается придать всему наследию великого социалиста-утописта характер обновленного христианства как вероучения, способного учитывать социальный и научный прогресс и рассматривать труд человека как связь его с богом. Изамбер канонизирует Сен-Симона более тонко и внешне более убедительно, чем Дюркгейм, хотя и обходится без развернутого анализа отношения Сен-Симона к религии.

Этот вопиющий пробел в теоретико-социологическом обосновании социального католицизма пытается восполнить философ А. Дерош. Именно он издал книгу, на обложке которой значится: «А. де Сен-Симон. Новое Христианство и сочинения о религии, избранные и представленные Анри Дерошем»⁷⁸. Уточним сразу, что ни одно из сочинений Сен-Симона не опубликовано полностью, дана лишь искусная подборка отрывков. Замысел Дероша лучше всего выражен им самим: «Что нужно, чтобы закончить революцию»? Необходимо новое знание. «Новая энциклопедия», которая приведет к созданию «науки о человеке». Необходима новая власть, власть... «трудящейся нации», «управляемой как можно меньше для достижения наивысших результатов. Необходима

новая воля, воля, исходящая из страсти, питаемой общим представлением о прекрасном, ибо «только люди, обладающие воображением, выступят зачинателями движения». Новое христианство будет синтезом этого знания, этой власти, этой воли»⁷⁹. Взятые в кавычки Дерошем слова действительно были написаны Сен-Симоном. Однако нужно обладать чрезвычайно большим воображением, чтобы их истолковать в религиозном духе.

В таком стиле выдержана вся книга — обширное Введение⁸⁰, тексты, заголовки и пояснения. Все части публикации согласуются и точно соответствуют не только идейному содержанию, но даже композиции Введения. Так, например, рубрики, по которым подбираются отрывки из сочинений Сен-Симона, дублируют заголовки и основные тезисы Введения Дероша. Такое форсированное «подтягивание» источника к концепции публикатора весьма показательно. Дерош не просто довольствуется отрывками, но и оставляет вне поля зрения важнейшие атеистические высказывания Сен-Симона, ибо они представляются издателю несущественными. Об атеизме автора «Нового христианства» говорится мимоходом и в высшей степени двусмысленно. Дерош отмечает, что «религиозная система» Сен-Симона не была теизмом⁸¹ и, «по-видимому, обходится без бога»⁸², что ее создатель был «в некотором отношении атеистом, хотя скорее слышущим таковым, чем стремящимся таковым быть»⁸³.

А вот вывод из этих вынужденных, как бы нехотя сделанных признаний: «Если атеизм и есть отрицание бога, то он никогда не приводил Сен-Симона к отказу, если не от религии, то по меньшей мере от ее эквивалента»⁸⁴. Таков опорный тезис книги, именно он служит делу дальнейшей канонизации «религиозного мыслителя» Сен-Симона. Тезис, однако, очень шаткий, ибо религия без бога перестает быть религией. То обстоятельство, что вполне «мирские» воззрения могут использо-

⁷⁹ Ibid., p. 4.

⁸⁰ H. Desroche. Introduction. Genese et structure du Nouveau Christianisme saint-simonien.— In: H. de Saint-Simon. Le nouveau christianisme et les écrits sur la religion. Paris, 1969, p. 5—14.

⁸¹ Ibid., p. 6.

⁸² Ibid., p. 41.

⁸³ Ibid., p. 27.

⁸⁴ Ibid., p. 28.

⁷⁷ F. A. Isambert. Politique, religion et science de l'homme chez Philippe Buchez, p. 8.

⁷⁸ H. de Saint-Simon. Le nouveau christianisme et les écrits sur la religion. Paris, 1969.

вать старую религиозную терминологию, ни в коей мере не отменяет повторенного нами трюизма. Никто не станет оспаривать ни наличия у Сен-Симона религиозной фразеологии, ни стремления использовать ее для пропаганды собственных идей, которые К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» охарактеризовали как критически-утопический социализм. Было бы нелепо также отрицать положительные отзывы Сен-Симона о роли христианства в истории. Возражения вызывают попытки Дероша представить сен-симонизм как некую абстрактно-социологическую и одновременно религиозную, религиозно-этическую, сакрально-эстетическую систему, которой будто бы ничуть не мешает атеизм Сен-Симона.

«Новому христианству» Дерош, конечно, отводит центральное место, хотя нельзя, оставаясь на почве фактов, свести все богатство наследия Сен-Симона к его неоконченному, созданному на исходе жизни, опубликованному за месяц до смерти сочинению и говорить об этом последнем как о «манифесте общей социальной науки, одновременно поэтической, теоретической и критической, отвечающей духу христианства, вернее, духу современного христианства, предшественниками которого выступали феодальный католицизм и буржуазный протестантизм»⁸⁵. Возможность построения такой социально-религиозной системы с «Новым христианством» в качестве ее наиболее аутентичного воплощения Дерош обосновывает тем, что в произведениях Сен-Симона будто бы множатся и крепнут связи между «социологией политики и социологией религии»⁸⁶. Издатель подходит к его творчеству как к «единой партитуре, в которой финальная тема, тема «Нового христианства», как реприза, как эхо, упрямо врывается в тему начальную, тему «Писем женевского обитателя», словно если бы и последние такты этого сочинения были лишь вариациями и модуляциями темы, прозвучавшей с первых же аккордов»⁸⁷.

Религиозность данной партитуры обязана, по мнению Дероша, прежде всего стремлению Сен-Симона к «об-

щественному благу», к «личному счастью и славе»⁸⁸. Эти страсти действительно были присущи Сен-Симону. Но почему человеческие чувства, мир эмоционального является исключительным доменом религии? Достигается эта религиозность далее тем, утверждает Дерош, что Сен-Симон взывал к способностям человека, противопоставляя их общественным властям, славу человека видел в развитии его способностей, а славу человечества — в переустройстве на этой основе планеты, «вплоть до восстановления на ней рая»⁸⁹. Именно здесь кроется сакральный опыт человечества и «стирается» различие бога и не-бога, жизни религиозной и жизни политической⁹⁰. Здесь коренятся, кроме того, принципы этики или земной морали, а также эстетики или средства побуждения людей к действию. Переустройство выступает как «создание антиприроды», труд людей — как «акт коллективного творения», вселенная наделяется посюсторонней моралью, а все это вместе взятое сопровождается глобальной литургией, праздниками воспоминаний о пройденном пути и надежд на дальнейшее совершенствование. В труде созидается, а в праздниках грезится нечто достойное и воспринимаемое как сверхприрода его собственного существования⁹¹.

Столь же надуманны детали этой вдохновенно творимой Дерошем — а не Сен-Симоном — религиозной партитуры. Жизнь самого Сен-Симона, его творчество, «Новое христианство» воплощают у Дероша несколько рядов троичности. Человек в сен-симонизме выступает как ученый, производитель материальных благ, художник, что уподобляется понятиям *homo sapiens*, *homo faber*, *homo ludens*. Эти три лика единого человека соответствуют трем фазам творчества: «социальная физика» и наука о человеке, «индустриальная система» и наука о коллективном творении сверхприроды, этика и эстетика с представлениями о «земной морали» и о «новом культе», неразрывно связанном с искусством будущего.

Три фазы творчества кумулятивны и опираются на три пласта жизненного опыта Сен-Симона — воспомина-

⁸⁵ H. Desroche. Introduction, p. 141.

⁸⁶ Ibid., p. 7.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ Ibid., p. 8—9.

⁸⁹ Ibid., p. 9.

⁹⁰ Ibid., p. 10.

⁹¹ Ibid., p. 11, 12.

ния детства и знакомство с идеями просветителей, освоение уроков Американской революции, осмысление политических и религиозных событий Французской революции. Иногда три фазы творчества называются тремя моментами движения социологии Сен-Симона — «социологии науки, основанной на физицизме, а затем на социальной физиологии; социологии действия, основанной на индустриализме «трудящейся нации»; социологии человека и мира, основанной на «общей страсти». Что касается трех ипостасей человека, то они подчас рассматриваются лишь как эмблемы, а не определения соответствующих понятий⁹².

Вся схематичность этой назойливо навязываемой тричности очевидна. Если говорить о наиболее вопиющих ее огрехах, то придется, следуя логике Дероша, напомнить о категории «общественный человек», о критике Сен-Симоном «феодально-теологической» и нарождающейся капиталистической системы, об осуждении эксплуатации человека человеком, о понимании, хотя и частичном, значения экономики в жизни общества, классовой его структуры, предвосхищении отдельных черт будущего общества. Придется напомнить также о том, что жизненный опыт Сен-Симона не исчерпывается Французской буржуазной революцией конца XVIII в., а был обогащен последующими событиями, связанными с промышленным переворотом, буржуазной контрреволюцией, наполеоновскими войнами, реставрацией Бурбонов и феодально-абсолютистской реакцией в экономической, политической и идеологической областях.

Любая из ипостасей упомянутых троиц описывается Дерошем столь же тенденциозно. О первом лике жизненного опыта рассказано как о поиске Сен-Симоном «общей науки», «общей морали», «общей идеи», «новой Энциклопедии», которая в отличие от «Энциклопедии» просветителей будет ставить перед собой задачу не разрушения старой общественной системы, а создание новой. Сам этот поиск Дерош трактует как проявление религиозности. Употребление Сен-Симоном в некоторых случаях слова «религия», «бог» вместо понятий «общее знание», «общая идея» и т. д., а также его ошибочная мысль о том, что в целях успешного распространения

научной истины среди малообразованных людей ей необходимо придать традиционную форму религии, сообщают некую внешнюю убедительность рассуждениям Дероша. Но только внешнюю, не более, ибо от Просвещения Сен-Симон на всю жизнь получил заряд атеизма, неукротимой ненависти к «теологической системе», завидной способности даже несбыточные планы мыслить как нечто реальное, земное в отличие от религиозных людей, склонных самое обыденное, «здешнее» выдавать за трансцендентное.

Стремление Сен-Симона к синтезу знания может быть рассмотрено как его страсть⁹³. Дерош повторяет рассуждения о религиозности эмоций. Вообще прихотливое пересечение разных рядов тричности и ипостасей, обращение к архаичной лексике — характерные черты работ Дероша. Лишь иногда в эту изысканную религиозную полифонию бесцеремонно врываются звуки прославленного галльского здравомыслия. Несколько неожиданно это происходит, например, при описании жизненного опыта Сен-Симона, полученного в Американской революции. Она у Дероша — «пролог, почти годы ученичества для революции французской»⁹⁴. Известно, однако, что связь между двумя событиями мировой истории была не столь прямолинейной. В обобщение Дероша не вписываются ни внутренние причины революции во Франции, ни сложность мотивов, побуждавших ее подданных участвовать на стороне повстанцев, в американской войне за независимость (необходимо, в частности, учитывать стремление господствующих классов Франции вернуть потерянные владения в Северной Америке и нанести поражение Англии, которой они перешли)^{94а}. По словам Дероша, именно в «американской нации, нации мирной, трудолюбивой, хозяйственной, свободной от религиозной дискриминации, догматизма и пут феодализма» Сен-Симон нашел все предпосылки для выработки своей концепции «индустриализма», своего подхода к политике как науке о производстве, соединенной с наукой о свободе, своего представления о «трудящейся нации». В данном случае

⁹³ Ibid., p. 20.

⁹⁴ Ibid., p. 21.

^{94а} См. М. Н. Захарова. Война США за независимость и Франция. — «Вопросы истории», 1974, № 7.

наибольшие возражения вызывает даже не сама абсолютизация одного факта в ущерб другому (например промышленной революции в Англии), а то, что она может создать впечатление о социально-политическом идеале Сен-Симона как о простой проекции буржуазных американских порядков.

Опыт, вынесенный Сен-Симоном из Французской революции, Дерош описывает в привычном религиозно-мистическом духе. По его мнению, Сен-Симон воспринимал революцию и как «праздник надежды», и как порождение разрушительной революционной страсти, не совпадающей с его собственными представлениями о всеобщем воодушевлении народа-творца, обретающего новое единство и новую веру в акте коллективного созидания⁹⁵. Рассуждения Дероша не только крайне пристрастны, они не соответствуют уровню научных знаний о том, как Сен-Симон относился к Французской революции, в чем легко убедиться, пролистав, например, исследования Ж. Дотри или А. Гуйе, или даже старую книгу Г. Юббара⁹⁶.

Изложив свое понимание жизненного опыта Сен-Симона, Дерош снова возвращается к его религиозной системе и повторяет несколько в иных выражениях все то, что им уже говорилось о религиозности знания, о страсти, о религии труда «как перетворении сотворенного», «превращении нынешнего общества в царство Спасителя, земного шара в рай»⁹⁷, о необходимости религиозной формы знания для малообразованных людей («Сен-Симон не верил в бога, но верил, что другие должны в него верить»)⁹⁸, об общей страсти, общей воле, общей морали, общей эстетике⁹⁹, о «Новом христианстве»¹⁰⁰ как вершине творчества Сен-Симона.

Книга Дероша завершила канонизацию Сен-Симона как социально-религиозного мыслителя. Наряду с другими работами¹⁰¹ она активно содействует распространению научно несостоятельного представления об

⁹⁵ М. Н. Захарова. Указ. соч., стр. 25—26.

⁹⁶ G. Hubbard. Saint-Simon, sa vie et ses travaux.

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Ibid., p. 29—32.

⁹⁹ Ibid., p. 36—40.

¹⁰⁰ Ibid., p. 40—44.

¹⁰¹ См., например: H. Desroche. Messianisme et Utopies. Note sur les origines du socialisme occidental.— «Archives de sociologie des

утопическом социализме как форме религии и служит делу исторического и теоретического обоснования социального католицизма.

После трудов Дюрозеля, Изамбера и Дероша о религиозности Сен-Симона охотно заговорили авторы публицистических статей. Так Ж.-Лакруа¹⁰² и Ж. Казанёв¹⁰³ продолжают — если не сказать, повторяют — своих предшественников. Лакруа, например, отмечает, что Базар и Анфантен, желая превратить сен-симонизм в «церковь», нередко искажали мысль учителя, но первоначальный религиозный импульс они получили от самого Сен-Симона¹⁰⁴, рассматривающего общество как экономическую и одновременно как духовную сущности. Эти две сущности неразрывны и обуславливают друг друга, они равны, как два аспекта той же реальности, а не являясь базисом и надстройкой. Религия, искусство, философия порождают определенный тип общества, определенный же тип общества порождает религию, искусство, философию¹⁰⁵. В своем учении о человеке Сен-Симон всегда подчеркивал роль чувств. Религия и искусство обладают силой, которую надо использовать для развития человека.

И далее Лакруа пересказывает рассуждения, знакомые нам по работам его предшественников, и находит для их пропаганды краткие запоминающиеся формулы: Сен-Симон хотел «основать новую религию, религию человечества»¹⁰⁶; по мнению Сен-Симона, «истина христианства вечна»¹⁰⁷. «Новое христианство» предусматривает модернизацию религии, сочетание «академизма и утилитаризма», оно должно реализовать интересы производства¹⁰⁸, «сохранить священников», поддерживать «вечный мир между народами и классами»¹⁰⁹; «без ре-

religions», 1959, № 8; *idem*. Fourierisme ambigu. Socialisme ou religion.— «Revue internationale de philosophie», 1962, № 60.

¹⁰² /. Lacroix. Les idées religieuses et esthétiques de Saint-Simon.— «Economies et sociétés», 1970, № 4.

¹⁰³ /. Gazeneuve. Saint-Simon et la mutation religieuse.— «Economies et sociétés», 1970, № 4.

¹⁰⁴ /. Lacroix. Les idées religieuses..., p. 86—87.

¹⁰⁵ Ibid., p. 87.

¹⁰⁶ Ibidem.

¹⁰⁷ Ibid., p. 89.

¹⁰⁸ Ibid., p. 91.

¹⁰⁹ Ibid., p. 91—92.

лигии и служителей культа немыслимо никакое общество»¹¹⁰.

«Ныне повсюду стоит вопрос,— пишет Лакруа в заключении,— о приспособлении христианства к современному миру. Обсуждают, например, проблему превосходства «пастырского» над «догматическим», любви над знанием. Сен-Симон осуждал теологов, но, читая некоторые так называемые теологические сочинения, можно подумать, что их писал Сен-Симон, словно он занимался теологией. Хотят того или нет, но именно Сен-Симон поставил проблему «обновленчества», ту проблему, которая христианской церковью еще полностью не решена»¹¹¹. Что же, идейный замысел автора сформулирован предельно четко.

В этом же духе написана статья Ж. Казанёв. По его мнению, Сен-Симон считал религию одной из основ своей социальной философии. Обращение к новому христианству объяснялось у него, во-первых, соображениями этическими: будущее общество можно построить лишь на новой морали, а принцип этой морали должен быть трансцендентным; во-вторых, потребностями философско-научными, ибо общество беспрерывно прогрессирует и, следовательно, нуждается в религии, всецело связанной с откровением, но способной к эволюции. Поэтому у Сен-Симона верность христианству, признание его божественности сочетаются с призывом к религиозному обновлению.

Последняя работа великого мыслителя требует не столько новой религии, сколько глубокого преобразования самой религиозности при сохранении божественного характера учения Христа¹¹². Преобразование должно быть осуществлено господствующими классами мирным путем. Оно выступает у Сен-Симона как альтернатива классовой борьбе, с которой связывает свои социальные чаяния К. Маркс¹¹³. Оно отвергает протестантизм как ретроградную попытку возврата к принципам раннего христианства¹¹⁴ но по отношению

к католицизму занимает более сложную позицию и содержит равновеликую возможность либо основания новой христианской религии, либо нового реформирования католицизма. Анфантен пошел по первому пути, Бюше — по второму¹¹⁵.

Такова суть концепции Ж.- Казанёв. Излагая ее, он высказывает, как Ж. Лакруа, ряд «истин». «Ничто не позволяет утверждать, что Сен-Симон на самом деле не верил в вечную жизнь»¹¹⁶. По нашему мнению, позволяет атеизм великого социалиста-утописта. «Как бы ни было, Сен-Симон хотел узаконить свою социологию с помощью религии»¹¹⁷. Это неточно — он хотел временно использовать религию для пропаганды и претворения в жизнь истины, которая в его представлении была научной.

Таковы основные тенденции позитивистских и социально-католических толкований творчества Сен-Симона.

3. К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, В. И. ЛЕНИН О КРИТИЧЕСКИ-УТОПИЧЕСКОМ СОЦИАЛИЗМЕ СЕН-СИМОНА

Основоположники научного социализма уделяли большое внимание наследию Сен-Симона. Приведем некоторые высказывания Маркса, Энгельса и Ленина о французском мыслителе, оговорившись, что проблема «Сен-Симона и Маркс» должна стать предметом особого исследования, и отослав читателя к имеющимся обобщающим материалам¹¹⁸.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс посвятили Сен-Симону и сен-симонистам особый раздел. Он представляет не только научную значимость сам по себе, но и как свидетельство того, что оценка Сен-Симона основоположниками научного социализма опирается на глубокое знание ими подавляющего большинства его сочинений, знание сен-симонистской прессы,

¹¹⁰ /. Lacroix. Les idees religieuses..., p. 95.

¹¹¹ Ibid., p. 101.

¹¹² /. Gazeneuve. Saint-Simon et la mutation religieuse, p. 124—125.

¹¹³ Ibid., p. 126.

¹¹⁴ Ibid., p. 127.

¹¹⁵ Ibid., p. 128.

¹¹⁶ Ibid., p. 129.

¹¹⁷ Ibidem.

¹¹⁸ См. М. Баскин. К. Маркс и утопический социализм.— «Под знаменем марксизма», 1938, № 4; Ю. А. Воробьев. Критика К. Марксом утопического социализма. М., 1950; И. И. Зильберфарб. Социальная философия Шарля Фурье. М., 1964.

трудов Базара, Анфантена и других социалистов-утопистов, книг, посвященных утопическому социализму в целом¹¹⁹.

В статье Ф. Энгельса «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» сказано, что во Франции после Бабефа «поборником социального преобразования был граф Сен-Симон», что «странности и чудачества сен-симонистов стали очень скоро жертвой французского остроумия» и что учение «сен-симонистов было окутано туманом непонятного мистицизма... их экономические принципы также не были безупречны; доля каждого из членов их общин в распределении продуктов определялась: во-первых, количеством произведенной им работы и, во-вторых, обнаруженным им талантом...»¹²⁰.

Сен-Симон характеризуется здесь, с одной стороны, как «поборник социального преобразования», сторонник социального, действительного равенства, т. е. коммунизма, а с другой, внимание обращено на весьма серьезные «странности и чудачества» людей, связавших себя с его именем.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс сурово критикуют суждения К. Грюна о Сен-Симоне. Они расценивают их как пример научной недобросовестности¹²¹ и решительно отвергают его домысл, будто «сен-симонизм содержит в себе научный социализм». То обстоятельство, что «Сен-Симон всю свою жизнь провел в поисках новой науки», не дает для таких утверждений ни малейших оснований¹²².

Как уже отмечалось, в «Манифесте Коммунистической партии» идейное наследие Сен-Симона отнесено¹¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 496—514. Фактические данные по этому вопросу см., например: С. З. Левиова, И. М. Синельникова. Рукописное наследие Маркса в области истории; В. М. Далин, Н. И. Непомнящая. Исторические книги в библиотеке Маркса.— В кн.: «Маркс-историк». М., 1968; Marxens Notizbücher in den Jahren 1844—1847. Marx-Engels Gesamtausgabe, Bd. V, Berlin, 1960; G. Gurvitch. Saint-Simon et Marx.— «Revue Internationale de philosophie», 1960, XIV, № 53—54, p. 399—419; Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels. Schicksal und Verzeichnis einer Bibliothek. Dietz, Berlin, 1967; M. Rubel. Saint-Simonisme et marxisme.— «Economies et sociétés», № 6.

¹²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 527.

¹²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 500.

¹²² Там же, стр. 507.

к «критически-утопическому социализму и коммунизму». Маркс и Энгельс указывали, что «собственно социалистические и коммунистические системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д. возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией»¹²³. Таким образом, в «Манифесте» четко выражено понятие «утопический социализм», указаны социально-экономические истоки его формирования и связанные с ними особенности. «Изобретатели этих систем,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— правда, видят противоположность классов, так же как и действие разрушительных элементов, внутри самого господствующего общества. Но они не видят на стороне пролетариата никакой исторической самостоятельности, никакого свойственного ему политического движения»¹²⁴. В то время, когда эти системы возникают, «развитие классового антагонизма идет рука об руку с развитием промышленности», поэтому их создатели «не могут еще найти материальных условий освобождения пролетариата и ищут такой социальной науки, таких социальных законов, которые создали бы эти условия». Дальнейшая история всего мира для социалистов-утопистов соответственно сводится к пропаганде и осуществлению их планов¹²⁵. Авторы систем утопического социализма желают встать над антагонизмом, между пролетариатом и буржуазией и «улучшить положение всех членов общества». «Правда, они сознают, что в этих своих планах защищают главным образом интересы рабочего класса как наиболее страдающего класса. Только в качестве этого наиболее страдающего класса и существует для них пролетариат»¹²⁶. В сочинениях этих авторов «содержатся также и критические элементы, они «нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих»¹²⁷.

Итак, представители критически-утопического социализма «нападают на все основы существующего общества».

¹²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 455.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же, стр. 455, 456.

¹²⁷ Там же, стр. 456.

ва», «видят противоположность классов», «защищают главным образом интересы рабочего класса», ищут «социальную науку», «социальные законы»./Вместе с тем они «не могут еще найти материальных условий освобождения пролетариата», не видят его исторической роли, «считают себя стоящими высоко над классовым антагонизмом», «отвергают поэтому всякое политическое или революционное действие», апеллируют ко всему обществу... и даже преимущественно — к господствующему классу».

«Их положительные выводы насчет будущего общества..., уничтожение противоположности между городом и деревней, уничтожение семьи, частной наживы, наемного труда, провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством... выражают лишь необходимость устранения классовой противоположности, которая только что начала развиваться и была известна им лишь в ее первичной бесформенной неопределенности. Поэтому и положения эти имеют еще совершенно утопический характер»¹²⁸.

Таким образом, ни Сен-Симон, ни Фурье, ни Оуэн не могут рассматриваться только как социалисты или только как утописты. Они были социалистами-утопистами во всей диалектической неразрывности этого важнейшего научного понятия. Их творчеству присущи не только отдельные, особые «утопические» черты. Даже принципам и положениям, реально отражающим историческую действительность и свидетельствующих о развитии социализма от утопии к науке, они придавали утопический, т. е. ненаучный, характер. Именно в этом контексте становится особенно понятным известное положение Ф. Энгельса: «Немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно»¹²⁹.

Возникают эти системы в начальный период развития капитализма, «когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет собой поэтому свое собственное положение еще фантастически», они возникают «из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества»¹³⁰. Важнейшую методологическую ценность имеет указание о том, что «значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию», что «если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты»¹³¹.

Для К. Маркса и Ф. Энгельса характерно глубокое уважение к Сен-Симону. В «Немецкой идеологии» К. Грюн получает суровую отповедь за то, что превратил в ряд причуд «кипучую деятельную жизнь Сен-Симона» и искажил его взгляды¹³². Ф. Энгельс говорил о «ярких искрах гения у Сен-Симона»¹³³, относил его к числу «трех великих утопистов»¹³⁴.

Для понимания термина «критически-утопический социализм» большое значение, как нам кажется, имеют некоторые положения «Писем из „Deutsch-Französische Jahrbücher“». К. Маркс говорил о преимуществах «нового направления» общественной мысли, направления, с которым он связывал себя: «...преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир... Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен не есть наше дело, то тем определеннее мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем, — я говорю о *беспощадной критике всего существующего...*» К. Маркс формулирует и другой важнейший принцип нового направления: «Критик не только может, но и должен касаться... политических вопросов (кото-

¹³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 456.

¹³¹ Там же.

¹³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 500.

¹³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 527.

¹³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 191.

¹²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 456.

¹²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 498—499.

рые завзятому социалисту кажутся не стоящими никакого внимания)... Ничто не мешает нам... связать нашу критику с критикой политики, с определенной партийной позицией, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с действительной борьбой»¹³⁵.

В «Нишете философии» Маркс указывает на важнейший аспект партийности позиции в общественной мысли. «Точно так же, как экономисты служат учеными представителями буржуазного класса, социалисты и коммунисты являются теоретиками класса пролетариев»¹³⁶.

Таковы были некоторые критерии К- Маркса для «нового направления», они влияли и на его оценку предшествующих теорий. Критика Сен-Симоном, Фурье и Оуэном социальной действительности, их попытки разобраться в классовой структуре общества, их готовность защищать интересы пролетариата, их дерзкие намерения создать науку об обществе не могли не вызывать сочувствия и уважения основоположников научного социализма. Отсюда вытекала формулировка «Манифеста Коммунистической партии» о принадлежности теорий названных мыслителей к «собственно социалистическим и коммунистическим системам», отсюда слово «критический» (первая составная часть понятия «критически-утопический социализм») при описании их идейного наследия. Что касается второй части понятия — «утопический»,TM она была связана, главным образом, с тем, что Сен-Симон, Фурье, Оуэн рассматривали пролетариат как страдающий класс, а не как творца нового общества, и к политической, в особенности революционной, борьбе относились отрицательно, деятельность свою сводили к пропаганде созданной ими «социальной доктрины».

В работах «Развитие социализма от утопии к науке» и «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс дал классическую формулировку общественно-политических предпосылок утопического социализма XIX в., определил его отличие от «аскетически сурового спартанского коммунизма XVI—XVIII вв.».

Представление о развитии утопического социализма.

о его особенностях на разных этапах требует не переносить механически марксистские положения об утопическом социализме XIX в. на утопический социализм XVI—XVIII вв. и служит ориентиром при решении вопроса, почему критерии, годные для раннего утопического социализма, недостаточны для критически-утопического социализма XIX в.

/'Скажем, принцип «общности имущества», определяющий для теорий утопического социализма XVI—XVIII вв.,— неприменим к творчеству Фурье: «...в фурьеризме есть одна, и притом очень важная, непоследовательность: он не отменяет частной собственности. В его фаланстерах, или ассоциативных хозяйствах, существуют богатые и бедные, капиталисты и рабочие. Собственность всех членов образует акционерный фонд, фаланстер занимается торговлей, земледелием и промышленностью, а доходы распределяются между членами: одна часть в качестве оплаты за труд, другая — в качестве вознаграждения за мастерство и талант и третья — как прибыль на капитал»¹³⁷. Сторонником общности имущества не был и Сен-Симон.

Это утопическая, ненаучная сторона их творчества, их критически-утопического социализма, главной чертой которого выступает критика реально существующего капитализма, поиск его альтернативы с точки зрения улучшения положения самого многочисленного и самого бедного класса.

Итак, система Сен-Симона определяется К. Марксом и Ф. Энгельсом как «критически-утопический- социализм», как одно из его направлений XIX в. Их отзывы, в том числе отрицательные, о конкретных сторонах его творчества, полностью отвечают этой характеристике. Анализ «Писем женевского обитателя» убедил К- Маркса и Ф. Энгельса, что их автор делит человечество на три класса: во-первых, на ученых и артистов и всех людей с либеральными идеями, во-вторых, на противников новых учений, т. е. собственников, поскольку они не при- мыкают к первому классу, в-третьих, на все «остальное человечество, присоединяющееся к лозунгу: «Равенство»¹³⁸.

¹³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 379.

¹³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 146.

¹³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 529.

¹³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 502.

Уже в этом сочинении Сен-Симона содержится важнейший принцип: работать должны все. Этот принцип получил развитие и в других его трудах¹³⁹. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивают, что, рассматривая в «Письмах» общественные явления, Сен-Симон стоит на точке зрения абстрактной науки.

«Политический катехизис промышленников» вновь привлекает внимание Маркса и Энгельса к тому, как представлялось Сен-Симону деление общества на классы. «В «Катехизисе», — подчеркивают они... — дается деление на три класса: *classes feodales, intermediaire et industrials*¹⁴⁰. Причем «к промышленникам, кроме рабочих, относятся и *fabricants, negotiants*, словом — *все действительные капиталисты*, к которым он даже преимущественно и обращается»¹⁴¹.

В работе Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» эти наблюдения получают развернутую формулировку: «В голове Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными». Праздными являлись не только представители прежних привилегированных сословий, но и все те, кто, не принимая участия в производстве и торговле, жил на свою ренту. А «рабочими» были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы и банкиры»¹⁴².

Уже в «Немецкой идеологии» отмечено, что эпиграфом к работе Сен-Симона «Индустрия» служат следующие слова: «Все через производство, все для него»¹⁴³. В «Развитии социализма от утопии к науке» Ф. Энгельс возвращается к этому: «В 1816 г. Сен-Симон объявляет политику наукой о производстве и предсказывает полное поглощение политики экономикой... Если здесь понимание того, что экономическое положение есть основа политических учреждений, выражено лишь в зародышевой форме, зато совершенно ясно высказана мысль, что политическое управление людьми должно

превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства...»¹⁴⁴.

В «Развитии социализма от утопии к науке» дается высокая оценка и работам Сен-Симона 1814—1815 гг. об условиях мирного развития и процветания Европы¹⁴⁵. Здесь же содержится высказывание о том, что у Сен-Симона «рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное»¹⁴⁶. Напомним, что эти слова входят в ту же самую фразу, в которой Сен-Симон, Фурье и Оуэн названы «гениальными утопистами»¹⁴⁷.

Самый отрицательный отзыв К. Маркса о Сен-Симоне также не противоречит характеристике французского мыслителя как представителя критически-утопического социализма. Вот это положение из «Капитала»: «Не следует вообще забывать, что лишь в последней своей работе «*Nouveau Christianisme*» Сен-Симон прямо выступил как выразитель интересов рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений. Все его более ранние произведения фактически представляют собой лишь прославление современного буржуазного общества в противоположность феодальному или прославление промышленников и банкиров в противоположность маршалам и фабриковавшим законы в наполеоновскую эпоху юристам. Как велико различие между этими работами и относящимися к этому времени сочинениями Оуэна!»¹⁴⁸.

Ф. Энгельс написал к этому критическому отзыву примечание: «При переработке рукописи Маркс, несомненно, сильно изменил бы это место. Оно навеяно ролью экссен-симонистов, которую они играли при Второй империи во Франции, где — как раз в то время, когда К-Маркс писал эти строки, — кредитные фантазии этой школы, должностствующие спасти мир, реализовались по иронии истории в виде спекуляции неслыханного до того размаха. Впоследствии Маркс говорил о гении и энциклопедическом уме Сен-Симона исключительно

¹³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 503—504.

¹⁴⁰ Там же, стр. 504.

¹⁴¹ Там же, стр. 506.

¹⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 195.

¹⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 506.

¹⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 196.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же, стр. 191.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 154—155.

с восторгом. Если последний в своих ранних произведениях игнорировал противоположность между буржуазией и едва нарождавшимся тогда во Франции пролетариатом, если он причислял часть буржуазии, занятую производством, к «Travailleurs, то это соответствует воззрению Фурье, стремившегося примирить капитал и труд, и объясняется экономическим и политическим положением тогдашней Франции. Если Оуэн в этом пункте был более глубоким, то лишь потому, что он жил в другой обстановке, в период промышленной революции и уже сильно обострившихся классовых противоположностей»¹⁴⁹.

В. И. Ленин указывал, что в начале XIX века «Франция разливала по всей Европе идеи социализма». Учения французских социалистов-утопистов, в том числе Сен-Симона, Ленин характеризовал в связи с французскими революционными учениями вообще как один из трех идейных источников марксизма. В знаменитой работе «Три источника и три составные части марксизма» подчеркивается, что учение К. Маркса «возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономики и социализма»¹⁵⁰.

Появившись на свет как отражение капиталистического гнета, как протест против него¹⁵¹, утопический социализм «был симптомом, выразителем, предвестником того класса, который, порождаемый капитализмом, вырос теперь, к началу XX века, в массовую силу, способную положить конец капитализму и неудержимо идущую к этому»¹⁵².

Утопический социализм, по словам В. И. Ленина, «критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации».

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы

его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества»¹⁵³. Кроме того, для утопического социализма характерно «непонимание материалистической основы исторического движения, неумение видеть роль и значение каждого класса капиталистического общества, прикрытие буржуазной сущности демократических преобразований разными якобы социалистическими фразами о «народе», «справедливости», «праве» и т. д.»¹⁵⁴.

Завершая краткое изложение некоторых наиболее известных высказываний В. И. Ленина об утопическом социализме¹⁵⁵, напомним, что он проводил четкую грань между различными видами утопий: либеральной, народнической, утопическим социализмом¹⁵⁶. В работе «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» содержится на этот счет важнейшее методологическое положение. «Сисмонди был утопистом, основывал свои положения на абстрактных идеях, а не на реальных интересах,— и эти писатели (социалисты-утописты.— Г.К.) были утопистами, основывали свои планы тоже на абстрактной идее. Но именно *характер* их планов совершенно различен... Указанные писатели предвосхищали будущее, гениально угадывали тенденцию той «ломки», которую проделывала на их глазах прежняя машинная индустрия. Они смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие; они действительно *опережали* это развитие. Сисмонди же поворачивался к этому развитию *задом*, его утопия не предвосхищала будущее, а реставрировала прошлое... Вот почему утопия Сисмонди признается — и совершенно справедливо — реакционной»¹⁵⁷.

Данное положение недвусмысленно требует от исследователя терминологической четкости; оно не допускает смешения всех видов утопий, и социалистических и реакционных, в расплывчатом определении «социальный утопизм», «социальная утопия».

¹⁵³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 23, стр. 46.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Подробнее см.: Н. Е. Застенкер. Ленин о домарковском утопическом социализме.— В кн.: «История социалистических учений». Сб. памяти В. П. Волгина. М., 1964, стр. 82—122.

¹⁵⁶ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 22, стр. 117—121.

¹⁵⁷ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 2, стр. 240.

¹⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 155.

¹⁵⁰ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 23, стр. 40.

¹⁵¹ Там же, стр. 46.

¹⁵² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 22, стр. 120.

Советская историография всегда уделяла исключительное внимание творчеству великих социалистов-утопистов, в том числе и Сен-Симону¹⁵⁸. Уже спустя несколько лет после Великой Октябрьской социалистической революции дважды были опубликованы его избранные сочинения¹⁵⁹. Первое из них вышло с предисловием В. В. Святловского, который заявлял, что весь «XIX век развивался под знаком Сен-Симона», но такая посылка не помогает определить истинное место французского мыслителя в истории социалистических идей. Здесь нет четкого разграничения понятий «социализм утопический» и «социализм научный», нет понимания диалектического характера связи между ними. Применительно к Сен-Симону это означает, что творческое наследие этого предшественника К.- Маркса и Ф. Энгельса может быть охарактеризовано как критически-утопический социализм, который в первой половине XIX в., т. е. до возникновения научного социализма, оказал весьма существенное воздействие на формирование общественной мысли, выступив одним из идейных источников марксизма.

С этой точки зрения не только главная посылка В. В. Святловского, но и ее обоснование вносят большую путаницу. «Сен-Симон,— утверждал он,— в конце концов меньше всего утопист; он резко отличается от диаметрально противоположных ему Шарля Фурье и Роберта Оуэна, с которыми его так часто соединяют. Сен-Симон — не утопист и даже не социалист в общепринятом смысле этого слова.

И между тем в общем ходе истории мысли он и социалист, и исторический материалист, все учение Маркса о

классах обязано ему — этому гениальному и своеобразному мыслителю XIX века»¹⁶⁰.

Во второе издание — оно было опубликовано под общей редакцией и с предисловием В. П. Волгина — вошли работы Сен-Симона, относящиеся к последнему периоду его жизни, в том числе не попавшие в предыдущую публикацию. Через двадцать пять лет в серии «Предшественники научного социализма», также под общей редакцией В. П. Волгина и с его вступительной статьей, вышло самое полное советское издание «Избранных сочинений» Сен-Симона в двух томах¹⁶¹.

Имя В. П. Волгина связано не только с изданиями текстов произведений Сен-Симона. Выдающийся советский историк всегда стремился проанализировать наследие французского социалиста-утописта с позиций марксистской методологии. Уже в своей первой статье о сен-симонизме, а также в вышедшей вслед за ней книге¹⁶² В. П. Волгин характеризует главные идеи Сен-Симона, подчеркивая, что стержнем системы французского мыслителя служит идея закономерности общественного развития и что бесспорным достижением Сен-Симона является его концепция, согласно которой главным содержанием исторического процесса с XV в. была борьба общественных классов.

Значительное место В. П. Волгин отводит характеристике слабых сторон наследия Сен-Симона, который не смог увидеть в пролетариате не только страдающий и угнетенный класс, но и активную силу истории. Это вскрывает корни исторического идеализма Сен-Симона, причины его отрицательного отношения к современной классовой борьбе, его неспособность указать пути перехода к обществу будущего.

Эти выводы не давали, однако, основания для заключения, будто Сен-Симон, как и его современник Фурье, был «социалистом более чем сомнительным»¹⁶³. Многие

¹⁵⁸ См. В. А. Дунаевский, Б. Ф. Поршнев. Изучение истории социалистических идей в советской историографии. — В кн.: «История социалистических учений»; В. М. Далин. Изучение французского социализма (до 1914 г.) в советской науке. — «Новая и новейшая история», 1974, № 2; В. А. Дунаевский. Советская историография новой истории стран Запада. 1917—1941. М., 1974.

¹⁵⁹ Собрание сочинений Анри де Сен-Симона. Пер. с франц. под ред. с введ. и примеч. В. В. Святловского. М.—Пг., 1923; Сен-Симон. Избранные сочинения (1812—1825). Пер. с франц. А. И. Рубина, Л. С. Цетлина и С. С. Цетлина. С предисл. В. П. Волгина. М.—Пг., 1923 (серия «Предшественники современного социализма»).

¹⁶⁰ Собрание сочинений Анри де Сен-Симона, стр. V.

¹⁶¹ Сен-Симон. Избранные сочинения, т. I—II. Пер. с франц. под ред. и с коммент. Л. С. Цетлина. Вступит. статья В. П. Волгина. М.—Л., 1948.

¹⁶² В. П. Волгин. Сен-симонизм. — В кн.: В. П. Волгин. Очерки по истории социализма. М.—Пг., 1923; его же. Сен-Симон и сен-симонизм. М.—Л., 1924.

¹⁶³ В. П. Волгин. Очерки по истории социализма. Изд. 3-е. М., 1935, стр. 256.

представления Сен-Симона были, подчеркивал В. П. Волгин, социалистическими лишь в потенции и служили судом, из которого черпали свои социалистические выводы сен-симонисты. Наиболее четко В. П. Волгин сформулировал этот тезис во второй части своего труда по истории социалистических идей¹⁶⁴. «Представление о Сен-Симоне-социалисте должно быть нами сейчас отвергнуто со всей решительностью. Однако в его учении есть некоторые черты, которые дали впоследствии его ученикам возможность сделать из его системы выводы социалистического характера»¹⁶⁵. Этот тезис подвергся критике в советской печати¹⁶⁶. Как нам кажется, он был связан с недостаточным выявлением своеобразия утопического социализма XIX в.

Еще более решительно в этом плане высказывались И. С. Фендель, автор нескольких работ о великом французском утописте¹⁶⁷, и А. И. Анекштейн (Арк. А-н), написавший научно-популярную книгу о жизни и деятельности Сен-Симона¹⁶⁸. Первый утверждал, что основная цель Сен-Симона—не столько устранение социальных бедствий, вызываемых капитализмом, сколько упрочение этого строя, ликвидация всего, что мешает его развитию. Это не Сен-Симон, а его ученики были социалистами-утопистами, поэтому в ряд «с Фурье и Оуэном следовало бы поставить не Сен-Симона, а Базара»¹⁶⁹.

На некоторые практические выводы из учения Сен-Симона, на попытки Анфантена и других сен-симонистов осуществить его планы обратил внимание в своей научно-популярной книге С. Вольский¹⁷⁰. После ее опубликования ряд лет в советской историографии не появлялось работ о Сен-Симоне.

Только в связи с изданием избранных его сочинений в серии «Предшественники научного социализма» В. П. Волгин написал о нем статью¹⁷¹. Почти без изменений она вошла в книгу «Сен-Симон и сен-симонизм», выпущенную в 1961 г. по случаю 200-летия со дня рождения французского социалиста-утописта. В. П. Волгин подводил в ней итог своему многолетнему изучению общественно-политических, философских и исторических взглядов Сен-Симона, обратив особое внимание на идеи закономерности и общественного прогресса, концепции классов и классовой борьбы. И в статье, и в книге несколько иначе, чем в ранних работах, В. П. Волгин подходил к решению вопроса о характере воззрений Сен-Симона. «Социальная система Сен-Симона,— писал он,— не может быть признана социалистической в том смысле, в каком мы употребляем это слово в наши дни/Сен-Симон сохраняет в своем идеальном обществе частную собственность, классы предпринимателей и рабочих, предпринимательскую прибыль. Сен-Симон нигде не говорит об обобществлении средств производства, хотя бы даже частичной»¹⁷², «Тем не менее,— подчеркивал В. П. Волгин,— характеризовать Сен-Симона просто как одного из буржуазных идеологов было бы неправильно, ибо это совершенно не уясняет своеобразных особенностей его системы.

Общественный план работ, ассоциация, превращение государства в организацию производства, обязательный труд, иерархия способностей, духовная власть ученых — таковы своеобразные черты учения Сен-Симона. Их совокупность, их сочетание делали сен-симонизм неприемлемым для... буржуазии»¹⁷³.

Важнейшим принципом социальной философии Сен-Симона является также стремление к широкому удовлетворению человеческих потребностей. Большое внимание уделяет Сен-Симон пролетариату>/Он еще не выделен в самостоятельный класс, но на существование его как особой группы, отличной от группы собственников, в пределах класса производителей Сен-Симон указывал уже в первом своем сочинении. Великий социалист-утопист не-

¹⁶⁴ В. П. Волгин. История социалистических идей, ч. 2, вып. I. М.—Л., 1931.

¹⁶⁵ Там же, стр. 21.

¹⁶⁶ См., например: М. Баскин. К. Маркс и утопический социализм, стр. 41.

¹⁶⁷ И. С. Фендель. Ранний пророк организованного капитализма.— «Под знаменем марксизма», 1925, № 5—6; *его же*. Сен-Симон. Популярный очерк. С предисл. В. П. Волгина. Л., 1925.

¹⁶⁸ Арк. А-н. Анри де Сен-Симон. Его жизнь и учение. С приложением очерка учения и деятельности сен-симонистов. М.—Л., 1926.

¹⁶⁹ И. С. Фендель. Сен-Симон. Л., 1925, стр. 108.

¹⁷⁰ С. Вольский. Сен-Симон. М., 1935 (серия «Жизнь замечательных людей»).

¹⁷¹ В. П. Волгин. Социальное учение Сен-Симона.— В кн.: *Сен-Симон. Избранные сочинения*, т. I. М.—Л., 1948.

¹⁷² В. П. Волгин. Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1961, стр. 77—78.

¹⁷³ Там же, стр. 79—80.

однократно говорил, особенно к концу жизненного пути, о необходимости заботиться о судьбе этого самого многочисленного и обездоленного класса общества.

Для сен-симонистов эти идеи послужили «основанием для построения социалистической системы». «Сам же Сен-Симон,— замечал В. П. Волгин,— не делает последовательно социалистических выводов, они остаются у него социалистическими, так сказать, в потенции. Тем не менее тот пафос и энергия, с которыми он на них настаивал, сыграли немалую роль в подготовке умов и усвоении идей социализма»¹⁷⁴. Все это и позволяет, по мнению В. П. Волгина, «отвести Сен-Симону почетное место в истории социализма»¹⁷⁵.

В. П. Волгин подчеркивает, что не меньшее значение для «развития социалистической мысли имели и другие стороны учения Сен-Симона — его философия истории. Идеалистическая в основе, своим последовательным детерминизмом, свойственным ей представлением о диалектическом характере исторического процесса, характерными для нее попытками вскрыть классовую сущность общественного развития и общественной борьбы сен-симонистская философия пролагала пути материалистическому пониманию истории»¹⁷⁶.

С. Б. Кан в известном курсе лекций, изданных группой его товарищей и учеников¹⁷⁷, с именем Сен-Симона связывал появление в начале XIX в. новых социалистических теорий. «Творцы их,— писал он,— впервые подвергли систематической критике сложившийся на их глазах мир торжествующего капитализма и принялись искать выход из создавшегося положения не позади, а впереди, не в прошлом, а в будущем, т. е. в построении нового общественного строя, не знающего присущих капиталистическому обществу пороков. Теории эти по необходимости должны были носить и носили незрелый характер»¹⁷⁸.

¹⁷⁴ В. П. Волгин. Указ. соч., стр. 83.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ С. Б. Кан. История социалистических идей (до возникновения марксизма). Курс лекций. Изд. 2-е. М., 1967 (рец.: В. М. Далин.— «Вопросы философии», 1969, № 3); очерк научной и педагогической деятельности С. Б. Кана см. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 1.

¹⁷⁸ С. Б. Кан. Указ. соч., стр. 107.

Раскрывая эту главную посылку, автор прежде всего подчеркнул, что Сен-Симон отказывается искать опору для своих взглядов в естественном праве, как это делали рационалисты XVIII в., а «рассматривает общественные явления с исторической точки зрения... усматривает в развитии человеческого общества определенную закономерность, аналогичную с закономерностью в мире природы». Источником общественного развития выступают у него «философские идеи, правящие миром, но рождающиеся не случайно в головах того или иного мыслителя, а возникающие вполне закономерно на основе успехов наук и потребностей самого общества»¹⁷⁹.

Хотя Сен-Симон, отметил С. Б. Кан, и связывает изменения в общественном строе с изменениями в экономике и в формах собственности, однако он «далек от признания примата экономического фактора и материалистического объяснения истории: в основе смены отдельных периодов лежит прежде всего смена мировоззрений, что же касается экономических отношений, то они сами, определяя тот или другой политический строй, целиком зависят от прогресса человеческих знаний и, в конечном счете, от смены мировоззрений»¹⁸⁰.

Анализируя социально-политические взгляды Сен-Симона, С. Б. Кан пришел к выводу, который несколько противоречил исходному тезису о принадлежности Сен-Симона к «творцам новых социалистических теорий». «Не трудно понять,— писал историк,— что картина грядущего строя, нарисованная Сен-Симоном, есть в сущности не социалистическое, а только идеализированное капиталистическое общество. /Мысль его о том, что передача всей полноты власти предпринимателям-промышленникам и ученым способна принести социальное освобождение трудящимся, есть чистая утопия, несбыточная мечта, способная в устах идеологов капитализма служить орудием пропаганды солидарности классовых интересов и доказательством «возможности» построения «организованного» общества наемных собственников»¹⁸¹.

«Но сам Сен-Симон,— тут же оговаривается С. Б. Кан,— не думал ни о чем подобном! В «Новом хри-

¹⁷⁹ Там же, стр. 110, 111.

¹⁸⁰ Там же, стр. 111—112.

¹⁸¹ Там же, стр. 118.

стианстве», в своей последней работе, он заявляет, что общество должно заботиться об улучшении участи «бедного класса». «Сен-Симон защищает не столько организованный капитализм, сколько организованный труд, привлекая к руководству капиталистов-промышленников не как капиталистов, а как организаторов производства. Он не отдавал себе отчета в том, что последние могут организовать труд лишь по-капиталистически. Но если отвлечься от этой ошибочной мысли, остается все же то бесспорное положение, что именно Сен-Симон первый выдвинул идею преодоления анархии капиталистического производства не путем построения мелких, распыленных общин, а путем организации производства в мировом масштабе, путем организации единой всеобъемлющей производственной ассоциации»¹⁸².

Дальнейшим важным шагом в обосновании принадлежности Сен-Симона к критически-утопическому социализму была статья Н. Е. Застенкера¹⁸³, который подчеркнул, что с именем Сен-Симона «связано начало важнейшего этапа в развитии социализма от утопии к науке и в развитии общественной мысли вообще»¹⁸⁴. «Все коммунистические утопии и теории XVI—XVIII вв., отмечает Н. Е. Застенкер,— пытались построить свой идеал бесклассового общества на базе производительных сил ремесленного и мануфактурного производства и застойной техники патриархального сельского хозяйства»¹⁸⁵. Творческая же деятельность Сен-Симона развивалась в качественно иной обстановке, в начале XIX в., отмеченного бурным развитием капиталистического строя, промышленным переворотом, растущей активностью пролетариата. Без учета этих обстоятельств нельзя понять ни исторические воззрения Сен-Симона, ни его общественный идеал «промышленной системы», отражающий заботы об интересах трудящихся масс.

Необходимо также постоянно помнить известное указание Ф. Энгельса о связи идей Сен-Симона с Французской буржуазной революцией конца XVIII в., о выступле-

ниях в ней пролетарских низов, о разочаровании этих низов в ее результатах. На послереволюционную Францию Сен-Симон смотрел «не как на поле закончившегося сражения социального, а как на строительную площадку человечества, где ничто еще не завершено»¹⁸⁶.

В статье придается большое значение стремлению Сен-Симона создать новую монистическую науку, охватывающую природу и «физиологию человечества», научно обосновать неизбежность нового социального устройства¹⁸⁷.

«В центре «промышленной системы» Сен-Симона,— пишет Н. Е. Застенкер,— стояли не эгоистические вождения буржуазии, а интересы пролетариата, который страдает, но который бессилён и неспособен сам себе помочь, которому может быть оказана помощь лишь извне и сверху, учеными и промышленниками»¹⁸⁸.

Н. Е. Застенкер решительно возражает против всех попыток упростить содержание взглядов Сен-Симона, представить его как буржуазного реформатора. Он утверждает, что Сен-Симон не имеет ничего общего с апологетами капитализма. Более того, «нити, которые связывали французский пролетариат и его борьбу с идеями Сен-Симона, становились более многочисленными, более крепкими»¹⁸⁹. Он провозглашал единственным и высшим принципом производства не прибыльность его для собственников, а продуктивность его на благо людей, прежде всего на благо обездоленного большинства. При этом подчеркивалась мысль о том, что путь к избавлению трудящихся и пролетариев от бедствий нищеты лежит через громадный рост общественного богатства.

Далее автор приходит к выводу, что далее религиозно-мистические стороны доктрины Сен-Симона «направлялись к социалистической цели — к необходимости уничтожить эксплуатацию пролетариата», ибо с помощью нового христианства он намеревался сделать более доступным простым людям свое учение и дополнить «материальные стимулы промышленной системы» моральным

¹⁸² С. Б. Кан. Указ. соч., стр. 119.

¹⁸³ Н. Е. Застенкер. Анри де Сен-Симон.— В кн.: «История социалистических учений». М., 1964.

¹⁸⁴ Там же, стр. 209.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же, стр. 213.

¹⁸⁷ Н. Е. Застенкер. Анри де Сен-Симон, стр. 213. Ср. его же. Наука в утопии Сен-Симона.— В кн.: «Будущее науки», Вып. 5. М., 1972.

¹⁸⁸ Там же, стр. 220.

¹⁸⁹ Там же, стр. 221.

категорическим императивом, исходящим от самой властной над людьми силы — силы религиозного веления». «Новое христианство», подчеркивает Н. Е. Застенкер, «заодно призвано было загасить и классовую борьбу пролетариата... Но главная мысль состояла в том, чтобы возложить на все общество, на буржуазию в особенности, моральный долг по отношению к беднейшему и самому многочисленному классу общества, о чем сам Сен-Симон говорил с необычайной для него четкостью и ясностью в свой предсмертный час». Сен-симонисты, устранив наиболее кричащие противоречия промышленной системы своего учителя, сделали из нее далеко идущие социалистические выводы¹⁹⁰.

Для понимания идей Сен-Симона важны труды известного советского философа, социолога и историка Г. П. Францова. В монографии по истории общественной мысли¹⁹¹ автор пишет, что представители утопического социализма XIX в. пытались ответить на вопрос, что следует делать с обществом, порожденным Французской революцией, каковы дальнейшие пути его развития. При этом им приходилось исходить из того, что мир встал на путь капиталистического развития, что наступил «век индустриализма». Социалисты-утописты резко критиковали буржуазные порядки и утверждали, что человечество должно эволюционировать к новому обществу, основной добродетелью которого будет труд, а не корысть. Будущее рисовалось им иначе, чем сторонникам коммунистических идей XVIII в.; для строительства нового общества они хотели использовать «положительные элементы» буржуазного строя и на основе принципа «от каждого по способностям, каждому по его труду» установить материальные стимулы для развития производства. В своем царстве вечного прогресса, сотрудничества, справедливости, безграничного совершенствования рода людского они склонны были сохранить капиталистов, объединив их с рабочими во имя господства человека над силами природы. Главная слабость авторов этих проектов состояла в том, что они не понимали роли ра-

бочего класса как разрушителя социальной структуры эксплуататорского общества и как созидателя новых порядков¹⁹².

Весьма интересны также выводы Г. П. Францова относительно места Сен-Симона в развитии социологии. Буржуазные теоретики, подчеркнул автор, отвечают на этот вопрос довольно просто, выделяя в учении Сен-Симона все то, что заимствовал у него и затем искажил Конт. Однако роль великого социалиста-утописта в истории общественной мысли должна быть определена не «через Конта», а путем выявления его собственного вклада в сокровищницу социальных идей. По мнению Г. П. Францова, Сен-Симон выдвигал мысль о прогрессивном значении овладения силами природы, о необходимости активного воздействия человека на окружающую среду. Экономическую деятельность людей он рассматривал как подлинный источник богатства и процветания общества, хотя и не видел в производстве основы общественного развития и возлагал все надежды на разум, считая, в частности, что смена мировоззрений в конечном счете и определяет исторические эпохи.

Большое значение придавал Сен-Симон социальной организации общества и указывал, что та из них прогрессивна, которая даст возможность в максимальной степени развивать и объединять усилия людей для овладения силами природы. В этой связи решал он и проблему отношений личности и общества. Задача общества — развивать в максимальной степени способности и возможности людей для их совместного труда, творчества, производства; человек должен занимать место в обществе не по своему богатству, а по способностям, которые он приносит на общее благо¹⁹³. Сен-Симон отвергал революционный путь общественных преобразований, боялся «войны бедных против богатых» и все свои надежды связывал с мирной эволюцией и даже с проповедью нового христианства. Однако его творчество было попыткой найти в историческом процессе такие тенденции, которые в конечном итоге делают эксплуататорское общество лишь преходящей исторической стадией¹⁹⁴.

¹⁹⁰ Н. Е. Застенкер. Анри де Сен-Симон, стр. 223.

¹⁹¹ Г. П. Францов. Исторические пути социальной мысли. М., 1965. См. также: Г. П. Францов. Избранные труды, т. 1. М., 1971 (рец. «Коммунист», 1971, № 12).

¹⁹² См. Г. П. Францов. Указ. соч., т. 1, стр. 71—72.

¹⁹³ Там же, стр. 73—74.

¹⁹⁴ Там же, стр. 75—76.

В заключение Г. П. Францов подчеркивает неразрывность теории общественного развития Сен-Симона и его представлений об обществе будущего¹⁹⁵.

Помимо названных работ В. П. Волгина, С. Б. Кана, Н. Е. Застенкера, Г. П. Францова, историографических обзоров В. М. Далина, В. В. Дунаевского, Б. Ф. Поршнева отдельные стороны идейного наследия Сен-Симона анализируются в статьях М. А. Алпатова, В. С. Алексеева-Попова, Е. В. Елисеевой, Ю. П. Мадора¹⁹⁶. Жизнеописанию Сен-Симона посвящена книга А. П. Левандовского, изданная в серии «Жизнь замечательных людей»¹⁹⁷.

Особое место занимают труды французского историка-марксиста Ж.-Дотри. Результаты его многолетних исследований опубликованы в виде статей во французских и советских научных журналах¹⁹⁸. Безвременная кончина не позволила автору издать их отдельной книгой. По некоторым свидетельствам, такая книга готовится к печати А. Дерошем и будет называться «Сен-

симонистские этюды»¹⁹⁹. Если попытаться выделить некоторые главные направления научных поисков Ж. Дотри, то окажется, что большое внимание он уделял публикации неизвестных ранее сочинений Сен-Симона, исследованию его отношений к Французской революции и наследию просветителей, анализировал его социально-политические идеи, характеризуя их как критически-утопический социализм.

Отрывки из неопубликованных трудов Сен-Симона Ж. Дотри включал во все свои работы. По его указаниям многие из них вошли в последнее издание «Сочинений Клода-Анри де Сен-Симона»²⁰⁰. Ж. Дотри стремился к тому, чтобы все написанное Сен-Симоном было введено в научный оборот, ибо существующие собрания сочинений не решили этой задачи. «47-томное издание»²⁰¹, — подчеркивал историк, — было задумано таким образом, чтобы читатель уверовал, будто Анфантен является единственным духовным наследником Сен-Симона и что так называемая сен-симонистская религия происходит по прямой линии от «Нового христианства». Составителям этого издания, людям «порядка» конца Второй империи важно было доказать, что Сен-Симон не переступал рамок умеренного буржуазного либерализма. Именно поэтому они умалчивали о документах, свидетельствовавших об обратном. Значительная часть произведений, отсутствующих в этой публикации, «была собрана в трех небольших книжках сен-симонистом демократического направления Ш. Лемонье»²⁰². Однако все эти издания нельзя считать вполне удовлетворительными. «В них нет еще того, что мы вправе ожидать от полного собрания сочинений, — отмечал Дотри, — мелких набросков, часть которых никогда не переиздавалась, а некоторые вообще никогда не публиковались»²⁰³.

¹⁹⁵ Г. П. Францов. Указ. соч., т. 1, стр. 78.

¹⁹⁶ М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в. — В кн.: «Из истории социально-политических идей». М., 1955; В. С. Алексеев-Попов. Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты. — В кн.: «История социалистических учений». М., 1964; Ю. П. Мадор. Об эстетических взглядах социалистов-утопистов. — Там же; Е. В. Елисеева. К вопросу об изучении творчества Сен-Симона в советской историографии. — В кн.: «Межвузовская научная конференция, посвященная 50-летию образования СССР». Томск, 1972. Вып. 4. Всеобщая история и историография.

¹⁹⁷ А. Левандовский. Сен-Симон. М., 1973.

¹⁹⁸ Ж. Дотри. Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо? — В кн.: «История социалистических учений». М., 1964; *его же*. Полное собрание сочинений Сен-Симона. — «Французский ежегодник. 1966». М., 1967; *idem*. Sur un imprime retrouve du comte de Saint-Simon. — «Annales historiques de la Revolution frangaise», 1948, oct.-dec.; *idem*. Preface et commentaires. — *Saint-Simon*. Textes choisis. Paris, 1951; *idem*. La notion de travail chez Saint-Simon et Fourier. — «Journal de psychologie normale et pathologie», 1955, № LII; *idem*. Saint-Simon et les anciens babouvistes de 1804 a 1809; — «Annales historiques de la Revolution francaise», 1960, oct. — dec.; *idem*. Le comte Saint-Simon et Dieu. — «Revue internationale de philosophie», 1960, N 53—54; *idem*. Nouveau christianisme ou nouvelle theophilantropie? Contribution a une sociologie religieuse de Saint-Simon. — «Archives de sociologie des religions», 1965, № 20; *idem*. Saint-Simon et la revolution necessaire. — «Annales historiques de la Revolution francaise», 1966.

¹⁹⁹ См. H. de Saint-Simon. Le nouveau christianisme et les ecrits sur la religions. Choisis et presentes par Henri Desroche. Paris, 1969, p. 190.

²⁰⁰ «Oeuvres de Claude-Henri de Saint-Simon», vol. 1—6. Paris, 1966.

²⁰¹ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, publiees par des membres du conseil institue par Enfantin... et precedees de deux notices historiques», vol. I—XLVII. Paris, 1865—1878.

²⁰² «Oeuvres choisies de C.-H. de Saint-Simon, precedees d'un essai sur sa doctrine», vol. I—III. Bruxelles, 1859.

²⁰³ Ж. Дотри. Полное собрание сочинений Сен-Симона, стр. 252.

Ж. Дотри убедительно показал, что Сен-Симон принимал активное участие во Французской революции, что его интересы «в 1790—1798 гг. не ограничивались выгодными спекуляциями на национальных имуществах, организацией промышленных и транспортных предприятий»²⁰⁴, что он был достойным учеником и продолжателем просветителей. Именно в этой последней связи Дотри большое внимание уделял марксистскому анализу так называемой религиозности Сен-Симона. В дни юности Сен-Симон воспитывался на произведениях Руссо, Вольтера, Гельвеция, Д'Аламбера, других энциклопедистов, Жана Мелье²⁰⁵; в 27 лет, накануне революции, «он не скрывал, что был атеистом»²⁰⁶; в зрелые годы стоял на позициях «механистического материализма», хотя и употреблял в своих сочинениях слово «бог». В философских рассуждениях Сен-Симона оно часто заменяло «другую удобную абстракцию», выраженную словом «Природа»²⁰⁷.

Касаясь «Нового христианства», Дотри утверждает, что Сен-Симон излагает здесь принципы «общественной морали», а вовсе не догмы новой религии²⁰⁸. Ведь главная мысль этого сочинения сводится к следующему: Господь сказал: «Люди должны относиться друг к другу, как братья». Этот высший принцип содержит в себе все, **что** есть божественного в христианстве»²⁰⁹. Представители сен-симонистской школы превратили своего учителя «в основателя религии», а историки общественной мысли до сих пор не сумели разоблачить это мошенничество²¹⁰.

Начиная с «Писем женевого обитателя», как убедительно показал Ж. Дотри, Сен-Симон отдавал себе отчет, что собственники и несобственники принадлежат к разным классам общества, что первые командуют вторыми и живут за счет их труда²¹¹. Большое внимание

отношению Сен-Симона к пролетариям уделил Дотри в предисловии к избранным сочинениям Сен-Симона, изданным в 1951 г.²¹²

Отдав долгие годы жизни выявлению и анализу сочинений Сен-Симона, Ж. Дотри, по собственному признанию, вдохновлялся известным высказыванием Ф. Энгельса²¹³ о том, что «у Сен-Симона мы встречаем гениальную широту взгляда», что его воззрения «содержат в зародыше почти все не строго экономические мысли позднейших социалистов»²¹⁴.

Итак, опираясь на труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, историки-марксисты²¹⁵ успешно разрабатывают различные аспекты творчества Сен-Симона. Они рассматривают его идеи в тесной связи с анализом особенностей утопического социализма XIX в., подчеркивая в первую очередь то обстоятельство, что соответствующие социалистические учения сложились в условиях нового, буржуазного общества и существенно отличались от утопического социализма XVI—XVIII вв. Предпосылками возникновения этих учений выступали два всемирно-исторических явления — промышленный переворот в Англии и Французская буржуазная революция конца XVIII в. Утопический социализм XIX в. возник в условиях реально существующего, бурно развивающегося капитализма, в условиях горького разочарования трудящихся результатами буржуазной революции. Выступившие почти одновременно Сен-Симон, Фурье и Оуэн были выразителями этого разочарования. Нельзя также забывать, что начало их творчества связано со временем наполеоновских войн, которые были тяжким дополнительным бременем для народов.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что в начале XIX в. борьба за окончательное утверждение капитализма была не завершена. Более того, в ряде стран Ев-

²⁰⁴ Ж.- Дотри. Указ. соч., стр. 256.

²⁰⁵ /J. Dautry. Le comte de Saint-Simon et Dieu, p. 327—328. Эта статья послужила основой для работы, опубликованной в 1965 г. /J. Dautry. Nouveau christianisme ou nouvelle theophilantropie?.

²⁰⁶ /J. Dautry. Le comte de Saint-Simon et Dieu, p. 330.

²⁰⁷ Ibid., p. 331.

²⁰⁸ Ibid., p. 342—343.

²⁰⁹ Saint-Simon. Oeuvres, v. 3 (XXIII), p. 108.

²¹⁰ /J. Dautry. Le comte de Saint-Simon et Dieu, p. 343.

²¹¹ /J. Dautry. La notion de travail chez Saint-Simon et Fourier, p. 64.

²¹² /J. Dautry. Preface et commentaires.— Saint-Simon. Textes choisis. Paris, 1951, p. 41—43.

²¹³ Ж. Дотри. Полное собрание сочинений Сен-Симона, стр. 260.

²¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 196.

²¹⁵ Помимо работ авторов, писавших о Сен-Симоне и сен-симонистах, большой интерес представляют исследования А. Р. Иоаннисяна и И. И. Зильберфарба о Фурье, в которых рассматриваются не только специальные, но и некоторые общие вопросы истории социалистических идей.

ропы наблюдались явления, которые историки характеризуют как феодальную реакцию. Когда были завершены все труды Сен-Симона и написаны главные сочинения Фурье и Оуэна, Франция еще не пережила событий революции 1830 г., а Англия не добилась парламентской реформы 1832 г. Специфика социальных отношений тогда проявлялась в том, что антагонизм между пролетариатом и буржуазией осложнялся противоборством рабочего класса, трудящихся и части буржуазии с отжившими, побежденными, но не до конца поверженными, подчас переходящими в наступление силами старого феодального общества.

Великие социалисты-утописты критиковали реально существующий капитализм во всем своеобразии его конкретных черт и противоречий, противопоставляли ему общественный идеал, который объективно не мог быть ничем иным, кроме социализма, а субъективно, содержательно, с одной стороны, весьма отличался от уравнительного утопического коммунизма XVI—XVIII вв., а с другой — включал не только идеи, отражающие интересы рабочих, но и некоторые представления буржуазного либерализма.

По сравнению с предшествующим временем утопический социализм XIX в., обогатившись опытом экономического развития, социальной, политической и идеологической борьбы, стал строиться не на метафизических рассуждениях о разумности, целесообразности, справедливости нового общественного строя, а на попытках изучения новой исторической действительности средствами и методами точных наук. Великие социалисты-утописты хотели создать новую общественную науку и обосновать с ее помощью неизбежность перехода к обществу будущего и с этой точки зрения выступили провозвестниками нового типа утопического социализма. Утверждение капиталистического способа производства и появление пролетариата создают исторические предпосылки для превращения социализма из утопии в науку. Только К. Маркс и Ф. Энгельс превратили эту возможность в действительность.

Творчество Сен-Симона, Фурье и Оуэна — первые попытки в этом направлении, попытки, не вышедшие за рамки критически-утопического социализма. При этом чрезвычайно важна их политическая позиция. Все трое

стояли на стороне трудящихся, пролетариев, эксплуатируемых и страдающих классов капиталистического общества/-Во имя их благополучия великие социалисты-утописты строили свои представления о будущем.

В «Нищете философии» К. Маркс раскрывает всю значимость этого аспекта проблемы критически-утопического социализма. «Точно так же, как экономисты служат учеными представителями буржуазного класса,— указывал К. Маркс,— социалисты и коммунисты являются теоретиками класса пролетариев. Пока пролетариат не настолько еще развит, чтобы конституироваться как класс, пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет еще, следовательно, политического характера и пока производительные силы еще не до такой степени развились в недрах самой буржуазии, чтобы можно было обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для построения нового общества,— до тех пор эти теоретики являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь угнетенным классам, придумывают различные системы и стремятся найти некую возрождающую науку. Но по мере того как движется вперед история, а вместе с тем яснее обрисовывается борьба пролетариата, для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчет в том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого. До тех пор, пока они ищут науку и только создают системы, до тех пор, пока они находятся лишь в начале борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука, порожденная историческим движением и принимающая в ней участие с полным знанием дела, перестает быть доктринерской и делается революционной»²¹⁶.

В наследии Сен-Симона немало двусмысленных, ошибочных и даже реакционных идей, свидетельствующих, что он не смог открыть законы развития капитализма, не смог разглядеть в рабочем классе творца нового общества и указать подлинные основы исторического движения. Именно эти идеи характеризуют сен-симонизм

²¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 146.

как утопический социализм. Но нельзя забывать о таких чертах его творчества, как критика капиталистического общества, поиск альтернативы капитализму, идеи мирной ассоциации народов, нарастающее понимание неоднородности «третьего сословия» и противоположности интересов собственников и пролетариев²¹⁷, попытку подойти к изучению общества как к научной проблеме. Эти черты определяют роль Сен-Симона как одного из великих социалистов-утопистов, предшественников научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса.

5. ЗАДАЧИ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

При анализе наследия Сен-Симона марксистская историография опирается на единое, неразрывное понятие «утопический социализм» и на представление о развитии социализма от утопии к науке. Такой подход к творчеству великого мыслителя чужд не только буржуазно-позитивистским и католическим авторам, но и ряду зарубежных историков, сочувствующих некоторым социалистическим идеям. Эти историки, стараясь избежать понятий «утопический социализм», «научный социализм» и отыскать для них общий, действующий во все времена критерий, до сих пор бьются над вопросом, был ли Сен-Симон социалистом? В 1936 г. Ж. Деов опубликовал на эту тему особую статью²¹⁸, в которой писал, что к числу социалистических относятся лишь доктрины, отрицающие частную собственность и ратующие за создание общества, основанного на собственности коллективной²¹⁹.

Именно поэтому «философская позиция Сен-Симона запрещает нам видеть в нем,— полагал Ж. Деов,— предшественника коллективизма, а его социальная концепция, и прежде всего отношение к частной собственности, обязывает отказать ему в праве принадлежать к социалистической школе и претендовать даже на скромное место

среди творцов социалистических учений»²²⁰. Отметим, что выдвинутый автором «универсальный признак социализма» неприменим не только к Сен-Симону, но и к Фурье. Этот признак обязателен для социализма научно-го, но не может считаться единственным.

Авторы последней обобщающей работы, изданной во Франции²²¹, также недостаточно четко разграничивают утопический и научный социализм. В первый том этой «Всеобщей истории социализма» они включают сведения о «прединдустриальных формах социалистической утопии, первых контактах социализма и рабочего движения, о I Интернационале, открывшем к 1875 г. путь к созданию национальных социалистических партий»²²².

Таким образом, возникновение марксизма не отмечено здесь как принципиальная грань, как коренной переворот в истории социализма. Характеризуя Сен-Симона, авторы испытывают почти ту же неуверенность, что Ж. Деов: «Был ли Сен-Симон социалистом? С этим можно спорить. Если спросить, был ли Сен-Симон пионером социализма, вдохновителем социалистов, то никто не будет этого отрицать»²²³.

Если рассматривать сен-симонизм как идейное наследие великого социалиста-утописта Анри де Сен-Симона, сочинения которого были созданы в промежуток между 1801—1825 гг., и попытаться на основе непреложных исторических фактов проследить отношение к нему некоторых представителей утопического социализма, социального католицизма, позитивизма и историографии, то окажется, что в первой половине XIX в., т. е. до возникновения марксизма, освоение сен-симонизма выступает весьма существенным моментом в поступательном движении истории социальных идей.

Разумеется, истоки каждого из названных направлений общественной мысли таятся в исторической действительности, во всем многообразии ее социально-экономических, общественно-политических и идеологических про-

²¹⁷ В приложении мы даем переводы трех неизвестных советскому читателю текстов, которые помогут дальнейшему исследованию вопроса об отношении Сен-Симона к **рабочему классу**.

²¹⁸ G. Dehove. Saint-Simon a-t-il été socialiste?— «Revue des études coopératives», 1936, № 58.

²¹⁹ Ibid., p. 126—126.

²²⁰ Ibid., p. 142.

²²¹ /. Droz. Histoire general du socialisme, t. 1. Des origine a 1875. Paris, 1972 (Ж. Дроз выступает руководителем коллектива авторов).

²²² Ibid., p. 6.

²²³ Ibid., p. 349.

тиворечий. Для создателей упомянутых социальных систем знакомство с идеями Сен-Симона стало лишь одним из фактов их духовной жизни, лишь составной частицей, одной из граней окружающей их реальности.

Каждому ясно, что исследование судеб сен-симонизма в общественной мысли первой половины XIX в. покажет роль Сен-Симона в развитии представлений человечества о разумном, справедливом, отвечающем потребностям человека общественном строе и одновременно послужит дополнительным историографическим обоснованием его принадлежности к критически-утопическому социализму. В проведении такого исследования мы и видим нашу задачу. При этом, если позитивистов, «деидеологизированных социологов», идеологов индустриализма и конвергенции прежде всего волнует проблема взаимоотношений Сен-Симона и Конта, а социальных католиков, «социологов религии» весьма занимает вопрос о мнимой аналогичности «научно-религиозных» и теологических концепций Сен-Симона и Бюше, то предметом наших особых забот станет анализ отношения к сен-симонизму деятелей сен-симонистского движения, в особенности Анфантена и Базара, выяснение роли сен-симонизма в творчестве Фурье, предварительное выявление фактов, позволяющих судить о взаимосвязях сен-симонизма и оуэнизма.

Мы покажем на примере О. Тьерри, какую роль играли идеи Сен-Симона в формировании концепций историков эпохи Реставрации, а на примере Конта и Бюше — как использовались и искажались некоторые теоретические достижения и утопические слабости сен-симонистов в обосновании позитивизма и социального католицизма. Рассмотрение этого круга вопросов для историка-марксиста ни в какой мере не служит средством превратить великого социалиста-утописта в наставника буржуазного либерализма, отца позитивизма и буржуазной социологии, апостола католицизма. Для историка-марксиста речь в данном случае идет о влиянии критически-утопического социализма на общественные учения, противоположные социализму, о приспособлении этих идей или их отдельных элементов к идеологическим нуждам капиталистического общества.

Итак, мы попытаемся показать значение сен-симонизма в общественной мысли первой половины XIX в., отказавшись от традиционного, «географического» метода

раскрытия этой темы, когда изучается распространение идей Сен-Симона в той или иной стране²²⁴. Раскрывая отношение к сен-симонизму критически-утопического социализма, позитивизма, социального католицизма и либеральной историографии, мы будем говорить лишь о виднейших, преимущественно французских, представителях этих идейных течений и только для Оуэна сделаем исключение.

Научный замысел определил структуру работы, предлагаемой вниманию читателей, он же потребовал привлечения определенного круга источников. Нами были использованы источники, относящиеся к творчеству Сен-Симона, П. Анфантена, А. Базара, Ш. Фурье, Р. Оуэна, О. Тьерри, Ф. Бюше, О. Конта, Д. С. Милля, Г. Спенсера, Т. Карлейля, Г. Эхтала, Э. и О. Родрига, М. Шевалье, А. Трансона, Э. Барро, В. Консидерана, П. Леру, Ж.-Лешевалье и некоторых других представителей общественной мысли первой половины XIX в.

Помимо их произведений и переписки, мемуаров современников, опубликованных как отдельно, так и в собраниях сочинений, были привлечены многие периодические издания, в частности сен-симонистские — «Производитель», «Организатор», «Глобус»; фурьеристские — «Фаланстер», «Фаланга»; оуэнистские — «Кризис», «Пионер»; известные научно-политические и литературные журналы — «Энциклопедическое обозрение», «Ежеквартальное обозрение»; не были забыты также отдельные номера других газет и журналов, освещавших интересующие нас проблемы.

Научная командировка во Францию (1971 г.) позволила использовать архивные документы. Наибольшее значение имеют сен-симонистские фонды, хранящиеся в Отделе рукописей Библиотеки Арсенала. Таких фондов несколько. Самый значительный из них — «Фонд Анфантена» — включает более 35 тыс. документов. Здесь собраны рукописи Сен-Симона, опубликованные им труды,

²²⁴ В ряде работ, основанных на этом методе, выделяются исследования Р. Панкхёрста (*R. Pankhurst. The saint-simonians, Mill and Carlyle. A Preface to Modern Thought. London, 1958*), Е. М. Батлер (*E. M. Butler. The Saint-Simonian religion in Germany. New York, 1968*), Р. Факкара (*R. Fakkar. Sociologie, Socialisme et Internationalisms pre-marxiste. L'influence de Saint-Simon. Neuchatel, 1968*),

отдельные экземпляры периодических и непериодических сен-симонистских изданий, большое число писем, полученных Анфантенем, Базаром и другими руководителями сен-симонистской школы. Фонд начал формироваться после смерти учителя и очень ревниво охранялся от посторонних глаз. По завещанию Анфантена архив был передан в Библиотеку Арсенала, где некоторое время работал Сен-Симон. Согласно последней воле Анфантена, только через 30 лет после его смерти, т. е. с 1894 г., архив был открыт для исследователей²²⁵.

Второй по значению, «Фонд Эхталь» образовался из рукописей, писем и других документов Г. Эхталь, поступивших в Библиотеку Арсенала как дар П. Альфасса (1936 г.) и Д. Герена (1947 г.), дополнявшихся до 1953 г. и зарегистрированных под инвентарными номерами с 13728 по 13759. Наибольший интерес представляет переписка Эхталь: среди его корреспондентов значатся, например, П. Анфантен, А. Фурнель, Дж. Ст. Милль и другие лица, связанные с сен-симонизмом²²⁶.

Третий фонд — «Новые приобретения» — включает самые разнообразные материалы, в том числе и сен-симонистские, которые регистрируются под инвентарными номерами начиная с 14126. Фонд описан в служебном машинописном каталоге (*Bibliothèque de l'Arsenal. Catalogue des manuscrits* № 14126 а...), который находится в кабинете Главного хранителя Библиотеки Арсенала. О самых последних приобретениях можно получить сведения в особых, еще не попавших в машинописный каталог списках. Автор имел возможность пользоваться всеми этими материалами благодаря любезному содействию и исчерпывающим консультациям заведующей Отделом рукописей Библиотеки Арсенала мадмуазель Мадлен Лежа, которой он выражает самую искреннюю и почтительную благодарность.

В Отделе рукописей Библиотеки Арсенала нами так-

же просмотрен ряд документов, относящиеся к Тьерри, Мишле, Токвиллю. Знакомство с ними убеждает, что влияние сен'-симонизма на выдающихся представителей французской историографии не было кратковременным и случайным.

Сен-симонистские фонды Отдела рукописей Национальной библиотеки образовались из бумаг семьи Перейр, переданных в главное книгохранилище Франции в 1946 г.; они известны как «*Pariers Saint-simonies*» и имеют номера с 24605 по 26614²²⁷. В работе над этими документами большую помощь оказали автору пояснения и советы мадам Дюбьеф, которой автор выражает глубокую признательность.

В Национальном архиве мало сен-симонистских документов, непосредственно связанных с кругом рассматриваемых проблем. Однако хранящиеся здесь «Социетарные архивы» имеют большое значение для исследования проблемы «Фурье и Сен-Симон». Разобраться в очень непростой системе описей Национального архива нам помог один из его хранителей, генеральный секретарь Французского национального комитета историков г. Берсе. «Социетарные архивы» — это рукописи Ш. Фурье, В. Консидерана, Ж. Мюирона и некоторых других фурьеристов (черновики опубликованных работ, разрозненные листки, записные книжки, переписка, фотографии и другие материалы). После смерти Консидерана его душеприказчик Р. Клайн передал документы в центр социальной документации, созданный Р. Бугле при Эколь Нормаль. В годы второй мировой войны они были перевезены в Библиотеку Международной документации, а с 1949 г. помещены в Национальный архив Франции, составляя фонд, зарегистрированный под шифром 10 AS²²⁸.

Весьма интересен сен-симонистский фонд Рукописного отдела Парижской городской исторической библиотеки. Речь идет об архивных делах, зарегистрированных под инвентарными номерами CP 3704 (Заметка о Сен-

²²⁵ См. *Catalogue General des manuscrits des Bibliothèques publiques en France*, t. XLIII. Supplément IV. Paris (Arsenal), Fonds Enfantin. Paris, 1904. В экземпляре этого каталога, хранящегося в читальном зале Библиотеки Арсенала, имеется ряд уточнений и изменений — рукописных и машинописных, сделанных Буссаром.

²²⁶ *Catalogue General des manuscrits de Bibliothèque de l'Arsenal*. Paris, 1954, p. 95—106, 503.

²²⁷ См. *Bibliothèque Nationale. Département des manuscrits. Nouvelles acquisitions françaises 1946—1957*. Paris, 1967, p. 91—92.

²²⁸ См. *E. Thomas. Archives Sociétaires (Fond Bougie). Inventaire* (рукописная опись *Archives Nationales*). См. также: *E. Poulat. Les cahiers manuscrits de Fourier. Etudes historique et inventaire raisonné*. Paris, 1957.

Симоне и его учении), СР 3705—3718 (бумаги Бюше, СР 3165 (описание здания в Менильмонтане и Бельви ле, в которых происходили сен-симонистские радения после 1832 г.). Благодаря любезному содействию заведующей Отделом рукописей мадемуазель Верле нам удалось сделать фотокопии названной «Заметки».

Наши архивные находки не относятся к числу сенсаций, но они позволяют, как мы надеемся, несколько более точно и подробно рассказать о некоторых фактах истории сен-симонизма в XIX в. Хочется также подчеркнуть, что мы не претендуем на сколько-нибудь полное изучение названных архивов. Добытые сведения рассматриваются как приглашение к дальнейшим поискам и неоспоримым доказательством того, что эта работа может быть весьма многообещающей и плодотворной.

Глава II

СУДЬБА ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ СЕН-СИМОНА В КРИТИЧЕСКИ-УТОПИЧЕСКОМ СОЦИАЛИЗМЕ

I. СЕН-СИМОН И СЕН-СИМОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В «Большом Ларуссе» сен-симонизм определяется как доктрина Сен-Симона и его учеников, главным образом Базара и Анфантена¹. Такое определение лишает обе стороны права быть самими собой: Сен-Симона — автором учения, носящего его имя, Базара и Анфантена — социалистами-утопистами, которые пропагандировали и развивали идеи учителя после его смерти. Анализ наследия всех троих свидетельствует об общности и о различиях между ними. Базар и Анфантен не только отличались от Сен-Симона, но и друг от друга. Выступив от имени Сен-Симона и возглавив в 1825—1832 гг. целое общественно-политическое течение, отдельные струи которого не иссякали и в последующие годы, руководители «сен-симонистской школы», каждый по-своему, развили и одновременно довели до абсурда ряд положений Сен-Симона. Внесенные изменения характеризуют их собственный вклад в историю идей утопического социализма; исходные посылки, многие теоретические положения, аргументация, неоднократные упоминания имени учителя — неразрывную связь с сен-симонизмом, т. е. наследием великого социалиста-утописта Анри де Сен-Симона.

Забвение всех этих обстоятельств таит опасность при-
-----ть роль Сен-Симона, придать творчеству учеников

¹ Larousse, t.9, p.538.

слишком большое значение и подойти к движению сен-симонистов как к чему-то лишнему внутренней противоречивости. Конечно, такая опасность исходит из назойливо декларируемой самими же сен-симонистами принадлежности к «сен-симонизму», из литературной традиции, а вовсе не из реальных исторических фактов.

С апреля 1826 г. имя Сен-Симона не только не сходило со страниц сен-симонистских изданий, сами они выдавались за простое изложение доктрины метра, хотя и содержали ряд идей, к появлению которых тот имел большей частью лишь косвенное отношение. Такая «верность» учителю выступала важной предпосылкой самого существования школы. Развиваемый ею «сен-симонизм», по мнению Ж. Лешевалье, «в известном смысле был разноречивой доктриной, нагромождением объединенных с помощью имени Сен-Симона, слабо связанных друг с другом «вкладов» его главных учеников»². Пестрота идейных устремлений сен-симонистов во многом содействовала распаду школы, хотя в 1825—1832 гг. ее деятельность являлась одним из важных общественно-политических и идейных факторов в жизни Франции и ряда других стран.

Выступления от имени Сен-Симона принесли его ученикам шумную славу и способствовали созданию несколько преувеличенного представления об их роли в истории общественной мысли. П. Жане был совершенно прав, когда указывал, что «громкая известность сен-симонистской школы отодвинула в тень Сен-Симона, а ученики заставили забыть об учителе»³. Действительно, такие авторы старых обобщающих работ по истории утопического социализма, как Рейбо, Сюдр, Лоренц фон Штейн и Тониссен, больше внимания уделяли сен-симонистам, чем их учителю.

Несомненно, сдержанность этих историков в отношении Сен-Симона связана была не только с былой популярностью Анфантена и его ближайшего окружения, но и со скудостью источников, позволяющих характеризовать творчество метра. Помимо прижизненных, ставших библиографической редкостью изданий его работ, можно было использовать только собрание его сочинений.

опубликованное Родригом в 1832 г. и вышедшее второй раз в 1841 г. Оно, хотя и давало общее представление об идеях автора, однако не содержало столь необходимых для исследования биографических и библиографических подробностей. В своей библиографии А. Фурнель проявил больший интерес к сен-симонистской школе, в особенности к Анфантену, чем к самому Сен-Симону. 1857 год принес издание известной монографии Г. Юббара, 1859 г. — новую публикацию сочинений Сен-Симона. Казалось, на смену «громкой известности сен-симонистов» приходит заслуженное исторически обоснованное признание Сен-Симона. Однако с 1865 по 1878 г. было осуществлено издание 47-томного Собрания сочинений Сен-Симона и Анфантена, которое еще больше запутало дело, ибо служило прославлению Анфантена.

Работа П. Жане свидетельствует о симпатии автора к социалистическим теориям, которые он называет «великими социальными учениями нашего времени»⁴, о неспособности отличать утопический социализм от научного. Пытаясь выбраться из заколдованного круга, когда в «сен-симонизме» менее всего известен Сен-Симон»⁵, Жане составил на основании сведений, содержащихся в 47-томном собрании сочинений, «библиографическую заметку» о трудах Сен-Симона⁶ и призвал издать «совершенно полное собрание его сочинений»⁷. Весь свой труд автор строит так, чтобы доказать «значительную разницу между основателем и школой»⁸.

Его мало занимает достаточно известная к тому времени событийная история сен-симонистского общества — он просто отсылает читателя к работам Рейбо, Тониссена и Бута. Свою задачу Жане видит в анализе публикаций сен-симонистской школы, в сравнении их с идейным наследием Сен-Симона⁹. Если «библиографическая заметка» оказалась весьма полезной для многих авторов, писавших о Сен-Симоне и его учениках¹⁰, то призыв Жане

⁴ P. Janet. Op. cit., p. IV.

⁵ Ibid., p. 9.

⁶ Ibid., p. 165—171.

⁷ Ibid., p. 9.

⁸ Ibid., p. 75.

⁹ Ibid., p. 77—78.

¹⁰ См., например: H. Gouhier. La jeunesse d'Auguste Comte, v. II. Paris, 1930.

¹ L. Chevalier. Etude sur la science sociale. Paris, 1832—1834, p. 18.

² Janet. Saint-Simon et le Saint-Simonism. Paris, 1878.

к изданию полного собрания сочинений Сен-Симона до сих пор остается нерешенным. Не получила в зарубежной историографии достаточного развития и попытка написать не событийную, а идейную историю сен-симонистов, определить их различия с учителем и друг с другом.

Вскоре после того, как с 1894 г. сен-симонистские архивы стали доступны читателю, появились два крупных исследования — Ж. Вейля и С. Шарлети. Еще раньше с 1887 г., работу по классификации и описанию названного архива начал А. Дальмань. В 1903 г. он завершил составление каталога¹¹, а спустя много лет опубликовал свою монографию о сен-симонистах¹². Проблема первоисточников представляется здесь весьма запутанной, так как несомненно, что Вейль и Шарлети пользовались консультациями архивиста Дальманя, а книга последнего по концепции чрезвычайно близка к труду Шарлети.

Именно эти три автора до сих пор выступают высшими авторитетами во всех вопросах, относящихся к истории сен-симонистской школы. Ценность извлеченных ими из архивов конкретных фактов неоспорима. Однако их подход к таким коренным проблемам, как роль Сен-Симона и его учеников в «сен-симонизме», вызывает возражения.

В капитальном труде о Сен-Симоне социалист Ж. Вейль¹³ вслед за Жане справедливо отмечал, что «основатель сен-симонизма больше знаменит, чем известен. Его ученики прославили его имя, но заставили забыть его произведения; в сочинениях Базара и Анфантена ищут его мысль, хотя между Сен-Симоном и сен-симонистской школой существуют многие различия»¹⁴. Вейль предпринял удачную в целом попытку серьезно изучить труды самого Сен-Симона. Во второй своей монографии — о сен-симонистской школе¹⁵ — Вейль, к сожалению,

не пошел по пути, намеченному Жане. Он написал не идейную, а событийную историю сен-симонистской школы, соответственно выделив три периода: 1825—1832 гг. — когда пропагандируются идеи сен-симонизма, 1832—1864 гг. — когда предпринимаются попытки воплотить сен-симонистские идеи в действительности, с 1864 г. и до 1896 г. — время, когда не стало Анфантена, но можно обнаружить те или иные проявления «сен-симонистского духа».

По нашему мнению, такая структура работы не отражает того важнейшего факта, что если до 1832 г. сен-симонистская школа, в частности Базар и Анфантен, представляла одно из направлений утопического социализма, несмотря на весь свой мистицизм, религиозность и сомнительные идеи о раскрепощении плоти, то после 1832 г. сен-симонистская школа формально прекратила свое существование, а многие ее деятели, в том числе «верховный отец» Анфантен, отреклись от былых социалистических мечтаний и весьма успешно действовали как буржуазные предприниматели и пропагандисты беспредельного развития существующего капиталистического общества. Налицо процесс превращения утопического социализма в буржуазный «индустриализм». И здесь ничего уж не поделаешь, даже если Анфантен, став почтенным буржуа, продолжал считать себя сен-симонистом, а некоторые важные сановники времен Наполеона III и некоторые важные дельцы последующих лет были иногда склонны свои грезы о бесконечном процветании капитализма называть сен-симонизмом.

Если у Вейля сен-симонизм выступает не как творческое наследие великого социалиста-утописта Сен-Симона и даже не как учение сен-симонистской школы, а используется для обозначения более широкого круга явлений в истории общественной мысли, включая идеи буржуазного индустриализма, то у Шарлети и Дальманя Сен-Симон превращается в... предшественника сен-симонизма¹⁶. Шарлети утверждает, что Сен-Симон умер в безвестности, но вскоре стал знаменит, так как группа талантливых людей «оказала ему честь, приветствуя в нем единственного наставника и вдохновителя еще никому не-

les sociologies de Saint-Simon, Proudhon et Marx. Paris, 1969, p. 541—542.

¹¹ Catalogue Général des manuscrits des Bibliothèques publiques en France, t. XLIII. Supplément IV. Paris. (Arsenal), Fonds Enfantin. Paris, 1904.

¹² H. R. D'Allemagne. Les saint simoniens. 1827—1837. Paris, 1930.

¹³ G. Weill. Saint-Simon et son oeuvre. Paris, 1894.

¹⁴ Ibid., p. III.

¹⁵ G. Weill. L'école saint simonienne

¹⁶ S. Charléty, Histoire du saint-simonisme (1825—1864). Paris, 1899, t. I; H. R. D'Allemagne. Op. cit. n. 13

домой правды... От его имени они сформулировали политическую и социальную доктрину, распространили ее дали ей его имя...»¹⁷. Сен-Симон, по Шарлети, — лишь отражение величия тех, кому было угодно назвать себя его учениками.

Задача историка сен-симонизма состоит, оказывается, в том, чтобы в наследии Сен-Симона «отыскать живые ростки, которые дали после его смерти столь великолепное цветение»¹⁸. Этот поиск затрудняется незавершенностью, фрагментарностью и синкретичностью идейного наследия Сен-Симона. По мнению Шарлети, он в своем творчестве так и не смог выйти из подготовительной стадии и остался автором неосуществленных замыслов. «Этот реформатор, — отмечает Шарлети, — ждал спасения человечества сперва от физики, потом от истории. В конце же концов обратил свои взоры к религии»¹⁹. Итак, возжеланный росток отыскался. Он не что иное, как религиозность Сен-Симона.

Странная способность Сен-Симона ничего не доводить до конца содействовала, полагает Шарлети, его посмертной славе. Люди, назвавшие себя сен-симонистами, получили возможность, прикрываясь именем учителя, развивать собственные идеи. Это поверхностное наблюдение дает Шарлети повод высказать парадоксальную максиму: «совершенная и законченная доктрина неплодотворна». Существование сен-симонизма стало возможным лишь благодаря творчеству Базара и Анфантена²⁰.

Уже в «Le Producteur» — первом периодическом органе сен-симонистской школы, издававшемся с октября 1825 по октябрь 1826 г., — «неопределенные и темные указания» метра были уточнены и подправлены²¹. Что касается последнего, то это бесспорно. Первая же часть фразы совершенно не соответствует содержанию оставленных Сен-Симоном трудов и анализу их в работах таких предшественников Шарлети, как, например, Жане и Вейль.

Доктрину сен-симонистов Шарлети склонен рассматривать как нечто цельное, единое. Касаясь этой стороны

вопроса при изложении основных идей «Le Producteur», автор утверждает, что уже здесь такое единство существовало, хотя «состояло не в логическом развитии рассуждений, а в особой окраске публикуемых материалов, каков бы ни был сюжет, который они трактовали. Здесь чувствовалась новая манера очерчивать проблемы политики, экономики, эстетики, здесь было единство чувств, сходство образования, одни и те же интеллектуальные позиции. Вообще, если их что и объединяло, так это «позитивный» дух их философии»²².

Мы далеки от намерения отрицать саму возможность анализа учения сен-симонистов в его целостности, хотя и полагаем, что исследование творчества отдельных представителей сен-симонистской школы, прежде всего Базара и Анфантена, должно предшествовать конструированию каких бы то ни было выводов об этом учении в целом. Выделяя общее, исследователь должен не отвлекаться от содержания, социальной и политической направленности общественных идей и не должен механически объединять авторов этих идей по принципу общности духа их «позитивной» философии, их образованности и интеллектуальной позиции. Несостоятельность создания таких систем легко обнаруживается.

Шарлети приводит слова анонимного автора «Le Producteur» о том, что «основание политики нужно искать главным образом в прямом и позитивном изучении общества». Далее следует изложение воистину догматической мысли Конта о том, что от анархии и свободного исследования люди опять придут к «догматизму, нормальному состоянию человеческого разума». Важную роль должна здесь сыграть история. Упомянув о ней, Шарлети тут же ссылается на известные рассуждения Базара: история для Сен-Симона наука положительная, а не предмет для развлечения и не придаток для спекулятивных рассуждений моралистов, публицистов, философов — она сама мораль, политика и философия, достигшая позитивного состояния, она — сама «социальная физика» или «физиология человеческого рода». Этот монтаж Шарлети завершает словами некоего Де Сенти, который утверждал, что задача истории — классифицировать факты, открыть закон их связи, показать достиже-

¹⁷ S. Charl  ty. Op. cit.

¹⁸ Ibid., p. 2.

¹⁹ Ibid., p. 5.

²⁰ Ibid., p. 25, 28, 29.

²¹ Ibid., p. 49.

²² Ibid., b. 31.

ния прогрессивного развития человечества, обнаружить признаки умирания и ростки нового в жизни, чтобы предвидеть судьбу этих достижений. Будущее Де Сенти видит как достижение «индустриального состояния», характеризующегося преобразованием земли с помощью материальной, интеллектуальной и моральной деятельности человека. При этом на первом месте стоит духовная власть (и здесь Шарлети снова приходится ссылаться на Конта), ибо массы не способны определять цели своих действий. Кроме того, только духовной власти дано устранить взаимную ненависть богатых и бедных, поддержать согласие руководителей и рабочих²³.

Итак, общность «интеллектуальной позиции» обращается заурядным буржуазным позитивизмом, которому дается имя сен-симонизма. Конт превращается в одного из творцов сен-симонизма, а Сен-Симон — в предшественника своего собственного учения. По словам Шарлети, это была «философская фаза» сен-симонизма. В последующих широко распространенных сен-симонистских изданиях, периодических и непериодических, развивались религиозные идеи, и сен-симонизм превратился в теологию, а его сторонники образовали церковь. И доктрина, и церковь не выдержали столкновения с действительностью. Постепенно они теряют свои позиции, но присущий сен-симонизму дух позитивизма и религиозного поиска имеет непреходящую ценность в истории общественной мысли.

По замыслу работа Дальмана близка к диссертации Шарлети. Формально она отличается тем, что доводит изложение истории сен-симонистской школы до 1837, а не до 1864 г., как это делает Шарлети. Дальмань приводит больше подробностей, извлеченных из архива Анфантена, более развернуто, чем Шарлети, говорит о Сен-Симоне, ибо полагает, что «необходимо дать краткое описание трудов Сен-Симона, предшественника сен-симонизма, так как именно из них вытекала его религия, великим апостолом которой на определенное время стал отец Анфантен»²⁴. По-видимому, можно согласиться с Факкаром, рассматривающим труд Дальмана лишь

как «коллекцию документов», а не как подлинное научное исследование²⁵.

Справедливости ради следует сказать, что не только Дальмань, но и К. Бугле, и А. Гуйе, и Р. Факкар, и Ж. Вальш в суждениях о сен-симонизме не вышли за рамки представлений о нем Шарлети.

В известном «Предисловии» к изданию «Изложения учения Сен-Симона» С. Бугле и Э. Алеви писали, что «Le Producteur» сохранил «позитивный» дух; система была здесь далека от того, чтобы стать догмой²⁶. «Изложение учения Сен-Симона», по словам авторов, было необходимым этапом, который окончательно обозначил то, что «сен-симонистская религия» удержала от «позитивной философии» и что она добавила. Эта книга, уточняют авторы, великолепно характеризует переход между философским и религиозным периодами в истории сен-симонизма²⁷. Именно в этом предисловии Бугле и Алеви предложили схему идейной эволюции Сен-Симона, которая лишь слегка видоизменяет — вернее, пытается подтвердить — соображения Шарлети о фрагментарности и синкретизме идейного наследия великого социалиста-утописта. Именно «Новое христианство» — этот венец всего творчества Сен-Симона и преодоление его социализма — было положено Базаром в основу «Изложения учения»²⁸.

Наряду с теологическими поисками сен-симонисты, полагают Бугле и Алеви, развивали «позитивные» идеи о мире между народами, необходимости максимального развития производства; они установили ставшую классической для социологии противоположность между милитаристским и индустриальным обществом, внесли вклад в разработку политической экономии во имя утверждения «индустриализма»²⁹. Несмотря на яростные споры между сен-симонистами и Контом³⁰, созданная им «позитивистская школа» — не что иное, как секта, процветающая на развалинах породившей ее сен-симо-

²³ Ср. «Le Producteur», t. II, p. 159—160, 314, 359—360, 406, 487.

²⁴ H. R. D'Allemagne. Op. cit., p. 13.

²⁵ R. Fakhkar. Sociologie, socialisme et internationalisme pré-marxistes. L'influence de Saint-Simon. Neuchâtel, 1968.

²⁶ C. Bouglé et E. Halévy. Préface.— In: «Doctrines de Saint-Simon. Exposition. Première année, 1829». Nouvelle éd. Paris, 1924, p. 6.

²⁷ Ibid., p. 8, 11.

²⁸ Ibid., p. 20, 21.

²⁹ Ibid., p. 37.

³⁰ Ibid., p. 29, 30.

нистской церкви³¹. Итак, круг замыкается. От синкретизма, ростков религиозности и индустриализма Сен-Симона к теологии и позитивизму его учеников, а затем к чистому позитивизму Конта, этого «Ахилла сен-симонизма», и теоретическому обоснованию законов безграничного развития «индустриального общества» — таков, по Бугле и Алевю, исторический путь сен-симонизма.

Концепция Шарлети, несколько подправленная Бугле и Алевю, была доведена до чистейшего абсурда в книге А. Гуйе. «Не Сен-Симон, — писал Гуйе, — а сен-симонисты породили сен-симонизм, Сен-Симон едва имел отношение и к появлению сен-симонистов»³². Это намеренно заостренное утверждение подкреплено не фактами, а чуть препарированными цитатами. Вначале А. Гуйе приводит фразу А. Перейра: «Я спрашиваю себя, что произошло бы с идеями Сен-Симона, если бы Анфантен и Базар не примкнули к сен-симонистской школе. Видимо, секта не была бы основана, а Сен-Симон не стал бы мессией». Но, добавляет Гуйе, Сен-Симон не мог стать ничем иным, кроме как мессией, ибо еще Шарлети показал, что труды Сен-Симона не уготовили ему иной роли³³. Далее Гуйе ссылается на «абсолютно точную» формулу Шарлети: «Сен-симонизм родился после смерти Сен-Симона». Тут же Гуйе вставляет свою формулу: «Первой заботой сен-симонистов была выработка доктрины Сен-Симона»³⁴.

Доктрина весьма отличалась от мыслей того человека, именем которого она была названа. Гуйе отсылает к дискуссии, которая происходила в связи со 100-летием со дня смерти Сен-Симона³⁵. В ходе дискуссии наметились, полагает Гуйе, три таких отличия. Сен-симонисты были большими прагматиками, чем их учитель, ибо отвергли его спекулятивные притязания и попытки сравняться с Декартом. Кроме того, они различали собственность на предметы потребления и собственность на орудия труда — это основное положение сен-симонистского социализма, хотя, нужно признать, мы не найдем никаких следов этой мысли в работах Сен-Симона. Он никог-

да не ставил проблемы ни личной собственности, ни вопроса о наследовании. И, наконец, при любом отношении к интерпретациям «энтузиазма», «экзальтации», «мессиянства» Сен-Симона как неким проявлениям религиозности остается несомненным, что его взгляды были весьма далеки от «метафизического пантеизма» и мистики сен-симонистской школы³⁶.

Отметим со своей стороны, что констатация различий между учителем и учениками — вовсе не свидетельство того, что сен-симонизм родился после смерти Сен-Симона лишь благодаря усилиям людей, назвавшихся сен-симонистами. Сен-симонизм появился на свет в 1802 г., когда были опубликованы «Письма женевского обитателя». Он обогащался новыми идеями до 1825 г., т. е. до смерти своего творца. И в период 1802—1825 гг., и в последующее время творчество великого социалиста-утописта оказывало существенное воздействие на общественную мысль первой половины XIX в. Особенно большое влияние сен-симонизма испытали сен-симонисты, в частности, Анфантен и Базар, представители одного из направлений утопического социализма, которые, действуя в 1825—1832 гг. от имени Сен-Симона, существенно развили и одновременно исказили его учение. В последующие годы многие бывшие сен-симонисты, сомкнувшись с позитивизмом Конта, превратились в преуспевающих дельцов, пропагандистов буржуазного индустриализма.

Не в том ли живучесть почти немыслимого парадокса, будто сен-симонизм по сути не имеет ничего общего с Сен-Симоном, а его труды представляют собой набор мало согласующихся друг с другом, темных, едва намечившихся идей, которые имеют значение лишь в связи с творчеством сен-симонистов?

Р. Факкар, автор новейшей монографии о сен-симонизме³⁷, сурово корит предшественников за то, что они повторяют все те же идеи и цитаты. Отдельные страницы работ «трех великих историков сен-симонизма» (Вейля, Шарлети и Дальмана) просто совпадают³⁸. Со времени их публикации было издано немало документов. Поэтому, справедливо отмечает Факкар, современному ис-

³¹ C. Bouglé et E. Halévy. Op. cit., p. 65.

³² H. Gouhier. Op. cit., v. II, p. 346.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid., p. 346, 347.

³⁵ См. «Bulletin de la Société de philosophie», Janvier 1925.

³⁶ H. Gouhier. Op. cit., v. II, p. 347.

³⁷ R. Fakkar. Op. cit.

³⁸ Ibid., p. 15, 96, 99.

следовательно сен-симонизм представляется иным, чем он виделся в конце XIX — начале XX в.³⁹ Однако в решении «самой трудной задачи», определении, что такое сен-симонизм», Факкар следует проторенными путями. Понятие «сен-симонизм», говорит он, «включает и доктрину Сен-Симона, и доктрину сен-симонистов: это две трудные, различные и дополняющие друг друга реальности. Доктрина метра находит свое логическое завершение благодаря многочисленным интерпретациям его учеников, а идеи последних глубоко коренятся в заповедях учителя, которые служили им и философией науки, и планом религиозно-этической реформы общества, и теорией индустриализма, у которой столько черт позаимствовали социалистические доктрины»⁴⁰.

Кого же называть «учениками Сен-Симона»? Тех, кто восторженно отзывался о нем как о великом мыслителе? Тех, кто в 1825—1864 гг. имел отношение к сен-симонистской школе? Или тех, кто высказывал мысли, сходные с идеями Сен-Симона? Так можно всех мыслителей XIX и XX вв. считать сен-симонистами. Факкар призывает употреблять выражение «ученик Сен-Симона» лишь тогда, когда «существуют неопровержимые доказательства обоснованности этих терминов»⁴¹.

Данный критерий несостоятелен. Ведь бесспорными учениками Сен-Симона были и буржуазный либерал О. Тьерри, и основоположник позитивизма О. Конт, и один из пионеров социального католицизма — Ф. Бюше, что ни в малой мере не означает, что их идеи и творческое наследие Сен-Симона составляют «две трудно различимые и дополняющие друг друга реальности», которые под именем сен-симонизма сливаются в единую сверхреальность.

Такой подход к сен-симонизму позволяет, полагает автор, характеризовать его как особый, гуманный, умеренный социализм и одновременно как сознающий социальную справедливость либерализм. Названный тип социализма, представляет собой «синтез идеализма и материализма, традиционализма и прогресса, духовного спокойствия и социального действия...». Он гарантирует

и горячо защищает святое дело свободы веры и мысли, проповедует принципы социальной справедливости и технического прогресса как непеременимые условия благополучия человека в настоящем и будущем»⁴².

Последнее слово неопозитивистских интерпретаций общих проблем сен-симонизма — статьи Ж. Вальша⁴³. Наряду с другими его работами⁴⁴ они формируют сегодняя на Западе представление о месте Сен-Симона в истории общественной мысли.

«Все мы в большей или меньшей степени сен-симонисты», — этим несколько неожиданным афоризмом экономиста Ф. Перру⁴⁵ начинает Вальш свою статью и тут же предлагает собственную, звучащую чуть иначе сентенцию: «Все мы сен-симонисты, хотя большинство из нас и не знает этого»⁴⁶.

Сен-симонизм, полагает Вальш, — это прежде всего «несколько принципов, выработанных Сен-Симоном и принятых всеми». Они создавались в период 1802—1825 гг., их влияние распространялось на очень узкий круг почитателей. Только после смерти метра его главные ученики — Родриг, Базар, Анфантен — восприняли, развили, широко распространили и видоизменили его идеи. «Этот второй период сен-симонизма длился от смерти Сен-Симона до 1832 г., когда Анфантен был заключен в тюрьму»⁴⁷. Третий период сен-симонизма начинается после 1832 г., продолжается до наших дней и подразделяется на два различных направления. Одно из них — «сен-симонизм духовный», связанный с такими религиозными мыслителями, как Ф. Бюше, П. Леру, Ж. Рейно;

³⁹ Ibid., p. 19.

⁴⁰ J. Walch. Qu'est-ce que le saint-simonisme? Vues actuelles sur le saint-simonisme du XIXe siècle.— «Economies et sociétés», 1970, № 4; *idem*. Bilan.— «Economies et sociétés», 1973, № 1.

⁴¹ J. Walch. Les saint-simoniens et les grandes entreprises du XIXe siècle.— «Economies et sociétés», 1970, № 10; *idem*. Michel Chevalier et la puissance productive du travail.— «Economies et sociétés», 1970, № 4; *idem*. La monnaie selon Michel Chevalier.— «Economies et sociétés», 1971, № 7; *idem*. Saint-simonisme et philosophie de la civilisation.— «Economies et sociétés», 1973, № 1; *idem*. Bibliographie du saint-simonisme. Paris, 1967.

⁴² См. F. Perroux. Industrie et création collective. I. Saint-simonisme du XXe siècle et création collective. Paris, 1969, p. 9.

⁴³ J. Walch. Qu'est-ce que le saint-simonisme?, p. 5.

⁴⁴ Ibid., p. 5, 6.

³⁹ R. Fakkar. Op. cit., p. 17.

⁴⁰ Ibid., p. 13, 24.

⁴¹ Ibid., p. 16, 254.

другое может быть охарактеризовано как «практический сен-симонизм» и связано с деятелями Второй империи: финансистами, банкирами, железнодорожными магнатами, теоретическими устремления которых лучше всего выразил М. Шевалье⁵².

Итак, по Вальшу, в едином потоке сен-симонизма сливаются «несколько принципов» Сен-Симона, требования Родрига, Базара и Анфантена, религиозные искания Бюше, Леру и Рейно, теоретические выкладки патерналистски настроенных капиталистов. Сен-симонизм как цельное движение мысли связывают идеи индустриализации, социализации и установления всеобщего мира⁵³.

Этот симбиоз и в целом, и по частям служит прославлению социально-политических порядков на Западе и используется для различных антимарксистских спекуляций. Мы видели как выглядят в изложении Вальша «некоторые принципы» Сен-Симона. Что касается интерпретации требований Анфантена и Базара, то и они, по Вальшу, свидетельствуют о «практическом и реалистическом характере сен-симонизма», о формулировании основных демократических свобод, осуществленных якобы в западных странах. Эти свободы, по замыслу учеников Сен-Симона, должны были послужить предварительным условием всемирного развития производства для быстрого и широкого удовлетворения потребностей наиболее обездоленных слоев общества. Экономическое развитие, следовательно, идентифицируется с социальной справедливостью, служит средством предотвратить народные волнения и создать научно организованное индустриальное общество⁵⁴. Однако под влиянием Анфантена сен-симонизм стал все больше и больше напоминать религиозную доктрину. Многие отвернулись от него, но это не было его концом. В деятельности духовных сен-симонистов и индустриалов-патерналистов он продолжает жить и в наши дни⁵⁵.

Воистину, «все мы сен-симонисты, хотя большинство из нас и не знает этого».

Антитезой толкования сен-симонизма как единого

потока идей Сен-Симона и его учеников без учета их идеологической ориентации служит подход к этому понятию П. П. Иванова⁵⁶ и В. Шпюлера⁵⁷.

П. П. Иванов, словно откликаясь на призыв П. Жане, главное внимание уделяет Сен-Симону и старается отделить его социальную философию от элементов, внесенных сен-симонистами. Поступает он так во имя восстановления исторической правды, ибо «ученики Сен-Симона сделали все, чтобы подорвать всякий философский авторитет его идей и до последней степени дискредитировать его личность»⁵⁸. Одни искажали его мысли, другие возводили на него хулу, третьи поклонялись ему, как мессии. Но даже восторги не мешали ученикам «с полной свободой развивать, толковать и дополнять его философское и социальное завещание»⁵⁹.

«Усиленно пользуясь именем учителя и создавая на этом имени здание, совершенно чуждое первоисточнику, — утверждает Иванов, — они пресекли прямую дорогу к этому первоисточнику. Ненависть Конта и мессианство Анфантена, поощренное Родригом, могли надолго и невозвратно утверждать легенду о Сен-Симоне и его учении на место истории...»⁶⁰.

Основные положения учения Сен-Симона «точные и определенные, но путь их развития беспрестанно прерывается и уклоняется в сторону под влиянием пафоса, чувства, подчас просто прихотливого настроения». Однако многие его идеи трудны для понимания. Поэтому сен-симонистам «неминуемо с первого же дня своей деятельности предстояло вносить (в полученное идейное наследство) существенные поправки и дополнения». В результате Конт получил возможность «блестяще применять свой систематизирующий ум к отрывочным мыслям учителя, а Анфантен — дополнять и объяснять их по влечению собственного вкуса»⁶¹.

Опираясь на мысль Сен-Симона о том, что прогресс промышленности и науки должен быть не самоцелью

⁵² J. Walch. Op. cit., p. 6.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibid., p. 12—13.

⁵⁵ Ibid., p. 14—15.

⁵⁶ Ив. Иванов. Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1901.

⁵⁷ W. Spüler. Der Saint-Simonisme. Lehre und Leben von Saint-Amand Bazard. Zürich, 1926.

⁵⁸ Ив. Иванов. Указ. соч., стр. 405.

⁵⁹ Там же, стр. 630.

⁶⁰ Там же, стр. 406.

⁶¹ Там же, стр. 407—408, 631, 632.

а средством развития в человеке чувства социальности, стремления к мировой гармонии. Анфантен неустанно развивал «свою религиозную мысль» и много старался для превращения сен-симонизма в религию и церковь. Тем самым он подорвал научно-философские и социально-политические стороны этого учения⁵⁸. Правильное представление об «индустриальной эволюции» получено в трудах С. Шарлети. И у того, и у других сен-симонистов значение антибуржуазного критического орудия и приведет их к гораздо более демократическим выводам, чем социальная политика учителя.

Превращаясь в пророка, Анфантен не только формировал учение метра, но придал сен-симонистскому движению скандальный характер и как его глава попал в тюрьму за оскорбление общественной нравственности. Современники, как правило, «не отделяли анфантевского фарса... от личности и философии Сен-Симона, и Анфантен, изображаемый с шутовской погрешностью в руках, являлся в глазах большинства подлинным представителем сен-симонистской школы»⁶⁰.

Только внимательное изучение сочинений самого Сен-Симона и его архивов, продолжает Иванов, может развеять это неблагоприятное и не отвечающее действительности представление о сен-симонизме. Однако ученики не позаботились о том, чтобы облегчить задачу исследователей. Труды Сен-Симона изданы учениками неудовлетворительно. Издатель первого полного собрания сочинений Сен-Симона — Родриг — вместо обещанных 10—12 выпусков опубликовал только два. При этом он расположил сочинения «совершенно случайно, не образуясь ни с их значением, ни с их хронологией, видоизменяя текст и перепечатывая только часть сочинений». Полностью дано здесь только первое и последнее сочинения Сен-Симона, зато Родриг счел возможным поместить «свои обращения к публике и к сен-симонистам» в свою статью о браке и разводе⁶¹.

Монография Юббара, которому Родриг завещал сен-симонистское наследство, при всех ее достоинствах «первоисточника биографических сведений» и сборника обобщенной характеристики «обезличенного сен-симонизма» к анализу взглядов наиболее видных сен-симонистов.

... является истинный и ложный сен-симонизм. То же самое можно сказать о «сен-симонизме» Конта, Тьерри, промышленников и финансистов, деятелей Второй империи. Таким образом, в монографии И. И. Иванова сен-симонизм превращается в некую вневременную универсальную философскую и социологическую систему. Такое представление о нем вполне вписывается в схему, разработанную в трудах С. Шарлети. И у того, и у другого исследователя абстрактный, «дендеологизированный» сен-симонизм выступает как конгломерат идей метра и его учеников. В этом сен-симонизме у С. Шарлети Сен-Симон почти не виден, у И. И. Иванова же он вырастает до исполинских размеров; в одном случае творчество учеников характеризуется как «решающий вклад», в другом — как ересь.

Думается, что только подход к сен-симонизму как к идейному наследию Сен-Симона, только анализ творчества, а тем самым и идеологических устремлений его учеников, в частности Анфантена, Базара и других представителей сен-симонистской школы, отвечает задаче научного исследования вопроса о роли идей великого социалиста-утописта в истории общественной мысли XIX в.

В. Шпюлер верен традиционным представлениям о сен-симонизме, хотя и выражает неудовлетворенность существовавшими схемами, говоря, что в трудах по истории социализма идеи Базара растворены в безликом понятии «сен-симонизм». «Сен-симонизм, — продолжает Шпюлер, — это такое течение общественной мысли, но носителем которого не может выступать один-единственный человек. Кроме того, нет абсолютного совпадения между сен-симонизмом и теориями Базара. Мы даем нашей работе о нем общее название «Сенсимонизм», так как убеждены, что именно Базару сен-симонизм обязан всем тем, что есть в нем непреходящего и действительно ценного»⁶².

При всей противоречивости этих утверждений не может не вызвать сочувствия само намерение перейти от обобщенной характеристики «обезличенного сен-симонизма» к анализу взглядов наиболее видных сен-симонистов.

⁵⁸ Ив. Иванов. Указ. соч., стр. 364, 635—636.

⁵⁹ Там же, стр. 640—641.

⁶⁰ См. там же, стр. 404—406.

⁶¹ Там же, с. 400—401.

⁶² W. Spüler. Op.cit., S. III.

Вводную главу В. Шюлер посвящает Сен-Симону и его идеям, получившим дальнейшее развитие в трудах Базара. Речь идет о «физинизме», т. е. требовании научного подхода к общественным явлениям: «историзме», утверждающем, что будущее складывается из последовательных членов ряда, в котором первые составляют прошлое «индустриализма», иначе говоря, производительности деятельности, выступающей важной стороной социальных изменений, основой общественной организации и морали.

Жизненный путь Базара, связи с сен-симонизмом, описаны весьма бегло. Главное внимание уделено анализу его теоретического наследия. Материалом служат статьи Базара в журнале «Le Producteur» и «Изложение учения Сен-Симона». Шюлер считает Базара крупнейшим теоретиком, не уступающим Конту в разработке позитивной общественной науки и занимающим видное место в ряду таких социалистов, как Ш. Фурье, П. Прудон, К. Маркс, К. Родбертус и Ф. Лассаль. Шюлер отличает утопический социализм от научного и искажает роль Базара в истории социалистических идей.

В книге затронут важный вопрос о различиях между Базаром и Анфантенем, намечена главная область споров. «Изложение учения Сен-Симона» Шюлер характеризует как «значительный документ французского социализма» и «замечательный памятник французского духа». Это сочинение в целом создано Базаром, но религиозные идеи «Изложения» разрабатывались при посредстве Анфантена. «Именно в сфере религиозной с наибольшей силой проявились разногласия двух руководителей сен-симонистской школы, что привело к расколу, а затем к исчезновению движения».

Итак, в буржуазной историографии сен-симонизм трактуется как некая надисторическая идеология, идеальная система философских и социологических представлений Сен-Симона и его учеников. Причем ученики, как правило, превращаются в подлинных творцов сен-симонизма, Сен-Симон выступает предшественником собственного учения. Эта «система» служит прославлению капиталистических порядков и противопоставляется, особенно в работах, изданных после второй

мировой войны, марксизму-ленинизму и реально существующему социализму. Только в некоторых книгах намечается тенденция несколько усовершенствовать господствующую генеральную схему.

Труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, характеризующие Сен-Симона как представителя критически-утопического социализма, как великого предшественника научного социализма, заложили совершенно новую традицию изучения идейного наследия Сен-Симона и сен-симонистов.

В «Немецкой идеологии», как известно, наряду с анализом творчества Сен-Симона большое внимание уделяется исследованию идейного наследия сен-симонистской школы⁷⁴. Весьма показательно, что основоположники научного социализма вопрос о сен-симонистской школе рассматривают особо, отделив его от характеристики сочинений самого Сен-Симона. «Период с момента смерти Сен-Симона до июльской монархии» в деятельности школы ими назван важнейшим этапом «в теоретическом развитии сен-симонизма»⁷⁵. Главной чертой этого периода является критика сен-симонистами существующего строя; это можно понять, как подчеркивание К. Маркс и Ф. Энгельс, только «зная источники, особенно прессу». К. Маркс и Ф. Энгельс опираются на анализ главных документов сен-симонистской школы: на журнал «Производитель», на «Изложение учения Сен-Симона», на газету «Организатор» и «Глобус». Они указывают, что «Глобус», в частности, содержит «подробнейшую и серьезнейшую критику существующего строя, особенно его экономических порядков»⁷⁶.

Весьма существенны замечания о главных руководителях сен-симонистской школы — Базаре и Анфантене. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что «Сен-Симон никогда и нигде не противопоставлял органические периоды истории критическим... Лишь Базар ввел это деление»⁷⁷.

Что касается другого руководителя сен-симонистов, то К. Маркс и Ф. Энгельс отличали Анфантена-жреца

⁷³ W. Spüler. Op. cit., S. 61—63.

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 508—514.

⁷⁵ Там же, стр. 508.

⁷⁶ Там же, стр. 510.

⁷⁷ Там же, стр. 507.

от Анфантена-экономиста и называли в этой связи статьи, которые писались для «Глобуса» и образцов затем известную работу «Политическая экономия и политика»⁷⁹.

В «Немецкой идеологии» упоминается также «главный редактор» «Глобуса» М. Шевалье, его лекции политической экономии, относящиеся к 1841—1842 «когда тот уже давно перестал быть сен-симонистом».

В. И. Ленин указал на важнейшую сторону критики сен-симонистами капиталистической действительности. В частности, о Перейре он писал, что «этот сен-симонист увлеченный осуждением противоречий капитализма просматривает за этими противоречиями тот факт, обмен тоже выражает особую форму общественного хозяйства, что он, следовательно, не только разъединяет (это верно лишь по отношению к средневековым союзам, которые капитализм разрушает), но и соединяет людей заставляя их вступать в сношения между собой, посредством рынка». Подобную критику капитализма В. И. Ленин определяет как «поверхностность понятия, вызванную увлечением «разнести» капитал (с точки зрения утопической)»⁸⁰.

Первое советское издание «Изложения учения Симонистов к классовой борьбе, их неспособность привлечь Симона» появилось в 1923 г. в серии «Предшественники себе широкие народные массы. Но вместе с тем работы современного социализма»⁸¹. Оно легло в основу некоторых учеников Сен-Симона свидетельствовали о дующих изданий⁸², вышедших в той же серии, с введением социалистических тенденций, содержащихся в статье того же автора «Социальное учение раннего сен-симонизма», которая составила затем вторую часть книги «Сен-Симон и сен-симонизм».

В своей статье В. П. Волгин пишет, что в «Изложении» получило дальнейшую разработку слабо выраженное у самого Сен-Симона учение о будущем социальном строе. «Изложение учения Сен-Симона» наряду с книгой Ф. Буонаротти о «Заговоре равных», было, по мнению В. П. Волгина, одним из крупнейших произведений учения

пического социализма первых десятилетий XIX в. Он подчеркивал, что ни в одной из социалистических систем этого периода не была выражена с такой четкостью, как у сен-симонистов, идея «централистической организации» общественного производства.

В. П. Волгин обращал внимание на идеалистический монизм сен-симонистов в трактовке исторического процесса и говорил, «что в противоположность Сен-Симону, для которого духовный прогресс — прежде всего прогресс разума, для сен-симонистов первенствующую роль играет прогресс морали, чувства»⁸³.

Основное достижение сен-симонистов В. П. Волгин видел в их философии истории и учении о всемирной ассоциации трудящихся. Сен-симонисты, указывая на, «попытались, хотя и в несовершенной форме, подвести под социализм исторический фундамент, обосновав его неизбежность анализом прошлого и настоящего человеческого общества. Но они оказались неспособными полностью порвать с сен-симонистской идеей «бесклассовой» по существу буржуазной «индустриализации»⁸⁴.

Непонимание роли пролетариата как творца нового общества определило отрицательное отношение сен-симонистов к классовой борьбе, их неспособность привлечь к широкой массе. Но вместе с тем работы Сен-Симона свидетельствовали о развитии социалистических тенденций, содержащихся в теории учения. После процесса 1832 г. сен-симонистское движение утрачивает всякое влияние. Отдельные его представители частично переходят к фурьеризму, частично, как Бюнаротти, Леру, Пеккёр и Конт, создают свои собственные социальные системы.

Следует отметить прекрасный комментарий, написанный Э. А. Желубовской, сводку фактических данных о учении из лекций, а также сжатые биографические очерки о Базаре, Анфантене, Родриге.

Специальные взгляды сен-симонистов изучал С. Гингорн⁸⁵. Он положительно характеризовал отдельные стороны концепции учеников Сен-Симона и одновременно

В. П. Волгин. Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1961, стр. 100. Там же, стр. 137.

С. Гингорн. Сен-симонизм. — «Под знаменем марксизма», 1924, № 19.

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 512.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 212—213.

⁸² Изложение учения Сен-Симона (1828—1829). Пер. с франц. М. Ландау. С предисл. и примеч. В. П. Волгина. М.—Пг., 1923.

⁸³ См. «Изложение учения Сен-Симона». Пер. М. Е. Ландау. Предисл. и с коммент. Э. А. Желубовской. Вступит. статья В. П. Волгина. М., 1947.

проводил мысль о том, что «все социалистически-утопические учения оппортунистичны по природе своей». Поэтому и политика сен-симонистов была, по Гингорну, оппортунистической и насквозь буржуазной.

Со всей определенностью труды В. П. Волгина выдвигали требование различать общее и особенное в творчестве Сен-Симона и его учеников. Поэтому, как кажется, термин «сен-симонизм» следует употреблять только для обозначения идейного наследия Сен-Симона и для характеристики воззрений его учеников, выступавших от его имени, пользоваться выражениями «идейное наследие сен-симонистской школы», «идейное наследие сен-симонистского движения». При этом важно иметь представление не только о сен-симонистской школе в целом, но и об особенностях творчества наиболее видных сен-симонистов. А это требует и выявления идеологических тенденций в сен-симонистском движении, и определения персонального вклада известных его участников, и исследование вопроса о роли Базара как «главного автора» «Изложения учения Сен-Симона», и анализа последующих изданий сен-симонистской школы, в том числе экономических работ Анфантена. Исследование всех этих вопросов важно для изучения характера творчества самого Сен-Симона и судеб его идей в общественной мысли XIX в.

*

В последние годы жизни вокруг Сен-Симона объединилась группа весьма одаренных молодых людей. Они искали пути избавления человечества от социальных зол и были уверены, что нашли в учении Сен-Симона важнейшее средство социальных преобразований. Высшим долгом они полагали создание условий, благоприятных для творчества учителя и для распространения его идей. Наиболее близкие выступали сотрудниками и соавторами учителя.

В начале 1825 г. был опубликован известный коллективный труд «Мысли о литературе, философии и промышленности»⁸⁷. Помимо Сен-Симона в работе по его

составлению участвовали Байи, Ж.-Б. Дювержье, П. Аллен, О. Родригес. В марте метр закончил «Новое христианство». Вскоре это последнее сочинение Сен-Симона было опубликовано с предисловием, написанным О. Родригесом. Учитель и ученики вынашивали планы издания философского сборника. Авторы «Мыслей о литературе, философии и промышленности» предпослали своему труду уведомление: «В книжке, которая выйдет след за этой, мы опубликуем продолжение наших «Мыслей». Она послужит началом «Газеты», которую мы предполагаем издавать для развития и распространения нашей доктрины»⁹⁰.

Проект этот не осуществился. Сен-Симон скончался 9 мая 1825 г.

Его ученики и присоединившиеся к ним лица, в частности Анфантен и Базар, решили продолжать дело учителя. Они стали именовать себя сен-симонистами, сен-симонистским обществом, сен-симонистской школой. Первоначально группа выросла в общественно-политическое и идейное течение, ставшее, особенно в 1825—1832 гг., важным фактором в жизни Франции и ряда других стран.

Мы не ставим задачи подробно излагать историю сен-симонистского движения; с достаточной полнотой это сделано в специальных трудах. нас занимает идейно-теоретическое наследие школы, а именно: судьба идей Сен-Симона в творчестве двух ее наиболее выдающихся руководителей — Анфантена и Базара, олицетворявших одно из направлений французского утопического социализма. Такой замысел связан не только с необходимостью ограничить круг вопросов, подлежащих изучению, но и с представлением о том, что нынешний уровень знаний о сен-симонистской школе позволяет перейти от ее общей характеристики к исследованию творчества отдельных ее представителей.

Итак, речь пойдет о вкладе Базара и Анфантена. Однако, прежде чем перейти к анализу их литературного наследия, необходимо отметить некоторые главные фак-

С. Гингорн. Указ. соч., стр. 216.

Opinions Littéraires, Philosophiques et Industrielles Paris, 1825

II. Fournel. Bibliographie saint-simonienne de 1802 au 31 décembre 1832. Paris, 1833, p. 32—33.

Saint-Simon. Nouveau Christianisme. Paris, 1825

Opinions Littéraires, Philosophiques et Industrielles. Avis

ты истории сен-симонистской школы, некоторые особенности ее как идеального течения

Уже через несколько дней после смерти Сен Симона 1 июня 1825 г., было основано акционерное общество издания «всеобщей газеты по вопросам промышленности, науки и искусства» под названием «Le Producteur». Первый номер этого издания появился 1 октября 1825 г., последний — 12 октября 1826 г.⁹¹

Эпиграфом к журналу служили те же самые слова, что и к «Мыслям о литературе, философии и промышленности». Это был знаменитый афоризм Сен-Симона: «Золотой век, который слепое предание относило до поры к прошлому, находится впереди нас».

Задача сохранения и пропаганды наследия метра была для сен-симонистов особенно важной. Поначалу они как будто не помышляли ни о чем, кроме всемерной популяризации идей Сен Симона. Но постепенно некоторые из них, в особенности Анфантен, стали претендовать на роль не только хранителей и пропагандистов, но и чистейших не единоличных творцов сен-симонизма.

«Когда в 1825 г. был основан «Le Producteur», Сен-Симона не было уже в живых, — говорил Анфантен в «Введении» к «Изложению». — Восхищенные возвышенным учением, из-за которого на нашего учителя обрушилось столько неприятностей, презрения и огорчений, мы посвятили себя распространению его. Уже тогда мы сознавали всю важность этой великой миссии. Мы предвидели препятствия, которые нам придется преодолеть». В ряду этих трудностей назван тот факт, «что Сен-Симон оставил очень небольшое число учеников и что его доктрину изучили лишь весьма немногие люди»⁹².

Именно поэтому учредители журнала стремились собрать вокруг себя большое число сотрудников, за

притагали ученики понятия Сен-симонистская, или инстинктивная, доктрина начинает однако распространяться и привлекать внимание мыслящих людей. Неотдельно учеников и друзей Сен-Симона объединились, чтобы издавать журнал «Le Producteur», в котором возвышенно сен-симонистскую призму будут рассматриваться все вопросы действительно интересные обществу»⁹³. В этом письме можно рассмотреть все что угодно, кроме тщательной трепетности неопита или твердого намерения исполнить заветы покойного учителя. В другом письме Пикару (ноябрь 1825 г.), касаясь некоторых идей Нового христианства, Анфантен откровенно писал: «Знаю Вас, что речь идет о предмете, в котором я было расположен следовать Сен-Симону»⁹⁴.

В П. Волгин был совершенно прав, когда обращал внимание на то, что «с первого же номера журнала мы находим в его статьях новые черты, иногда дополняющие и выдвинутые Сен-Симоном положения, иногда намечающиеся новые выводы из этих положений. Особенно выделялись в этом отношении статьи О. Конта, в которых совершенно ясно вырисовываются контуры его философии»⁹⁵.

Отсутствие денежных средств вынудило в октябре 1826 г. прекратить издание, о чем сообщал специальный циркуляр от 12 декабря, подписанный Базаром, Бюше, Анфантен, Лораном, Родригом и Руэном. Составители неохотно использовали первую же возможность для возобновления журнала⁹⁶.

Мы убедились, что журнал не может быть, вопреки идее мысли Сен-Симона⁹⁷, ибо в идеальном отношении представлял собой более сложное явление, чем непосредственное продолжение учения метра. Опубликованные здесь статьи, например Анфантена, Базара, Бюше, Конта, могут служить важным источником для исследования судеб идей Сен-Симона в утопическом социализме, позитивизме и социальном католицизме первой поло-

⁹¹ Полгода это был еженедельник, а с апреля 1826 г. стал выходить раз в месяц. Тринадцать номеров, относящихся к 1825 г., составляют первый том «Le Producteur», номера с 14 по 26, появившиеся в январе, феврале и марте 1826 г., образуют второй том. Третий том входят выпуски за апрель, май и июнь, в четвертый — за следующие три месяца, в пятый — последний, октябрьский номер 1826 г. См. *H. Fournel* Op. cit., p. 34, 35, 42, 48, 53. Полный комплект хранится в ИМЛ при ЦК КПСС.

⁹² *Saint Simon* Oeuvres, v. XLI, p. 5.

⁹³ *Ibid.*, p. 1—8.

Bibliothèque de l'Arsenal D m Fonds Enfantin, 7643, f. 10. Cp. *H. R. D'Allemagne* Op. cit. p. 32.

Bibliothèque de l'Arsenal D m Fonds Enfantin, 7643, f. 15. В П. Волгин Сен-Симон и сен-симонизм, стр. 86.

Bibliothèque Nationale D m N acq. fr. 21694, f. 280. *H. Fournel* Op. cit., p. 63.

вины XIX в. Однако провозглашение Сен-Симона учелем и основоположником доктрины, развиваемой «*Producteur*», сыграло важную роль в сен-симонистском движении.

Благодаря журналу, отмечают сен-симонисты, добились важнейшего результата, на какой только могли рассчитывать: возникла школа Сен-Симона; нас отпугивали к ней даже те, кто нападал на наши идеи»¹⁰⁷.

На вопрос о том, что разумеют сен-симонисты словом «школа», помогает ответить следующее их замечание: «Человек создает школу и дает ей свое имя лишь тогда, когда ему удается обосновать новую систему, обобщающую все наблюдаемые факты и дающую им такой образ, направление новым наблюдениям». Выходит, чтобы принадлежать к школе Сен-Симона, достаточно было не столько верность его идеям, но и умение при наблюдении новых фактов следовать в указанном им направлении.

Итак, завершилась предыстория, и началась история сен-симонистской школы. Исследователи различают здесь несколько важнейших этапов. Время от закрытия журнала «*Le Producteur*» (декабрь 1826 г.), когда началось обсуждение идей Сен-Симона в частной переписке и дружеских беседах, до первой публичной лекции (17 декабря 1828 г.), положившей начало регулярной пропаганде идей учителя¹⁰⁸, обычно именуется «периодом негласного распространения доктрины»¹⁰⁹.

Формально школа не существовала; она не оставила потомкам такого цельного, хотя и неоднородного документа, каким был журнал «*Le Producteur*». Однако письма бывших сотрудников «*Le Producteur*», учения Сен-Симона, их беседы и встречи с друзьями, способствовали появлению новых сен-симонистов. «Так как печать перестала служить для нас средством общения с публикой,— писал Анфантен,— то лица, заинтересованные идеями школы, поспешили познакомиться с нами завязалась воистину апостольская переписка с новыми святыми; они взывали к духу Сен-Симона, дабы о

сти опору среди смятения, рожденного в их чувствах мыслях новой доктриной, поколебавшей все их предсудки. Скоро вокруг каждого из нас объединились небольшие группы людей, которые устали от настоящего и ждали к будущему, ожидая от него разрешения великих проблем, выдвигаемых поступательным шествием человеческого»¹¹¹.

Среди неопитов этого периода можно назвать Абелянсона и Жюль Лешевалье. После распада в 1832 г. сен-симонистской школы они стали активными фюрерами и занимают видное место в истории французского социального социализма. К новому учению примкнул и Фурнель, один из первых историков сен-симонизма, неоднократно цитированной нами библиографии.

Закрытие журнала вызвало, однако, определенный кризис сен-симонистского движения. 20 мая 1827 г. Анфантен писал Рессегье: «Вам угодно знать, почему О. Конт не сотрудничал в «*Le Producteur*» последние

несколько месяцев его издания. Дело в том, что сразу же после опубликования в журнале последней статьи г-на Конта о состоянии его здоровья резко ухудшилось, что лишило его возможности продолжать работу по своим познаниям и талантам... Когда началось издание «*Le Producteur*», все мы переболели, и не избежал этого. Мы обещали дать резюме нашей работы, чтобы завершить первую серию работ сен-симонистской школы. Мы сделаем это, ибо полагаем, что

осредоточили внимание на общих вопросах, ибо до сих пор длительное время занимались деталями. Мы не можем определять формы дальнейшей пропаганды наших идей прежде, чем выполним наше обещание»¹¹². Мы не только как несколько наивная тактика, но и как свидетельство усиления интереса к Сен-Симону. Анфантен готово «резюме нашей доктрины», «пропаганде наших идей тем самым как бы отодвигая его на задний план.

¹⁰⁷ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 12.

¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 13.

¹⁰⁹ *H. Fournel. Op. cit.*, p. 63.

¹¹⁰ См. например: *S. Charléty. Op. cit.*, p. 45.

St-Simon. Oeuvres, v. XLI, p. 15—16.

¹¹² *Comte. Considérations sur le pouvoir spirituel (5 articles).*—*Producteur*, t. II.

библиотека Национальная. D. m. N. acq. fr. 24608, f. 195.

В 1827 г. Анфантен болел не только в переносном, но и прямом смысле слова. В сентябре, уходя на лечение к друзьям, он уехал лечиться на юг. В октябре, по получении от Руэна письма, в котором тот прочел, что каса Сен-симонистской церкви, то она имеет глубоким смыслом для всех, кроме нас самих, начинает служить миссией для насмешек¹¹⁴.

Более оптимистично писал Анфантену Бюше 26 октября того же года: «После Вашего отъезда школа как бы распалась. Вы связывали ее отдельные части. Дважды я встречал братьев Родриг на улице и один раз во дворе моего дома. Я почти не вижу Руэна. Нет больше совместной работы. Я говорил об этом с братьями Родриг. Я спросил, работают ли они по личной инициативе. Они промолчали. Вы, конечно, знаете, что мы не симпатизируем друг другу. Словом, я жажду единства, но не могу на роль его создателя. Базар и Лоран слишком далеки от других, чтобы выступить инициаторами объединения, даже если бы они этого захотели. Как нам Вас не хватает, дорогой Анфантен! Вы одни могли заставить этих ретивых мыслителей подчиниться власти разума. Не думайте, однако, что наше учение не прокладывает себе новых путей». Далее Бюше говорит об успехах сен-симонистской пропаганды, в частности среди медиков Парижа, о достижениях отдельных сен-симонистов в понимании учения метра. «При желании можно было бы, продолжает Бюше, — возобновить издание «Le Producteur». Я надеюсь достать для этого денег. Есть ли необходимость в том, чтобы кто-то из нас занял независимое положение, когда каждый заявляет о своей принадлежности к органической доктрине, на словах предан ей, а на деле выступает воплощением критицизма и носителем всех пороков нашей пресловутой эпохи... О некоторых людях можно сказать, что они хотят переделать весь мир, но не могут изменить собственное поведение. Но ведь необходимо завершить краткое изложение доктрины, нужен журнал «Le Producteur»... Вы видите, дорогой Анфантен, как Вас не хватает»¹¹⁵.

Помимо роста чувства самостоятельности, для умонастроения Анфантена характерна все большая погру-

е осуществился. Тогда-то и решили пропагандировать сен-симонистские идеи с помощью публичных лекций.

Первая из них читалась Базаром 17 декабря 1828 г.; на открывает «период предания доктрины гласности». Лекция состоялась на квартире Анфантена. В комнате собралось более 50 человек, некоторые разместились на лестнице, многие остались на улице — не хватало места. Для организации следующего заседания нужно было нанять особое помещение. Его нашли на улице Таранн, доме 12. С 31 декабря 1828 до июня 1830 г. каждые полмесяца здесь и происходило «предание доктрины гласности». Как удачно выразился Дальмань, сен-симонистская школа обрела собственную кафедру¹²³.

Всего было прочитано 30 лекций. Докладчиком выступал главным образом Базар. Анфантен появлялся перед слушателями в этом качестве только три раза, Родриг — два¹²⁴. Не потому ли Анфантен был предельно краток и сух, сообщая о знаменитых чтениях: «Возникли собрания, на которых один из нас продолжал развивать наше учение». Словно для того, чтобы преуменьшить значение этого факта, он тут же ревниво добавляет: «В разных пунктах были созданы центры пропаганды; издавались специально подобранные сочинения Сен-симона, «Le Producteur». Наши письма содержали разное решение проблем, затрагиваемых в дискуссиях. Конечно, слово служило нам еще лучше, чем печатное, число преданных сторонников возрастало быстро..., каждый из нас может поздравить себя с тем, что приобрел к школе больше последователей, чем их было у Сен-симона, когда он умирал».

Успехи устной пропаганды не мешали, однако, считать, сколь важным для распространения учения было печатное слово. Лекции «не могли охватить всех, кто зучал наши идеи; переписка становилась слишком обширной; часто приходилось писать стереотипные ответы, так как разных людей интересовали одни и те же вопросы»¹²⁵.

Именно поэтому лекции записывались, затем редактировались, а в течение 1830 г. были опубликованы в виде

¹¹⁴ См. H. R. D'Allemagne. Op. cit., p. 58.

¹¹⁵ Bibliothèque Nationale. D. m. N. acq. fr. 24608.

¹²³ См. H. R. D'Allemagne. Op. cit., p. 64.

¹²⁴ См. H. Fournel. Op. cit., p. 63, 64, 68, 70, 73.

¹²⁵ Saint-Simon. Œuvres, v. XI, p. 16—17, 18.

двух частей книги, названной «Изложение учения Симона». Первое издание 1-й части увидело свет в 1830 г., второе издание 1-й части и первое издание 2-й части — в декабре 1830 г. В 1831 г. 1-я часть вышла дважды — в Париже и Брюсселе, в 1854 г. обе части были изданы в одном томе; в 1877 г. — они были включены в «Сочинения Сен-Симона и Анфантена»¹²⁶.

Итак, до 1877 г. книга издавалась анонимно. С самого начала в нее включались, также без указания имени автора, обширное «Введение» Анфантена, «Письмо католиту о жизни и характере Сен-Симона» Г. Эхтала, «Письмо председателю Палаты депутатов», направленное 1 октября 1830 г. Базаром и Анфантеном, резюме «Изложения» А. Фурнеля, «Пять докладов студента Политехнической школы» А. Трансона и некоторые другие материалы. Все это чрезвычайно запутывает и без того не простой вопрос об авторе «Изложения». Эта проблема вызывала жаростные споры в среде самих сенсимонистов и даже послужила причиной судебной тяжбы между Базаром и Анфантеном.

На «сен-симонистскую кафедру» 25 раз из 30 поднимался Базар. Он готовил каждую лекцию. Однако всякий раз в течение двух недель, отделявших одно собрание от другого, Базар, Анфантен, Бюше, О. Родриг, Лоран, Э. Родриг и Маржерен часто встречались, чтобы обсуждать, определить и обосновать идеи, которые должны были излагаться на предстоящем публичном чтении¹²⁷. Разумеется, эти коллективные обсуждения оказывали на Базара влияние, и названные сен-симонисты с полным правом могут говорить, что помогли ему успешно выполнить задачу изложения учения Сен-Симона. Помогли, но не более, ибо на лекторской трибуне Базар

обогащенный опытом, вновь обретал самостоятельность. II. Карно вел записи всех лекций, за исключением двух последних, которые были представлены Базаром в письменном виде.

Эти «первоначальные тексты» просматривались Базаром и дорабатывались с учетом его поправок и замечаний¹²⁸. При подготовке к печати первой части «Изложения» ему помогали Фурнель, Дювейри и Карно. Вне которых лекции вносились существенные изменения согласно правке Анфантена. Он же просмотрел рукопись первой части книги перед сдачей в набор и написал к ней «Введение». Редактируя вторую часть, Базар обходился без помощников¹²⁹. Итак, в обоих случаях ведущая роль принадлежала Базару. Именно он придал «Изложению» ту форму, в какой оно стало известно читателям.

«Изложение учения Сен-Симона» являлось детищем в основном Базара. Однако это был и коллективный труд, так как на всех стадиях работы Базар получал существенную помощь товарищей. Этот вывод подтверждают замечания Фурнеля, который старался поддержать верность Анфантена о коллективном характере «Изложения», «Однажды, — пишет он, — Анфантен сказал мне: «Никто из нас не может претендовать на то, чтобы быть автором двух томов «Изложения доктрины». Это очень верные слова, ибо если люди объединяются для сотрудничества, если при этом они получают и отдают, если они, обмениваясь идеями, развивают, дополняют и подкрепляют их, если в конце концов один из них от имени всех докладывает о результатах совместной работы, то спрашивается, кто же автор. Все и никто. Именно так и создавались оба тома «Изложения», именно поэтому на титульном листе нет иного имени, кроме имени Сен-Симона»¹³⁰.

Добавим от себя: в этих словах много справедливого, но все-таки, не Лоран или Маржерен, не Анфантен или Родриг, а Базар прочел 25 лекций. Передает Фурнель и свой разговор с Базаром: «Я отредактировал первую и вторую лекцию, форма, которую я им придал, очень понравилась

¹²⁶ Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année. 1828—1829. Paris, 1830; Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année. 1828—1829. 2-e éd. Paris, 1830; Doctrine de Saint-Simon. Second année, 1829—1830. 1-e éd. Paris, 1830; Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année, 1828—1829. 3-e éd. Paris, 1831; Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année, 1829. Bruxelles, 1831; Doctrine saint-simonienne. Exposition. Paris, 1854. Doctrine saint-simonienne (Nouveau Christianisme). Exposition, par Bazar et au nom du Collège en 1829 et 1830.—Saint-Simon. Œuvres, t. XLI—XLII, Paris, 1877.

¹²⁷ H. Fournel. Op. cit., p. 63—64.

¹²⁸ H. Carnot. Sur le saint-simonisme.—«Académie des sciences morales», 6e série, vol. XXVIII, 1887, p. 133, 134.

¹²⁹ H. Fournel. Op. cit., p. 69.

Базару, и он поздравил меня. Отвечая на любезное внимание, заметил, что это он хорошо судил и парисора, и нашу, и мне осталось только раскрасить ее. «Бог мой», — сказал он, — все мы лишь раскрашиваем созданное Богом». Эта беседа свидетельствует о скромности Базару и о его уважительном отношении к Сен-Симону, а вовсе не о том, что он признает авторами «Изложения» Сен-Симона всех сен-симонистов. Именно Базару принес Фурнель на суд результаты своего редакторского труда. Это лишний раз указывает на ведущую роль Базару в подготовке «Изложения» к печати.

После раскола сен-симонистов Базар объявил 29 г. он заявил: «Начну с напоминания о том, что первую часть «Изложения» своей исключительной собственностью, а 28 февраля 1831 г. даже возбудил из-за этого смертного ордера, я единственный человек, кому дорога судебная тяжба против Лифантена. Разбирательство учителя, кто продолжает его труды. Это я — Жан-Жак, который задержало выход второго издания 2-й части. Из-за этой традиции, наследник и продолжатель учителя» и процесса весь тираж ее был напечатан без титульного листа Родриг скорее был прогрессивно мыслящим буржуа, и остался на складе. [сторонником идей утопического социализма: Сен-Симон]

Фурнелль был очень огорчен таким оборотом дела, так как сказывалось прежде всего в религиозной сфере. Более, что сен-симонисты постоянно интересовались, признавал даже болезненно самолюбивый Аифант, почему нет книги, о выходе которой много раз объявля¹³⁵. Воздействие концепций О. Родрига в указанный период времени было огромно. Он был зол на Базара, подчеркивая, что над «Изложением» испытал и Базар — рассудочный и поначалу «неверующий» трудились многие сен-симонисты, но тем не менее мистики «главный автор» «Изложения»¹³⁶. Он заметил: «Мы очень далеки от того, чтобы отрицать заслуживает внимания и тот факт, что во все французское участие в наших работах этого незаурядного писателя»¹³⁷. Интересно отметить, что Базар назван «гласно» «Письмо католику о жизни и характере Сен-Симона» «Изложения» в неизданной брошюре, напечатанной Г. Эхталем. Трудно сказать, почему до сих пор не опубликованной Буржуа де Ланьи и хранящейся в Архиве нет специальных работ, — ведь Эхталь занимал Аифантена¹³⁸. В конце концов имя Базара появилось в позициях в сен-симонистском движении. Он титульным листе «Изложения», когда в 1877 г. бывшем члене с Сен-Симоном, учился математике у Конта сен-симонисты, душеприказчики Аифантена, издали более 20 лет был связан с ним, признавал Аифантена труд в качестве 41-го и 42-го томов «Собрания сочинений Сен-Симона и Аифантена»¹³⁹. Он был из учителей, состоял в родстве с О. Родригом, участвовал во всех делах сен-симонистской школы, со-

Как видим, «Изложение учения Сен-Симона» не был монолитом, выражающим взгляды идейно единым знакомил с ним Т. Карлейля и Дж. Ст. Милля. сен-симонистской школы. Более всего книга раскрывала. Эхталь воспринимал учение Сен-Симона как «социальное христианство», а вовсе не как утопический социализм. Из встречи с Сен-Симоном он запомнил единственный урок: «На первом месте стоит не наука, а чув-

¹¹¹ H. Fournel. Op. cit., p. 69.

¹¹² Ibid., p. 70, 73—76.

¹²³ Bourgeois de Lagny. Saint-Simon et son oeuvre. Etude rétrospective sur la doctrine Saint-Simonienne — Bibliothèque de l'Asie, t. III, p. 114—115.

m. Fonds Enfantin, 7801/2.

Paris, 1924, Préface, p. 21.

ство и религия». Этот завет он пронес через всю жизнь, развивая религиозные идеи в своих «сен-симонистских» сочинениях, в частности в «Очерке о дуализме и троице»¹³⁷. С помощью которого он, по его собственным словам, приложил именно Базар — автор большей части лекций, вел Анфантена и школу к формулированию догм о Божьих в «Изложении», то именно с его творчеством и священной паре»¹³⁷.

Обоснованию религиозности метра служило и «Письмо католу о жизни и характере Сен-Симона». Сен-симонистского социализма, но и усилением религиозной Симон здесь назван «избранныком божьим», «продолжением. Носителями ее, помимо О. Родрига, Г. Эхталь жателем Христа», на долю которого выпала еще более высокая миссия, чем на долю сына божьего. Он так же жил в наследии Сен-Симона, особенно в его «Новом страдал и нищенствовал, как Христос. «Чада Сен-Симонистстве», которые могли быть истолкованы как основы, — писал в заключение Г. Эхталь, — грядущие поколений! Храните как религиозную заповедь слово, которое вам оставил ваш отец. Когда оно обновит лик земли, осуществит среди людей принцип распределения по труду, когда самый ничтожный из вас благодаря заботе общества достигнет обеспеченного существования..., тогда о дети Сен-Симона, Вы будете с радостью повторять, что ваш отец стал нищим, дабы исполнить завет возрождения рода людского»¹³⁸.

Подобно журналу «Le Producteur», «Изложение учения Сен-Симона» свидетельствует о наличии в сен-симонистском движении различных тенденций. Это нужно в полной мере учитывать при исследовании судеб идей Сен-Симона в творчестве социалиста-утописта Базара — основного, но не единственного автора «Изложения».

Период «предания доктрины гласности», завершающийся накануне июльской революции 1830 г., — важнейший этап в истории сен-симонистской школы. Именно в публичных чтениях и в изданной на их основе книге принципы утопического социализма были выражены ярче, чем в каких-либо других работах учеников Сен-Симона. Более того, в «Изложении», по словам В. П. Вол-

1 следует связывать этот сдвиг.

Этот период отмечен не только развитием принципов социального социализма, но и усилением религиозной тенденции. Носителями ее, помимо О. Родрига, Г. Эхталь жателем Христа», на долю которого выпала еще более высокая миссия, чем на долю сына божьего. Он так же жил в наследии Сен-Симона, особенно в его «Новом страдал и нищенствовал, как Христос. «Чада Сен-Симонистстве», которые могли быть истолкованы как основы, — писал в заключение Г. Эхталь, — грядущие поколения! Храните как религиозную заповедь слово, которое вам оставил ваш отец. Когда оно обновит лик земли, осуществит среди людей принцип распределения по труду, когда самый ничтожный из вас благодаря заботе общества достигнет обеспеченного существования..., тогда о дети Сен-Симона, Вы будете с радостью повторять, что ваш отец стал нищим, дабы исполнить завет возрождения рода людского»¹³⁸.

Во второй части «Изложения» (кстати сказать, она никогда не переводилась на русский язык), религиозные проблемы занимают доминирующее положение¹⁴⁰. Вот аголовки всех 13 лекций: «Резюме первой части «Изложения», «Положение мира в момент появления христианства. Применение христианской догмы к нуждам человечества. Основы разделения в средние века духовной и светской власти, церкви и государства», «О духовной и светской власти» (две лекции), «О духовной и светской власти на Западе», «Христианская догма», «Сен-симонистская догма», «Ответ на некоторые возражения против догмы», «Применение догмы о троице к общественной жизни», «Священник», «Ученый», «Промышленник», «Иерархия».

Как уже отмечалось, роль Анфантена в «Изложении» сравнительно скромна. Во всяком случае он намногоступает здесь Базару. В этот период он сосредоточил внимание на «апостольской переписке», которую был

¹³⁷ В архиве Г. Эхталь сохранились многочисленные черновики «Записок о моей жизни». Один из последних вариантов этой автобиографии относится к 1869 г., некоторые исправления внесены в него в 1874 г. Из этого документа мы и привели некоторые данные об его авторе (Bibliothèque de l'Arsenal. D. m. Fonds d'Echthal, 14408/9).

¹³⁸ G. Echthal. A un catholique, sur la vie et le caractère de Saint-Simon. Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année, 1828—1829. Paris, 1830 n. 72, 73.

¹³⁹ В. П. Волгин. Сен-Симон и сен-симонизм, стр. 134.

¹⁴⁰ См. Saint-Simon. Oeuvres, t. XLII. Cp. H. Fournel. Op. cit., p. 74—75.

склонен рассматривать как важнейшее свое учение. В письме Тьерри 13 марта 1829 г. Анфантен пишет, что общирное переписывание заставляет его «... больше думать о католицизме», чем он делал¹⁴¹. В своих посланиях Анфантен касается важнейших вопросов религии: рассуждает о боге, о вечной жизни, о провидении, о сокровенном смысле чудес и душе. О «вечной жизни», например, Анфантен пишет: «Мы должны очистить не только взгляды католиков, а жизнь вечную, но и внести сюда что-то существенно новое... По моему мнению, эти вопросы принадлежат к числу весьма несложных»¹⁴². Характерно, что товарищей своих он называет сыновьями во Сен-Симоне¹⁴³, — сен-симонистов в целом «святым братством»¹⁴⁴.

Терминология Анфантена подхватывалась религиозно настроенными сен-симонистами. В полном соответствии с анфантеновскими посланиями Э. Родриг писал в августе 1829 г. Ш. Дювейрне: «Речь идет не о том, чтобы насаждать ячейки (сен-симонистского) общества, а о том, чтобы создать Братство, исповедующее учение. Брат же привлекает верующих, но прежде всего побеспокоимся о появлении духовных пастырей и их спутниц — именно в этом наше истинное предназначение»¹⁴⁵.

В конце 1829 — начале 1830 г. организационная структура школы стала напоминать церковную. Весь декабрь по инициативе Анфантена шла дискуссия о том, чтобы рассматривать Сен-Симона как нового мессию, а труды — как священные книги новой религии, изложения его учения — как пасторские послания. Предусматривалось создание церковной иерархии с высшим светом, апостолом, неофитами и двумя верховными отцами — Анфантемом и Базаром¹⁴⁶. Жаркие споры привели к разрыву с сен-симонистской школой Бюше и других носителей ортодоксальных католических традиций.

Базар лишь после долгих колебаний принял предложение Анфантена о создании сен-симонистской церкви.

В новогоднюю ночь 1829/30 г. в качестве старейшего и хранителя сен-симонистских традиций О. Родриг провозгласил верховными отцами новой церкви Анфантена, олицетворяющего ее чувства, и Базара, ставшего к этому времени символом ее разума. На этом же заседании О. Родриг канонизировал «Новое христианство», передав присутствующим слова, будто бы сказанные Сен-Симоном перед смертью: «Мой последний труд — последний, который помнут... В нем — все учение»¹⁴⁷.

В марте 1830 г. Анфантен объявил о создании иерархической структуры сен-симонистской школы. Отныне старые ученики образовали «братство», или первую ступень школы; «приверженцы» составили вторую ступень, а неофиты — третью. Через некоторое время сен-симонисты, объединившиеся вокруг верховных отцов, испытывая все меньшую недовольность, стали называть братьями, сыновьями и отцами во Сен-Симоне, носить униформу, выступать служителями нового культа. Так, религиозная тенденция была в полной мере воплощена в периоду «предания доктрины гласности». Это тало доминирующей к концу 1829 — началу 1830 г., когда споры о сущности бога, о соотношении духовного и материального, о предназначении женщины, церковной иерархии, если и не вытесняли все другие вопросы, то во всяком случае влияли на них.

В развитии принципов утопического социализма, и в борьбе с догматами новой религиозной системы Сен-Симон словно отодвинулся на второй план и воистину оказался лишь в предшественика учения,носящего имя Сен-Симона, хотя он и был провозглашен новым мессией, что делалось в сен-симонистской школе, а затем и в сен-симонизме, провозглашалось воплощением его слова и делом его дела. Более того, из всех трудов Сен-Симона именно «Новое христианство» считалось божественной книгой новой религии.

«Введении» к «Изложению учения Сен-Симона» Сен-Симон говорил, что доктрина, которую разрабаты-

¹⁴¹ *Saint-Simon. Oeuvres*, t. II, p. 31.

¹⁴² П. Анфантен — О. Родригу, 11 сентября 1829 г. — *H. R. D'Allemagne*. Op. cit., p. 66.

¹⁴³ Анфантен — Шарлю Дювейрне, август 1829 г. — *Saint-Simon. Oeuvres*, t. II, p. 61.

¹⁴⁴ Анфантен — Эжену Родригу, 11 сентября 1829 г. — *H. R. D'Allemagne*. Op. cit., p. 66.

¹⁴⁵ *H. R. D'Allemagne*. Op. cit., p. 66.

¹⁴⁶ См. *Saint-Simon. Oeuvres*, t. II, p. 110—111.

вали сен-симонисты, «касается всех сфер деятельности как обусловленной чувствами, так и достижениями науки, промышленности и производства»¹⁴⁸. Они стремились придать своим идеям характер «возвышенный характер», возбудить в людях энтузиазм, преодолеть неверие скептиков. «Пусть на мгновение подумают о Сен-Симоне, нашем учителе, об этом великом человеке, о неслыханной жертве и даже унижении, о невозможности человеческого счастья, о том, что мир должен быть другим, о том, что мир должен быть другим, о том, что мир должен быть другим»¹⁴⁹. Сен-Симон представлен здесь не как создатель, а скорее как человек, который в своем учении открывает нечто новое, нечто, что может изменить мир. В номере от 27 августа 1830 г. опубликована чрезвычайно важная статья «Доктрина Сен-Симона о политических событиях»¹⁵⁰, посвященная анализу событий революции 1830 г. Статья эта свидетельствует, что связь сен-симонистов с учением метра, хотя и не утрачивалась, была весьма слабой. Авторы рассматривают пережитые события как славную победу и одновременно указывают на длинный ряд исторических явлений, — говорит Базар, — показывает нам, что обществу свойственны войны, идеи, страсти. Каждый день различных сменяющих друг друга состояний: одно может так, словно его процветание может быть достигнуто назвав органическим, когда все факты человеческого существования классифицированы, предусмотрены и упорядочены общей теорией, когда цель общественной деятельности ясно определена; и другое, именуемое нами критическим, когда исчезла всякая общность мысли, всякое совместное действие, всякая согласованность, когда общество представляет собой лишь скопление обособленных, борющихся друг с другом индивидов»¹⁵¹. Сен-Симон никогда не формулировал подобного «закона развития человечества», это сделал от его имени Базар, полагавший, что на учеников Сен-Симона возложена миссия «продолжить его откровения, развить его высокие концепции и распространить их»¹⁵². В ряде случаев учитель упоминается просто из вежливости. Так, рассуждая об истории, Базар восклицает: «Разве мы сами не говорим, что изучение человечества только тогда станет подлинной наукой, достойной этого названия, когда историк это обширное поле исследований, озаренное гением

¹⁴⁸ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 25.

¹⁴⁹ *Ibid.*, p. 32.

¹⁵⁰ *Ibid.*, p. 86—87.

¹⁵¹ *Ibid.*, p. 126.

рами общества. Пусть не будет впрямь частной собственности, которая обеспечивает отдельным людям привилегии праздности, все должны трудиться, и тот, кто будет работать больше других, соответственно займет самое высокое и почетное положение в обществе. С каждого по способности, каждому по его труду. Необходимо освобождение женщины и обеспечение ей полного равноправия с мужчиной. Будущему обществу необходима также религия в форме проповедуемой сенсимонистами доктрины; ей должен быть придан характер политического закона.

Все эти изменения и будут долгожданной социальной революцией, подобной которой не было в мире, — ее еще предстоит свершить. «Именно нам, детям Сен-Симона, хранителям веры, предназначено возродит мир...» Только такой короткой фразой и выражают авторы этого интереснейшего документа идейное родство с Сен-Симоном, чье учение они пропагандируют или просто используют для подкрепления собственных мыслей.

Конечно, можно установить известное сходство с учением учителя и учеников о «праздных классах», о «необходимости соответствия политической и производственной иерархии», но в целом, как и в «Изложении учения Сен-Симона», речь идет о дальнейшем развитии некоторых социально-политических идей. Весьма часто Сен-Симона упоминается, чтобы придать этим новшествам «божественный» характер. «Если вы не верите Симону, вы отрицаете историю, отрицаете человечество, отрицаете Бога... Слушайте! Слушайте! Слово Сен-Симона — это слово самого господина Бога!»¹⁷²

Период «предания доктрины гласности», завершившийся июльской революцией 1830 г., оставил нам не только публичные лекции Базара, изданные отдельной книгой, но и «апостольские послания» Анфантена, годовой комплект журнала «Организатор» и другие документы. Все они свидетельствуют о наличии в сенсимонистском движении различных идейных тенденций. Наиболее близкая к подлинному учению Сен-Симона тенденция утопического социализма была одной из них. Легко обнаруживаются, кроме того, социально-религиозная, в

частности социально-католическая, а также позитивистская, в том числе индустриалистская, тенденции, носители которых абсолютизировали и искажали отдельные идеи учителя.

С точки зрения развития некоторыми сенсимонистами принципов утопического социализма именно этот период был наиболее плодотворным. «Последующие годы существования школы, — отмечал В. П. Волгин, — не представляют для истории социализма такого интереса, как годы, предшествующие революции»¹⁷³. Но и для времени расцвета приходится говорить не только о распространении и развитии, но и о доведении до абсурда некоторых идей Сен-Симона даже со стороны таких выдающихся его учеников из числа социалистов-утопистов, как Анфантен и Базар.

Все сенсимонисты весьма вольно обращались с сенсимонизмом, т. е. идейным наследием Сен-Симона. Очень часто, как уже говорилось, они от его имени провозглашали собственные воззрения, не слишком заботясь о точной передаче мысли учителя.

И все-таки, несмотря на идеологическую неоднородность сенсимонистского движения, несмотря на чрезвычайное отношение к идеям учителя, сенсимонисты внешне сохранили верность Сен-Симону, упоминанием его учения.

Такая, больше на словах, чем на деле, связь с наследием учителя, доведение до абсурда некоторых его идей, в частности взглядов на религию, лишь способствовали распаду школы. В конце 1829 — начале 1830 г. школу покинули Бюше и некоторые другие сторонники традиционного католицизма, осенью о разрыве с Анфантеном объявил Базар, в феврале 1832 г. то же сделал Родригетом и осенью 1832 г. после судебного процесса и заключения Анфантена в тюрьму сенсимонистская «церковь» формально прекратила свое существование.

Период с середины 1830 до лета 1832 г. в теоретическом отношении был менее плодотворен, чем предшествующие годы. Это было время интенсивной пропаганды, пора важных организационных свершений и вместе с тем нарастание глубокого кризиса и окончательного

¹⁷² «L'Organisateur», 2ème année, № 2, p. 16, 19.

¹⁷³ В. П. Волгин.

распада. Во всех департаментах действовали сен-симонистские церкви, которые поддерживали постоянные связи с центром, обменивались с верховными отцами посланиями, принимали эмиссаров из Парижа. Они организовывали для них массовые собрания страсти. Специальные миссии способствовали распространению идей Сен-Симона и его учеников за границей. Иерархи «церкви» переписывались с зарубежными корреспондентами.¹⁷⁴

Сен-симонисты выступили с 53 «Проповедями», в которых старались говорить «апостольским языком» об основных вопросах сен-симонистской религии. Все эти публикации появились в сен-симонистской периодической печати. Важнейшие документы этого времени — знаменитые «Проповеди», которые были начаты еще 11 апреля 1830 г. и продолжались до 22 января 1832 г., а также «Глобус», орган сен-симонистской «церкви» с конца октября 1830 по 20 апреля 1832 г.

Анфантен попытался объяснить причины такого быстрого распространения сен-симонистской религии. Все эти публикации появились в сен-симонистской периодической печати. Важнейшие документы этого времени — знаменитые «Проповеди», которые были начаты еще 11 апреля 1830 г. и продолжались до 22 января 1832 г., а также «Глобус», орган сен-симонистской «церкви» с конца октября 1830 по 20 апреля 1832 г.

Анфантен попытался объяснить причины такого быстрого распространения сен-симонистской религии. Все эти публикации появились в сен-симонистской периодической печати. Важнейшие документы этого времени — знаменитые «Проповеди», которые были начаты еще 11 апреля 1830 г. и продолжались до 22 января 1832 г., а также «Глобус», орган сен-симонистской «церкви» с конца октября 1830 по 20 апреля 1832 г.

После революции, когда возросла политическая роль пролетариата, что ярко выразилось в восстании Лядов каждого из названных сен-симонистов, но они ских ткачей 1831 г., сен-симонисты усилили свою деятельность среди рабочих. «Мы значительно изменили наши отношения с рабочими», — заметил Анфантен в феврале 1832 г.¹⁷⁵ Например, с 25 по 30 ноября 1831 г. «Глобус» опубликовал «Наставления рабочим». Была установлена четвертая ступень сен-симонистской иерархии — «ступень рабочих», ее руководителем стал А. Фурнель. Несмотря на частичные успехи, сен-симонистам не удалось создать вокруг себя сколько-нибудь устойчивые рабочие организации.¹⁷⁶

¹⁷⁴ В центральных и департаментских архивах Франции хранится обширная документация о сен-симонистском движении. Изучение этих архивов деятельности сен-симонистов в провинции и за пределами Франции еще впереди. Труды Р. Факка Р. Панкхёрста и некоторых других авторов убеждают в необходимости дальнейших исследований судеб идей Сен-Симона пределами Франции.

¹⁷⁵ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XVII, p. 17.

¹⁷⁶ *Ibid.*, p. 17.

¹⁷⁷ *Ibid.*, p. 74.

¹⁷⁸ *H. Fournel. Sur le degré des ouvriers — «Le Globe»*, 3 IX 1831.

C. Bouglé. Chez les prophètes socialistes. Paris, 1918. «Citations», t. 1—2. Paris, 1832.

I. Fournel. Op. cit., p. 76—90.

был возведен в ранг ежедневной «политической, философской и литературной газеты». Фурнель отмечал, что после революции 1830 г. в газете «начало ощущалось влияние сен-симонистов»¹⁸².

Во всяком случае, уже 26 октября 1830 г. здесь была напечатана восторженная статья Терминье о Сен-симоне как основателе нового религиозного учения. 8 января — статья Лорана — «Философия истории», 11 января — анонимная статья, начинающаяся словами: «Куда мы идем» и выражающая твердое намерение следовать путем, указанным Сен-Симоном. В этот же день главным редактором «Глобуса» по просьбе Анфантена стал М. Шевалье. 27 декабря 1830 г. был увеличен формат газеты, и до 18 января 1831 г. она называлась «Глобус» без подзаголовков. Сен-симонистских материалов печаталось сравнительно немного, были заняты статьями «нейтрального» содержания. Читателей привлекали теориями сен-симонистов, интересная заметка, предсказывавшая будущее. Временные же затруднения объяснялись тем, что «рождение этой доктрины окружено тайной, что она занимает небольшое место в литературных и политических дискуссиях, что она встречается либо равнодушие, либо саркастические замечания акдемической и парламентской знати»¹⁸³.

С 18 января 1831 г. «Глобус» получил подзаголовок «Газета учения Сен-Симона» и те же два эпиграфа: «Организатор». Между эпиграфами оставался свободный промежуток, который 26 февраля заполнился словами: «религия», «наука», «промышленность». 9 июня к ним прибавились еще два — «всеобщая ассоциация» и «утопическое общество».

22 августа появился новый подзаголовок: «Газета сен-симонистской религии», а после разрыва между Анфантеном и Базаром, с первого января 1832 г. были изменены и эпиграфы. После подзаголовка слева было написано: «Каждому по его призванию», «Обращение к женщинам»; в середине — «Целью всех общественных институтов должно быть улучшение морального, физического и интеллектуального положения самого многочисленного, самого бедного класса», «Всеобщая ассоциация, справедливая организация трудящихся». Под этим стягом была просуществовала до 20 апреля, когда выпуск ее прекратился.

¹⁸² Н. Fournel. Op. cit., p. 114.

¹⁸³ «Le Globe», 22.XII 1830.

Globe, v. IX—XII. Paris, 1830—1832 (имеется в библиотеке ЦК КПСС).

faits du Globe, v. 1—3. Paris, 1830—1832. Ср. Н. Fournel. Op. cit., p. 80—87; Некоторые «Извлечения» опубликованы также в томе «Сочинений Сен-Симона и Анфантена».

Biographie de l'Arsenal. D. m. Fonds Infantin, 7601—7609, 7641; *Infant*, 332.

Simon. Oeuvres, v. III. См. также соответствующие статьи в работах Вейля, Шарлети, Иванова и Дальмана.

Infant. Economie politique et politique. Articles extraits du *Globe*. Paris, 1831.

Ф. Энгельс Соч., т. 3, стр. 512.

В «Семнадцатом поучении» Анфантена подчеркивается полная согласованность сен-симонистских идей, философии и политике, т. е. неразрывность учения о равенстве мужчины и женщины с пантенистической теорией и учением об общности имуществ¹⁹¹. Сен-Симон превращенный в символ этой «совершенной согласности», объявляется мессией, которого столько времени ждало страждущее человечество. «После Моисея и Иисуса,—говорил Трансон,—явился Сен-Симон. Этот человек, слово которого дало нам жизнь, воистину велик, чем любой пророк, ибо он явился, дабы исполнить все пророчества и все предначертания бога»¹⁹².

Большое внимание уделяется обоснованию превосходства сен-симонистской религии над христианством, бенно над католицизмом, раскрытию пантенистического характера нового учения. П.-М. Лоран, например, в своей проповеди «Мы люди будущего» писал: «Мы желаем совершенно нового порядка, отвечающего нашим представлениям о человеколюбии и нашим религиозным чаяниям... Мы одни утверждаем, что все конечные субстанции вливаются в лоно бесконечного Бытия. Тем самым различные аспекты человеческой деятельности предстают как единство. Во славу божью и во имя человеческого счастья мы реабилитируем труд, каким бы он ни был санкционируем научные открытия и промышленные достижения»¹⁹³. Эта пантенистическая проповедь нарушает объявленную Анфантеном «гармонию идейных принципов», ибо не имеет ничего общего с общностью имуществ и свидетельствует скорее о стремлении ее автора дать религиозную санкцию предпринимательской деятельности.

Уже в такой реабилитации труда намечены коренные отличия новой религии от христианства, трактующей труд и саму земную жизнь человека как проклятье. В более поздней проповеди Лоран со всей силой подчеркивает это: «Миссия, порученная нам Сен-Симоном, улучшить доли народной... Вам же, о мудрецы христианства, нечего сказать об интересах самого многочисленного множества человечества, вы ощущаете связь с ушедшими и будущими поколениями, с людьми, которые обретают счастье трудиться во имя собственного развития, ощущают себя неотъемлемой частью вселенной и творено и живет общей жизнью, что вам явился Напрасно Вы оспариваете это. Вы религиозны,

¹⁹¹ Saint-Simon. Oeuvres, v. XVII, p. 65.

¹⁹² A. Transon. Saint-Simon.—«Le Globe», 23.V 1831.

¹⁹³ P.-M. Laurent. Nous sommes les hommes de l'Avenir. Prédication 22.VIII 1830.—Prédications, v. I. Paris, 1832.

M. Laurent. Notre Politique est Religieuse.—«Le Globe», 19.IX 1831.

A. Transon. Morale du Monde.—«Le Globe», 7.III 1831.

P.-M. Laurent. Le Religion.

—«Le Globe», 18.I 1831.

и недалеко тот час, когда, подчиняясь зову вашего сердца, повторите вместе с нами: „Слава господу, слава к земле мира, славы и свободы“.

Проклятая распри, в особенности войны, прикройся же, новый град, более святой, великий и ликий, чем Мемфис, Рим и Иерусалим. Раскрой объятия богу, который сольется с нашим телом (даря своему телу, с нашим рассудком благодаря с рассудку, с нашей любовью благодаря своей любви).

Социальные требования в «Проповедях» ступали на второй план и если и выдвигались, то правило, имели мало общего с утопическим социализмом, облекались в абстрактную, религиозно-мистическую форму и сохраняли лишь внешнюю, словесную связь с учением самого Сен-Симона.

Среди этих требований большое место занимало требование об иерархической организации общества, соответствующей способностям человека и о распределении обязанностей соответственно трудовым заслугам каждого. Им же уделялась такая социальная организация рассматривалась как универсальное средство избавления человечества от несчастий. В отличие от Базара и Анфантена «пропавших женевских обитателей», указывая, что и они будут обходить вопрос об общности имущества и участвовать в выборах ньютоновского совета. Сен-симонисты уделяли религиозно-мистической стороне проблемы. Проведение в жизнь принципа «от каждого по его способности, каждой способности по ее задаткам» прежде всего рассматривалось как единственное средство сделать «каждого человека святым, делом священным», «сохранить и развивать свою индивидуальность, свое собственное лицо и свое собственное средство решения проблемы соотношения личных и общественных интересов, как путь к всеобщей ассоциации, как мистическая связь с миром, т. е. как религиозное. Естественно, что способности как таковые приобретают совершенно сверхъестественный характер²⁰¹.

Пробуждение и развитие способностей, изменение

рядка наследования считалось важнейшей практической мерой перехода к новому обществу²⁰².

Большое внимание уделяли сен-симонисты освобождению женщины. Женский вопрос занимал, пожалуй, преобладающее место в сен-симонистской пропаганде после революции 1830 г. С каким-то самозабвенным упоением обсуждал его Анфантен; в этих дискуссиях легче всего закипали страсти, рождались разногласия. Они-то главным образом и привели в конце 1831 г. к разрыву между двумя «верховными отцами». Некоторые представления сен-симонистов о равноправии полов отталкивали современников от новой «церкви», вызывали град злобных насмешек или двусмысленных ухмылок, послужили французскому правительству удобным поводом для привлечения руководителей сен-симонистского движения к суду и заключению Анфантена в тюрьму.

Следует подчеркнуть, что Сен-Симон не имел никаких отношений к развитым до мельчайших подробностей теориям сен-симонистов об эмансипации женщины. Единственный раз он упоминает о женщинах в «Письмике» обходя вопрос об общности имущества и участвовать в выборах ньютоновского совета²⁰³. Сен-симонисты подчеркивали, что в новом обществе для мужчин и для женщин. Женщины были угнетены в прошлом, и ныне «буржуазные сынки подобно сен-симонистам рассматривают женщину как свое имущество. Женщина, однако, должна быть равноправна с мужчиной в политическом, моральном и религиозном отношении. Далее же развиваются весьма странные идеи: равенство полов как в общественных, так и личных отношениях может быть достигнуто, по мнению сен-симонистов, лишь в том случае, если человеческая плоть будет раскрепощена и обожествлена, женщина обретет полноправие в любви и сможет по собственному усмотрению распоряжаться своим телом. Отсюда выводилось требование полной свободы любовных отношений. Им придавался трансцендентный, мистический смысл²⁰⁴. От

¹⁹⁷ E. Barrault. Le passé s'écroule. L'avenir surgit.— «Le Globe», 15.VIII 1831.

¹⁹⁸ E. Barrault. La Loi de sang.— «Le Globe», 27.XII 1830.

¹⁹⁹ E. Barrault. Improvisation.— «Le Globe», 27.XI 1831.

²⁰⁰ E. Barrault. L'Association Universelle.— «Le Globe», 21.II 1831.

²⁰¹ A. Transon. Politique. Morale. Religion.— «Le Globe», 12.IX 1830.

²⁰² P.-M. Laurent. Parti Politique des Travailleurs.— «Le Globe», 10.X 1831; idem. L'hérédité.— «Le Globe», 24.X 1831.

²⁰³ Сен-Симон. Избранные сочинения, т. I, стр. 138.

²⁰⁴ Сен-Симон. *Parallèle des Femmes* — «L'Organisateur», 8.XI 1830; A. Transon. Affranchissement des Femmes.— «Le Globe», 21.

характера, гармоничности отношений мужчины и женщины в каждый данный момент жизни. Значение такой гармонической пары столь велико, что женщина и мужчина как бы не существуют друг без друга и лишь в единстве образуют «социальный индивидуум». Значит, во главе каждой иерархической организации должны стоять два человека — мужчина и женщина, образующие «первосвященническую пару» (*Couple sacerdotal*). Пара эта наделяется самыми широкими социальными правами, вплоть до вмешательства в любовные отношения пастырей.

Такая иерархия и должна была, по замыслу сенсимонистских проповедников, обеспечить «интересы самого бедного и самого многочисленного класса общества». Этот мотив звучит во многих проповедях и документах.

Но даже это наиболее социальное из требований только рассматривалось абстрактно и мистически, как составная часть пантеистической религии, но играла разрушительную роль. В заботах о пролетариях видели средство «изгнать сомнение и неверие — эти две отравы, таящие душу»²⁰⁵, предотвратить народные восстания, обеспечить содружество классов включением рабочих в социальную иерархию²⁰⁶.

Весьма интересны в этом отношении высказывания Барро²⁰⁷. «Революция, — говорил он, — положила конец долгой борьбе между знатью и буржуазией. Значит, это, что только буржуа должны пользоваться результатами победы, плодами развития науки и промышленности? Разве они не страшатся, что в один прекрасный день народ спросит: „Как это случилось, что в стране, где больше всего производят, мы, которые, все создали, лишены всего?“».

Столь решительная преамбула ведет Барро не к объявлению войны буржуазии, а лишь к призыву любить бедняков и помогать им. «Вне сенсимонистской религии, — полагал Барро, — пролетариям не остается ничего, кроме восстания под лозунгом: „Жить, работать и о необходимости всемерного развития производства,

или умереть, сражаясь“». Так в сенсимонистскую иерархию вторгались реальные события (последние слова Барро, несомненно, навеяны известиями о восстании лондонских ткачей). Но это ничего существенно не меняло в сенсимонистской религии.

Крах ее наступил летом — осенью 1832 г., хотя еще год до этого Трансон говорил: «Мы хотим просветить и обратить в нашу веру все человечество... Мы добьемся невиданного прежде прогресса. Мы устраним барьеры, разделяющие народы, и поставим все общество на новое основание»²⁰⁸. Проповедники горячо возражали тем, кто называл их утопистами, стремились пробудить в людях «горячую любовь к богу и ближним», дабы «эгоисты уверили в энтузиазм, скептик поколебался в своих сомнениях, бездельник устыдился своей никчемности»²⁰⁹.

Говоря о сенсимонистской религии, нельзя обойти молчанием вопрос о так называемом «живом законе», т. е. об обожествлении Анфантена, которое особенно оживело после разрыва его с Базаром в конце 1831 г. Барро, например, в проповеди 4 декабря 1831 г. назвал Анфантена «живым законом человечества» и заявил, обращаясь к нему: «В Вас я вижу самое высокое воплощение бога»²¹⁰. В начале 1832 г. Г. Эхталь говорил Анфантену: «Верую в бога, верую в Сен-Симона, верую, что Сен-Симон в Вас». Против подобного обожествления выступил не только Базар, но и такие религиозно-исключительные участники сенсимонистского движения, как Леру, Ж. Рейно, А. Трансон, Ж. Лешевалье. Сетуньял: «Эти люди никогда не чувствовали, кто я есть»²¹¹.

Как уже отмечалось, для периода после революции 1830 г. характерно распространение среди сенсимонистов идей о плановом экономическом прогрессе в условиях капитализма. Самая возможность таких настроений возникла как результат забвения мыслей Сен-Симона о необходимости коренных социальных преобразований и одновременно абсолютизации его представлений о необходимости всемерного развития производства,

1832; P. *Enfantin*. Dix-Septième Enseignement; *Saint-Simon*. Oeuvres, v. XVII, p. 67.

²⁰⁵ E. Barrault. Le passé s'écroule. L'avenir surgit.

²⁰⁶ E. Barrault. Les Partis. — «Le Globe», 29.VIII, 1831; *idem*. Impression; A. Transon. L'Education. — «Le Globe», 21.VI 1831.

См. соответственно: «Le Globe», 29.VIII, 27.XI 1831.

A. Transon. Dieu. — «Le Globe», 11.V 1831.

P. M. Laurent. Allocution. — «Le Globe», 8.XI 1831.

E. Barrault. Improvisation. — «Le Globe», 5.XII 1831.

Oeuvres, v. XVII, p. 150, 156.

целенаправленного преобразования земного шара. Равноцвета экономик.

В. П. Волгин весьма точно писал об этом: «Средсен-симонистов... всегда были люди, для которых цент тяжести учения лежал... не в уничтожении эксплуатации человека человеком, а в плановой эксплуатации мира». В журнале «Le Producteur» можно найти известную тенденцию к идеализации проектов обширной ассоциации капиталистов для сознательного и планомерного направления капиталов на научно продуманные экономические начинания... Те же идеи капиталистической индустриализации еще яснее выражены в «Le Globe» в 1832 г. Наличие в сен-симонистской литературе таких тенденций было как бы предвестником предстоящего в последующие годы перехода большинства сен-симонистов к буржуазным позициям»¹².

Необходимо подчеркнуть, что позитивистские идеалы веры в возможность беспредельного процветания капиталистического общества — лишь одна из тенденций сен-симонистского движения. Она отнюдь не исчерпывает ни учения Сен-Симона, искавшего с позиций «самостоятельности» общепрофессионального класса альфа, ни многочисленного и самого обездоленного» класса альфа, ни альтернативу реально существовавшему капитализму, ни идей Базара и Анфантена, которые, опираясь на наследие учителя, внесли существенный вклад в развитие утопического социализма, ни даже воззрения таких сен-симонистов, как, например, Бюше, Леру, Трансон и Барро, пытавшихся найти решение социальных проблем, в том числе проблем пролетариата, на путях распространения «социального католицизма» или пантенистической сен-симонистской религии.

Идеи буржуазного индустриализма развивались либералами и позитивистами в журнале «Производитель» они были близки Г. Эхталю и О. Родригу в «период предания доктрины гласности», в последующее время к ним тяготел порой, например, П.-М. Лоран. Но с наибольшей силой они пропагандировались в газете «Глобус» с главным редактором М. Шевалье¹³, Э. и И. Перейр¹⁴.

некоторыми другими авторами¹⁵ в период 1831—1832 гг. и стали преобладающими после распада сен-симонистского движения.

Влияние не только религиозной, но в какой-то мере и позитивистской тенденции, видимо, испытывал Анфантен, который после 1832 г. весьма непринужденно перешел на вполне рационалистические, лишенные мистичности позиции преуспевающего, широко мыслящего, «передового» предпринимателя¹⁶.

Уже в первом выступлении в «Глобусе» М. Шевалье говорил весьма прозаическим, а вовсе не апостольским языком, подчеркивал, что в будущем обществе «труд станет основой социального порядка, а талант и знания займут достойное место»¹⁷. Труд «индустриалы» рассматривали не как мистическую связь с миром, а как реальную деятельность по строительству железных дорог, ирригационных систем, возделыванию пустующих земель, разработке шахт и рудников. Проведение этих обширных планов в жизнь должно было сопровождаться совершенствованием банков, организации кредита, профессиональных

широкую известность сочинение было опубликовано в 6-м томе «Собраний сочинений Сен-Симона и Анфантена» (См. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. VI, p. 57—87) и переиздано Ж. Вальшем («Revue philosophique», 1963, N 4).

E. Pécire. Moyen de supprimer immédiatement les impôts des boissons, du sel et de la laiterie. — «Le Globe», 25.X.1831; *idem. Leçons sur l'Industrie et les Finances.* — «Le Globe», 9, 10, 16, 24.IX; 17.X; 2, 3, 14.XI.1831.

¹³ Под общей рубрикой «Politique Industrielle», 8, 21 и 30 марта, 2, 9, 11, 13, 16 и 20 апреля 1832 г. «Le Globe» опубликовал статьи М. Шевалье, С. Флиша, III. Дювейри, А. Фурнеля.

¹⁴ Что касается М. Шевалье, то его взгляды после 1832 г. полнее всего выражены в курсе лекций, которые он читал в «Коллеж де Франс», где заведовал кафедрой политэкономии с 1840 по 1878 г. См. М. Chevalier. *Cours d'Economie politique fait au Collège de France*, I, 1841—1842. Paris, 1842; II, 1842—1843. Paris, 1844; III. La Monnaie. Paris, 1850 (2-е изд. — Paris, 1855—1866). Некоторые авторы характеризуют его как сен-симониста, вернувшегося к либерализму классической школы, как одного из пионеров дирижистских теорий. Ж. Вальш, который пишет о М. Шевалье монографию, считает, что сердцем его экономической доктрины — учение о производительной силе труда. См. J. Walch. *Michel Chevalier et la puissance productive du travail.* — «Economies et sociétés», 1970, № 6.

«Le Globe», 11.IX.1832.

«Le Globe», 10.III.1832.

¹² В. П. Волгин. Сен-Симон и сен-симонизм, стр. 147—148.

¹³ См., например: М. Chevalier. *Projet de Discours de la Couronne pour l'année 1831.* — «Le Globe», 23.VII.1831; *idem. Systhème de Méditerranée.* — «Le Globe», 12.II.1832. Ср. «Le Globe», 20, 31.II.1832; это весьма характерное для М. Шевалье и получившее

Широкую известность получила статья М. Шевалье «Средиземноморская система». Он видел в создании разветвленной сети коммуникации, важнейшую меру для установления мира между Востоком и Западом, первый шаг ко «всеобщей ассоциации». Особое место отводилось железным дорогам, которые коренным образом изменят жизнь человечества. «Когда Руан и Гавр перестанут быть предместьями Парижа, — писал Шевалье, — когда на путешествие из Парижа в Петербург люди будут затрачивать вдвое меньше времени, чем на поездку из Парижа в Марсель, тогда в мире произойдут величайшие изменения: любое нынешнее государство станет провинцией средней величины»²¹⁹.

Вспышка холеры в начале 1832 г. в Париже дала М. Шевалье повод требовать улучшения санитарного состояния столицы и других городов²²⁰. А. Фурнель, поддерживая программу общественных работ, обратившись к Луи-Филиппу с призывом учредить специальные комиссии из молодых инженеров для строительства железных дорог, разработки недр, освоения новых земель и т. д.²²¹

«Индустриалы» на все лады обосновывали необходимость изъять часть военного бюджета для нужд мирной экономики и настаивали на участии воинских подразделений в общественных работах²²². Высказывались также соображения об использовании службы в армии для профессионального образования самых широких масс²²³.

Подобные примеры показывают, что трудно не согласиться с мнением современного сторонника идей «индустриализма» Л. Жирара, что в «Глобусе» наряду с дилеммами теориями о «священной паре», или «социальном индивиде, состоящем из мужчины и женщины», освещались конкретные проблемы современности²²⁴. Необходимо лишь существенное добавление: там же социальный утопический социализм освещались Анфантемом вопросы политической экономики и политики.

Итак, какова судьба идей Сен-Симона в творчестве Базара и Анфантена? Как наследие отражалось, преломлялось и модифицировалось в главных сочинениях — «Изложении учения Сен-Симона» и «Политической экономии и политике»?

2 РАЗВИТИЕ БАЗАРОМ КРИТИЧЕСКО-УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА СЕН-СИМОНА

Биографы сообщают, что Сент-Аман Базар родился 17 сентября 1791 г. в Париже, что его короткая жизнь — умер он 19 июля 1832 г. — была отмечена бурными и волнующими событиями¹. Юношей в рядах Национальной гвардии сражался он против войск аугианаполеоновской коалиции, был произведен в чин ротного командира и награжден орденом Почетного легиона.

В начале 20-х годов он выступил одним из организаторов «Общества французских карбонариев», написал ряд других документов, был членом его центрального руководства, участвовал в подготовке восстания в Белфоре. После разгрома заговорщиков он избежал публичной казни, но заочно был приговорен к смертной казни и вынужден был скрываться. Базар тяжело переживал поражение, потерял веру в успех карбонарского движения. Выйти из состояния глубокой душевной депрессии ему помогли сочинения Сен-Симона. Базар писал за два месяца до кончины: «Едва я начал осознавать пустоту и бесплодие критической философии и революционной политики для нашей эпохи, как мое внимание было привлечено трудами Сен-Симона. Сразу же почувствовал я в концепциях этого смелого новатора росток того самого нового мира, который я инстинктивно столь долго искал. С тех пор я решил, что моя жизнь, какие бы лич-

¹ См. W. Villeneuve. Bazard. — «Bibliographie universelle», v. 57. Paris, 1835; P. Leroux. Bazard. — «Encyclopédie nouvelle». Paris, 1836. t. VII, p. 519—524; J. Ruppert. Das soziale System Bazards. Würzburg, 1890; Schmidtlein. Saint-Amand Bazard. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte. — «Schmollers Jahrbuch», XLIV, 1922, S. 65—107; W. Spüler. Op. cit.; G. Iggers. The Philosophy of History of Catholicism and of Saint-Simonism. — «Proceeding. Arkansa. of Science», 1953, p. 67—73.

²¹⁹ «Le Globe», 12.II 1832.

²²⁰ «Le Globe», 2.IV 1832.

²²¹ «Le Globe», 13.IV 1832.

²²² «Le Globe», 8.III 1832.

²²³ «Le Globe», 21.III 1832.

²²⁴ L. Girard. Valeur et permanence des thèmes saint-simoniens — «Economics et sociétés», 1970, № 4, p. 171.

ные трудности я ни испытывал, будет посвящена тому, чтобы этот росток нормально развивался и дал плоды».

В 1825 г. Родриг познакомил его со своими товарищами, составлявшими ядро журнала «Производитель». Они очень быстро оценили глубокий, чуть ригористичный ум Базара, безупречность его принципов, преданность новому делу, способности организатора. Базар как-то естественно стал и руководителем складывающегося сен-симонистского движения. На этом пути его сопровождала репутация героя недавних наполеоновских войн, карбонария, революционера, сумевшего избежать смертной казни благодаря выдержке и конспиративному опыту. Он словно дополнял другого руководителя сен-симонистов — Анфантена, который олицетворял скорее не рассудок, не организационное начало, а энтузиазм, порыв нового общественно-политического и идейного течения.

Литературное наследие Базара не только не изучено, но и не выявлено: даже в таком почтенном справочнике, как «Catalogue générale de la librairie française», оно не учтено. Первыми его печатными работами были, вероятно, статьи в «Le Producteur»³. Среди них (первая появилась в октябре 1825 г.) привлекают статьи: «О защитниках прошлого и сторонниках свободы совести», «О необходимости новой всеобщей теории», «Мысли об истории». Уже в них Базар высказал ряд положений, которые он обосновал в последующих работах, в частности в «Изложении учения Сен-Симона», главном труде его жизни.

В нескольких неуклюжих поначалу рассуждениях прослеживается несомненное влияние некоторых идей

³ Базар — Рессегье, 20 мая 1832 г. — *Saint-Simon. Oeuvres*, v. VIII, p. 54.

⁴ A. Bazard, Des partisans du passé et ceux de la liberté de conscience. — «Le Producteur», t. I, p. 399—412; Sur une lettre de B. Constant au rédacteur de «L'Opinion». — «Le Producteur», t. I, p. 482—484; Considération sur les mœurs littéraires. — «Le Producteur», t. II; De l'esprit critique; Quelques réflexions sur un ouvrage de M. de Lamennais et sur un article du «Mémorial Catholique»; De la nécessité d'une nouvelle doctrine générale. — «Le Producteur», t. III, p. 110—112, 318—325, 526—560; Examen d'une dissertation sur le mot «Encyclopédie» par M. Guisot; Considérations sur l'histoire. — «Le Producteur», t. IV, p. 112—123, 373—406; De quelques-uns obstacles qui s'opposent à la production d'une nouvelle doctrine générale. — «Le Producteur», t. V, p. 81—94.

Сен-Симона и одновременно намечаются его собственные представления о критических и органических эпохах. Задача социальной науки, по Базару, состоит в том, чтобы «выявить перемены, происходящие в неустойчивом социальном порядке, оказать тем самым влияние на формирование устойчивого порядка, иными словами, привести в гармонию прошлое и настоящее»⁴.

Требования «свободы совести», «свободы критики», «свободы исследования» выступали средством «разрушения порядка, исчерпавшего себя». «В нынешних условиях», — писал Базар, — этот принцип живет как противопоставление ложным, незавершенным учениям и свидетельствует об отсутствии теории, отвечающей нуждам общества»⁵. Соответствующие призывы играют важную роль в кризисные, переходные, критические моменты истории и доказывают, что на смену старой идеологической системе идет новая. Эти критические времена «неверия и анархии ввергают отдельных людей и целые народы в ложное и мучительное состояние; люди нуждаются в вере и гармонии, и рано или поздно эта потребность должна быть удовлетворена». Католицизм выполнил свое предназначение, на смену ему придет новая доктрина. «Как и ее предшественница, она должна получить воплощение в политике, исключительное право самого полного, прямого и действенного руководства жизнью общества и отдельного человека, но лишь с той существенной разницей, что новую доктрину нельзя насаждать насильно»⁶. «В те времена, когда социальная организация... будет точно соответствовать потребностям общества, — писал Базар, — „свобода совести“ по отношениям и теориям, лежащим в основе этой организации, будет полностью устарела, как это уже сделано в любой положительной науке»⁷.

В построениях Базара легко угадываются идеи Сен-Симона: о «положительной социальной науке», о связи будущего с прошлым, об идейной анархии и безверии эпохи Реставрации, о необходимости создать новую социальную доктрину, новое духовное и идейное единство

⁴ «Le Producteur», t. I, p. 405.

⁵ Ibid., t. I, p. 411—412; t. III, p. 110.

⁶ Ibid., t. III, p. 111, 118.

⁷ Ibid., t. I, p. 412, t. III, p. 110.

людей. Эти мысли вовсе не исключали у Сен-Симона представлений о безграничном развитии научной истины а момент сохранения достигнутого результата вовсе не исключал новых открытий. В теоретических рассуждениях Базар с самого начала обнаружил значительно большую склонность к догматизму, чем его учитель.

Уже в «Производителе» большое внимание уделял он истории. Как и для Сен-Симона, для него это позитивная наука, социальная физика. Раскрывая жизнь человечества как прогрессивное развитие от раздробленности к единству, от войны к миру, от антагонизма к ассоциации история должна быть использована для научного обоснования новой общей доктрины и социальной организации будущего, а «не потешать воображения разными рассказами или служить приложением к спекуляциям моралистов, публицистов и философов»⁸.

Базар в годы «негласного распространения доктрины» издал перевод книги И. Бентама «Защита ростовщичества»⁹. Был ли этот перевод осуществлен Базаром еще до знакомства с трудами Сен-Симона и лишь по случайному стечению обстоятельств опубликован после прекращения выпуска названного журнала? Или речь идет о тяготении к идеям английского утилитариста уже в те годы, когда Базар стал одним из вождей сен-симонистского общества? Крайний индивидуализм Бентама, видимо, был чужд Базару. Во всяком случае, он ни разу не ссылаясь на этого философа: имя Бентама упоминается в «Изложении учения Сен-Симона», однако только в 8-й, 12-й и 16-й лекциях, прочитанных, как уже указывалось, не Базаром, а Анфантенем¹⁰.

С 1825 г. имя Базара неотделимо от истории сен-симонистского движения. Он был «главным автором» «Изложения учения Сен-Симона». Из последующих его работ надо отметить «Письмо председателю палаты депутатов» от 1 октября 1830 г., в котором разясняется его точка зрения относительно общности имущества и полной эмансипации женщин; «Суждение доктрины Сен-Симона о последних событиях» — важнейший документ,

раскрывающий отношение сен-симонистского движения к революции 1830 г.¹¹; «Моральные, политические и религиозные дискуссии» — сочинение, проливающее свет на причины разрыва между двумя «верховными отцами»¹²; письма Базара к Сесиль Фурнель, цитированное нами письмо Рессегье от 20 мая 1832 г. — своеобраз-

ную исповедь Базара¹³.

Таким образом, «Изложение учения Сен-Симона» — главный труд Базара. Выше уже говорилось об истории и особенностях этой книги, о том, что с именем Базара необходимо связывать дальнейшее развитие принципов критически-утопического социализма Сен-Симона, учитывая при этом влияние на «главного автора» «Изложения» его товарищей, факт превращения в конце 1829 — 1830 г. сен-симонистского движения в «церковь». Религиозная тематика занимает видное место в первой части книги, но особенно навязчивой она становится во второй, словно предвосхищая будущие «Проповеди» и смыкаясь с ними. Эта тематика свидетельствует об утопичности социализма Базара, о том, что ему довелось развить не только «социалистические», но и «утопические» элементы сен-симонизма, выступить не только продолжателем идей великого социалиста-утописта, но и его эпигоном.

В соответствии с учением Сен-Симона Базар стремился в своих лекциях выявить и обосновать закономерности общественного развития. Он рассматривал человеческий род как объект научного исследования и с самого начала выделял некоторые «основные черты», «общие законы» жизни общества.

«Человечество, — говорил он, ссылаясь на учителя, — есть развивающееся коллективное существо: это существо росло из поколения в поколение, подобно тому как растет человек со сменой возрастов. Оно росло, подчиняясь закону, который является его физиологическим законом, — закону прогрессивного развития. Наиболее об-

⁸ «Le Producteur», t. I, p. 399; t. III, p. 160, 526; t. IV, p. 406.

⁹ J. Bentham. *Defence de l'usure*. Traduit de l'anglais par Saint-Amand Bazard. Paris, 1828.

¹⁰ *Saint-Simon*. Oeuvres, v. XLI, p. 304, 320—327, 414, 423—428; v. XLII, p. 89.

¹¹ A. Bazard. Jugement de la doctrine de Saint-Simon sur les derniers evenements. — «L'Organisateur», 27.VIII 1830.

¹² Discussions morales, politiques et religieuses qui ont émané la separation qui s'est effectuée au mois novembre 1831, dans la sein de la société saint-simonienne. Relations des hommes et des femmes, mariage divorce. Paris, 1832.

¹³ CM. *Saint-Simon*. Oeuvres, v. VII, p. 40—62, 62—75.

щий факт в поступательном движении обществ, факт содержащий в себе все другие,— это прогресс нравственной концепции, в силу которой человек чувствует свое социальное предназначение. Политические учреждения — практическое осуществление этой концепции, ее приложение к установлению, сохранению и развитию социальных отношений»¹⁴.

Представив человеческое общество как нечто единое подчиненное в своем закономерном поступательном движении прогрессу нравственной концепции, и выступив тем самым сторонником детерминизма и идеологического монизма, Базар рассматривает затем социальный организм как воплощение различных рядов. Понятие «ряд» (*serie*), заимствованное из математики, было широко распространено среди «обществоведов» первой половины XIX в. для обозначения совокупности явлений, следующих в определенном порядке в каком-либо социальном процессе. Сен-Симон охотно пользовался этим понятием, например в «Очерке науки о человеке». «Все, что было в прошлом, и все, что произойдет в будущем,— писал он,— образует один ряд, первые члены которого охватывают прошлое, а последние — будущее. Таким образом, изучение пути, пройденного человеческим разумом до настоящего дня, укажет нам, какие полезные шаги остается сделать разуму на путях науки и счастья»¹⁵.

В социологии Базара четко обозначен «ряд критических и органических состояний». «Закон, открывшийся гению Сен-Симона и проверенный им на длинном ряде исторических явлений, показывает нам, что обществу свойственны два различных сменяющих друг друга состояния: одно, называемое нами органическим, когда все стороны человеческой деятельности классифицированы, предусмотрены и упорядочены общей теорией, когда цель общественной деятельности ясно определена; и другое, которое мы именуем критическим состоянием, когда прекратилась всякая общность мысли, всякое совместное действие, всякая координация, когда общество представляет собой лишь скопище обособленных, борющихся индивидов»¹⁶.

Ряд критических и органических состояний» Базар олицетворяет «рядом явлений антагонизма и ассоциации»:

Представляется необходимым отличать среди исторических явлений те, которые ставят человечество вне состояния ассоциации, от тех, развитие которых имело бы постоянной тенденцией приближение его к этому состоянию.; общество переживает два отличных друг от друга состояния: одно преходящее, относящееся к прошлому, другое конечное, предназначенное для будущего,— состояние антагонизма и состояние ассоциации»¹⁷.

За этими как бы универсальными рядами «следуют три крупных вторичных ряда, отвечающие трем родам человеческой деятельности: чувству, интеллекту, материальной деятельности»¹⁸. Эти три ряда, «три основных органа общества, рассматриваемого как коллективное существо, выполняют свои функции с той легкостью и, главное, с той гармонией, которые поддерживают здоровье и силу общественного организма и облегчают развитие заложенных в нем свойств»¹⁹.

Соответственно первый из этих вторичных рядов «охватывает все происходящее в развитии человеческих эмоций и представлен энтузиастами, способными воодушевить массы; второй отражает ступени непрерывного прогресса науки, а следовательно, развития человеческого ума; третий ряд, характеризующий материальную деятельность, формировался под влиянием войны и производства; в будущем он будет зависеть только от производства, так как на смену эксплуатации человека человеком придет гармоническое воздействие людей на природу»²⁰.

Таким образом, идеалистический монизм Базара проявляется не только при наделинии им «прогресса нравственной концепции» качествами «наиболее общей причины поступательного движения обществ»²¹, но и при построении вторичных рядов, где на передний план выдвигается развитие «человеческих эмоций» и «человеческого ума», а уже затем следует «материальная деятель-

¹⁴ См. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 128,

¹⁵ *Ibid.*, v. 5 (*XL*), p. 14—15.

¹⁶ См. *ibid.*, v. XLI, p. 86—87,

¹⁷ *Ibid.*, p. 181—182.

¹⁸ *Ibid.*, p. 128—129.

¹⁹ *Ibid.*, p. 89.

²⁰ *Ibid.*, p. 129.

²¹ *Ibid.*, p. 133.

ность» людей. И сколь большое внимание ни уделял бы Базар последнему ряду самому по себе, это не меняет его положения в предложенной классификации социальных явлений как третьего члена вторичного ряда.

Рядов более низкого порядка Базар совершенно сознательно не выстраивает. «Мы указали,— замечает он,— общие члены возрастающих и убывающих рядов, одновременное движение которых доказывает закон, открытый Сен-Симоном. В эти общие члены вы можете вставить соответствующие частные факты, образовав, таким образом, ряды, подчиненные предшествующим»²².

Такими видятся Базару «основные черты» общественного организма. Если Сен-Симон, создавая свою социальную философию, пытался опереться на данные как естественных, так и общественных наук, если творимая им «наука об обществе» представлялась ему либо «социальной физиологией», либо «социальной физикой», а история служила лишь одним из доказательств²³, то у Базара история выступает всеобъемлющим средством научного объяснения законов общественного развития. «Мы подчеркиваем полезность истории для обоснования концепций Сен-Симона относительно развития человечества... Мы придаем столь большое значение наблюдениям, сделанным над человечеством, исключительно для того, чтобы стать на почву, на которой просвещенные люди нашей эпохи считают свою позицию особенно надежной,— на почву науки..., мы... следуем тому же методу, какой применяется во всех науках... Мы хотим доказать..., что наше предвидение имеет то же происхождение, те же основы, какие наблюдаются в научных открытиях; что гений Сен-Симона подобен гению Кеплера, Галилея и отличается от них лишь шириной охвата и важностью законов, которые он нам открыл»²⁴.

Для такого подхода к истории требовалось как ясное понимание связи между прошлым, настоящим и будущим, так и превращение самой истории в «позитивную» науку. В утверждении этой связи Базар опирался на прямые высказывания Сен-Симона, приведенные им в «Предварительном замечании о тяжбе между Сен-

Симоном и Редерном» (1812 г.) и дважды повторенные в «Очерке науки о человеке» (1813 г.): «Будущее складывается из последних членов ряда, в котором первые члены составляют прошлое»²⁵. Ученик лишь разъясняет эту мысль учителя, придает ей еще более совершенную афористичную форму. Обращение к истории, по мнению Базара, должно не уводить от настоящего, а, напротив, помогать постигать его. «Несомненно, настоящее — только точка в пространстве, только момент во времени; оно представляет собой неуловимую связь между прошедшим и будущим. Но мы знаем, что оно содержит в себе итог одного и зародыш другого; мы знаем, что оно есть среда, в которой мы живем, движимые двойственной силой: воспоминаний, подталкивающих нас, и надежд, нас притягивающих, и что только в нем и через него мы беспрерывно идем к лучшему будущему»²⁶.

Так социальная философия Базара перерастает в философию истории. «История,— писал Сен-Симон в 1813 г.,— в научном отношении еще не вышла из пеленок. Эта важная отрасль нашего знания пока представляет собой лишь собрание фактов более или менее установленных». Но эти факты не объединены никакой теорией. Поэтому история и не позволяет заключить о том, «что произойдет из того, что уже произошло»²⁷. «Философы давно сделали человечество предметом исследований,— в свою очередь писал Базар,— они изучали его многовековую историю и размышляли по поводу пережитых им переворотов. Но вместо того, чтобы рассматривать род людской как органическое целое, развивающееся согласно непреложным законам прогресса, они обращали внимание лишь на индивидов, его составляющих»^{27а}.

При таком подходе история не служит опорой для законченной социологической системы, а представляется лишь обширной коллекцией повторяющихся фактов. Однако обстоятельства столь же мало могут повторяться на различных стадиях роста коллективного существа, как не могут иметь одинакового значения сходные физиологические состояния в детстве, юности и старости

²² *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 133.

²³ *Ibid.*, v. 5 (XL), p. 245—250.

²⁴ *Ibid.*, v. XLI, p. 143—144.

²⁵ *^ Ш Т Л Oeuvres* - v. 1 (XV), p. 122; v. 5 (XL), p. 14-15. 172.

²⁶ *Ibid.*, v. XLI, p. 144.

²⁷ *Ibid.*, v. 5 (XL), p. 245—246.

^{27а} *Ibid.*, v. XLI, p. 150.

индивида. «Историки изучали не общественного, а изолированного человека и превратили его в абстракцию; никто не касался жизни человеческого рода; историкам чуждо истинное представление о совершенствовании общества. В исторических событиях они «не видят следствия тех социальных причин, которые делали их неизбежными; не видят, что всякая эволюция есть необходимый итог предшествующего развития, каждый новый шаг — логический, так сказать, результат уже пройденного пути»²⁸.

Чтобы избавиться от этих недостатков, необходимо «широко применять установленные нами принципы к истории человечества»²⁹. В самом деле, прежде чем приступить к детальному рассмотрению фактов, необходимо знать, какой фактор поможет нам разобраться в их нагромождении. «Исторические явления, — полагал Базар, — были уже подвергнуты наблюдению, классифицированы, получили определения; памятники различных цивилизаций, сменявших друг друга, либо описаны, либо ждут тех, кто ими заинтересуется; порожденные ими книги имеются у нас перед глазами, переведенные, снабженные комментариями и пояснениями; наконец, великие люди, приводившие в движение массы, законы, которым эти массы повиновались, вера, наполнявшая их сердца, — все это здесь, все живет еще для каждого, кто любит человечество, познал его предназначение и стремится содействовать его счастью»³⁰.

Путеводной нитью в этом лабиринте сведений должна стать теория Сен-Симона. Таким образом, у Базара происходит совмещение и взаимное обогащение «социологического» и «исторического» уровней исследования. История выступает у него как средство научного обоснования «общих черт социального организма», а эти «общие черты», «общие закономерности» в свою очередь служат теоретической, научной основой самой истории. История «перестает быть сборником поучений или драматических рассказов, способных занимать воображение; она представляет картину последовательных природных состояний человеческого рода, рассматриваемого как кол-

лективное существо; она образует науку, приобретающую строгий характер точного знания».

Обосновывая учение Сен-Симона с помощью истории и раскрывая требования к ней самой как к науке, Базар подчеркивал роль чувств в жизни общества: «Что касается нас, исполненных веры в будущее, возмещаемое нам Сен-Симоном, то мы, разумеется, не отвергаем чисто рационалистического метода, при котором можно доказать и маловерам, что это будущее есть необходимое следствие прогресса, достигнутого к нашему времени. Но не умение мыслить логически мы больше всего желали бы видеть в тех благородных людях, которых мы жаждем ощущать вблизи себя, а способность вместе с нами пробудить влечения человечества и слить все сердца в едином чувстве любви»³¹. Базар, однако, заботился, чтобы вера в будущее человечества, открывшаяся благодаря пылкому желанию способствовать его счастью, основывалась все-таки на самом строгом изучении действительности³².

Чувство помогает человеку выступать активным деятелем общественного развития, несмотря на господствующую здесь закономерность. «Если взаимосвязь событий отличается такой строгостью, что будущее определяется прошлым, — отмечал Базар, — то не означает ли это, что человеческий род подчинен закону фатализма? Если бы человек мог совершенно отрешиться от своих желаний и надежд и холодно, одним рассудком выводить будущее из прошлого, то он должен был бы чувствовать себя во власти фатализма, но такого человека в природе нет. Все люди в большей или меньшей степени ощущают влечение к себе подобным, все обращают заинтересованные взоры в будущее, — здесь-то для них и начинается провиденциальная точка зрения»³³.

В древности человек воспринимал события пассивно и безвольно, ибо ничего не понимал и не предвидел; он молил без надежды, сеял неуверенной рукой, не смел ничего ждать от своих усилий. В условиях, когда возведено учение Сен-Симона, когда человек получил

²⁸ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 136—139.

²⁹ См. *ibid.*, p. 167.

³⁰ *Ibidem*.

³¹ *Ibid.*, p. 141.

³² *Ibid.*, p. 145—146.

³³ *Ibid.*, p. 150.

³⁴ *Ibid.*, p. 146—147.

возможность чувством постичь свою судьбу и при помощи науки предвидеть возможные последствия своих влечений, он может спокойно двигаться к будущему, которое ему известно. Здесь нет места пассивности, мрачной покорности неотвратимой судьбе. Человек становится свободным и разумным творцом собственной жизни, «ибо чем больше человек осознает свое предназначение, тем более он трудится заодно с богом над его осуществлением»³⁵.

Таким образом, утверждение, что благодаря чувству, выверенному наукой, человек выступает активным творцом исторического процесса, помогает Базару не только избавиться от фатализма, но и встать на точку зрения провиденциализма, превратить тем самым человека в помощника, или, скорее, «сотрудника» бога. Заметим, что именно эти рассуждения служат одним из важнейших оснований пантеистической теологии сен-симонистов. Сюда же проникают телеологические представления Базара, в соответствии с которыми исторический процесс не только закономерен, но закономерно ведет человечество к определенной, заранее установленной цели. Какой для нас прок во всех этих исторических фактах, восклицал он, «если мы не умеем прочесть в них ясно начертанные волю, желание, цель, искомую и никогда не достижимую, к которой, однако, человечество непрестанно приближается, цель, двигаться к которой мы должны ему помогать?»³⁶ Общая теория, в том числе доктрина Сен-Симона, выступает лишь выражением этой априорной цели, этого божественного предначертания. Такие идеи человек постигает, по мнению Базара, в органические эпохи, и тогда ему кажется, что «все явления управляются провидением, благостной волей; самый принцип человеческих обществ, закон, которому они подчиняются, представляется ему олицетворением этой воли; и возникшую веру он воплощает в культе, который привязывает сильного к слабому и слабого к сильному. В этом смысле... характер органических эпох по существу религиозен»³⁷.

Телеологические идеи — характерная черта теорий

прогресса XVIII — начала XIX в. — не были чужды Сен-Симону, особенно в последние годы его жизни. Так, в «Новом христианстве» он писал: «Господь сказал: „Люди должны относиться друг к другу, как братья“. Этот высший принцип содержит в себе все, что есть божественного в христианской религии... Господь несомненно все свел к одному принципу; из этого принципа он все и вывел. Без этого его воля в отношении людей не имела бы определенной системы. Было бы кощунством утверждать, что всемогущий основал свою религию на многих принципах. Согласно же тому принципу, который господь преподал людям в качестве правила их поведения, они должны организовать свое общество так, чтобы оно было наиболее выгодно большему числу людей; они должны поставить целью своих трудов и всех своих действий — в наикратчайшее время... улучшить моральное и физическое состояние наиболее многочисленного класса. Я утверждаю, что именно в этом, и только в этом этом, заключается божественная часть христианской религии»³⁸.

Телеологические представления проявляются здесь слабо, но достаточно определенно. У Базара они выражены гораздо сильнее и связаны с идеями провиденциализма, пантеистическими представлениями о боге и нераздельно слитом с ним человеке. Если у Сен-Симона религия сводится к принципу: «Все люди — братья», а единственной целью религиозной деятельности провозглашается требование улучшить положение самого многочисленного и бедного класса, если даже в «Новом христианстве» обращение к религии свидетельствует всего лишь об ошибочной тактике Сен-Симона, стремившегося довести до простого народа научную истину в привычной, доступной религиозной форме, если даже в этом сочинении слова «религия» и «бог» часто заменяют выражения «общая теория», «общая мораль», «общая идея», «природа» и т. д., то у Базара и других сен-симонистов новое, детально разработанное богословие приобретает все более и более самодовлеющий характер. Оно становится не средством, а принципом и целью деятельности, отесняя на задний план социальные требования, придавая им часто абстрактный, мистический смысл. «Излагая

³⁵ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 147—148.

³⁶ *Ibid.*, p. 167—168.

³⁷ *Ibid.*, p. 173.

³⁸ *Ibid.*, v. 3(XXIII), p. 108—109.

перед вами, господа, основные идеи Сен-Симона, мы считали своей главной целью дать вам почувствовать, что общество должно быть организовано в соответствии с неким общим предначертанием и что сообразно этому предначертанию им следует неустанно руководить как в целом, так и в частностях,— говорил Базар в лекции, названной «Введение в религиозный вопрос»³⁹.

Были ли в этом отношении Базар, Анфантен и другие сен-симонисты учениками Сен-Симона? Бесспорно, телеологические представления Базара, например, свидетельствуют об этом. Однако ученик, разрабатывающий слабые стороны идейного наследия учителя и возводящий их в абсолют, выступает не его продолжателем, а эпигоном. Этой участи не избежал и Базар. Еще в большей степени это относится к Анфантену, Барро, Трансону, Эхталю, Родригу и многим другим сен-симонистам.

Итак, детерминизм социальной философии и философии истории Базара исключает фатализм, но предполагает телеологию, провиденциализм и пантеистического бога. Однако даже лекции «Изложения учения», специально посвященные раскрытию различных аспектов «сен-симонистской религии», содержат немало наблюдений и идей, отражающих некоторые черты объективной реальности. Теоретические разработки Базара, легко отделяемые от религиозно-мистической шелухи, были крупным достижением общественной мысли первой половины XIX в., дальнейшим шагом в развитии теоретического наследия Сен-Симона, послужили орудием анализа капиталистической действительности и основой учения об обществе будущего.

В. П. Волгин подчеркивал: «Философия истории сен-симонистов—первая заслуживающая серьезного внимания попытка⁴⁰ исторического обоснования неизбежности социализма».

Используя историю как средство научного обоснования закономерности прогрессивного развития «общественного организма» в целом и его различных рядов, выдвинув требование превратить на основе сен-симонистского учения саму историю в позитивную науку, провозгласив связь между настоящим, прошлым и будущим,

оказав неразрывность исторического обоснования социологии и социологического осмысления истории в процессе познания исторической действительности, высказав соображения о проявлении детерминизма, фатализма, телеологизма и провиденциализма в жизни человеческого общества, Базар разрабатывает некоторые концепции, выдвигающие его в число виднейших теоретиков утопического социализма.

Весьма интересно его учение об органических и критических эпохах, образующих «первый социальный ряд». В полном соответствии с идеалистическим монизмом он характеризует их как некие состояния социальных идей и моральных принципов. Каждое состояние, именуемое иногда религией и философией, занимает, по Базару, два периода истории.

Язычество до Сократа и христианство до Лютера представляли два органических состояния". Соответственно «эра греков, которую именуют философской эрой», и период, начинающийся в XVI в., «когда деятельными Реформации был дан первый сигнал к критике, и продолжающийся вплоть до наших дней», образуют эпохи критические⁴². Фундаментом первой органической эпохи, эпохи язычества, была война, выступающая «единственным средством добывания рабов и тем самым вещей, способных удовлетворить материальные потребности. «Господствующей мыслью в жизни язычников, их повседневной целью были войны; все их страсти, все их чувства откликнулись на боевой клич, и их самые сильные душевные движения брали свое начало в любви к отечеству, в ненависти к чужеземцу... Одна страсть воодушевляла все сердца, одно стремление направляло действия, толкало их к самопожертвованию»⁴³.

Вторая органическая эпоха начинается, «когда христианство, подготовленное школой Сократа, уничтожило рабство. Когда ценою тысяч страданий предписания евангелистов, примененные к политике, в лице католичества дали обществу новую организацию». Вера становится духовным отечеством всех чад Христовых, и, несмотря на взаимную ненависть и эгоизм народов, мир

³⁹ См. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLII, p. 5.

⁴² Ibid., p. 87.

⁴³ Ibid., p. 110—111.

⁴⁰ В. П. Волгин. Сен-Симон и сен-симонизм, стр. 105.

вновь узрел великие акты любви, самопожертвования и вдохновения⁴⁴. «Века Льва X и Людовика XIV венчают великое дело католичества и феодализма, которым после этих великих деятелей оставались лишь немногие часы бытия или, скорее, агонии, ибо по прошествии пятнадцати столетий средневековая организация оказалась со всех сторон под угрозой». Длительная борьба, начатая еще на исходе XV в. отменой крепостного права, подготовила освобождение человека. «Миряне, овладев мало-помалу наукой и богатством, свергли при помощи этих могущественных орудий нечестивую коалицию церковников и феодалов, веривших в незыблемость эксплуатации человека человеком». Но и после революции конца XVIII в. люди живут среди обломков средневекового общества и порой слышат сожаления о прошлом.

Если в органические эпохи людей объединяют общие идеи и чувство коллективизма, то критические эпохи отмечены печатью эгоизма. Уничтожены все верования, угасли все общественные чувства. Люди откликаются лишь на те идеи и на те произведения искусства, которые соответствуют их личным вожделениям⁴⁶, эгоизм царит и среди народов, и среди отдельных индивидов.

Базар устанавливает связь между органической и критической эпохами, освещает проблему исторической определенности каждой органической эпохи, выделяет два различных по назначению этапа эпох критических,— это помогает ему разработать идею не только закономерного, но и прогрессивного развития человечества. По сравнению с порядком и социальным единением органических эпох, неурядицы, безверие и эгоизм эпох критических мучительны для человека. «В чем назначение человека по отношению к своему ближнему? Какова его роль во вселенной? Эти два вопроса всегда ставило перед собой человечество»⁴⁸. В органические эпохи оно находило приемлемые, хотя и временные, их решения. Со временем достижения на этом пути становились недостаточными и требовали новых решений. Здесь-то и на-

пали эпохи критические с их спорами, протестами, чаяниями, сомнениями, эгоизмом и безразличием⁴⁹. Добавляя людям массу неприятностей, «критические эпохи были всегда полезны, необходимы, так как, разрушая устарелые формы, которые долгое время способствовали развитию человечества, но затем стали ему помехой, они облегчали рождение форм новых»⁵⁰.

Критические эпохи делятся на два отличных друг от друга периода. «В начале таких эпох,— отмечал Базар,— общество, примкнув под влиянием горячей веры к разрушительным учениям, трудится над ниспровержением старого религиозного и общественного строя. Во второй период, охватывающий время, отделяющее разрушение от созидания, люди, чувствуя отвращение к прошлому и неуверенность в будущем, не объединены более никакой общей верой, никаким общим начинанием». То, что говорилось о спорах и эгоизме в критические эпохи, относится лишь ко второму из двух периодов⁵¹.

Взволнованно звучат слова Базара о высокой нравственности, самоотверженности и мужестве революционеров, «освободивших людей от тех верований и учреждений, которые некогда благоприятствовали социальному развитию, а затем стали тормозить его». Революционеры, действовавшие в первый период критической эпохи, «в силу определенной непоследовательности проповедают ненависть, движимые любовью, подстрекают к разрушению, воображая, что строят, вызывают беспорядок, потому что желают порядка... Преклонимся же, господа, перед этими людьми..., на их долю выпала ужасная миссия, которую они выполнили с такой самоотверженностью, с такой любовью к человечеству..., они были рождены для любви, а между тем вся их жизнь была посвящена ненависти»⁵².

Чередование эпох порядка и эпох беспорядка является «условием общественного прогресса..., постоянная смена видимого величия и упадка, обычно именуемая превратностями судьбы человеческого рода, в действительности есть не что иное, как закономерный ряд уси-

⁴⁴ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 111—112.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 113.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 113—114.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 117.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 171.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 171—172.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 129.

⁵¹ *Ibid.*, v. XLII, p. 20—21.

⁵² *Ibid.*, p. 22.

лий, совершаемых людьми для достижения некоей конечной цели»⁵³.

Интересны рассуждения Базара о прогрессивном развитии самих органических эпох и об их отличии друг от друга. Во времена язычества, когда война выступает важнейшей стороной деятельности, т. е. в первую органическую эпоху, человек, чувствуя себя в безопасности только у семейного очага и умиловляя богов кровавым приношением в храме, не выходит из дому без оружия — его подстерегает враг. Он либо гибнет, либо попадает в плен. Со временем пленников перестают убивать, их заставляют работать, обращая в рабов. Позже на развалинах древнего мира возникает крепостное состояние — признак великого прогресса⁵⁴. Меняется отношение к труду. Греки и римляне трудиться предоставляли рабам и стыдились того, чем мы теперь гордимся. Господин присваивал все, что производил раб, крепостной отдает феодалу только часть продукта своего труда под названием барщины, оброка, десятины. Любовь к мирному труду приходит на смену воинственному пылу⁵⁵. Вместе с тем «образованность, теснимая вначале грубой силой, постепенно занимает все более высокое место... На первых порах науки изучают самые простые явления, но затем расширяют поле исследований, науки делятся на разные отрасли, а с другой стороны, координируются и систематизируются, приближаются к единству»⁵⁶. Итак, одна органическая эпоха отличается от другой. Их отличия — свидетельства закона совершенствования человеческого рода. Сила веры и широта ассоциации придадут каждой из них особый оттенок⁵⁵.

Обосновывая концепцию органических и критических эпох, Базар подчеркивал: «Мы не преследовали иной цели, кроме определения отличительных черт нашей эпохи и констатации того обстоятельства, что живем в одну из эпох, названных нами критическими»⁵⁹. Но и анализ настоящего не был самоцелью. «Настоящее, несмотря на

пороки,— писал он,—чревато будущим, к которому обращены все наши надежды, все наши помыслы, все наши усилия»⁶⁰. Будущее представляется Базару эпохой органической, но весьма отличающейся от предшествующих органических эпох, которые «были несовершенными, предварительными»⁶¹. Грядущей эпохе Базар дает название «окончательного состояния», «которое будет избавлено от прежних затяжных и болезненных перемен..., при котором прогресс сможет осуществляться без задержек и кризисов, постоянно, равномерно и всегда»⁶².

Теоретический анализ настоящего и обоснование идеи «окончательного состояния», органической эпохи будущего еще более углубляются, когда, раскрывая два основных вида человеческих взаимоотношений — антагонизм и ассоциацию, Базар формулирует закон убывания антагонизма и роста ассоциации. Наряду с концепцией органических и критических эпох этот закон является важным вкладом Базара в развитие сен-симонизма как системы критически-утопического социализма. Целью развития человечества, по мнению Базара, является всемирная ассоциация, т. е. объединение для совместных действий «всех людей всей Земли и во всех областях их отношений»⁶³. Он особо подчеркивает, что всемирная ассоциация предполагает «объединение человеческих усилий только в мирном направлении»⁶⁴. В этой связи необходимо, полагал Базар, «отличить среди исторических явлений те, которые ставят человечество вне ассоциации, от тех, которые неуклонно приближают ее к ней»⁶⁵. «Общество переживает два отличных друг от друга состояния: одно — временное, принадлежащее прошлому, другое — конечное, предназначенное для будущего: состояние антагонизма и состояние ассоциации»⁶⁶. Понятие «антагонизм» определяется как нечто противоположное ассоциации, и хотя автор сознает чисто отрицательный характер такого определения, оно необходимо ему для

⁵³ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 180.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 130.

⁵⁵ *CM. ibidem.*

⁵⁶ *Ibid.*, p. 132.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 133.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 177.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 113.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 120.

⁶¹ *Ibid.*, p. 240.

⁶² *Ibid.*, p. 178.

⁶³ *Ibid.*, p. 180.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 181.

⁶⁵ *Ibidem.*

Ibid., p. 182.

установления различия между начальным и конечным состоянием общественного развития⁶⁷.

Чем дальше мы уходим в глубь веков, тем более узкой представляется сфера ассоциации. Внутри самой этой сферы объединение усилий носит чрезвычайно ограниченный характер. Чем ограниченной ассоциация, тем полнее и универсальнее антагонизм, ее антипод. Ряд таких общественных состояний, как «семья, город, нация, церковь», являющихся примерами ассоциации, представляют в то же время картину антагонизма и непрекращающейся борьбы. «Эта напряженная всеохватывающая борьба соответствует между семьями, городами, странами, вероисповеданиями никогда не утихала»⁶⁸. Состояние антагонизма характеризует также отношения внутри каждой из этих ассоциаций. Например, между городами и провинциями, входящими в состав одного и того же государства, а в пределах города — между различными классами его населения. В этой связи Базар делает чрезвычайно глубокое замечание. Борьба внутри ассоциаций «имеет разное значение для участвующих в ней сторон: для раба и плебея она прогрессивна, ибо их целью является освобождение труда; для патриция и хозяина она включает в себе тенденцию к застою или регрессу, так как цель господ — сохранить результаты завоевания, продлить царство насилия»⁶⁹.

Прошлое по отношению к будущему может рассматриваться как одно обширное систематическое состояние войны. Однако антагонизм никогда не обладал таким могуществом, чтобы мешать существованию и расширению ассоциации в пределах, необходимых для перехода человечества к более передовой организации. «Вместе с поступательным развитием человечества круг ассоциации непрерывно расширяется..., внутренний принцип порядка, гармонии и единства пускает в ней все более глубокие корни..., элементы борьбы слабеют по мере, того, как несколько ассоциаций соединяются в одну»⁷⁰.

В соответствии с положениями об ассоциации и антагонизме Базар высказывает мысли об эксплуатации

человека человеком, обосновывая понятие, которого не было у Сен-Симона: «Господство физической силы и эксплуатация человека человеком — причина и следствие состояния антагонизма». Развитие человечества может быть выражено с этой точки зрения как процесс возрастания любви, гармонии и мирных отношений. Классовые или кастовые отличия являются политическим выражением разных степеней эксплуатации человека человеком». В античном мире раб был поставлен вне общества и, словно вещь, принадлежал господину, у него не было даже права на жизнь. В эпоху христианства существовало два класса — господа и крепостные. Крепостной больше не собственность господина, часть плодов его труда принадлежит ему; жизнь его охраняется гражданским и религиозным законом. «Класс, ныне работающий в сфере материального производства, класс, являющийся восприимчивым рабов и крепостных путем учреждения коммун, приобретая политическую правоспособность, делает решительный шаг вперед»⁷².

В разработке понятия «эксплуатация человека человеком» Базар опирался на мысли Сен-Симона о классах и классовой борьбе. В последнем его замечании слышатся отзвуки идей учителя о роли коммун в борьбе «промышленного класса» против отжившей феодальной теологической системы, установление собственного экономического, политического и идеологического господства.

Антирелигиозная сторона этого вопроса остается у Базара вне поля зрения. Зато представление о неоднородности третьего сословия, о противоположности интересов собственников и пролетариев блестящим образом развивается до формулировки тезиса об эксплуатации рабочего со стороны собственников средств производства. «Эксплуатация человека человеком,— писал Базар,— существовавшая изначально в форме рабства, ныне проявляется в отношениях между собственниками и трудящимися, между хозяевами и наемными рабочими»⁷³. Конечно, здесь есть ряд особенностей. Однако «отношение хозяина к наемному рабочему есть послед-

⁶⁷ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 183.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 185.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 186—187.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 188—190.

⁷¹ *Ibid.*, p. 190—191.

⁷² *Ibid.*, p. 193—197.

⁷³ *Ibid.*, p. 224.

няя метаморфоза рабства. Если эксплуатация человека человеком не носит больше того грубого характера, какой она носила в древности, если она проявляется только в смягченных формах, то она не перестает оттого существовать в действительности. Рабочий не составляет прямой собственности своего хозяина, какой был раб; его положение определяется временным обоюдным соглашением, но разве это соглашение действительно свободный акт со стороны рабочего? Нет, ибо рабочий, вынужденный кормиться сегодня тем, что заработал вчера, должен под страхом голодной смерти соглашаться на любую сделку»; рабочий «может существовать только на условиях, диктуемых ему малочисленным классом людей, которым законодательство, порожденное правом завоевания, гарантирует монополию на богатство, т. е. на право распоряжаться по своему усмотрению, даже пребывая в праздности, орудиями производства»⁷⁴. Отдавая должное мыслям Базара, необходимо подчеркнуть, что они, хотя и были важной вехой на пути развития социализма от утопии к науке, не выходили за рамки утопического социализма. Констатация факта эксплуатации наемного рабочего хозяином, соображение о том, что рабочий — прямой наследник раба и крепостного, понимание некоторых особенностей положения рабочего и хозяина — еще не есть научное объяснение феномена наемного рабства, что было осуществлено позднее в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса.

Базар не покидает почву утопического социализма и тогда, когда пытается объяснить эксплуатацию человека человеком «фактом, который играет в ней доминирующую роль и составляет ее ближайшее основание», а именно, «структурой собственности, передачей богатств путем наследования в пределах семьи». Итак, от описания ассоциации и антагонизма, а также их исторических форм, включая эксплуатацию наемного рабочего собственником средств производства, к рассмотрению «ближайшего основания» этой эксплуатации — «структуры собственности» — таков путь Базара в анализе исторической действительности и обосновании предположений об «окончательном состоянии».

Базар спорит с теми, кто уверяет, будто, несмотря на перевороты в жизни общества, изменений в собственности не происходит. «Собственность,— утверждает он,— есть социальное явление, подверженное, как все остальные закону прогресса». Если справедлив закон убывания антагонизма, если допустить, что эксплуатация человека человеком ослабевает и в конце концов должна исчезнуть, то организация собственности, благодаря которой она увековечивается, также должна погибнуть.

Считая собственность чем-то неизменным, почти священным, ссылаются на божественное право, на естественное право, на принцип полезности. Но ведь и эти принципы подвержены закону прогресса и, следовательно, изменяются. На заре истории права собственности на раба ничем не ограничиваются, но позже они «все более и более сужаются, пока, наконец, моралист и законодатель не сходятся в установлении принципа, что человек не может больше быть собственностью своего ближнего»⁷⁶.

Законодатель менял также способ передачи собственности. Сначала речь шла о праве завещать, затем о майорате, наконец — о разделе наследства между всеми детьми поровну. Теперь это право, по мнению Базара, «дошло до своего последнего преобразования... и продолжает терять с каждым днем некоторую долю сохранившегося за ним значения. Значение это основано на привилегии взимать прибыль с чужого труда... Оно существует в виде процента и арендной платы и непрерывно (как кажется Базару.— Г.К.) сокращается. Условия, по которым регулируются отношения между собственниками, капиталистом и трудящимся, становятся все более выгодными для последнего; иными словами, привилегию праздного существования становится все труднее сохранить»⁷⁵.

Базар сумел нащупать реальный факт капиталистической эксплуатации и связать его с «привилегией взимать прибыль с чужого труда». Но как далеки его выводы, связанные с этой констатацией, от марксистской теории прибавочной стоимости, этого, по словам

⁷⁴ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XL I, p. 224—226.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 230.

⁷⁶ *Ibid.*, p. 233—234, 241—242.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 235—236.

В. И. Ленина, краеугольного камня теории научного социализма!

Рассмотрение особенностей права собственности во времена эксплуатации наемного рабочего владельцем средств производства приводит Базара к заключению: «необходимо последнее изменение, установление такого порядка, при котором государство, а не семья будет наследовать накопленные богатства, поскольку они образуют то, что экономисты называют фондами производства»⁷⁸. Государство превратится в ассоциацию трудящихся⁷⁹, где «каждый должен будет занимать место соответственно своим способностям и вознаграждаться соответственно своим делам»⁸⁰. Благополучие будет определяться не силой, не правом завоевания, как прежде, а трудом на благо всего общества⁸¹.

Интересно отметить, что Базар несколько неожиданно противопоставляет предлагаемую им социальную организацию «системе, известной под названием общности имуществ», утверждая, что между ними нет ничего общего⁸². «Система общности имуществ» з его представлении — это такой, порядок распределения, при котором относительная значимость труда каждого человека не учитывается и праздный получает ровно столько же, сколько и трудолюбивый. Таким образом, отмежевание от «общности имуществ» оборачивается у Базара возражением против обезличивания и уравнительного распределения.

«Если, как мы заявляем, человечество шествует к такому состоянию, при котором положение индивидуумов будет определяться их способностями, а вознаграждение — их делами, то ясно, что собственность в ее нынешнем виде должна быть упразднена, ибо, давая известному классу людей возможность жить в полной праздности за счет чужого труда, она поддерживает эксплуатацию одной части населения, наиболее полезной, той, которая трудится и производит в интересах другой, умеющей только разрушать»⁸³.

Возвещаемая перемена санкционируется божественным правом, ибо в глазах религиозного человека все люди — братья и должны не эксплуатировать, а любить друг друга; эта перемена соответствует естественному праву, ибо его приверженцев природа зовет к свободе, а не к самому жестокому рабству — капиталистической эксплуатации; эта перемена отвечает и принципу полезности, т. е. благоприятна производству⁸⁴.

Обосновывая эту перемену принципов полезности, Базар подвергает резкой критике «существующую ныне структуру собственности». Собственность слагается из богатств, которые не предназначены непосредственно для распределения, а составляют фонд производства. Капиталисты и землевладельцы неспособны распорядиться этими фондами во имя наилучшей организации производства, ибо осуществляют его вслепую, на основе лишь собственного опыта и знаний, при отсутствии общего плана.

Капиталистическому производству присущи конкуренция, анархия, кризисы; оно не может быть организовано как целое⁸⁵. Единственным связывающим фактором выступают банки, которые «служат посредниками между тружениками, нуждающимися в орудиях производства, и владельцами этих орудий, не умеющими или не желающими приложить их к делу; они влияют отчасти на размещение производства, которое так плохо ведется и капиталистами, и землевладельцами»⁸⁶. Идеи о банках, кредите как ростках новой промышленной системы, развиваемые еще Сен-Симоном, характеризуют утопическую сторону воззрений Базара. Позже эти идеи были подхвачены Прудоном. В творчестве Базара они как бы сближаются с позитивистскими тенденциями, но занимают весьма скромное место — лишь как одно из доказательств полезности перемены в структуре собственности.

Хотя критика хозяйственных отношений и не играет большой роли в «Изложении учения» и часто лишь повторяет соответствующие высказывания Сен-Симона, Базар обнаруживает здесь более глубокое понимание

⁷⁸ Saint-Simon. Oeuvres, v. XLI, p. 236.

⁷⁹ Ibid., p. 243.

⁸⁰ Ibid., p. 237.

⁸¹ Ibid., p. 244.

⁸² Ibid., p. 237.

⁸³ Ibid., p. 245.

⁸⁴ Ibid., p. 246—247.

⁸⁵ Ibid., p. 247.

⁸⁶ Ibid., p. 264.

противоречий капиталистического строя, выступая достойным продолжателем критически-утопического социализма своего великого учителя. Опять-таки эта критика — лишь средство доказать неизбежность появления общества, где не будет эксплуатации человека человеком и анархии производства. Ассоциация трудящихся мыслится базаром не только как организация, в которой осуществлен принцип «от каждого по способности, каждому по его труду», но и как организация единая, централизованная, иерархическая, твердо управляемая и развивающаяся в соответствии с всеохватывающим и детальным планом. Эта идея централистской организации общественного производства четко выражена как в «Изложении учения Сен-Симона», так и других трудах сенсимонистов. Она дала некоторым историкам повод для объявления их предшественниками фашизма, творцами авторитаризма, буржуазного дирижизма и т. д.⁸⁷ Решительно отвергая эти инсинуации, необходимо помнить, что и Сен-Симон, и Базар, и Анфантен говорили об «ассоциации трудящихся», организованной во имя интересов самих же трудящихся. Вне этого контекста иные высказывания сенсимонистов могут быть истолкованы в ложном свете. С другой стороны, необходимо учитывать, что у Базара и особенно Анфантена учение социальное дополнялось учением религиозным, а требование социальной централистской организации сопровождалось догматами об иерархической структуре новой «церкви», что давало повод относить сенсимонистов к приверженцам авторитаризма.

«Ассоциация трудящихся» — венец всего учения Базара. В его представлении это — высшая цель усилий человечества, его «окончательное состояние». «Мы не хотим сказать, — подчеркивал Базар, — что когда человечество дойдет до этого состояния, оно не будет более испытывать потребность в дальнейшем прогрессе; напротив, оно быстрее, чем когда-либо, будет идти к своему совершенству. Но эта эпоха будет окончательной в том смысле, что люди создадут политический строй,

наиболее благоприятный для самого прогресса. Человечеству всегда будет необходимо все больше и больше любить и знать, а также все полнее изменять внешний мир по своему подобию; нива науки и нива производства будут с каждым днем приносить все более богатый урожай и дадут ему новые возможности все сильнее проявлять свою любовь... Но социальный строй, который наилучшим образом будет благоприятствовать его нравственному, умственному и физическому развитию и при котором каждый индивид... будет цениться и награждаться сообразно его делам, этот социальный строй не поддается совершенствованию. Другими словами, организация будущего — окончательна, ибо лишь тогда общество будет устроено непосредственно ради прогресса»⁸⁸. Обоснование неизбежности «ассоциации трудящихся» и торжества «строя, наиболее благоприятного для прогресса», — важнейшая заслуга Базара, его вклад в развитие критически-утопического социализма Сен-Симона.

Что касается проблемы перехода к общественной системе, выступающей результатом всего развития человечества, то достижения Базара здесь более чем скромны. «Доктрина Сен-Симона, — писал он, — не ставит своей задачей сохранить существующие порядки или только поверхностно их изменить; ее цель — глубоко, радикально изменить чувства, идеи, интересы. Однако она пришла не для-того, чтобы низвергнуть..., она появилась, чтобы предсказать и осуществить преобразование, эволюцию; она несет миру новое воспитание, окончательное возрождение». Подчеркивая мирный, неревolutionный характер сенсимонизма, Базар писал: «Когда мы указываем на предстоящую перемену социального строя, когда мы заявляем, что нынешняя структура собственности должна быть заменена совершенно иной структурой, то мы хотим этим доказать, что переход к новому обществу не будет и не может быть резким или насильственным, ибо его нельзя задумать и подготовить иначе, как при взаимодействии воображения и рассудочности, чувств и разума, ибо он подвластен лишь людям, вдохновленным мирными намерениями, преклоняющимися перед силой, если она используется для производства

⁸⁷ См., например: S. *Agapitides*. Saint-Simon et le corporatisme fasciste. — «Revue d'histoire economique et sociale», XXIII, 1937; См. также предисловие Дж. Иггерса к американскому изданию «Изложения учения» (Boston, 1958).

⁸⁸ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 201—202.

и несет жизнь, и оставляющими прошлому силу, которая разрушает и несет смерть»⁸⁹.

Итак, в чем Базар развил критически-утопический социализм Сен-Симона? Если учитель, создавая свою социальную философию, опирался на различные науки, а история выступала у него как одно из доказательств, то ученик использовал историю как единственное средство для превращения социологии в позитивную науку. Совмещая социологический и исторический подход к действительности, он создал учение об органических и критических эпохах, сформулировал закон об убывании антагонизма и росте ассоциации, об эксплуатации человека человеком, включая эксплуатацию наемного рабочего собственником средств производства, рассмотрел «ближайшее основание» этой эксплуатации — структуру собственности и пришел к выводу о неотвратимости ее исчезновения. Учение об «ассоциации трудящихся» как неизбежном результате развития, как «обществе, устроенном ради прогресса», — вершина его творчества. Слабости этого учения не только в незнании путей социального преобразования. Базар никогда не поднимался до уровня подлинно научного анализа действительности. Его монизм был идеалистическим, а детерминизм сочетался с провиденциализмом и телеологией. Главным его недостатком было пантеистическое богословие, ставящее его в число не только продолжателей, но и эпигонов Сен-Симона.

3. СЕНСИМОНИЗМ в «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ и ПОЛИТИКЕ» АНФАНТЕНА

Считается, что жизнь и труды Бартеlemi-Проспера Анфантена стали предметом многочисленных исследований¹. Во всяком случае мы располагаем и библиографиями², и его сочинениями, и перепиской, изданными гораздо более тщательно, чем труды метра. Сочинения и переписка публиковались отдельными книжками са-

автором³, а после его смерти со значительными дополнениями были включены в «Собрание сочинений Сен-Симона и Анфантена»⁴. Первые 13 томов этого редкого по хаотичности «Собрания сочинений» называются «Исторические заметки»; из них Сен-Симону посвящена половина 1-го тома, остальные 1272 — истории сен-симонистской школы, а на деле главным образом Анфантену, вернее — его переписке в период 1825—1864 гг. и кратким комментариям. Последний том включает материалы сен-симонистских процессов 27—28 августа и 19 октября 1832 г.

Библиографические справки, сочинения, переписка, «Исторические заметки» — вот та основная база напечатанных источников, которыми располагали авторы работ о сен-симонистском движении и об Анфантене. Мы уже говорили о том, как ученики отодвигали в тень учителя, как вслед за тем буржуазные историки превратили его в предшественника учения, носящего его имя, а сен-симонизм — в некую синкретическую идейную сверхреальность, лишенную идеологической определенности.

Отметим сейчас, что «Исторические заметки», структура и характер «Собрания сочинений» содержали, кроме того, возможность преувеличить роль Анфантена в самом сен-симонистском движении. Все авторы «Le Producteur», например, изображены как простые сотрудники Анфантена \ хотя они были не только людьми самостоятельными, но, как мы видели выше, стояли на разных идейных позициях. Чтобы доказать, что Анфантен занимал руководящее положение в журнале «Le Produc-

«o *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 281—282.

¹ R. Fakkar. Op. cit., p. 34.

² Catalogue general de la Bibliotheque Nationale, v. 47, p. 433—436; J. Walch. Bibliographie, p. 33—41.

³ Назовем наиболее крупные. См. P. *Enfantin. Enseignements faits par le Père Supreme*. Paris, 1832; *Economie politique et politique. Articles extraits du Globe*. Paris, 1831 (2-e ed. Paris, 1832); *Correspondence philosophique et religieuse*. 1843—1845. Paris, 1847; *Correspondence politique*, 1835—1840. Paris, 1849. *Science de l'homme. Physiologie religieuse*. Paris, 1858; *La vie eternelle*. Paris, 1861. О прижизненных изданиях отдельных речей и брошюр см. H. Fournet. Op. cit.

⁴ В этом «Собрании сочинений» труды П. Анфантена помещены в XIV, XVI и XVII томах — «Поучения верховного отца»; в XXXIV—XXXVI — «Переписка»; в XLVI — «Вечная жизнь», «Религиозная физиология». Необходимо также отметить, что письма Анфантена рассеяны и в других томах.

⁵ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. I, p. 177.

teur», сообщается, что из 100 статей им написано 49, а его товарищами — 52⁶. Трудно сказать, почему 52, а не 51 и не гораздо меньше. Видимо, издатели включили в число 49 не только статьи, но также рецензии и мелкие заметки Анфантена в разделе «Смесь» и, устыдившись этой подтасовки фактов, решили от щедрот своих число 51, приходящееся на долю сотрудников, превратить в 52. Эта «мистика чисел» в работе И. Иванова приобретает фантастическую роль: «Анфантен оказывается (в «Производителе») главным сотрудником: из 52 сен-симонистских редакционных статей ему принадлежит 49...». В «Производителе» нет никаких редакционных статей, а статьи Анфантена, посвященные главным образом экономическим и финансовым вопросам, вовсе не занимают столь преобладающего места.

Очень сдержанно рассказано в «Исторических заметках» о Базаре, об «Изложении учения Сен-Симона». Вместо анализа этого важнейшего теоретического труда приведены отрывки из писем Анфантена — словно эти «апостольские послания» значили больше, чем лекции Базара. Издатели «Собрания сочинений» настаивают на коллективном характере «Изложения», не пытаясь выяснить вклад каждого⁷. Это не случайно. Из 30 лекций Анфантен прочитал только 3. И данного факта не отменяют никакие соображения о его общей вдохновляющей роли и о значении его редакторской работы над первой частью «Изложения». Сами эти три лекции вместе с написанным Анфантеном «Введением» занимают весьма скромное место в наследии сен-симонистской школы.

Так, «Введение» представляет некоторый интерес для характеристики двух этапов ее истории — периода журнала «Производитель» и «периода предания доктрины гласности», а также для исследования отношения учеников к Сен-Симону. Лекция 12-я — «Законодательство» — посвящена частному вопросу и обосновывает идею, что законодательство всегда связано с характером отношения общества к тем или иным явлениям. Это отношение определяет наказания и награды, но само оно зависит от уровня цивилизации. Законодательство неотделимо от

питания выступая его дополнением. Право — один «великих способов руководить обществом», «придать ему то или иное направление», т. е. одно из средств перехода к обществу будущего⁹.

Нельзя сказать, чтобы эти рассуждения принадлежали к числу высших теоретических достижений сен-симонистов. Лекция 16-я — «Письмо о трудностях, ныне препятствующих принятию нового религиозного верования», — хотя и выявляет отношение автора к некоторым этическим и религиозным вопросам, выглядит чрезвычайно «невыигрышно» в ряду 15 лекций Базара, всесторонне разрабатывающих различные аспекты сен-симонистской религии.

Наибольший интерес представляет 8-я лекция — «Современные теории собственности», обобщающая рецензии на книги по экономическим вопросам, опубликованные Анфантеном в «Производителе». Но издателей не интересовала ни эта лекция, ни статья Анфантена по проблемам экономики и финансов. И здесь мы подходим еще к одной особенности опубликованных источников. Издатели не только преувеличивают роль сен-симонистского движения по сравнению с Сен-Симоном и не только выпячивают самого Анфантена среди сен-симонистов. За его религиозностью, за его сомнительными идеями о раскрепощении плоти они не разглядели его действительно глубоких экономических идей, его «философии производства», его политэкономии. Нельзя сказать, чтобы экономические проблемы совершенно обходились вниманием. Напротив, деятельность Анфантена после 1832 г., когда он стал преуспевающим дельцом и буржуазным прагматиком, хотя и заявлял, что воплощает идеи сен-симонизма на практике, описывается в пяти томах «Исторических заметок». В гряде писем, религиозных поучений, выступлений по женскому вопросу Анфантен — глава сен-симонистской «церкви», Анфантен — буржуазный предприниматель, Анфантен — «живой закон» и воплощение бога, Анфантен — главный теолог, Анфантен — теоретик «раскрепощения плоти» совершенно вытесняет Анфантена — экономиста, создателя политэкономии, написанной с позиций сен-симонизма, т. е. критически-утопического социализма.

⁶ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. I, p. 180.

⁷ *И. Иванов. Указ. соч.*, стр. 365.

⁸ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. II, p. 19 sq.

⁹ *Ibid.*, v. XLI, p. 403—405.

Экономические работы, опубликованные Анфантеном в 1825—1826 гг. в журнале «Производитель», не переиздавались. Что касается его статей на эти же темы, появившихся в газете «Глобус» в конце 1830 — первой половине 1831 г., а затем собранных воедино и дважды изданных отдельной книгой (в 1831 и 1832 гг.), то в последующее время в течение 32 лет жизни Анфантен не переиздавал этого главного своего сочинения. Издатели «Собрания сочинений» поместили лишь несколько отрывков из этой сен-симонистской газеты¹⁰. Небрежность в отношении ранних экономических сочинений — не результат забывчивости, а сознательная, как нам кажется, позиция. Их автор, став почтенным буржуа, издавал труды лишь о некоторых «респектабельных» сторонах своего сен-симонистского прошлого, а политико-экономические «грехи» и пролетарские «увлечения» сен-симонистской молодости предпочитал не рекламировать.

Душеприказчики же знать ничего не хотели, кроме развития им принципов религиозности и вполне благопристойной «несоциалистической» деятельности, развернувшейся после 1832 г. «После закрытия „Производителя“, — писали они, — его редакторы занимались прежде всего религиозным вопросом, который Сен-Симон поставил в 1802 г. в своем первом сочинении и который старался решить в 1825 г. в последнем труде». Разве это не повод молчать обо всем остальном? Кроме того, в «Глобусе» голос Анфантена звучал хотя и впечатляюще, но не столь мощно, чтобы совершенно заглушить голоса Барро и Трансона, Лорана и М. Шевалье. Разве это не дополнительный резон, чтобы в 47-томном издании нерелигиозным материалам из «Глобуса» отвести 54 страницы?

Версию о разработке Анфантеном преимущественно религиозных вопросов и выдающемся значении его предпринимательской деятельности после 1832 г. приняли многие историки. Ее обосновывали Вейль и Дальмань, Шарлети и Иванов, разные ее варианты можно встретить как в общих трудах о движении сен-симонистов, так и в работах, специально посвященных Анфантену. Идеологическая подоплека и научная несостоятельность таких попыток, как было показано выше, очевидна. При этом

авторы не отказывали себе в удовольствии высмеять некоторые крайности анфантеновской религиозности, особенно его учение о «реабилитации плоти», об освобождении женщин. Ведь сумасбродство юности так контрастировало с последующей безупречной жизнью добропорядочного буржуа. Как известно, после разрыва с Базаром Анфантен всю деятельность школы по существу свел к пропаганде именно этого учения, к выполнению некоторых религиозных обрядов, к поискам достойной невесты на роль «верховной матери», священной подруги* «верховного отца». Деятельность школы приобрела несколько скандальный характер. Правительство воспользовалось этим. В результате двух судебных процессов сен-симонистское движение формально прекратило свое существование, а Анфантен был приговорен к тюремному заключению. В этой связи Шарлети делает не лишнее остроумное замечание: «Выйдя из тюрьмы, Анфантен понял, что его невеста — земной шар, и вспомнил о своей профессии инженера»¹¹.

В творческом наследии Анфантена религиозный и женский вопросы занимали огромное место. Проблем религии он касался в письмах и трудах, столь же часто он высказывался о необходимости превратить женщину «в равную и истинную половину мужчины, с тем чтобы они вдвоем образовали единый социальный индивид»¹². Однако нельзя забывать, что Анфантен, выступал главным экспертом по экономическим и финансовым вопросам. Этой стороне дела мы и уделим внимание не только потому, что буржуазные авторы (да и сам Анфантен после 1832 г.) и издатели «Собрания сочинений» замалчивают «Политическую экономию и политику», но и потому, что именно в этой работе получили дальнейшее развитие некоторые идеи Сен-Симона и был сделан новый шаг на пути развития социализма от утопии к науке. Что касается религиозного и женского вопросов, то представления о них Анфантена характеризуют реакционную, утопическую сторону его воззрений. Женский воп-

¹¹ S. Charlety. *Enfantin*. Paris, 1930, p. 7.

¹² См. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. II, p. 19—20. Особенно четко выражены эти взгляды в письмах матери и кузине летом 1831 г. (см. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XXVII, p. 191, 211; v. XXVIII, p. 1), в материалах «общего собрания семейства» (v. IV, p. 15 sq.), во всех «поучениях» Анфантена (v. XIV, XVI, XVII).

¹⁰ См. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLV, p. 421—474.

рос не занимал в творчестве Сен-Симона практически никакого места, а учителями Анфантена в религиозной области были не столько автор «Нового христианства» сколько Г. Эхталь и Э. Родриг, познакомившие его с сочинениями немецких религиозных мыслителей¹³. Именно «Политическая экономия и политика», а не чувственная пантеистическая религия и рассуждения о «раскрепощении плоти», позволяет Анфантену именоваться учеником Сен-Симона и продолжателем его дела как представителя критически-утопического социализма первой половины XIX в.

Анфантен родился 8 февраля 1796 г. в Париже в семье разорившегося банкира. Он стал стипендиатом Политехнической школы, в 1814 г. оборонял Париж. В годы Реставрации Анфантен был исключен из Политехнической школы. Как коммивояжер он торговал винами в Германии и России, в 1821 г. перешел на службу в один из петербургских банковских домов, а два года спустя вернулся на родину и поступил в парижскую ипотечную кассу, директором которой был О. Родриг. Видимо, он обратил внимание Анфантена на сочинения Сен-Симона, в частности на «Катехизис промышленников», а в 1825 г. познакомил своего служащего с Сен-Симоном. Знакомство было очень кратковременным.

Анфантен присутствовал лишь один раз на чтении глав «Нового христианства». Встреча с О. Родригом, знакомство с Сен-Симоном и его сочинениями, контакт с его учениками стали поворотным моментом в жизни Анфантена. После кончины Сен-Симона он сделался одним из учредителей журнала «Производитель»¹⁴ и самым деятельным его сотрудником. Наряду с Базаром он постепенно выдвинулся в качестве руководителя, а затем «верховного отца» сен-симонистской школы. Базар был умом и организующим центром движения, Анфантен — его чувством, энтузиазмом, порывом. Он обладал способностью очаровывать слушателей, скорее не логикой, а пафосом своих высказываний.

Однако это был не только страстный проповедник,

но и опытный делец, не только доморощенный теолог, но и знающий экономист.

Опубликованные в «Производителе» статьи заложили основы сен-симонистской политической экономии¹⁵. Выпавшие в них идеи получили дальнейшее развитие в работах Анфантена, образовавших книгу «Политическая экономия и политика». Стиль экономических работ Анфантена настолько отличается от апостольского языка его религиозных поучений, что иногда даже трудно поверить, что они написаны одним и тем лицом. Помимо статей (мы насчитали их 14, а не 49), Анфантен опубликовал ряд рецензий и мелких заметок разного содержания. Он писал на религиозные темы¹⁶, откликнулся на работы товарищей¹⁷, но устойчивый научный интерес проявлял к трудам по теоретическим проблемам экономики¹⁸.

¹⁵ P. *Enfantin*. Des sociétés anonymes et en commandite, par actions.— «Le Producteur», t. I, № 4; Considerations sur la baisse progressive du loyer des objets mobiliers et immobiliers.— «Le Producteur», t. I, № 12; Des banques d'escompte.— «Le Producteur», t. II, № 14, 16; Des banquiers cosmopolites.— «Le Producteur», t. II, № 18; Reflexions sur quelques questions de douanes et de finances, discutees actuellement en France et en Angleterre.— «Le Producteur», t. II, № 22; Conversion moral d'un rentier.— «Le Producteur», t. II, № 23; t. IV, № 2, 3; Considerations sur l'organisation féodale et l'organisation industrielle; comment l'esprit d'association se substitue graduellement dans des rapports sociaux à l'esprit de conquête.— «Le Producteur», t. III, № 1. Du système d'emprunts compare à celui des impôts.— «Le Producteur», t. III, № 2; De la concurrence dans les entreprises industrielles; De la circulation. Echange, vente, promesse, produits, monnaie, papier.— «Le Producteur», t. IV, № 1; Considerations sur les progrès d'économie politique dans ses rapports avec l'organisation sociale.— «Le Producteur», t. IV, № 3; t. V, № 1.

¹⁶ См., например: P. *Enfantin*. De l'influence des fêtes publiques sur le bien-être de la société.— «Le Producteur», t. I, № 4 «La France Chrétienne, journal religieux, politique et littéraire».— «Le Producteur», t. III, № 1; «L'Ami du Bien, journal consacré à la morale chrétienne et aux progrès des lettres, des sciences et des arts».— «Le Producteur», t. IV, № 2.

¹⁷ См. P. *Enfantin*. Cercler, O. Rodrigues. Resume de l'histoire des Juifs par Léon Halevy.— «Le Producteur», t. I, № 6; Resume de l'histoire de la philosophie par M. P.-M. Laurent.— «Le Producteur», t. III, № 1.

¹⁸ См., например: P. *Enfantin*. Notions élémentaires d'économie politique par M. le comte d'Hauterive.— «Le Producteur», t. II, № 19; Caechisme d'économie politique, par J.-B. Say; Resume de l'histoire du Commerce et de l'Industrie, par A. Blanqui — «Le Producteur», t. III, № 1; Bases fondamentales de l'économie politique d'après la

¹³ См. E. *Rodrigues*. Lettres sur la religion et la politique. Paris, 1829 (в приложении есть перевод работы Лессинга «О воспитании рода человеческого»). О роли Г. Эхталля уже говорилось выше.

¹⁴ См. *Saint-Simon*. Oeuvres, v. I, p. 135; v. VI, p. 48; v. XXIII, p. П-

Уже в статьях и рецензиях, опубликованных в «Производителе», были высказаны некоторые идеи, развитые затем в «Глобусе» и образовавшие в целом анфантеновскую политическую экономию, понимаемую как определенную философию промышленного развития.

Уже здесь Анфантен в полном соответствии с учением Сен-Симона говорит, что промышленная организация одержала историческую победу над организацией феодальной. Именно ее утверждение свидетельствует, что дух ассоциации постепенно вытесняет дух завоевания и насилия и что тенденция общественного развития ведет к установлению гармонии между благосостоянием и талантом человека, к торжеству личных его достоинств над имущественными правами, к числу которых относится собственность и связанная с ней власть распоряжаться чужим трудом и потреблением. Политическая экономия как философия промышленности должна отыскать закон, который определит окончательно торжество этой тенденции¹⁹.

В «Производителе» Анфантен намечает коренное отличие своей политэкономии от соответствующих систем буржуазных авторов. Он утверждает, что в системе «промышленных отношений» общество делится прежде всего не на производителей и потребителей, а на производителей и непроизводителей, на трудящихся и праздных²⁰. Здесь еще нет окончательного вывода о том, что этому делению в современном обществе соответствует деление на класс рабочих и капиталистов. Этот вывод будет всесторонне обоснован в статьях, образующих «Политическую экономию и политику».

В этом же журнале Анфантен затрагивает различные конкретные проблемы «ряда материальной деятельности», анализирует некоторые его противоречия. Проявлением антагонизма в современную эпоху он считает конкуренцию промышленных предприятий и предлагает меры в области кредита, которые, по его мнению,

сыграют первостепенную роль в преобразовании производства. При этом, развивая мысль Сен-Симона о банках как средстве регулировать развитие промышленности, Анфантен превращает их в единственно верное оружие против конкуренции, т. е. промышленного антагонизма²¹.

Рисую планы новой кредитной системы, в интересах производителей, Анфантен выдвинул несколько спорных финансово-экономических идей. Так, в соответствии с представлением об уменьшении антагонизма он заявлял, что арендная плата за предметы движимой и недвижимой собственности прогрессивно понижается и стремится к нулю. Из этого заявления делался вывод о том, что может исчезнуть заинтересованность в получении процентов на капитал. Анфантен утверждал также, что можно создать такую систему банков, которые будут выдавать кредиты даже без учетной ставки. Большую роль Анфантен отводил так называемым «командитарным ассоциациям»; их капитал, составленный из взносов пайщиков, должен использоваться для поддержки способных организаторов промышленности и тем самым обеспечивать прогресс «производственного ряда», а также для обеспечения ссудами мелких предпринимателей, что будет способствовать равномерному распределению крупного капитала и уменьшению социальных антагонизмов. Одной из ведущих идей политической экономии Анфантена уже со времени «Производителя» становится мысль о замене системы налогов системой займов, как более отвечающей интересам промышленного развития, а также об упразднении процентных платежей по этим займам.

Эти идеи были обобщены в лекции, прочитанной Анфантеном 25 марта 1829 г. и вошедшей затем в «Изложение учения Сен-Симона» под названием «Современные теории собственности»²², а также в статьях конца 1830 — первой половины 1831 г.²³ Некоторым дополнением к этим работам могут служить, по нашему мнению, отдельные части лекции «Структура собственно-

nature des choses, par L.-T. Cazaux. — «Le Producteur», t. III, № 3; Economie politique, par M. J.-B. Say; Nouvelles idées sur la population, avec de remarques sur les théories de Malthus et de Godwin, par A.-H. Everett. — «Le Producteur», t. IV, № 1; Economie politique par M. Schulz. — «Le Producteur», t. V, № 1.

¹⁹ См. «Le Producteur», t. III, № 1, p. 66—78.

» Ibid., t. III, № 2, p. 365.

²¹ «Le Producteur», t. III, № 2, p. 366.

²² См. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 282—331. Ср. *H. Fournet* Op. cit., p. 70.

²³ «Le Globe», 28.XI, 1, 12, 21, 27.XII 1830; 7, 14, 21, 28.III 1831.

сти. Организация банков»²⁴. Эта лекция была 11 марта 1829 г. прочитана Базаром, однако Анфантен отредактировал те страницы, где говорилось о «существующей ныне организации собственности с точки зрения ее полезности для производства»²⁵ «о материальной деятельности в обществе будущего»²⁶, о «роли банков».

Авторство Анфантена легко устанавливается путем сравнения этих отрывков с его бесспорными работами: их объединяет тематика, язык, манера рассуждений. Отрывки помогают выявить вклад Анфантена как теоретика «материальной деятельности» и вместе с тем установить связь его политэкономических воззрений с общетеоретическими и историко-философскими идеями Сен-Симона и Базара.

Названные лекции читались в марте 1829 г. и были опубликованы как части «Изложения» в августе и затем в декабре 1830 г. Статьи по экономическим и финансовым вопросам Анфантен начал публиковать в «Глобусе» с ноября 1830 г.— это позволяет использовать все перечисленные работы для исследования вопроса о судьбах идей Сен-Симона в «Политической экономии и политике» Анфантена. Политическая экономия рассматривается автором как наука о материальной деятельности. Задача ее — изучить «факты производственного ряда», «материального, или производственного, аспекта» в жизни общества²⁸. Анфантен постоянно напоминает о двух других аспектах — «интеллектуальном, или научном», и «чувственном, или религиозно-этическом»²⁵, — и отнюдь не рассматривает производственный аспект в качестве ведущего. Он просто выделяет экономический ряд для самостоятельного анализа и с удовлетворением отмечает, что интерес общества к данным проблемам возрастает; даже «государственные деятели интересуются промышленностью и начинают как будто замечать людей, производящих богатства»³⁰.

Представление о предмете и содержании политиче-

ской экономии Анфантен вырабатывал в острой полемике с буржуазными экономистами. Это характерная особенность его творчества в данной области, начиная с рецензий в журнале «Производитель». Заслуга экономистов — в том, что они «обратили внимание на производственные явления»³¹. Однако в работах даже наиболее крупных из них содержатся существенные недостатки. По мнению Анфантена, экономисты, и в особенности «тот, который резюмирует почти всех их — г. Сей, смотрят на собственность как на существующий факт, происхождение и развитие которого они не исследуют; они даже не доискиваются, в чем состоит его полезность»³². Все экономисты не могли объяснить «социального порядка, в соответствии с которым одна часть людей владеет средствами производства, а другая — берет их внаймы, в результате чего первые живут трудами вторых... Они рассматривают современное состояние собственности как неизменный факт, вопреки переменам, которым этот институт подвергался на протяжении веков; им кажется, что люди всегда будут жить в таких условиях, когда одни испытывают все радости, не работая, а другие несут тяжкую ношу изнурительного труда, отягчены пороками, невежеством и нищетой...»³³.

Анфантен с удовлетворением констатирует, что Сисмонди «обратил внимание на то, что у праздных собственников и у трудящихся, применяющих собственность к делу, интересы по необходимости должны быть разными»³⁴. Если бы Сисмонди, полагает Анфантен, вместо того, чтобы рассуждать только о системе земледелия, применил свою мысль по всему промышленному ряду, то он выразил бы самую широкую, самую плодотворную идею, какую только может высказать экономист относительно социального строя. Ограничившись рассмотрением аграрных отношений, Сисмонди лишь слегка задел «коренной вопрос о людях праздных и о трудящихся»³⁵. Указывая на одну только земельную собственность..., он не решается нападать на собственность в целом»³⁶.

²⁴ См. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 238—282.

²⁵ Ibid., p. 247—252, 262—263.

²⁶ Ibid., p. 252—254.

²⁷ Ibid., p. 263—276.

²⁸ *P. Enfantin. Economie politique et politique*, p. 121.

²⁹ Ibidem.

³⁰ См. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 273.

³¹ *P. Enfantin. Economie...*, p. 63.

³² См. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 292.

³³ *P. Enfantin. Economie...*, p. 62—63.

³⁴ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 292

³⁵ Ibid., p. 292—293.

³⁶ Ibid., p. 293—294.

Экономисты считают заслугой, что в своих трудах они «показали, как происходит образование, распределение богатств, однако их мало занимает вопрос о том, всегда ли созданные трудом богатства будут распределяться сообразно происхождению и в значительной своей части потребляться людьми праздными, им даже безразлично, раб ли является производителем, воин ли тот, кто распределяет, и кто из двух, господин или раб, потребляет большую часть продукции»³⁷. Такой подход к делу, когда экономические вопросы рассматриваются «независимо от той социальной организации, которой подчинены производители, люди, ведающие распределением, и потребители», превращает труды экономистов «в постоянную мистическую абстракцию, лишенную каких бы то ни было связей с реальностью, в подлинную умственную гимнастику»³⁸.

Такой подход не только научно несостоятелен, он служит «защите существующей системы собственности»³⁹. Анфантен неоднократно подчеркивает зависимость общественных идей от материальных интересов тех, кто их высказывает, от их позиции в отношении трудящихся и праздных. Так происходит «в морали и искусстве, в науке и преподавании, в производстве и распределении»⁴⁰.

Экономисты XVIII в. Тюрго и Кенэ, защищая интересы земельных собственников, задумывались над вопросом: «Как люди, которые делят с трудящимися продукцию их труда, могут добиться не только того, чтобы им простили этот раздел, но и того, чтобы сами трудящиеся отнеслись к разделу с уважением и любовью». Они не решали этого вопроса, отмечает Анфантен, ибо «имели в виду интерес собственников, а не интерес трудящихся»⁴¹. Английские экономисты Мальтус и Рикардо своим учением о земельной ренте и об использовании ее на содержание знатных землевладельцев «узаконили, насколько это зависело от них, политическую организацию, в которой одна часть населения живет за счет дру-

гой»⁴². Более того, «для защиты существующей собственности... [Мальтус и Сисмонди] пускаются в рассуждения, которые можно было бы применить к защите самых бесчеловечных учреждений»⁴³. Они отрицают право пролетария жениться. А Мальтус и его ученики «доказывают, что благотворительность должна отказывать нишете в помощи и даже в убежище»⁴⁴.

Итак, буржуазная политическая экономия исходит из факта неизменности института собственности, не связывает его с каким-нибудь общим воззрением на социальный порядок, к которому направляется человечество⁴⁵, она защищает интересы собственников и может быть использована для защиты самых бесчеловечных отношений. Экономисты, легисты и политические теоретики не выдвинули ни одной идеи, которая была бы способна «перестроить собственность на основах, соответствующих нынешним будущим потребностям человечества»⁴⁶. Таков окончательный вывод Анфантена из анализа состояния современной политической экономии. «Нам важно было привлечь внимание к этому факту,— отмечал Анфантен,— одновременно с изложением и развитием взглядов сен-симонистской школы на собственность»⁴⁷.

Следовательно, представление о предмете политической экономии как науке о производственной деятельности человека формировалось у Анфантена не только в острой полемике с буржуазными экономическими учениями, но и выступало одновременно как нечто противоположное им, как результат применения к производственному ряду принципов сен-симонизма. «Мы, дети Сен-Симона... возвещаем будущее, преисполненное мира и любви,— писал Анфантен в «Политической экономии и политике»⁴⁸, он рассматривал свое учение как важный момент в «реализации доктрины Сен-Симона»⁴⁹.

В соответствии с принципами историзма, разработанными Сен-Симоном и развитыми Базаром, Анфантен

³⁷ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 300.

³⁸ *P. Enfantin. Economie...*, p. 120.

³⁹ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 296.

⁴⁰ *P. Enfantin. Economie...*, p. 62.

⁴¹ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 298.

⁴² *Ibid.*, p. 295.

⁴³ *Ibid.*, p. 313.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 313—314.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 296.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 329.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 329—330.

⁴⁸ *P. Enfantin. Economie...*, p. 103

⁴⁹ *Ibid.*, p. 105.

отказывается от абстрактного рассмотрения «производственного ряда». Экономические явления «различны в разных местах и в разное время»⁵⁰.

Автору не чужд интерес к прошлому промышленности, он призывает лучше знать его. Людям многое известно о тех ударах, которые были нанесены по феодализму и разрушили его. «Однако,—полагает Анфантен,—мы не столь хорошо знаем о значении материальной деятельности самого народа в этом разрушении, мы совершенно не представляем себе непрерывного роста новой силы мирного созидания, которая укреплялась по мере того, как старая сила разрушения и войны шла на убыль. Мы знаем историю королей, а не народа, историю наших армий, а не историю промышленности»⁵¹. Подобно учителю, Анфантен исходит из нарастания роли производства в жизни человеческого общества. «Сен-Симон,—писал он,—поставил перед материальной деятельностью рода людского совершенно новые задачи; промышленность приобретает в будущем большее политическое значение, чем то, какое когда-либо имела война в самых воинственных обществах древности»⁵².

Прошлое промышленности служит Анфантену одним из средств познания «современного распределения собственности и продуктов труда»⁵³.

Изучая экономические явления современности, Анфантен говорит, что «они связаны с общим состоянием общества»⁵⁴. Именно поэтому он должен был рассмотреть не только «экономические факты, факты экономического порядка, но и политику в целом, приняв за ее основу четкое социальное деление людей на праздных и трудящихся»⁵⁵. Важно не только установить связь между фактами «производственного ряда» и разделения общества на трудящихся и праздных, но и показать, что «все проблемы политической экономии должны быть сведены к единому принципу, в соответствии с которым о пользе той или иной экономической меры или идеи будут судить лишь после изучения вопроса о том, на-

сколько они прямо выгодны трудящимся или косвенно влияют на улучшение их положения, подрывая положение праздных»⁵⁶. Рассмотрение фактов экономического порядка в тесной связи с социальной структурой общества с позиции материальных интересов трудящихся — важнейшая черта политической экономии Анфантена. «Видеть различия между праздными и трудящимися... настолько необходимо, когда речь идет о материальном процветании,—писал он,—что воистину останешься без ориентира, потеряв эти различия из виду. Любая экономическая мера, целью которой не служит улучшение положения трудящихся и соответствующее снижение праздности, будет пагубна для общественного благополучия»⁵⁷.

Опираясь на свою оценку буржуазных концепций экономических явлений, на идеи о необходимости применения к анализу современного «материального ряда» общетеоретических принципов Сен-Симона, Анфантен утверждает, что политическая экономия служит для него основой экономической политики: «Политическая экономия превращается для меня в промышленную политику. Иначе говоря, цель этой науки состоит в том, чтобы определить, каковы социальные условия, с помощью которых орудия производства, продукты производства, сами трудящиеся будут разделены, распределены, одним словом, организованы наилучшим образом»⁵⁸. Производственный ряд в его представлении — один из аспектов действительности, и политическая экономия соответственно — одна из частей общей доктрины, общей религии. «Мы включаем в нашу теологию и политическую экономию, и метафизику,—подчеркивал Анфантен,—поскольку наш бог — не дух единый, он — все сущее»⁵⁹.

Таким образом, специально занимаясь «производственным рядом», Анфантен не пришел к материалистическому пониманию общественных явлений, хотя и высказал немало интересных соображений о предмете политической экономии. Он не ограничился постановкой общих проблем этой науки, а с разной степенью пол-

⁶⁰ P. *Enfantin*. *Economie...*, p. 57.

⁵¹ Ibid., p. 52—54.

⁵² *Saint-Simon*. *Oeuvres*, v. XLI, p. 277.

⁵³ P. *Enfantin*. *Economie...*, p. 48.

⁵⁴ Ibid., p. 57.

⁵⁵ Ibid., p. 8.

⁵⁶ Ibid., p. 7.

⁵⁷ Ibid., p. 46.

⁵⁸ Ibid., p. 120.

⁵⁹ Ibid., p. 77.

ноты раскрыл некоторые стороны экономической деятельности человека.

На первое место здесь, бесспорно, выдвигается рассмотрение проблем собственности. Именно в этой точке пересекается творчество Базара и Анфантена. Не случайно в лекцию Базара «Структура собственности» Анфантен внес ряд существенных дополнений, не случайно он стал автором следующей лекции — «Современные теории собственности». Для Базара учение о собственности — необходимый элемент его социальной философии и философии истории. Движение его мысли в анализе исторической действительности и в обосновании взглядов об «окончательном состоянии» может быть представлено как путь от описания эпох критических и органических, антагонизма и ассоциации и их исторических форм, включая эксплуатацию наемного рабочего собственником средств производства, к рассмотрению «ближайшего основания» этой эксплуатации — структуры исторических форм собственности. Оба выдающихся руководителя сен-симонистской школы могли несомненно подписаться под следующими словами: «Чтобы хорошо понять наши идеи о собственности, необходимо не отделять их от изложенных ранее идей о развитии человечества, о законе этого развития и о будущем, уготованном нашим упованием»⁶⁰.

Однако Анфантена помимо вопроса о неразрывной связи идей, относящихся к собственности, и всей совокупности, представлений, характеризующих законы развития социального организма, волновала также проблема, как эти теоретические идеи относятся к материальной, производственной деятельности людей. «Занимаясь подробно механизмом промышленного института, мы потеряли бы из виду вопрос о собственности в прямом смысле слова и имели бы дело только с вопросом о промышленности. Между тем, хотя оба эти вопроса почти тождественны, однако со словом промышленность связано, на наш взгляд, множество соображений особого характера»⁶¹. Иными словами, если Базар разрабатывал учение о собственности как теоретическую идею, как элемент социальной философии в целом, то Анфан-

тен в материальной деятельности людей видел практическое воплощение этой идеи, рассматривал собственность как основу «производственного ряда». При этом в первую очередь его интересовало современное состояние собственности.

В соответствии с этим определение собственности давалось Анфантеном не просто как наиболее очевидное «основание эксплуатации человека человеком», а как воплощение некоторых социально-экономических фактов. «Собственность в самом обычном значении этого слова складывается из богатств, которые не предназначены для непосредственного потребления и дают в настоящее время право на прибыль. В этом смысле она охватывает земельные владения и капиталы, т. е., выражаясь языком экономистов, фонд производства. Для нас земельные владения и капиталы, каковы бы они ни были, являются орудиями производства; землевладельцы и капиталисты (два класса, которые в этом отношении нельзя отличить один от другого) являются хранителями этих орудий, их функция заключается в распределении последних между трудящимися»⁶².

В отличие от буржуазных экономистов Анфантен рассматривает собственность не как нечто неизменное, а как социальный институт, подчиненный общему закону прогрессивного развития. «Мы считаем собственность основой социального порядка..., наши взгляды на политическую организацию совершенно противоположны проповедуемым в наши дни доктринам. Различие между нами и нашими публицистами может быть обнаружено точно так же и по тому же самому вопросу, что между нами и средневековыми авторами или между нами и каким-нибудь римским консулом. Великое слово «собственность» в каждую историческую эпоху имело разное значение..., рабство резонно считалось фундаментом греческих и римских обществ..., в средние века право собственности, первоначально основанное на завоевании, представляло собой все права вассала по отношению к крепостным и все его обязанности по отношению

Ibid., p. 247. Весьма интересно авторское примечание: «Это распределение совершается при помощи операций, обеспечивающих взимание процентов и различных арендных платежей». По нашему мнению, примечание — одно из доказательств того, что именно Анфантен был автором отрывка, который он поясняет.

⁶⁰ Saint-Simon. Ueuvres, v. XLI, p. 277.

⁶¹ Ibid., p. 276—277.

к своему созерцанию; оно заключалось, сверх того, в праве передачи⁶³ по наследству всех привилегий и повинностей...»⁶⁴.

«Нынешнюю организацию собственности», связанную с передачей ее по наследству, Анфантен рассматривал как наследие прошлого. В течение трех столетий происходило разрушение средневекового общества. В результате «почти все привилегии происхождения исчезли, но одно из них осталось... Это наследие наших предков окружено почтением; оно — священная дарохранительница, к которой не смеет притронуться ни один смельчак без риска подвергнуться отлучению со стороны священнодействующих либералов. Мы уже не говорим о громах ретроградов, готовых поразить любого нечестивца, дерзновенно протянувшего руку к этому последнему осколку средневековья. Предрассудки, связанные с этим пережитком, выдержали огонь критики и вышли невредимыми из горнила революции»⁶⁴.

Таким образом, историзм Аифантена недостаточно глубок. Если в целом ему ясна разница между рабством и феодализмом, то отличия феодальной структуры собственности от ее «нынешнего состояния» в теоретическом плане он не выясняет. Больше того, Анфантен скорее подчеркивает момент связи между ними, чем различия. Специфику современности он выясняет на явлениях более низкого порядка, когда описывает некоторые стороны хозяйственной деятельности капиталистического общества, устанавливает ее зависимость от социальной структуры, характеризует класс праздных и класс трудящихся, намечает черты общества будущего и пути его построения.

Нынешняя система передаваемой по наследству собственности такова, что производство не достигает той степени совершенства, на какую оно могло бы притязать. Землевладельцы и капиталисты, выступая в роли распределителей орудий труда и получая за это «значительную долю, представляемую им из годового производства», плохо выполняют свои общественные функции, ибо привязаны к ним случайностью происхождения⁶⁵.

Для организации материальной деятельности нужно, чтобы необходимые средства распределялись сообразно потребностям каждой местности и каждой отрасли экономики при учете индивидуальных способностей тех, кто их будет пускать в дело, и чтобы ни одной из отраслей хозяйства «никогда не приходилось опасаться ни нехватки, ни переизбытка»⁶⁶.

Все эти условия выполняются землевладельцами и капиталистами стихийно, «вслепую, после частых ошибок и досадных неудач»⁶⁷. Каждый из них ведет дело лишь на основе собственных знаний и опыта, не руководствуясь никаким общим замыслом. «Если в этой важной общественной деятельности мы видим столько пертурбаций, столько беспорядка, то это происходит оттого, что распределение орудий труда осуществляется отдельными индивидами, не знающими ни нужд экономики, ни людей и средств, пригодных для их удовлетворения; именно в этом, а не в чем другом корень зла»⁶⁸.

Итак, анархия капиталистического производства и некомпетентность его случайных руководителей выступают характерными чертами современности. Они ведут к «жестоким кризисам, гибельным катастрофам, столь часто опустошающим производство»⁶⁹. Анархия, конкуренция и кризисы — лишь разные стороны одного и того же явления. «Бросим взгляд на окружающее нас общество. Промышленность жестоко страдает от многочисленных кризисов, от прискорбных катастроф. Это явление начинает поражать некоторые умы, но они не отдают себе отчета в причине столь большой неурядицы, не видят, что она представляет собой результат осуществляемого на практике принципа неограниченной конкуренции». Конкуренция — новая форма убийственной войны между индивидом и индивидом, нацией и нацией, — усиливая обособленность людей, губит индивидуальную и общественную нравственность⁷⁰. Интересно, что представления об анархии связываются с учением о критической эпохе, а о конкуренции — с концепцией об анта-

⁶³ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 289—290.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 282—287.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 248.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 249.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 250.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 249, 250.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 248, 249.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 262, 263.

гонизме. Не только формальное признание Сен-Симона учителем, но и точки соприкосновения в учении о собственности, об анархии, конкуренции и кризисах современной эпохи свидетельствуют, что Базар и Анфантен принадлежали к одному и тому же направлению общественной мысли — критически-утопическому социализму.

Критика реально существующего капитализма, попытка с научных позиций обосновать неизбежность общества, которое придет ему на смену, — характерная черта идейного наследия и Сен-Симона, и Базара, и Анфантена. Каждый из них внес свой вклад в разработку этих проблем, каждый из них достиг своего уровня их понимания и непонимания. Анфантен скорее назвал, чем проанализировал, подмеченные им явления анархии, конкуренции и кризисов капиталистического производства.

Более глубоко он исследует проблемы, связанные с финансово-кредитными операциями. Особенно большое место в «Политической экономии и политике» Анфантена занимает вопрос о взаимосвязях между займом, государственным долгом, налогом и механизмом погашения займа, включая процентные надбавки⁷¹. Анфантен излагает свои взгляды, полемизируя с тогдашним министром финансов банкиром Лаффитом. Последний весьма решительно высказывался о преимуществах государственных займов по сравнению с поступающими в казну налогами. По его мнению, «налог изымает денежные средства там, где их и так нет, а именно в бедных, захудалых деревнях и поселках, заем же находит деньги там, где они есть, — в больших городах и столицах»⁷². Анфантен считает это суждение весьма поверхностным и указывает на экономические последствия займов и налогов. Заем, как правило, не вызывает нарушений в производстве, ибо он берет средства там, где они излишни или используются недостаточно продуктивно. Что касается налога, то он неблагоприятно влияет на производство, ибо требует денег там, где их мало и где они крайне необходимы. Кроме того, если размещение займа почти не требует пер-

ала»⁷³ следовательно, расходов, то сбор налогов обесценивается большим числом чиновников, что ведет не только к огромным тратам на их содержание, но и отвлекает многих людей от производительного труда.

На основе принципа связи экономических явлений с классовой структурой общества Анфантен подчеркивает: «Все финансовые проблемы — лишь одна из граней великой политической проблемы, сводящейся к тому, что в одном и том же обществе существуют в определенном соотношении собственники и несобственники, люди, живущие доходами, и люди, живущие своим трудом, праздные и трудящиеся»⁷⁴. Социальный аспект формирования налога и займа состоит в том, что первый взимается главным образом с трудящихся, второй — с праздных⁷⁵. Налог — это акт насилия над трудящимися, заем — добровольная сделка между имущими людьми и государством, которое испытывает нужду⁷⁶. Непременным условием таких добровольных сделок выступают взаимосвязанные правила, согласно которым «капиталисту надо вернуть с процентами, что он дал займы», «государство должно быть способно сделать это, ибо кредит получает только тот, что платит свои долги»⁷⁶. Для этого и создан особый механизм погашения. Правительством возвращает свои долги праздному капиталисту с помощью сумм, которые оно насильно и безвозвратно, сантим за сантимом извлекает из кармана трудящегося налогоплательщика⁷⁷. Погашается не только сам заем, но и выплачивается процент, в результате чего государственный долг выступает как особое средство, дающее возможность праздным собственникам, держателям облигаций займа, получать нетрудовой доход⁷⁸. Облигации поступают в сферу финансового обращения и могут покупаться и продаваться по цене, не совпадающей с номиналом. Государство создаст особые «Кассы погашения», которые выкупают его долговые обязательства по рыночной цене, включающей часть суммы самого займа, процент, обусловленный при его выпуске, а также нередко надбавку,

⁷¹ Анфантен для обозначения этого механизма пользуется словом *l'amortissement*, что буквально может быть переведено на русский язык как «амортизация», «погашение». В дальнейшем мы будем пользоваться словом «погашение», имея в виду не только возмещение суммы самого займа, но и выплату процентов.

⁷² *P. Enfantin. Economie...*, p. 12.

⁷³ *Ibid.*, p. 13.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 13, 18.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 14.

⁷⁶ *Ibid.*, p. 13.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 15, 22.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 23 29.

созданную спросом и предложением на рынке облигаций. Погашение бумаг государственного займа по рыночной цене выступает дополнительным бременем для налогоплательщиков⁷⁹.

В конечном итоге сами средства, выступающие в виде займа, сложились из сумм, полученных ранее от взимания налогов, значит, из налога образуются и заем, и средства его погашения. Налогоплательщик выигрывает лишь то, что сумма займа, полученная на определенный срок, делится на ежегодные взносы. Когда в отдельные периоды доходы по займам повышаются, тот, кто предоставляет займы, оказывается в более выгодном положении, чем тот, кто ими пользуется⁸⁰.

Хорошо известно, что без этой приманки — возможности увеличить свой капитал — условия займа были бы более неблагоприятны для тех, кому этот заем нужен и, учитывая его предстоящее погашение, для налогоплательщиков. Однако и при росте доходов по займам налогоплательщик все равно остается в накладе, ибо отдает держателям ренты гораздо большую сумму, чем ту, которую государство получило займы⁸¹.

Так, Анфантен показывает несостоятельность утверждений буржуазных финансистов, будто механизм погашения за счет образования сложных процентов обладает почти мифической способностью увеличивать богатство. Для погашения своего долга государство предоставляет ежегодно в распоряжение специального административного органа, называемого «Кассой погашения», некоторую сумму из налоговых поступлений для выкупа части ценных бумаг, обращающихся на рынке. Проведя эту операцию, касса получает на следующий год те же ассигнования, к которым она добавляет проценты с рент, выкупленных в предыдущем году, и процент с самих сумм, выделенных в ее распоряжение, а затем все эти средства вместе взятые использует для нового выпуска облигаций.

Вновь полученный доход добавляется к доходу предыдущему. Так «Касса погашения» оказывается способной увеличивать те фонды, которые ей выделяются⁸².

Это понятно, по мнению Анфантена, даже школьнику. Важнее объяснить, каков источник этого постоянно возрастающего дохода. «Доход, создаваемый механизмом погашения, — вновь подчеркивает Анфантен, — лишь результат все более значительных жертв налогоплательщиков»⁸³. Никакая система погашения не может быть производящей силой и средством накопления; ее способность уменьшать задолженность зависит целиком от величины ежегодных поборов с трудящихся⁸⁴. Именно это должно определять наше суждение как о «доходах» системы погашения, так и о самом государственном долге. Хотя последний и выступает в качестве одного из средств получения нетрудового дохода, его величина сама по себе ни о чем не говорит. Не все займы используются на цели войны, не все взятые в долг средства идут на оплату синекур и удовольствий бездельников. Некоторые из них могут служить источником финансирования строительства железных дорог, каналов, шахт, осушения болот и т. д.

В «Политической экономии и политике» Анфантена вопрос о широких общественных работах занимает совершенно незначительное место. Только после 1832 г. развитие индустрии при сохранении существующих социальных отношений становится предметом его особого внимания. А пока в своих экономических сочинениях он всемерно подчеркивает связь финансовых и социальных проблем. Использование займов, величина государственного долга представляются ему второстепенными вопросами по сравнению с тем, что задолженность государства праздным капиталистам погашается с помощью налогов, насильно взимаемых с неимущих тружеников. В конечном итоге налог не только погашает данный, но и формирует будущий заем. А сам заем, размещенный, как правило, для покрытия чрезвычайных расходов, мобилизует суммы, которые не удалось взыскать в качестве налогов. А значит, заем — не что иное, как дополнительный налог⁸⁵.

Для улучшения положения трудящихся классов и уменьшения доходов праздных Анфантен требует сни-

⁷⁹ P. Enfantin. Economic..., p. 31.

⁸⁰ Ibid., p. 22.

⁸¹ Ibid., p. 22, 23.

⁸² Ibid., p. 32.

⁸³ Ibid., p. 33.

⁸⁴ Ibid., p. 36.

⁸⁵ Ibid., p. 39—42.

жения учетной ставки и сокращения налоговых платежей. Такая мера будет весьма благоприятна для труженников даже в том случае, если соответствующую сумму они истратят не на нужды производства, а на повышение образования и развлечения. Дополнительной выгодой для казны послужит сокращение расходов на сборщиков налогов. При этом полученная экономия поведет к дальнейшему снижению налогов, а люди, до сих пор собиравшие налоги, будут использованы в производительном труде. Значительная часть сумм, сохраненных налогоплательщиками, в свою очередь может быть превращена в ценные бумаги и будет поддерживать стабильность на бирже. Далее Анфантен высказывает в весьма общей форме требование использовать суммы, образовавшиеся от уменьшения налогов, для дальнейшего снижения учетной ставки и других рент, которые трудящиеся выплачивают праздным⁸⁶. Если вопросы о займе, механизме его погашения и налоге Анфантен излагает довольно развернуто, то упоминание им таких сложнейших понятий, как арендная плата, связанные с ней проценты, зарплата, выступает лишь в ряду исходных посылок для обоснования концепции о делении общества на трудящихся и праздных и никак им не обосновывается⁸⁷.

Эскизность анфантеновской политической экономии, предварительный характер его «науки о материальной деятельности людей» проступают особенно наглядно, когда автор говорит о связи между кредитно-финансовыми операциями и производством и пытается выяснить источники доходов капиталистов. Анфантен подчеркивает, что никто из его предшественников-экономистов не обращал внимания на «принцип социального порядка, в соответствии с которым одни люди владеют средствами производства, а другие арендуют их, в результате чего первые живут на часть продуктов, полученных трудом вторых»⁸⁸. В другом месте Анфантен пишет: «При заключении займа в распоряжение труженика переходят капиталы кредитора. Собственность последнего обретает место и объект приложения. Что касается человека, применяющего полученные средства, то он

жертвует частью созданного им продукта для вознаграждения капиталиста»⁸⁹.

В связи с критикой взглядов Мальтуса и Рикардо на земельную ренту Анфантен делает чрезвычайно важное замечание: «Арендная плата и процент, т. е. плата за наем мастерских и орудий производства, представляет, конечно, часть плодов производства, которых трудящиеся могут, строго говоря, лишиться, ибо некоторые из них, правда, самые неимущие, живут даже на землях, которые не дают никакой ренты»⁹⁰. В прошлом, полагает автор, трудящиеся лишали себя этой части, чтобы содержать воинов, графов, баронов, рыцарей и их оруженосцев, защищавших их от внешних врагов. Это не значит, что и при «нынешней организации собственности» нужно идти на те же лишения ради праздных бездельников.

Эти интересные замечания никак не обосновываются. Отношения трудящихся и капиталистов в процессе производства остаются по существу вне поля зрения «политической экономии» Анфантена. Строго говоря, он базирует ее на анализе некоторых хорошо известных ему кредитно-финансовых операций и лишь в самой общей форме указывает на связь между финансами и производством капиталистического общества. Здесь ярко проявляются глубина и ограниченность, достижения и утопичность, ненаучность теоретических разработок Анфантена-экономиста.

Всю «Политическую экономию и политику» пронизывает идея неразрывной связи между «промышленным рядом» и разделением общества на праздных и труженников. В обосновании концепции социальных классов Анфантен сделал новый шаг по сравнению с Сен-Симоном. Ему в большей степени, чем учителю, удалось совместить в политической экономии два «ряда» социальной структуры общества: разделение его на праздных и трудящихся, с одной стороны, на собственников и несобственников — с другой. Сен-Симон, противопоставляя феодалов производителям материальных и духовных богатств, нередко относил к числу трудящихся не только крестьян, рабочих, ученых, художников, но и тех собственников, которые как-то участвовали в процессе про-

⁸⁶ *P. Enfantin. Economie...*, p. 23—24.

⁸⁷ *Ibid.*, p. 63.

⁸⁸ *Ibidem*.

⁸⁹ *Ibid.*, p. 42.

⁹⁰ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. XLI, p. 295—296.

изводства: предпринимателей, финансистов, торговцев. Таких представлений о производительном классе Сен-Симон преодолеть не мог, хотя понимал и особое положение, и особые интересы пролетариата. Больше того, от великого социалиста-утописта не ускользнуло ни изменение положения «руководителей промышленного класса», ни нарастание противоречий между хозяевами и наемными рабочими после Французской революции конца XVIII в. Симпатии Сен-Симона на стороне рабочих, цель общества он видит в улучшении положения неимущих, составляющих большинство народа, но иногда критерий участия или неучастия в производстве для него важнее другого критерия — отношения к средствам производства, и именно поэтому некоторые категории «деятельной» буржуазии попадают вместе с неимущими в антифеодальный класс производителей.

У Анфантена критерий отношения к средствам производства выдвигается, как правило, на первый план, деление на собственников и несобственников оказывается определяющим, причем первые выступают как праздные, вторые — как трудящиеся.

Применительно к современности на одной стороне оказываются «собственники», «праздные», «получатели доходов», «владельцы средств производства», «заимодавцы», «капиталисты», «буржуа», а на другой — «неимущие», «пролетарии», «трудящиеся», «налогоплательщики», «рабочие», «наемные рабочие».

Анфантен отмечает, что в обществе существуют два класса — «тот, который владеет и не работает, и тот, который работает, но не владеет»⁹¹. Эта мысль повторяется многократно. Например, он указывает, что в современном обществе «одни располагают орудиями производства, не обладая способностью или желанием трудиться, а другие производят, хотя и не владеют средствами производства»⁹².

Анфантен специально оговаривает, что «получатели рент не входят в число производителей», что «их занятие скорее состоит в том, чтобы потреблять»⁹³. «Собственники, — пишет он, — могут свободно предаваться слад-

ко му ничегонеделанью»⁹⁴. Особого внимания заслуживают формулировки, непосредственно относящиеся к современности. «Буржуа ничего не производят..., это праздный класс в трудящемся обществе»⁹⁵. «Ныне феодализм воплотился в праздную буржуазию»⁹⁶. Производители — это трудящиеся пролетарии, живущие исключительно своим трудом; «чтобы не умереть с голода, они не могут отдохнуть ни года, ни месяца, ни даже дня»⁹⁷. К этому классу примыкает «учащаяся молодежь»⁹⁸ а также ученые и художники". Резюмируя высказывания Анфантена, можно сказать, что в его представлении трудящиеся — это те, кто, не обладая собственностью, производит материальные, моральные и интеллектуальные богатства¹⁰⁰ !

Нельзя обойти вниманием слова Анфантена относительно трудящихся, выступающих иногда мелкими держателями ценных бумаг, и собственников, принимающих участие в процессе производства. Буржуазные экономисты всемерно подчеркивают, что есть мелкие и крупные рантье, что трудящиеся могут быть держателями ценных бумаг. Это верно, но в качестве мелкого рантье трудящийся, как правило, стремится обеспечить себе старость после долгих лет изнурительной работы. Этот отдых не имеет ничего общего с «прирожденным и постоянным ничегонеделаньем» класса праздных собственников. Сам факт, что отдельные рабочие могут стать мелкими рантье, не отменяет капитального разделения общества на праздных буржуа и неимущих рабочих.

Не отменяет этого разделения и то, что буржуа могут принимать участие в производстве. Анфантен не отрицает ни этого обстоятельства, ни некоторого различия интересов «деятельных капиталистов» и их абсолютно бездельничающих собратьев. Для автора «Политической экономии и политики» гораздо важнее, что обе группы собственников испытывают общий страх: «они боятся потерять то, что имеют». Иными словами, критерий от-

⁹¹ P. *Enfantin*. *Economie...*, p. 57.

⁹² Ibidem.

⁹³ Ibid., p. 20.

⁹⁴ Ibid., p. 41.

⁹⁵ Ibid., p. 98.

⁹⁶ Ibid., p. 94.

⁹⁷ Ibid., p. 65.

⁹⁸ Ibid., p. 95-96.

⁹⁹ Ibid., p. 93.

¹⁰⁰ Ibid., p. 97.

ношения к собственности и в данном случае играет главную роль.

Отношения «богатых и бедных, хозяев и наемных рабочих», «рабочего и его буржуа» характеризуются антагонизмом, борьбой, ибо их интересы как собственников и пролетариев, трудящихся и праздных противоположны¹⁰¹. Ведь современное общество устроено так, что трудящиеся классы еще «страдают от жестокой эксплуатации со стороны класса бездельников»¹⁰², а буржуа, существуя за счет чужого труда, постоянно боясь эксплуатируемых¹⁰³.

Эта четкость социально-экономического анализа нарушается, когда Анфантен пишет о роли банкиров. Трудно сказать, чем объяснить эту непоследовательность. То ли она вытекала из непонимания путей перехода к обществу будущего и роли пролетариата как творца нового общества, то ли имеют место просто прагматические соображения. Ведь банкирами были братья Родриг, братья Перейр, Г. Эхталь, сам Анфантен служил в ипотечной кассе, которой руководил О. Родриг; на деньги банкиров публиковался «Глобус» и другие сен-симонистские издания. Как бы то ни было, рассуждение Анфантена о роли банков и кредитов роднит его не с критически-утопическим социализмом Сен-Симона, а с буржуазно-индустриалистской тенденцией сен-симонистской школы. Как один из ее руководителей он отдавал дань этой тенденции то ли по убеждению, то ли из соображений тактики, а после 1832 г. к ней одной свел свою практическую деятельность.

В обществе, разделенном на буржуа и наемных рабочих, собственников и людей, лишенных средств производства, различные финансовые и кредитные операции, по Анфантену, были тем оружием, «с помощью которого трудящиеся во главе с банкирами приобретали средства труда и производственные помещения, получая возможность создавать материальные богатства»¹⁰⁴. «Банкиры,— утверждал он,— руководили борьбой труда против праздности». Если в эпоху античности трудящиеся были рабами праздных, то это объясняется тем, что не сущест-

овало кредита¹⁰⁵. В средние века, во время революции наполеоновских войн «банкиры и финансисты командовали мирной армией трудящихся»¹⁰⁶. В современных условиях банки смягчают конкуренцию и анархию, в будущем они станут основой новой хозяйственной организации¹⁰⁷. «Среди отмеченного нами беспорядка наблюдается... появление инстинктивных усилий, явно направленных на восстановление порядка путем создания новой организации труда. Мы имеем здесь в виду один промысел, который можно считать новым, принимая во внимание особый характер и значительное развитие, которое он принял в последнее время; это банкирский промысел»¹⁰⁸.

Таким образом, только к банкирам Анфантен не применяет критерия отношения к средствам производства и на первый план выдвигает их роль в организации материальной деятельности.

Анализ общих проблем собственности, хозяйственной деятельности, классовой структуры, критика социальной действительности служат Анфантену лишь средствами обосновать «необходимость введения нового принципа в политическую экономию»¹⁰⁹, показать «возможность создания общества, члены которого будут спаяны общим интересом»¹¹⁰— стремлением улучшить материальное, моральное и интеллектуальное положение трудящихся.

Общество будущего в «Политической экономии и политике» мыслится «как централизованная организация, реализующая принцип использования каждого человека по способностям и его вознаграждения по труду». Эта организация выступает как единство промышленной¹¹¹, научной¹¹² и религиозной¹¹³ действительности.

Мыслится эта организация, это будущее, преисполненное мира, свободы и любви, это обетование Сен-Симона как весьма отдаленная перспектива¹¹⁴.

¹⁰⁵ Ibidem.

¹⁰⁶ Ibid., p. 57.

¹⁰⁷ Ibid., p. 55.

¹⁰⁸ Saint-Simon. Oeuvres, v. XLI, p. 263—264.

¹⁰⁹ P. Enfantin. Economie..., p. 7.

¹¹⁰ Ibid., p. 67.

¹¹¹ Ibid., p. 133.

¹¹² Ibid., p. 147.

¹¹³ Ibid, p. 171.

¹¹⁴ Ibid., p. 77.

¹⁰¹ P. Enfantin. Economie..., p. 65, 66.

¹⁰² Ibid., p. 26.

¹⁰³ Ibid., p. 73.

¹⁰⁴ Ibid., p. 54.

Хотя «нынешнее состояние» характеризуется борьбой между буржуа и наемными рабочими и «всякая мысль о насилии ради его прекращения была бы абсурдом»¹¹⁵ переход к обществу будущего, к конечной организации материальной деятельности человечества может быть, считает Анфантен, только мирным и постепенным. Помимо распространения сен-симонистской религии необходимо провести некоторые предварительные меры, в том числе отменить право наследования не по прямой линии. Анфантен предлагает исправить закон, признающий двенадцатую степень родства: она должна стать гораздо более близкой. Средства от распродажи имущества, не имеющего наследников, государство должно использовать для снижения самых тяжелых налогов¹¹⁶. Он требует также увеличить налог на право наследования по прямой линии и полученные деньги использовать на нужды трудящихся¹¹⁷. План предварительных мероприятий предусматривает и широкую организацию кредита с помощью банков¹¹⁸. Деятельность банков должна распространиться на все отрасли производства, каждая из них должна иметь свой банк. Все они будут подчинены главному, центральному банку. Если даже не касаться отдаленных перспектив благотворного влияния банков на экономику, то сам рост их числа «понижит учетную ставку, облегчит кредитные операции, т. е. передачу капиталов из рук праздных в руки трудящихся»¹¹⁹.

При всей утопичности, нереальности и даже некоторой двусмысленности рассуждений о банках и банкирах именно в связи с ними Анфантен высказывает одно из самых глубоких положений своей политической экономии: «Кредит, банкиры, банки — все это еще только грубый зачаток производственной организации, основы которой мы хотим заложить: нынешняя структура банков воспроизводит отчасти пороки системы, при которой владельцы орудий производства являются одновременно теми, кто их распределяет, т. е. системы, при которой у распределяющего лица постоянно существует побуждение взимать с продуктов труда возможно большие по-

боры... Мы не хотим сказать, что предварительно требуется полная перемена в окружающих нас общих политических условиях для того, чтобы банкирское дело стало способным к совершенствованию. Для нас политика — не узкая сфера, в которой суетится несколько незначительных личностей сегодняшнего дня: политика без производства — пустой звук, лишенный смысла. Между тем самым выдающимся фактором экономики в настоящее время являются банкиры, банки; таким образом, изменить политические условия — значит непременно изменить банкиров и банки, и, наоборот, усовершенствование банков и социально-экономической функции банкиров означает усовершенствование политики»¹²⁰.

Это пространное высказывание чрезвычайно характерно для Анфантена-экономиста, оно указывает и на слабые, и на сильные стороны его политэкономии.

Базар многое сделал для теоретического обоснования неизбежности перехода к «ассоциации трудящихся». Однако «промышленный ряд» в его социальной философии и философии истории лишь намечен. Применение сен-симонизма к анализу хозяйственно-экономической и финансовой деятельности капиталистического общества, присущей ему структуры собственности, недостатков социальной структуры, механизмов эксплуатации наемного рабочего собственником-буржуа, экономических основ общества будущего, попытки построить политическую экономию на принципах критически-утопического социализма, стремление определить ее предмет, содержание и цели — неоспоримая заслуга Анфантена. Его политическая экономия требовала не только интенсивной эксплуатации земли и научной организации социальных сил, а глубокого, хотя медленного и мирного, социально-экономического и политического преобразования, в результате которого не будет праздных капиталистов и трудящихся пролетариев — общество превратится в централизованную научно управляемую организацию, в которой каждый будет работать по способности, получать по своим трудам и обладать как правом на труд, так и на отдых.

Мы отмечали утопичность, ненаучность, узкую базу его политической экономии. Повторим еще раз, что вни-

¹¹⁵ P. *Enfantin*. *Economie...*, p. 75.

¹¹⁶ Ibid., p. 78, 83—86.

¹¹⁷ Ibid., p. 78—79, 86—89.

¹¹⁸ Ibid., p. 79—80, 105—116; *Saint-Simon*. *Oeuvres*, v. XLI, p. 263—274.

¹¹⁹ P. *Enfantin*. *Economic...*, p. 80.

¹²⁰ *Saint-Simon*. *Oeuvres*, v. XLI, p. 266, 268.

мание к «производственному ряду» не избавило Анфана от идеализма и утопизма в решении общественных вопросов — об этом свидетельствуют и его религиозность, и описание «трех ликом» будущего, и ограничение экономической деятельности сферой финансовых операций и непонимание роли рабочего класса как творца нового общества, и совершенно нечеткие и не отвечающие действительности представления о путях общественных преобразований.

4. ФУРЬЕ И СЕН-СИМОН

В 1947, а затем в 1948 г. знаменитый французский поэт-сюрреалист А. Бретон опубликовал «Оду Шарлю Фурье»¹. В 1961 г. она вновь увидела свет, снабженная весьма многозначительным предисловием и простран-ным комментарием, сочиненными профессором Страсбургского университета Ж.- Голмье². Комментатора из столицы Эльзаса, издавна облюбованной теософами, привлекли «мистические аспекты» поэмы Бретона, этого «блестящего образца сюрреализма», возможность, как считает Голмье, установить сходство между сюрреализмом и фурьеризмом, между мистикой и утопическим социализмом. Было бы грубой ошибкой, полагает автор предисловия, видеть в сюрреализме лишь литературную школу, а в фурьеризме — социально-политическую доктрину. Бретон и Фурье — великие поэты человеческих страстей и желаний, всеобщего притяжения и счастливой любви³. Общие мотивы их поэтического творчества Голмье характеризует глубокомысленно и малопонятно; он находит у них призывы «к коренному изменению существующей разобщенности во имя жизни истинной, к постоянному бунту против обманчивости внешнего, а также призыв колебимо доверять воображению и аналогии ради расшифровки иероглифов вселенной, к вере в огромные возможности будущего, если только удручающая глупость современного общества будет безжалостно осуждена юмором, наконец к убеждению, что

Делание и Любовь, эти единственно святые импульсы в мире, где нет никакого трансцендентного Верховного существа, ведут человека к магической точке, в которой все противоречия разрешаются в белом калении единобожия»⁴.

Прочтя такое, трудно отделаться от мысли, что тебя попросту морочат, или, вернее, приобщают к постижению некоего потаенного смысла, которого на самом деле нет в творчестве Фурье, который существует лишь в воображении комментатора и логически необходим ему для исторического обоснования мистики Бретона. Именно поэтому Голмье отрицает идейную близость Фурье и Сен-Симона и указывает на его нерасторжимые узы со Сведенборгом, Сен-Мартеном, Месмером и другими мистиками⁵. Разумеется, никто не отрицал и не станет отрицать наличия мистических, иррациональных, утопических, поддающихся произвольному толкованию черт в творческом наследии Фурье. Но не они одни и не в первую очередь определяют его роль в истории общественной мысли. Именно социальная философия Фурье, те ее черты, которые позволили К.- Марксу и Ф. Энгельсу характеризовать его наряду с Сен-Симоном и Оуэном как представителя критически-утопического социализма⁶, обессмертили его имя⁷.

По всей вероятности, издания «Оды» во многом способствовали тому, что всеобщее притяжение и всеобщая аналогия, желания, страсти, любовь человека и совокупление планет, примитивные космогонические теории, антильвы и антитигры, самые темные места сочинений Фурье стали в ряде работ о нем⁸ предметом радений, заушных толкований, мистикой посвященных.

⁴ Ibid., p. 36.

⁵ Ibid., p. 38—39.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 455.

⁷ Ср. И. И. Зильберфарб. Социальная философия Шарля Фурье. М., 1964, стр. 14—15.

⁸ См., например: E. Lehouck. Fourier aujourd'hui. Essai. Paris, 1966; Theorie des quatre mouvements. Nouvelle edition corrigee et augmentee, par Ch. Fourier. Notice biographique de Simon Debout. Paris, 1967; Le nouveau monde amoureux, par Ch. Fourier, manuscrit inedit, texte integral, introduction de S. Debout; A. Vergez. Fourier. Paris, 1969; M. Butor. La Rose des vents. 32 rhumbs pour Ch. Fourier. Paris, 1970; R. Schere. Charles Fourier ou la contestation globale. Paris, 1970; Ch. Fourier. L'ordre subversif (trois textes sur la civilisation). Preface des R. Schere, postface de J. Goret. Paris, 1972.

¹ A. Breton. Ode a Charles Fourier. Paris, s. d. Указано, что поэма напечатана в феврале 1947 г. (Preface de F. J. Kieslers. Перепечатана в книге: A. Breton. Poete. Paris, 1948, p. 237—258.

² A. Breton. Ode a Charles Fourier. Commentee par Jean Gaulmier. Paris, 1961 (далее ссылки даются по этому изданию).

³ A. Breton. Op. cit., p. 12—13, 33.

Наряду с неоправданно повышенным интересом к названным сторонам творчества Фурье для этой литературы характерны отказ от научного анализа социальной философии великого мечтателя, несколько болезненное внимание к его психологическим, скорее — психоаналитическим, во фрейдистском духе, воззрениям, неукротимое, хотя и бессильное, желание опровергнуть марксистско-ленинское представление о Фурье как об одном из великих социалистов-утопистов, предшественников научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса.

Такое представление объявляется примитивным и устарелым; более того, К. Маркс и Ф. Энгельс изображаются мыслителями гораздо менее глубокими, чем «поэт в сюрреалистическом смысле этого слова», певец любви и удовлетворенного желания Шарль Фурье. Профессор Сорбонны Ж. Лакруа в специальном обзоре, озаглавленном «Царство желания» и опубликованном в газете «*Le Monde*»⁹, указывает, что новейшие «замечательные труды» о Фурье выдвигают его на авансцену современности, рисуя мыслителем, который «заменяет царство принуждения царством желания». Страсть исходит от бога, обязанность — от людей. Лучше подчиняться богу, чем людям. Нужно уничтожить цивилизацию, присущую ей многогланную семью и взамен создать вселенную влюбленных¹⁰.

В решении сексуальных проблем и состоит подлинная, вовсе не пролетарская, а тотальная революция. Чтобы она произошла, необходима новая педагогика, утверждающая примат физического и свободное отношение полов, необходимо также постижение сложного искусства приготовления изысканной пищи, выступающего важнейшим элементом преобладания физического над умственным. На помощь эротике должно прийти, кроме того, разрушение созданных человечеством духовных культурных ценностей, т. е. культурная революция.

Профессор Лакруа вовсе не иронизирует, иначе он поместил бы свой обзор не в «*Le Monde*», а в каком-нибудь сатирическом еженедельнике. В данном случае он вполне серьезно и добросовестно, с учетом новейшего политического жаргона противников коммунизма изла-

гает некоторые подлинные пассажи рецензируемых работ.

Гипертрофированное представление о Фурье как об одном из творцов «философии желания» и «поэзии наслаждения», а также об «утопизме», в том числе, об утопическом социализме как тоске по невозможному, как бунте против пошлой повседневности принесло в самое последнее время удивительно ядовитые плоды. В 1971 г. Р. Барт издал книгу «Сад, Фурье и Лойола»¹². Идея наслаждения, по мнению автора, — главное в их творчестве. Именно она делает всех троих невыносимыми и позволяет объединить в одной книге. Более того, оказывается, Фурье и Сада объединяет садизм, а Лойолу и Сада — вера в божественный произвол. Психопат, давший имя садизму, великий социалист-утопист, создавший социетарную теорию, религиозный изувер, основавший орден иезуитов, выступают у Барта как утописты, ибо они оторваны от реальной действительности и ставят перед людьми недостижимые цели.

Этот воистину невообразимый симбиоз Барта еще раз свидетельствует о полной научной несостоятельности попыток выстраивать единые ряды «утопистов», «философов желания» и т. д. без учета характера «утопий» и «желаний», без ясного понимания классовых устремлений и идеологических установок их творцов.

Осенью 1972 г. во Франции под председательством А. Лефевра состоялся международный colloquium, посвященный двухсотлетию со дня рождения Фурье¹³. В оргкомитет colloquium входили и Бютор, и Легук, и Дерош, и Десанти, и другие известные на Западе знаменитости творчества Фурье. Из заметки об этой встрече мы узнаем, что доклады «скоро будут опубликованы», что докладчиков объединило представление о Фурье как о

⁹ «*Le Monde*», 2.VI 1972.

¹⁰ *Ibid.*, p. 13, 16.

¹¹ См., например: *E. Lehouck*. Op. cit., p. 8, 10, 11; *Ch. Fourier*. Le nouveau monde amoureux, p. 16; *M. Butor*. Op. cit., p. 3, 26, 135.

¹² *R. Barthes*. Sade, Fourier, Loyola. Paris, 1971.

¹³ Научный совет по истории общественной мысли, Институт всеобщей истории и Институт философии АН СССР провели заседание, посвященное 200-летию со дня рождения Шарля Фурье, 20 апреля 1972 г. На заседании выступили: академик Е. М. Жуков, Г. А. Багатурян, В. Е. Евграфов, Г. С. Кучеренко, Л. Н. Суворов, раскрывшие различные стороны жизни и деятельности выдающегося социалиста-утописта. См. *А. Э. Штекли*. Марксистское изучение наследия Шарля Фурье. — «Вестник Академии наук СССР», 1972, № 8.

творце «невозможного царства Утопии», а не как об утопическом социалисте, что, коротко говоря, идейное наследие Фурье может быть охарактеризовано как «фрейдомарксизм»¹⁴. Авторы этой заметки Ж. Горе и Е. Тревеса последняя дефиниция не устраивает. «Не нужно ли,— вопрошают они,— в теоретических и прикладных трудах, которыми бредят ныне цивилизованные люди (например в сочинениях Маркса, Ницше, Фрейда), видеть различные, прямые или косвенные, выражения того, что называется «притяжением по страсти», «способностью работать», «желанием», «либидо», «любовью»? Молодость Фурье, которого воспел Бретон, не была ли в основе своей тем же самым?»¹⁵

Таким образом, не только на творчество Фурье, но и на научный социализм К. Маркса набрасывается покров утопичности и мистицизма.

Последний номер журнала «Autogestion et socialisme» за 1972 г. содержит не только упомянутую заметку— он весь посвящен Фурье. Этот новый уродец обязан своим появлением на свет нескрываемому намерению редакции использовать имя великого социалиста-утописта в антикоммунистических целях. В предисловии, озаглавленном «Смысл обращения к Фурье», член редколлегии журнала И. Бурде писал: «Труды Фурье, тот отклик, который они находили в разных странах, свидетельствовали о бунте человечества против одномерности мира, против пошлости существующих порядков, при которых нет места воображению, свидетельствовали о желании в противовес этому вызвать любое изменение во имя беспорядка»¹⁶. А вот сформулированный уже без излишней зауми окончательный вывод. В своих попытках создать антидействительность «марксисты и фурьеристы совершают ошибки, хотя и разные. Первые полагают, что для их целей достаточно поставить буржуазных собственников средств производства вне истории: другие пестуют надежду лишить этих собственников рабочей силы то ли путем бегства рабочих в деревню, то ли путем перехода последних к паразитическому образу жизни. Система са-

моуправления во всемирном масштабе требует не только экспроприации экспроприаторов, но и устранения лиц, обладающих правом и возможностью принимать решения. «Универсальная гармония» Фурье выступает прообразом такого самоуправления, при котором устраняется разрыв между руководителем и исполнителем»¹⁷. Статьи специального выпуска журнала освещают три аспекта проблемы, сформулированной автором «Предисловия»: Фурье и ликвидация разделения общества на правящих и управляемых, воздействие идей Фурье на общественную мысль Испании и Латинской Америки, различные стороны реального значения утопизма Фурье и его связи с другими утопистами¹⁸.

Преувеличение иррациональных, мистических, психоаналитических, сюрреалистических черт утопического социализма, в том числе и критически-утопического социализма Фурье,— одна из наиболее активных тенденций в зарубежной литературе по истории общественной мысли. Наряду с укоренившимся среди академических исследований на Западе стремлением изобразить Фурье либо религиозным мыслителем¹⁹, либо благонамеренным реформистом²⁰ оно требует самого пристального внимания и критической оценки, ибо создает искаженное представление о Фурье и используется для различных антимарксистских идеологических и политических спекуляций. Исследования советских ученых о Фурье²¹ позволяют осмыслить с марксистско-ленинских позиций новейшие буржуазные интерпретации идей великого социалиста-утописта.

¹⁷ Ibid., p. 7.

¹⁸ /. Goret. *Fourier et l'economie dialectique de l'autorite; C. Millard. Oublier l'etat; Parlsi. La fortune de Fourier en Amerique Latine; C. Fonseca. Caracteristique de l'activite fourieriste dans la Peninsule iberique. /. Christian. Fourier — Frenet-Finalites utopiques pour une pedagogie realiste; A. Deroche. De l'utopisme de Charles Fourier a une utopie Emil Zola. Aspects de la l'utopisme phalansterien. См. «Autogestion et socialism», 1972, sept.—dec, № 20—21.*

¹⁹ H. Desroche. *Le fourierisme ambigu: Socialisme ou religion?— «Revue internationale de philosophie», 1962, № 60.*

²⁰ См., например: E. Poulat. *Les cahiers manuscrits de Fourier* Paris 1957.

²¹ В. П. Волгин. Система Фурье.— В кн.: *Шарль Фурье. Избранные сочинения*, т. 1. М.—Л., 1951; А. Р. Иоаннисян. Генезис общественного идеала Фурье. М.—Л., 1939; его же. Шарль Фурье. М., 1958; И. И. Зильберфарб. Социальная философия Шарля Фурье.

¹⁴ «Autogestion et socialisme», 1972, sept.-dec, № 20—21.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ /. Bourdet. *Presentation: sens d'une reference a Fourier.— «Autogestion et socialism», 1972, sept.-dec, № 20—21, p. 5.*

Некоторые буржуазные авторы не только отказываются видеть в Фурье и Сен-Симоне великих социалистов-утопистов, предшественников К. Маркса и Ф. Энгельса, но и обособляют их друг от друга. Мы уже отмечали, что идейную близость Фурье и Сен-Симона отрицает Голмье, комментатор «Оды Фурье». Э. Легук, в свою очередь, полагает, что К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» якобы довольно искусственно присоединяют Фурье к Сен-Симону и Оуэну. «Эта амальгама,— говорит Легук,— настолько удалась, что трудно сегодня встретить книгу, где бы имена Фурье и Сен-Симона не стояли рядом, хотя эти мыслители весьма отличаются друг от друга»²². Удивление вызывает даже не эта готовность Легука во что бы то ни стало спорить с К. Марксом и Ф. Энгельсом, а его рассуждения о сходстве и различиях между Фурье и Сен-Симоном, свидетельствующие о том, что они принадлежали к одному и тому же направлению общественной мысли²³.

Противопоставление Фурье и Сен-Симона вопреки очевидным фактам понадобилось автору, чтобы назвать Фурье научным утопистом, что предполагает пересмотр того различия между утопическим и научным социализмом, которые проводят К. Маркс и Ф. Энгельс²⁴.

Как уже отмечалось, в течение 1970—1974 гг. вышло лишь пять номеров журнала «Economies et societes», посвященных различным проблемам сен-симонизма. Тщетно мы будем искать в этом специальном издании что-либо об отношениях Фурье и Сен-Симона. Не уделяют должного внимания данной проблеме и авторы книг. Более того, П. Ансар, например, считает примитивизмом называть Сен-Симона, следуя К. Марксу, социалистом-утопистом наряду с Фурье и Оуэном, «словно грезы Фурье и практицизм Оуэна ничем не отличаются от социологических и исторических теорий Сен-Симона»²⁵.

Тенденции отделить Фурье от Сен-Симона, присущие некоторым новейшим работам о них, противоречат свидетельствам Фурье и его учеников²⁶, представлениям

современников, писавших об утопическом социализме". Эта тенденция противоречит также фактам, установленным такими известными исследователями творчества Фурье как Ю. Буржен, А. Луванкур²⁸. Оба они тщательно изучали Социетарные архивы, а Луванкур, опираясь на своего предшественника, кроме того, использовал фонд Анфантена, хранящийся в Отделе рукописей Библиотеки Арсенала.

Написанная с позиции социалиста времен II Интернационала, монография Буржена по обилию фактического материала, тщательности его обработки до сих пор служит одним из самых капитальных исследований о Фурье, о формировании, содержании и распространении его учения, о воздействии его идей на современные и последующие социальные теории. Автор особо выделяет проблему отношения Фурье к другим социалистам-утопистам, в частности к Сен-Симону и Оуэну, и приходит к достаточно противоречивым суждениям. «Фурье совершенно не цитирует социалистических теоретиков XIX века,— пишет Буржен.—В конце концов, с 1800 по 1820 г., т. е. в то время, когда он выработал свою доктрину и создал самые замечательные из своих трудов, эти теоретики были основательно забыты» и только после 1830 г. привлекли внимание²⁹.

Такая исходная посылка не мешает утверждению, что «Фурье занимали современные социалисты, он часто с ними спорил, критиковал их работы. Правда, эта по-

ris, 1831; *Ch. Pellarin*. Notice biographique sur Charles Fourier, suivie d'une exposition de la theorie societaire. Paris? et Besancon, 1838; *idem*. Une page de l'histoire du saint-simonisme et du fourierisme. Paris, 1877; *idem*. Mon equippee saint-simonienne — «Souvenirs anecdotiques». Paris, 1868; *V. Considerant*. Saint-simonisme. Le socialisme devant le vieux monde ou le vivant devant les morts. Paris, 1848; *J. Lechevalier*. Religion saint-simonienne. Paris, 1831; *A. Transon*. Simple ecrits aux saint-simoniens. Paris, 1832.

²⁷ См., например: *E. Cherbuliez*. Socialisme. Trois lecons sur Fourier, son ecole et son systeme. Paris, 1844; *P. Leroux*. Lettres sur le fourierisme. Boussac, 1848 (первые статьи появились в «Revue sociale» летом 1846). *L. de Lomenie*. Saint-Simon et Fourier. Paris, 1847.

²⁸ *H. Bourgin*. Fourier. Contribution a l'etude du socialisme francais (These). Paris, 1905; *idem*. Etudes sur les sources de Fourier. (These complementaire). Paris, 1905; *H. Louvancourt*. De Henri de Saint-Simon a Charles Fourier. Chartres, 1913.

²⁹ *H. Bourgin*. Op., cit, p. 74.

²² *E. Lehouck*. Op. cit., p. 104—105, 108—109.

²³ *Ibid.*, p. 110—129.

²⁴ *Ibid.*, p. 123.

²⁵ *P. Ansart*. Sociologie de Saint-Simon. Paris, 1970, p. 6.

²⁶ См., например: *Ch. Fourier*. Pieges et charlatanisme des deux sectes Saint-Simon et Owen, qui promettent l'association et le progres. Pa-

лемика не свидетельствовала о точном и строгом знакомстве с их доктринами и касалась лишь общих принципов»³⁰.

Далее внимание читателя обращается на тот факт, что Сен-Симон, Фурье и Оуэн — современники; их первые работы были соответственно опубликованы в 1802, 1803 и 1812 гг., при этом доктрины Фурье и Сен-Симона имеют немало общих черт³¹. Однако отец социетарной школы, утверждая вслед за Пеллареном Буржен, узнал о сен-симонизме только в 1829 г., к этому же времени относится его встреча и переписка с Анфантеном³². Автор не находит доказательств знакомства Фурье с произведениями Сен-Симона и полагает, что он знал о них лишь по газетным рецензиям, на основе которых и складывалось его критическое отношение к сен-симонизму. Этот тезис подтверждается, в частности, ссылкой на дневниковую запись Фурье от 19 сентября 1820 г., которая представляет собой конспект (с некоторыми критическими замечаниями) рецензии на брошюру Сен-Симона «Меры, необходимые для завершения революции», помещенную в газете «Конституционалист»³³.

Отметим со своей стороны, что данная запись позволяла также сделать вывод о том, что Фурье познакомился с некоторыми идеями Сен-Симона не позднее 1820 г. Более того, архивный экземпляр документа³⁴ содержит указание, что Фурье была известна знаменитая «Парабола», опубликованная Сен-Симоном в 1819 г.

Думается, что эти факты вносят существенный корректив в представления Буржена относительно времени и характера знакомства Фурье с идейным наследием Сен-Симона.

Формулируя научный замысел своей работы, А. Луванкур отмечал, что имел в виду не столько привести неизданные документы и поразить читателя «новизной», сколько попытаться представить сводный труд о сен-симонизме и фурьеризме. Это «позволяет проследить всю кривую линию того движения идей», которое он называет

«социализмом 1830 г.»³⁵. Автор сообщает — на основе изучения фонда Анфантена — дополнительные данные об отношении сен-симонистов к Фурье, показывает, как две доктрины проникали друг в друга, объясняет, почему сен-симонисты становились фурьеристами, раскрывает роль этих неофитов в фурьеристском движении. Он старается на основе всего этого доказать, что между двумя доктринами существует сходство в целях, способах действия и тенденциях³⁶. Подобно Буржену Луванкур специально не выделяет проблему отношений Фурье и Сен-Симона, смешивая ее подчас с вопросом об отношении Фурье к сен-симонизму, который понимается не как творческое наследие Сен-Симона, а как общественно-политическое и идейное течение, возникшее после смерти Сен-Симона и связанное преимущественно с деятельностью Анфантена и его ближайшего окружения.

Разумеется, данный вопрос имеет весьма существенное значение для истории общественной мысли. Однако любая самая виртуозная и профессионально безупречная его разработка не избавляет историка от необходимости и искушения пытаться вновь и вновь осмыслить роль идей Сен-Симона в формировании «социальной философии» Фурье.

К. Маркс и Ф. Энгельс не случайно относили Фурье и Сен-Симона к одному и тому же, критически-утопическому направлению в утопическом социализме, хотя и указывали на существующие между ними различия. Уже в статье «Коммунизм и аугсбургская» *Allgemeine Zeitung* (1842 г.) К. Маркс упоминает сен-симонизм и «принципы Фурье» в ряду коммунистических доктрин³⁷.

В ранней работе «Прогресс движения за социальную реформу» (1843 г.) Ф. Энгельс характеризует Сен-Симона и Фурье как сторонников социальной свободы и социального равенства, т. е. коммунизма³⁸. По его мнению, «сен-симонизм, который, точно сверкающий метеор, приковал к себе внимание мыслящих людей, исчез затем с социального горизонта»³⁹. Почти одновременно с Сен-

³⁰ Я. *Bourgin*. Op. cit., p. 101—102.

³¹ Ibid., p. 102.

³² Ibid., p. 103—104; Cp. *Ch. Pellarin*. Charles Fourier, sa vie, sa theorie. Paris, 1871, p. 103, 117, 197.

³³ *H. Bourgin*. Op. cit., p. 105, 179—180.

³⁴ Archives Nationales, 10 AS, I (1).

³⁵ Я. *Louvancourt*. Op. cit., p. 42

³⁶ Ibid., p. 42, 46.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 118.

³⁸ Там же, стр. 525—527.

³⁹ Там же, стр. 527.

Симоном другой человек—Фурье — посвятил энергию своего могучего ума изучению социального строя человечества. «Хотя в произведениях Фурье,— пишет Ф. Энгельс,— и не сверкают такие яркие искры гения, как у Сен-Симона и у некоторых его учеников..., мы, тем не менее, читаем его произведения с большим удовольствием и находим в них больше действительно ценного, чем в произведениях предшествующей школы»⁴⁰. При этом Ф. Энгельс имеет в виду «трезвое, свободное от предрассудков систематическое мышление, короче — *социальная философия*, между тем как сен-симонизм может быть назван только *социальной поэзией*». Фурье первый, подчеркивает Ф. Энгельс, установил великую аксиому социальной философии — теорию о свободном труде, показал преимущества и необходимость ассоциации. Вместе с тем глава социетарной школы допускает существенную непоследовательность— он не отменяет частной собственности. А общий недостаток Сен-Симона и Фурье состоит в том, что они совсем не затрагивали область политики⁴¹. Последующие социалисты-утописты «включили все то рациональное, что нашли у Сен-Симона и Фурье»⁴².

В данной работе содержится также важнейшее методологическое указание о том, что во Франции некоторые сторонники социального равенства «отнюдь не являются наилучшими христианами, хотя и называют себя таковыми; ибо если бы это было так, они лучше бы знали Библию и убедились бы, что если немногие места из Библии и могут быть истолкованы в пользу коммунизма, то весь дух ее учения, однако, совершенно враждебен ему, как и всякому разумному начинанию»⁴³.

Во введении и заключении к «Отрывку из Фурье о торговле» (1845 г.) Ф. Энгельс высказывает пожелание, касающееся публикации сочинений Фурье, Сен-Симона и Оуэна для популяризации в Германии лучших произведений французского и английского утопического социализма⁴⁴. Специальные разделы, посвященные характеристике социальных воззрений Сен-Симона и Фурье,

содержатся в «Немецкой идеологии» (1845—1846 гг.)⁴⁵, в которой, критикуя идеализм младогегельянцев, К. Маркс и Ф. Энгельс впервые в развернутом виде изложили свое материалистическое понимание истории и сформулировали основные положения научного коммунизма.

В первом программном документе научного коммунизма — «Манифесте Коммунистической партии» (1847 г.)— в разделе «Критически-утопический социализм и коммунизм» К. Маркс и Ф. Энгельс указывали: «Собственно социалистические и коммунистические системы, системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д., возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией». Основоположники научного социализма в чеканных, ставших классическими формулировках определили значение этих систем в развитии социалистической мысли, раскрыв и их бесспорное достижение, и их историческую ограниченность⁴⁶.

Последующие работы К. Маркса и Ф. Энгельса почти всегда упоминают вместе Сен-Симона и Фурье. К. Маркс называл их «патриархами социализма»⁴⁷, а в «Капитале» он писал: «Вскоре после июльской революции ударил в набатный колокол городской пролетариат Лиона и пустил красного петуха пролетариат Англии. По эту сторону Ламанша рос оуэнизм, по ту его сторону — сен-симонизм и фурьеризм»⁴⁸.

В предисловии к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» Ф. Энгельс подчеркивал, что научный социализм стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна, «трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем научно»⁴⁹.

В примечании к «Капиталу» К. Маркса, касаясь слабостей утопического социализма, Ф. Энгельс опять-таки обращал внимание на близость Фурье и сен-симонизма:

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 527—528.

⁴¹ Там же, стр. 528.

⁴² Там же, стр. 532.

⁴³ Там же.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 580—581.

⁴⁵ Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 495—512, 514—523

Д. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 454—457

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 298

Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 610

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 323

«Если последний в своих ранних работах игнорировал противоположность между буржуазией и едва народившимся тогда во Франции пролетариатом, если он причислял часть буржуазии, занятую в производстве, к *travailleurs*, то это соответствует воззрению Фурье, стремившегося примирить капитал и труд, и объясняется экономическим и политическим положением тогдашней Франции»⁵⁰.

В. И. Ленин подчеркивал связь между сен-симонизмом и фурьеризмом, называя их создателей в ряду «величайших представителей»⁵¹ утопического социализма. Фурьеристов В. И. Ленин относил к тем писателям, которые «со всеми подробностями разрисовывали будущее общество, желая увлечь человечество картиной таких порядков, когда люди обходятся без борьбы, когда их общественные отношения основываются не на эксплуатации, а на истинных началах прогресса, соответствующих условиям человеческой природы...», их теории оставались в стороне от народных политических движений»⁵².

В трудах историков-марксистов о Фурье и Сен-Симоне, а также в некоторых общих работах об утопическом социализме достаточно полно освещаются генезис, содержание и характер идей этих мыслителей⁵³. Менее известной, в особенности для советского читателя, оказывается фактическая сторона отношений Фурье и Сен-Симона. Изучая этот вопрос, мы опирались как на упомянутые выше печатные источники и специальные исследования, так и на архивные документы, в том числе поступившие в хранилища Парижа после 1913 г., т. е. после издания монографии Луванкура. Во время научной командировки во Францию в 1971 г. помимо Социетарных архивов и коллекции Анфантена мы просмотрели сен-симонистские фонды Отдела рукописей Националь-

«библиотеки, а также фонд Эхтала и так называемые «новые приобретения Библиотеки Арсенала», общая характеристика которым давалась выше.

В Предисловии издателей к первому собранию сочинений Фурье⁵⁴ ближайшие его ученики заявили, что их гениальный учитель с 1799 г. уверовал в свое предназначение совершить великое открытие, и затем в течение восьми лет разрабатывал концепцию социетарного, или гармонического, строя⁵⁵. Он намеревался опубликовать под заглавием «Теория четырех движений» восемь очерков, систематически излагавших его открытие, при этом два начальных должны были служить простым «Анонсом». Изданная в 1808 г. анонимно, книга включала один из предполагавшихся очерков⁵⁶. Это и было первое крупное произведение Фурье, «первое проявление его гения».

И автор, и его ученики справедливо полагали, что данное сочинение не исчерпывает содержания социетарной системы. «Моя теория,— говорил на закате жизни Фурье,— была незавершенной, когда я публиковал эту книгу». Ученики со своей стороны призывали не ограничиваться чтением «Теории четырех движений», ибо она не дает полного представления о взглядах Фурье и не позволяет вынести о них обоснованного суждения⁵⁸. Это верно, если учитывать последующие 29 лет жизни Фурье, достаточно плодотворные и в творческом, и в литературном отношении: последняя работа Фурье была опубликована в 1837 г., т. е. в год его смерти, новейшее издание Далеко не полного Полного собрания его сочинений насчитывает 12 томов (изданы в 1966—1968 гг.).

Однако при всей незавершенности «теории четырех движений», при всей ее литературной и редакционной беспомощности, нарочитой усложненности, ложной многозначительности, самоуверенной напыщенности и некоторых других стилизованных особенностях именно в ней были изложены основные элементы учения Фурье.

Истоки его идей — в реальной жизни. Такой подход не сводит проблему генезиса мировоззрения Фурье к ли-

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 255.

⁵¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 13, стр. 40.

⁵² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 1, стр. 187.

⁵³ О специальных работах речь шла выше. Из общих см., например: «Научный коммунизм. Материалы к лекциям». М., 1965; Г. П. Теплов. Предшественники научного социализма. М., 1965; К.-Т. Кузнецов. Утопический социализм — один из теоретических источников марксизма. М., 1966; А. В. Носов. Утопический социализм и революционный демократизм. Харьков, 1972; П. Т. Белов. О периодизации истории утопического социализма. — «Научный коммунизм», 1973, № 4.

⁵⁴ Ch. Fourier. Oeuvres complètes, v. 1—6. Paris, 1841—1845

⁵⁵ Ch. Fourier. Oeuvres complètes, v. 1, p. IV—V.

⁵⁶ Theorie des quatre mouvements et des destinées generées Prospectus et annonce de la decouverte. Leipzig (Lion) 1808

⁵⁷ Ch. Fourier. Oeuvres complètes, v. 1, p. V

⁵⁸ Ibid., p. VII—VIII.

тературным заимствованиям, он выдвигает на первый план анализ экономических, социальных, политических и идеологических факторов, но не исключает и рассмотрения факторов «литературных», неотделимых от идеологической стороны исторической действительности, от духовного развития великого социалиста-утописта.

«Теория четырех движений» вышла в свет в 1808 г. Шестью годами раньше анонимно было опубликовано сочинение Сен-Симона «Письмо женевого обитателя». Оно было издано первоначально в 1802 г. в Женеве и называлось «Lettre d'un habitant de Geneve a l'humanite»⁵⁹ и затем в расширенном варианте в 1803 г. в Париже под заглавием «Lettres d'un habitant de Geneve a ses contemporains»⁶⁰. О парижском издании 17 октября 1803 г. было напечатано краткое объявление в «Journal typographique et bibliographique». Стало ли знакомство с этим сочинением реальным фактом интеллектуальной жизни Фурье в период разработки им своего «открытия» и подготовки к печати «Теории четырех движений»? Со времени публикации П. Леру знаменитых «Писем о фурьеризме»⁶¹, обвинявших Фурье в плагиате, вопрос этот приобрел несколько одиозный характер. Быть может, поэтому Буржен весьма энергично⁶², а Луванкур⁶³ более умеренно, но столь же определенно отрицали самую возможность знакомства Фурье с сочинением Сен-Симона. Такая возможность чрезвычайно мала, хотя некоторые факторы не позволяют полностью ее исключить.

В самом деле, Фурье почти не читал книг, ограничи-

ваясь просмотром газет и журналов. Он весьма скептически относился ко всем писателям, философам, экономистам прошлого и своим современникам. Неизменно в течение всей жизни ревниво и подчас несколько болезненно он противопоставлял «свое открытие» всем известным в его время социальным доктринам. Творец социетарной теории упрямо отстаивал свою самобытность и намеренно старался ни на кого не походить. Отзывы Фурье о коллегах нередко свидетельствуют о весьма поверхностном, искаженном знании их идей и вместе с тем о каком-то небрежно-презрительном отношении к ним.

Известно, что изданные анонимно «Письма женевого обитателя» успеха не имели: даже сам автор плохо помнил о них⁶⁴. Сен-Симон за 15 дней до смерти называл «Введение к научным трудам XIX века» первым своим сочинением⁶⁵.

Только в 1826 г. стало известно, что именно Сен-Симон — автор «Писем женевого обитателя»⁶⁶, и только в 1832 г. они были под этим именем опубликованы О. Родригом⁶⁷.

Учитывая особенности выбора чтения Фурье и обстоятельства издания данного сочинения Сен-Симона, трудно представить, что автор социетарной теории мог до 1808 г. познакомиться с ним. И тем не менее в ряде случаев можно констатировать близость некоторых исходных общетеоретических положений в начальных произведениях Фурье и Сен-Симона.

И у одного и у другого идея всемирного тяготения, распространение его законов на область физиологии человека и общественных отношений занимает центральное место. В своей работе Сен-Симон так излагает «главнейшую идею, которая должна быть включена в работу, возвещанную вам мною»: «Предположите, что вы узнали способ, которым была в какую-то эпоху распределена материя, и что вы составили план вселенной, обозначив числами количество материи в каждой ее части. Вам

⁵⁹ Женевающее издание было обнаружено П. Мартеном. См. *P. Martin. Saint-Simon et sa Lettre d'un habitant de Geneve a l'humanite.— «Revue d'histoire Suisse», t. V. 1925, p. 477—497.*

⁶⁰ См. *Saint-Simon. Lettres d'un habitant de Geneve a ses contemporains (1803), reimprimees conformement a l'edition originale et suivies de deux documents inedits. Intr. par. Alfred Pereire. Paris, 1925.*

⁶¹ В редактируемом им журнале «Revue sociale ou solution pacifique du proletariat» П. Леру опубликовал с июня 1846 по апрель 1847 г. 8 писем о фурьеризме: «Фенелон и его критика» (июнь 1846, «Ученики Фурье» (июль 1846); «Сен-Симон и Фурье» (август 1846), «Плагиат Фурье» (сентябрь 1846), «Мораль Фурье» (октябрь 1846), «Трансцендентный атаканизм» (ноябрь 1846), «Телемское аббатство» (январь 1847), «Ответ фурьеристам» (апрель 1847). В 1848 г. письма были изданы отдельной книгой. См. *P. Leroux. Lettres sur le fourierisme, t. 1—2. Boussac, 1848.*

⁶² *H. Bourgin. Op. cit., p. 104—105.*

⁶³ *H. Louvancoart. Op. cit., p. 175—176.*

⁶⁴ «Le Producteur», 1826, t. 3, p. 92.

⁶⁵ *Saint-Simon. Introduction aux travaux scientifiques du XIX siecle. Работа первоначально была издана в 1807 г. в одном томе, в следующем году была переиздана под тем же названием в двух томах: Saint-Simon. Oeuvres, v. 6.*

^{1°} *H. Fournel. Bibliographie saint-simonienne. Paris, 1833, p. 11—12. Saint-Simon. Son premier ecrit. Publ. par Olinde Rodrigues. Paris, 1832.*

станет ясно, что, применяя к этому плану закон всемирного тяготения, вы будете в состоянии предсказать с той точностью, какую только позволит состояние математических знаний, все последовательные изменения во вселенной.

Это предположение поставит ваш ум в такое положение, когда все явления представляются ему в одинаковом виде, ибо, рассматривая в таком плане часть пространства, занимаемую вашей личностью, вы вовсе не найдете разницы между явлениями, которые вы называли моральными, и теми, которые вы называли физическими...

Самая главная часть моей работы достигла надежной гавани... вы имеете теперь план общего преобразования... В том случае, если непреодолимая сила помешает мне надлежащим образом обработать последующие идеи, их без труда установит всякий, для кого концепция всемирного тяготения есть ясное чувство и кто будет в курсе физиологических наук, включая сюда и наблюдения над прогрессом человеческого ума»⁶⁸.

Фурье в свою очередь различал четыре вида движения: материальное, органическое, животное и социальное. Распространение законов всемирного тяготения на социальное движение и создание на этой основе социального строя он считал своим великим открытием. «Теория ассоциации и тяготения, — говорил он, —...откроет великую книгу вечных законов... Ньютон открыл четвертый отдел тайн природы, это показатель того, что она не хотела отказать нам в познании трех остальных отделов...». Философы не сумели открыть законы социального движения. Но великий час пробил. Фурье возвещает миру учение о всеобщем тяготении, учение об ассоциации, основанной на тяготении по страсти»⁶⁹.

Весьма близки представления Сен-Симона и Фурье о различиях между «неопределенной» и «определенной» наукой, о неизбежном превращении первой в точную, незыблемую науку. Сен-Симон писал, что «в начале своих астрономических работ человек смешивал явления, которые наблюдал, с теми, которые воображал. Астрономы приняли лишь то, что было удостоверено наблюдением...

удалили из своей среды астрологов... Физиология находится еще в том жалком положении, через которое уже прошли астрономические и химические знания. Физиологам надо удалить из своей среды философов, моралистов, и метафизиков, как астрономы изгнали астрологов, а химики — алхимиков»⁷⁰. Фурье, как правило, весьма резко высказывался о «философах»⁷¹, но разъяснял, что «под именем философов» он понимает «только авторов неопределенных наук: политиков, моралистов, экономистов и прочих лиц, теории которых несовместимы с опытом и согласуются с воображением их создателей. Следовательно, необходимо помнить, что если я называю философов, то имею в виду лишь представителей класса неопределенных наук, а не творцов наук незыблемых»⁷².

Близость этих исходных позиций Фурье и Сен-Симона не отрицали ни Буржен, ни Луванкур, ни другие исследователи творчества великих французских социалистов-утопистов. У Буржена⁷³ важным аргументом в пользу того, что в период выработки своего «открытия» Фурье не знал сочинений Сен-Симона, служит соображение о противоположности «Писем женева обитателя» и самого первого печатного выступления Фурье по социальному вопросу, его маленькой, на 56 строк, статьи «Всеобщая гармония»⁷⁴, содержащей большинство идей, которые великий мечтатель развивал и обосновывал во всех своих последующих сочинениях.

Действительно, трудно не признать правоту Буржена, когда он приводит высказывания Сен-Симона и Фурье об организации власти в грядущем обществе. «Я думаю, отмечал Сен-Симон, — что всем классам общества будет хорошо при таком устройстве: духовная власть в руках ученых, светская — в руках собственников, власть же выбирать людей для выполнения обязанностей великих вождей человечества — в руках всего народа»⁷⁵. Фурье

⁷⁰ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 1 (XV), p. 42.

⁷¹ *Ch. Fourier. Theorie des quatre mouvements* — p. 147—148

⁷² *Ibid.*, p. 2.

⁷³ *H. Bourgin. Op. cit.*, p. 105.

⁷⁴ Эта статья была опубликована 3 декабря 1803 г. в газете «Bulletin de Lyon», а затем перепечатывалась в фурьеристских изданиях. См. «Publication des manuscrits de Charles Fourier», v 1—4 Paris, 1851—1858, v. 1, p. 52—53.

Saint-Simon. Oeuvres, v. 1 (XV), p. 47—48.

⁶⁸ *Saint-Simon. Oeuvres*. v. 1, XV, p. 57.

⁶⁹ *Ch. Fourier. Theorie des quatre mouvements.* — *Ch. Fourier. Oeuvres completes*, v. 1, p. 18, 44, 46, 47, 59, 147—152, 461, 474.

в своей «Всеобщей гармонии» предлагал реорганизацию общества не с помощью иерархической власти, а путем создания гармонической ассоциации на основе взаимного тяготения. Он не собирался привлекать для этой цели ученых, а, напротив, всячески подчеркивал их бессилие: «Великие люди всех времен, Ньютон и Лейбниц, Вольтер и Руссо, знаете ли вы, в чем ваше величие? В слепоте. Скоро вы станете казаться великими безумцами за то, что видели в цивилизации социальное предназначение человеческого рода»⁷⁶.

Однако, наряду с этим коренным отличием легко обнаруживаются и черты сходства, о которых Буржен умалчивает. В своей статье Фурье заявляет, что он сделал великое открытие, создав математическую теорию о судьбах всех планет и их обитателей на основе аналитического и синтетического исчисления притяжения по страсти. Ученые открыли законы материального движения; это очень хорошо, но не решают всех проблем, стоящих перед человечеством. Необходимо открыть законы социального тяготения. Это дело новой науки, которая не будет основываться на произвольных теориях, она уподобится математике, приблизится к физике. Нет нужды снова повторять слова Сен-Симона по этим же вопросам — выше мы цитировали их в связи с «Теорией четырех движений».

Можно также указать на совпадение некоторых деталей. В принципе существует, уверял Фурье, 16 циклов общественного развития. На земле можно наблюдать только три из них, а именно — дикость, варварство, цивилизацию, которые служат лишь переходной ступенью к строю гармонии. Этого рассуждения нет в брошюре Сен-Симона. Но вот представления о строе гармонии имеют ряд общих черт. И у того, и у другого мыслителя данная фаза развития общества характеризуется всемирным единством, вечным миром, равноправием женщин, счастьем человечества⁷⁷.

Отношение Сен-Симона и Фурье к существующему строю отрицательное, хотя они и выражают его по-раз-

ному. «Будет ли принят этот план? — вопрошал Сен-Симон. — А если будет, то излечит он современные болезни человечества, о которых осторожность воспрещает мне говорить?»⁷⁸ Фурье словно забывает об осторожности, гневно и страстно завершается его статья: «Терпение! Еще немного, и мы пробудим их самих (тех, кто будет утверждать, что автор пустой мечтатель. — Г.К.) от кошмарного сновидения, от сновидения цивилизации. Ученые слепцы, полюбуйте вашими городами, переполненными нищими, вашими горожанами, борющимися с голодом, вашими полями сражений, всеми вашими социальными гнусностями».

Определенное сходство идей Сен-Симона и Фурье не позволяет категорически отрицать, что знакомство с «Письмами женевого обитателя» стало реальным фактом жизни автора «Всеобщей гармонии» и «Теории четырех движений» в период разработки им своего открытия. Если этот факт действительно имел место, то Фурье познакомился с сочинением, не подозревая, что оно написано Сен-Симоном, — ведь, как мы помним, «Письма» были изданы сначала анонимно, и только через 30 лет вновь увидели свет с указанием имени автора.

Как мог Фурье узнать об этом сочинении? Известно, что в 1800 г. он пытался основать газету, но, не получив разрешения властей, стал интенсивно сотрудничать в периодических изданиях Лиона. Сен-Симон мог послать экземпляр своей брошюры в редакции лионских газет или в одну из них; именно здесь ее и мог увидеть Фурье. Разумеется, такому ответу не хватает неоспоримой доказательности, но он указывает возможное направление будущих поисков.

Любопытно, что в дальнейшем Фурье почти не упоминал о «Всеобщей гармонии», а в его отношении к «Теории четырех движений» ощущается некий оттенок столь не свойственного ему самобичевания.

Ученики Фурье писали, что он хотел совершенно замолчать этот труд и «никогда не вспоминал о нем в своих последующих сочинениях, даже если заимствовал из него целые пассажи. Когда кто-нибудь выражал желание переиздать «Теорию четырех движений» (о «Всеобщей

⁷⁶ *Ch. Fourier. Harmonie universelle.* — «Publication des manuscrits de Charles Fourier», v. 1, p. 53.

⁷⁷ *Ср. Saint-Simon. Oeuvres*, v. 1 (XV), p. 49, 50, 53; *Ch. Fourier. Harmonie universelle*, p. 52—53.

⁷⁸ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 1 (XV), p. 25.

⁷⁹ *Ch. Fourier. Harmonie universelle*, p. 53.

гармонии» речь вообще не заходила), автор неизменно, и в частности в 1836 г., повторял, что работа должна быть совершенно переделана, ибо содержит массу ошибок, не закончена, не додумана, а стиль ее не отвечает требованиям науки⁸⁰. Кто знает, быть может, эта чрезмерная самокритика вызвана не только досадой на несовершенство первого литературного опыта, но и неприятным воспоминанием о годах ученичества. Мысль о былой несамостоятельности могла стать особенно мучительной, когда в 1832 г. «Письма женевого обитателя» впервые были изданы под именем Сен-Симона и Фурье получил возможность узнать в них анонимную брошюру, накрепко освоенную им на заре его литературной карьеры.

Высказывая эти не лишённые некоторых оснований предположения, мы со всей решительностью подчеркиваем, что вовсе не намерены вслед за П. Леру и другими сторонниками «филиации идей» выдвигать против Фурье обвинения в плагиате и заимствованиях. Наше утверждение сводится лишь к тому, что знакомство с творчеством Сен-Симона могло стать реальным фактом биографии Фурье еще в 1802—1803 гг.

«Теория четырех движений» была издана анонимно и большого интереса у современников не вызвала; продали лишь незначительную часть ее тиража. Только одна газета — «Gazette de France» откликнулась на нее, да и то лишь издевательскими фельетонами. Минуло 14 лет, прежде чем из печати вышла новая работа — «Трактат о ремесленно-сельскохозяйственной ассоциации»⁸¹, основное, по единодушному мнению специалистов, сочинение Фурье, в котором его учение изложено наиболее полно. Здесь отведено место и философским, и социологическим воззрениям, и критике строя цивилизации, но больше всего автор занят описанием гармонического общества. Если общетеоретические принципы оста-

лись здесь примерно теми же, что и в первых работах, то критика капиталистической действительности, описание фаланг и жизни гармонийцев, обоснование понятий «гарантизма» и «социантизма» как особых переходных периодов от цивилизации к гармонии приобретают черты свойственные творчеству одного только Фурье, становятся его вкладом в историю социалистических идей.

За И лет многое изменилось в судьбах мира, Франции, в жизни самого Фурье — эти проблемы освещаются в соответствующих монографиях и обобщающих трудах. Все эти годы Фурье интенсивно работал над новым сочинением, особенно после 1812 г.; получив наследство после смерти матери (небольшую годовую ренту), он смог на несколько лет оставить службу. Зимой 1815/16 г. он уехал из Лиона и поселился в деревне, в департаменте Эн, затем в соседнем городке Беллей. К 1816 г. относится начало переписки между Фурье и его учеником, другом, помощником Жюстом Мюироном. А в 1818 г. в Белле произошла их встреча.

Фурье вырос как писатель, стал более строг и взыскателен — в «Трактате об ассоциации» меньше экстравагантности, чем в «Теории четырех движений». Он стал больше читать, хотя, по-видимому, как показывают исследования Буржена⁸², довольствовался изложениями и рецензиями, не обращаясь к самим сочинениям, которые его почему-либо заинтересовали или были рекомендованы друзьями. «Я не постою перед тем, — писал он в 1818 г. Мюироу, словно речь шла о чем-то необычном и трудном, — чтобы обратиться за справками к книгам, которые Вы мне указываете»⁸³.

Запись Фурье в дневнике от 19 сентября 1820 г.⁸⁴ позволяет сделать интересные выводы о его знакомстве с некоторыми сочинениями Сен-Симона. Документ не публиковался на русском языке, поэтому мы приведем его полностью. Это конспект самого Фурье (с простран-ными критическими замечаниями) газетной рецензии на брошюру Сен-Симона⁸⁵.

⁸⁰ Ch. Fourier. Oeuvres completes, v. 1, p. VIII.

⁸¹ Ch. Fourier. Traite de l'association domestique-agricole, v. 1—2. Paris—Londres, 1822. Составители первого собрания сочинений разделили эту работу на четыре части и поместили ее во II—V томах своего издания, назвав «Theorie de l'unite universelle» («Теория всеобщего единства»). См. Ch. Fourier. Oeuvres completes, v. II—V. См., например: А. Р. Иоаннисян. Шарль Фурье, стр. 72; И. И. Зильберфарб. Социальная философия Шарля Фурье, стр. 58.

⁸² H. Bourgin. Op. cit., p. 56—136.

⁸³ См. Ch. Pellarin. Charles Fourier..., p. 142—143.

⁸⁴ Archives Nationales, 10 AS, I (1). См.: Ch. Bourgin. Op. cit., p. 105; H. Louvancourt. Op. cit., p. 91—92.

⁸⁵ Цитаты из рецензии мы выделяем курсивом.

«Вторник, 19 сентября 1820 г. «Конституционалист». Газета для коммерсантов. Анализ брошюры Сен-Симона «О мерах, необходимых для завершения революции»⁸⁶. *«Здесь высказано много и правильных и ошибочных суждений, немало оригинальных мыслей, которые не лишены глубины и правоты, хотя и не могут быть применены на практике»*. Я толком не понимаю, в чем состоит правильность мыслей, не имеющих практического применения. Разве автор трудится не для нашего, а для какого-то иного мира? Только в этом случае его неприменимые мысли могли бы быть верными. Поразмыслив, мы обнаружим в них, по словам «Конституционалиста», иллюзии благородного мечтателя. Г. Сен-Симон полагает, что опорой трона служат индустрия, торговля и сельское хозяйство, что ныне они выступают как реальная сила государства. Выходит, что собственники при строе цивилизации ничего не значат, а условия их существования целиком зависят от промышленного и земледельческого класса. Сен-Симон лишает собственников всякого политического значения и хочет, чтобы власть во Франции принадлежала одним только торговцам и мануфактуристам. Их он зовет в Палату и наделяет высокими государственными постами, не желая видеть ни одного легиста в парламенте и в органах исполнительной власти. Газета самым серьезным образом опровергает эти претензии Сен-Симона. Как газета коммерсантов, она не осмеливается противоречить ученому защитнику их интересов и уличает его лишь косвенно в следующей фразе: *«Выжав из этой брошюры все, что имеет характер системы, отделив преувеличения от того, что есть в ней разумного, отвергнув некоторые выводы и необоснованные рекомендации, мы найдем в ней чрезвычайно верные замечания, наблюдения, полные глубокого смысла и правды; именно это и нужно серьезно обдумать нашим государственным деятелям»*⁸⁷.

Но если наши государственные деятели придут к такому мнению, если они серьезно поразмыслят над упомянутой брошюрой, то первый вывод, к которому они при-

будет состоять в том, что им необходимо оставить министерства и Государственный совет, ибо они не тор---цы, что сам г. Сен-Симон не годится ни для какой должности, ибо он не принадлежит ни к торговцам, ни к мануфактуристам, ни к трудящимся, если, конечно, не вздумает причислить фабрикацию систем к ряду производств, полезных для государства. Некоторое время назад этого же писателя преследовали⁸⁸ за другую осужденную якобистским мнением⁸⁹ брошюру, которая тоже была не чем иным, как средством завершить революцию».

Документ неоспоримо доказывает, что в сентябре 1820 г. Фурье на основании рецензии в газете «Конституционалист» пытается составить мнение о Сен-Симоне. Это единственный вывод, который делают Буржен и Луванкур. Однако можно прийти еще и к иным заключениям. Одно из них прямо вытекает из примечания Луванкура: Фурье слышал о Сен-Симоне по меньшей мере еще в марте 1820 г., т. е. на полгода раньше даты, которой помечен конспект. Второй вывод тоже очевиден: Фурье была известна «другая брошюра» Сен-Симона, она, по мнению автора дневника, «тоже была средством завершить революцию». Речь могла идти только о знаменитой «Параболе»⁹⁰, впервые обнародованной в ноябре 1819 г. и сразу же приковавшей внимание Франции. Брошюра возвестила о начале «Организатора», новой публикации Сен-Симона, шедшей на смену «Политику»⁹¹. В декабре брошюра была переиздана; 8 января полиция возбудила против Сен-Симона дело: 20 марта состоялся судебный процесс, но присяжные вынесли ему оправдательный приговор.

Итак, Фурье был знаком с «Параболой» Сен-Симона, причем не исключено, что уже в ноябре-декабре 1819 г. Как известно, в брошюре утверждалось, что если бы Франция потеряла «три тысячи ученых, художников и ремесленников», «она опустилась бы ниже тех наций, соперницей которых она теперь является; она продолжала бы оставаться в подчинении у них до тех пор, пока

⁸⁶ Saint-Simon. Consideration sur les mesures a prendre pour terminer la revolution. Paris, 1820.

⁸⁷ У Буржена и Луванкура эта фраза почему-то сокращена следующим образом: «Выжав из этой брошюры... наши государственные деятели».

⁸⁸ В примечании Луванкура сказано, что здесь содержится намек на судебный процесс над Сен-Симоном 20 марта 1820 г.

⁸⁹ Так в документе.

⁹⁰ Saint-Simon. Oeuvres, v. 2 (XX), p. 17—26.

⁹¹ «L'Organisateur». Paris, 1819—1820.— Saint-Simon. Oeuvres, v. 2 (XX).

не восстановила бы этой потери». Если же она лишится короля и королевской фамилии, придворной и служилой знати, десяти тысяч богатых собственников, то это принесет ей несомненную пользу, так как всех их легко заменить. Кроме того, «благоденствие Франции может быть только следствием прогресса наук, изящных искусств и ремесел, а руководители этой страны не содействуют их развитию. Это доказывает, что социальная организация мало совершенна, «общество являет собой воистину картину мира, перевернутого вверх ногами». Переключка мыслей «Параболы» Сен-Симона и дневниковой записи Фурье от 19 сентября 1820 г. не вызывает сомнений.

Дальнейшее знакомство Фурье с идейным наследием Сен-Симона можно проследить по его третьему основному сочинению. Как известно, «Новый мир, индустриальный и социетарный»⁹², изданный в 1829 г., наиболее логичный, доступный по языку из всех трудов Фурье. Луванкур в подстрочном примечании указывает, что в этой книге содержится весьма краткий и неопределенный намек на сен-симонистов⁹³. Это абсолютно неточное, если не сказать резко, замечание. Действительно, разоблачая пороки капиталистического общества, строя цивилизации, индустриализма, антиобщественного строя, Фурье отмечал во введении: «Индустриализм... является новейшей химерой среди наших научных иллюзий, к тому же наиболее распространенной...»⁹⁴ В этой связи он подвергал резкой критике учение Оуэна⁹⁵ и уделял большое внимание другому «красноречивому софисту», хотя имени его еще не называл.

Фурье отмечает в этой связи, что если и будет отвергнута ложная доктрина Оуэна и других фабрикаторов систем, если будет по достоинству оценена социетарная теория и приобретен практический опыт в ее осуществлении, то хаос цивилизации, варварства и дикости исчезнет,

а ученые и художники станут жить в богатстве, пользоваться свободой и почестями. «Недавно, когда универсальные системы были в моде,—пишет далее Фурье,—мы видели, как один красноречивый софист щедро воскурял фимиам ученым, хвалил всех поименно, и все же ему не удалось внушить им доверия к своей универсальной системе. В этой системе он позабыл только дать анализ человека или анализ страстей и притяжения, анализ трех механизмов—цивилизации, варварства и дикости, их характеров—перманентных, последовательно развивающихся и переплетающихся между собой; анализ мерзостей цивилизации, каковы: лживая торговля, или конкуренция и товарооборот навыворот; он забыл также дать теорию будущих и прошедших судеб, теорию причин в движении и т. д.»⁹⁶.

В более пространным варианте введения к «Новому миру», который при жизни Фурье не был опубликован и только через 10 лет после его смерти вышел отдельной брошюрой под заглавием «Об анархии в производстве и науке», раскрыто имя этого «красноречивого софиста». «Индустриализм,—подчеркивал Фурье,—являет собой скопище всех пороков, фальсификации монополии, банкротства, биржевой игры, барышнической скупки, ростовщичества; с недавнего времени он стал рычагом политического волнения, факелом разжигания гражданской и религиозной войны. Мы уже видели, как один экономист, Сен-Симон, требовал, чтобы король уволил весь свой двор, знать, клир, судейскую корпорацию и пр., чтобы он отдал финансы, а следовательно, и правительство лавочникам с улицы Сен-Дени, Веррьер и Бурдоннэ; чтобы из этих лавочников был образован совет, поставленный над министрами; чтобы объявили еретиками папу, кардиналов, всех католиков и всех протестантов, усвоили новую религию, выдумки г. Сен-Симона, за которым последуют два десятка других изготовителей религий: прекрасный зародыш гражданской войны, если захотят слушать всех их... Новая химера индустриализма

⁹² *Ch. Fourier. Le nouveau monde industriel et societaire, ou invention du procede d'industrie atrayante et naturelle distribue en series passionnees. Paris, 1829.—Ch. Fourier. Oeuvres completes, v. VI.*

⁹³ *H. Louvancourt. Op. cit., p. 93.*

⁹⁴ *Ch. Fourier. Le nouveau monde...—Ch. Fourier. Oeuvres competes...., v. VI, p. 39.*

⁹⁵ *Ibid., p. 153—165.*

⁹⁶ *Ibid., p. 158.*

⁹⁷ *Ch. Fourier. De l'anarchie industrielle et scientifique. Paris, 1847.* Работа эта не переиздавалась. В 1954 г. появился ее сокращенный русский перевод (*Шарль Фурье. Избранные сочинения, т. IV, стр. 285 и сл. Перевод И. И. Зильберфарба*).

уже подвергается презрению в самой Англии, которая ее произвела»⁹⁸.

Почему имя Сен-Симона было опущено во введении, опубликованном в 1829 г.? Может быть, это посоветовали автору его друзья, в частности Мюирон, которые считали тактически невыгодным ссориться с очень влиятельной тогда сен-симонистской школой?

Данный вариант введения позволяет утверждать, что к моменту создания «Нового мира» Фурье стали известны работы Сен-Симона или часть их, объединенные общим названием «Индустрия»⁹⁹ с эпитафией; «Все через индустрию, все для нее». Ведь с критикой индустриализма Фурье прямо связывал развенчание «экономиста Сен-Симона». Упомянутый Фурье роспуск королем двора, знати, клира, судейской коллегии заставляет думать о «Параболе»; лавочники с улиц Сен-Дени, Веррьер и Бурдоннэ — о «Катехизисе промышленников»¹⁰⁰, совет из этих лавочников, поставленный над министрами, — об «Индустрии», «Катехизисе промышленников» и одновременно — о «Письмах женевского обитателя»; объявление еретиками папы, кардиналов, всех католиков и всех протестантов — о «Новом христианстве»¹⁰¹.

Факты об отношении Фурье к Сен-Симону после 1829 г. устанавливаются на основе документов, по большей части опубликованных, но не сведенных воедино, не переведенных на русский язык и мало известных советскому читателю. Эти документы характеризуют связи Фурье с представителями сен-симонистской школы. Прежде чем говорить об этом, подчеркнем еще раз, что знакомство с идеями Сен-Симона стало реальным событием жизни Фурье во время создания им наиболее значительных сочинений. Только после их публикации Фурье стал искать контактов с людьми, которые объявили себя продолжателями мысли и дела автора «Параболы» и «Нового христианства». Эти связи послужили дополнительным стимулом и создали новые возможности для

нейшего знакомства Фурье с идеями Сен-Симона, «и подвели его к пониманию различия между сен-симонистами и их учителем. Вместе с тем они потребовали от автора социетарной теории во имя самоутверждения, создания и идейного сплочения собственной школы подчеркивать и в личной переписке, и в печати преимущества своего учения по сравнению с сен-симонизмом. Самый факт связей с сен-симонистами, содержание и способы полемики с ними, переход значительной части активных сен-симонистов на позиции фурьеризма, формирование на этой основе в начале 30-х годов XIX в. «социетарной школы» — свидетельство не только различий между сен-симонизмом и фурьеризмом, но их родственности, что позволяло К. Марксу и Ф. Энгельсу относить Сен-Симона и Фурье к одному и тому же критически-утопическому направлению в утопическом социализме. Пример Фурье показывает, что творческое освоение сен-симонизма стало существенным моментом поступательного движения утопического социализма, заметной вехой на пути развития социализма от утопии к науке.

Итак, каков характер отношения Фурье к Сен-Симону после 1829 г.?

Чтобы понять это, необходимо составить какое-то представление о движущих пружинах взаимосвязей Фурье и сен-симонистов.

Как только в Безансоне был напечатан «Новый мир», Фурье в марте 1829 г. приехал в Париж для распространения своего сочинения. Издание особой брошюры-рекламы, рассылка книги известным политикам, деятелям науки и культуры, различным ученым обществам в сопровождении огромных, доходящих иногда до 40 страниц писем, обращения в редакции газет и журналов не принесли больших успехов. Во всяком случае, положительный отзыв в журнале, благосклонные рецензии, организованные верными учениками Габэ и Мюироном в двух провинциальных газетах, совершенно не уравнивали того упорного молчания и непонимания, той готовности к насмешке и глумлению, которые встречали и новый труд, и приложение к нему, и искательные письма Фурье.

В этих условиях то ли у самого Фурье, то ли у кого-то из его ближайшего окружения родился замысел найти пути к сотрудничеству с влиятельным тогда сен-симонистским обществом. 20 мая 1829 г. Фурье присутствовал

⁹⁸ III. Фурье. Избранные сочинения, т. IV, стр. 295.

⁹⁹ *Saint-Simon*. L'Industrie litteraire et scientifique... Paris, 1816—1818.— *Saint-Simon*, v. 1—2 (XVIII—XIX).

¹⁰⁰ Le Catechisme des industriels. Paris, 1823—1824.— *Saint-Simon*. Oeuvres, v. 4—5 (XXXVII—XXXIX).

¹⁰¹ *Saint-Simon*. Nouveau Christianisme. Paris, 1825.— *Saint-Simon* Oeuvres, v. 3 (XXIII).

на его очередном публичном заседании, затем отправил два письма Анфантену, вызвавших два ответных послания¹⁰². Обо всем происходящем Фурье информировал Мюирона, послав ему два письма, последнее из которых помечено 5 июля 1829 г.¹⁰³ Эти документы позволяют судить о мотивах, непосредственных результатах и некоторых последствиях прямого контакта Фурье с деятелями сен-симонистской школы. Фурье очень огорчился и сердился, когда ему советовали сравнить социетарную теорию с доктринами других социальных реформаторов. Идя на сближение с людьми, которые называли себя учениками и последователями Сен-Симона, он был вынужден как-то примирить явную, но скрываемую даже от самого себя созвучность некоторых своих идей с представлениями Сен-Симона и одновременно принципиальное несогласие с рядом концепций «этого ученого защитника коммерсантов». На определенное сходство их идей внимание Фурье обращали и весной 1829 г., и позднее его ближайшие ученики. «Я хотел бы поговорить с Вами о газете «Организатор», 10 номеров которой я прочитал,— писал В. Консидеран К. Вигуре, ближайшей сотруднице Фурье.— Там должны были излагать учение Сен-Симона. Пока они ограничивались критикой всего сущего и обоснованием необходимости нового социального порядка. Есть страницы, которые позволяют думать, что они написаны кем-то из наших. У этих господ уже есть значительные идеи, но они не способны их углубить. При случае я расскажу Вам об этой доктрине подробнее.

¹⁰² Фурье — Анфантену, 21 мая 1829 г. и «Записка для сен-симонистского общества об изобретении серии страстей». *Bibliothèque Nationale. D. m. N. acq. fr. 24614*. Частично опубликовано. См. Я. *Louvancourt. Op. cit.*, p. 98—99; Анфантен—Фурье, 22 мая 1829 г.— *Archives Nationales, 10 AS, XXV, 3bis*. Частично опубликовано. См. Я. *Louvancourt. Op. cit.*, p. 99—100. Второе письмо Фурье Анфантену не обнаружено. О том, что оно было послано, можно судить на основании второго ответа Анфантена Фурье, опубликованного Пеллареном (см. *Ch. Pellarin. Charles Fourier...*, p. 197). Луванкур весьма туманно описывает это обстоятельство: «Фурье был удивлен этой сдержанностью (письмо Анфантена от 22 мая) и через несколько дней после его получения отправил сен-симонистам длинную записку, в которой развивал свои критические замечания относительно сен-симонистской доктрины» (см. Я. *Louvancourt. Op. cit.*, p. 100).

¹⁰³ Фурье — Мюирону, 22 мая 1829 г. и 5 июня 1829 г.—Я. *Louvancourt. Op. cit.*, p. 94—95, 103—106.

Если будет время, я поговорю о ней с Жюстом (Мюироном)¹⁰⁴». Надежный и старательный Габэ, пропагандирующий фурьеризм в Дижоне, простодушно писал метру, что прочитал некоторые труды Сен-Симона и «составил высокое мнение о его доктрине, которая по-видимому, во многом приближается к Вашей»¹⁰⁵. Даже тактичный Мюирон выражал пожелания, чтобы Фурье открыто заявил о том, что Сен-Симон «вступил на путь истинный»¹⁰⁶.

Эти настроения самых верных учеников, неудача с распространением «Нового мира...» во многом содействовали тому, что Фурье 20 мая 1829 г. решил пойти на собрание сен-симонистов. Два дня спустя он писал Мюирону: «Мне захотелось встретиться с представителями некоего общества, на заседание которого меня привел в среду вечером г. Корселль-младший. Они собираются каждые полмесяца. Это ученики покойного экономиста Сен-Симона... Я хотел узнать, в чем состояло их учение».

Многое удивило Фурье на этом собрании, многое не отвечало тому, что он уже знал о Сен-Симоне. «Чтобы дать Вам представление об их уязвимых местах,— отмечал Фурье в том же письме,— достаточно сказать, что они утверждают, будто покойный экономист Сен-Симон был вдохновлен богом, будто было три откровения: Моисея, Иисуса Христа и Сен-Симона»¹⁰⁷. Фурье хотел услышать о разработке теорий индустриализма, а нашел религию. Вспоминая два года спустя об этом дне, он писал: «Однажды вечером кто-то привел меня на их собрание, на котором разлагольствовали о пользе исповеди; эта тема показалась мне странной в аудитории молодых людей, которые не ходили исповедоваться, в исповедальню не заглядывали и их шефы...»¹⁰⁸. 20 мая 1829 г. обсуждался вопрос об образовании, сочетании общего или морального воспитания со специальным или профессиональным обучением. Фурье считал все разговоры на сей счет совершенно праздными, до тех пор пока не будет

¹⁰⁴ См. Я. *Louvancourt. Op. cit.*, p. 96.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 106.

¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 107.

¹⁰⁷ Фурье — Мюирону, 22 мая 1829 г.—Я. *Louvancourt. Op. cit.*, p. 94—95.

¹⁰⁸ *Ch. Fourier. Pieges et charlatanisme des deux secies Saint-Simon et Owen, que promettent l'association et le progres. Paris, 1831, p. 26.*

принята его собственная социетарная теория. Он искренне удивлялся тому, что сен-симонисты собирают многочисленную аудиторию, а их издания имеют подписчиков, что они пользуются доверием, хотя и проповедуют столь «слабые доктрины»¹⁰⁹.

Фурье позволял своим последователям лишь пересказывать и популяризировать его мысли. Он был поражен тем, что люди, которые называли себя учениками Сен-Симона, проповедовали доктрину, существенно отличающуюся от теории учителя. Позднее в одной из неопубликованных рукописей он отмечал, что «ученики Сен-Симона вкладывают в уста учителя все, что им заблагорассудится»¹¹⁰. Еще более определенно эта мысль выражена в упомянутой брошюре: «Сен-Симон часто высказывал мысли, противоположные тем пошlostям, которые ему приписывают его ученики; это очень удобно — заставлять говорить покойников, ведь они не могут восстать из гроба, чтобы дать опровержение»¹¹¹. Полное смятения письмо Фурье Мюирону от 5 июня 1829 г. главным образом касается этого вопроса: «сен-симонисты веруют в Сен-Симона не больше, чем в Коран. ...Они вступили на путь поражения, играя в религиозный культ и священнослужителей... Разве сам Сен-Симон не предвидел подводного камня, о который могут разбиться его замыслы? Разве он не признался, что его предложение создать новое христианство, объявив еретиками папу, католиков и протестантов, может навлечь гонения на его учеников? Этого им хватало. Вместо того, чтобы помогать им на безнадежном пути, я полагаю более подходящим заявить, что можно отбросить порочный замысел относительно нового христианства, этот пылающий факел, могущий разжечь гражданскую и религиозную войну, и основать новую доктрину на сен-симонистском принципе, который провозглашает право на лучшую долю для промышленников и людей, получающих жалованье. Я не мог доказать этим господам, что Сен-Симону не хватило времени. Он заявил, что 45 лет работал над своим смехотворным проектом, второе требование которого состоит в том, чтобы овладеть финансами, побудить

короля уволить дворянство, высшее и даже низшее духовенство, если только они не пожелают отступить от прежней религии; кроме того, устранить военных и законников, а также передать финансы промышленникам, образовать из них совет, стоящий над министрами, Государственным советом и т. д... Сделав это, его величество увидит, что произошло глубокое изменение, необходимым следствием которого будет прогресс цивилизации.

Воистину соблазнительный план для двора, для дворянства, военных, для судейского сословия; надежное средство передать финансы в руки промышленников с улиц Сен-Дени, Веррьер и де Бурдоннэ (он называет эти три квартала!); он не беспокоится о банкирах с Шоссе Дантен, ибо они не допускают в свои салоны торговцев с трех названных улиц; если же последних и можно там иногда видеть, то только сидящими в конце стола... Таким образом, это общество ищет свои теоретические принципы, не ведая, где их найти»¹¹².

Данное письмо свидетельствует, что Фурье видел разницу между Сен-Симоном и его учениками, что, касаясь идей самого Сен-Симона, он, хоть и через силу, но одобрительно отозвался о принципе «права на лучшую долю для промышленников и людей, получающих жалованье». Отметим попутно, что Фурье показывает здесь хорошее знание некоторых работ Сен-Симона, в частности его труда «Новое христианство». Следует также обратить внимание, что ни Буржен, ни Луванкур почему-то не делают этих выводов.

Осознание мнимых и действительно слабых сторон в теориях сен-симонистов и их учителя, безграничная вера в величие своего открытия и свое высокое предназначение, довольно трезвая оценка материальных, организационно-политических и интеллектуальных возможностей сен-симонистской школы, настроение ближайших друзей и собственные неудачи — все это привело Фурье к дерзкому замыслу поставить эту сен-симонистскую школу на службу социетарной теории.

Решение об этом, по-видимому, зародилось еще на собрании 20 мая. «Ваши коллеги мне сказали, что именно Вам,— писал на следующий день Фурье Анфантену,—

¹⁰⁹ *H. Louvancourt. Op. cit., p. 101.*

¹¹⁰ *Archives Nationales. 10 AS, 14/15.*

¹¹¹ *Ch. Fourier. Pieges et charlatanisme..., p. 2.*

¹¹² *И. Louvancourt. Op. cit., p. 103—105.*

можно послать трактат о социетарной индустрии, направляя его по адресу, который был мне назван. Я хочу, чтобы ваше общество с помощью некоторых из своих членов смогло понять, что обретет славу, присоединившись к моему открытию. К сожалению, научное самолюбие мешает вашему обществу сменить знамя и понять, что на индустрию рассчитывать не приходится. Необходимо обсудить, на какие именно плоды оно может уповать под высоким покровительством Сен-Симона.

В этой доктрине нет новых идей, в ее основе старые заблуждения: раздробление сельскохозяйственного и домашнего производства, пресловутая конкуренция или состязание обманщиков в торговле, простая шкала сорок первого распределения, полная неспособность раскрепостить двести тринадцатый и двести девятнадцатый инстинкты, которые вне серий страстей не могут быть обнаружены и использованы. Как и все системы, доктрина грезит о добре, не ведая пути к нему. Вчера ваши люди проповедовали необходимость единого образования. Однако, чтобы сделать это, прежде всего нужно знать, как действовать со слиянием трехсот двадцати четырех классов. Есть много других предварительных условий, таких, например, как гарантии минимума расходов по содержанию ста из них, которые не сохранить при двойном последствии цивилизации. По-видимому, можно начать только с периода гарантизма (XI — Предисловие).

Доктрина столь противоречива, что малейшее возражение ввергает все общество в нескончаемые распри.

Теория «Серий страстей» обладает противоположным свойством — ей не страшны любые возражения, основанные на фактах»¹¹³.

Помимо письма, «Трактата о социетарной теории», Фурье послал также особую «Записку для сен-симонистского общества об открытии серии страстей»¹¹⁴. Фурье писал об этом Мюирону 22 мая 1829 г.: «Вчера, в четверг, я послал экземпляр («Нового мира...» — Г.К.) одному из главных членов этого общества с запиской на 10 страницах относительно тех преимуществ, которые получит общество, частично приняв социетарную доктрину и сде-

лав попытку применить ее на практике»¹¹⁵. В дальнейшем факт отправления Анфантену «Нового мира...» служил Фурье одним из оснований для обвинения сен-симонистов в плагиате. «Сен-симонистам был знаком мой трактат, — писал Фурье в 1831 г., — я его им послал два года назад. Они были тогда новобранцами и хорошенько не знали, под какие знамена встать»¹¹⁶.

Сама «Записка» — не только сжатое до предела изложение некоторых идей социетарной теории, но и полемика с сен-симонистами в необычной для Фурье, почти корректной манере, когда имена оппонентов не называются; избежать хлестких выражений ему, однако, не удается. По его мнению, прямо не называемый им автор, заботясь о развитии индустрии, предлагает такую систему распределения, которая «ничего не дает бедному классу и предоставляет зажиточным людям все плоды прогресса, все добытые богатства. В силу этого рост производства — лишь... шарлатанство и заколдованный круг»¹¹⁷. Далее Фурье указывает, что «обман и анархия в торговле под видом индивидуальной свободы приносят в жертву большинство людей, лишая их гарантий существования». Именно поэтому задача сен-симонистского общества должна состоять в облегчении перехода от индустриализма к социетаризму»¹¹⁸.

Важную роль в таком переходе Фурье отводил себе и своей теории. В письме Мюирону 5 июня 1829 г. он откровенно заявлял, что хотел быть у сен-симонистов аранжировщиком и «доказать им, что можно, отложив в сторону абсурдную часть воззрений проповедника Сен-Симона, воспользоваться теми или иными деталями и принципами, привив их на древо истинной теории»¹¹⁹.

К маю 1829 г. сен-симонисты, видимо, имели какие-то представления о Фурье. Тремя годами раньше «Производитель» опубликовал статью Ж. Алье «Исследование фактов, свидетельствующих о тенденции общества к самоорганизации», в которой говорилось: «Если к научным

¹¹⁵ Фурье — Мюирону, 22 мая 1829 г. — Я. *Louvancourt*. Op. cit., p. 98.

¹¹⁶ *Ch. Fourier*. *Pieges et charlatanisme...*, p. 26.

«Записка для сен-симонистского общества об открытии серии страстей» — *Bibliothèque Nationale*. D. m. N. acq. fr. 24614.

¹¹⁸ *Bibliothèque Nationale*. D. m. N. acq. fr. 24614.

¹¹⁹ Фурье — Мюирону, 5 июня 1829 г. — *H. Louvancourt*. Op. cit., p. 104.

¹¹³ Фурье — Анфантену 21 мая 1829 г. — *Bibliothèque Nationale*. D. m. N. acq. fr. 24614.

¹¹⁴ *Bibliothèque Nationale*. D. m. N. acq. fr. 24614.

и литературным явлениям, находящим поддержку у более или менее значительного числа писателей, присоединяются воззрения индивидуальные или близкие к ним представления кооперативного общества Оуэна, коллективизма Окара, социетарная теория Фурье..., то это все больше и больше доказывает, что люди ощущают возрастающую потребность понять и любить друг друга»¹²⁰.

Об интересе сен-симонистов к творчеству Фурье свидетельствуют некоторые документы. Один из них представляет собой извлечение из «Теории четырех движений». Автора заинтересовали следующие фразы Фурье: «Все философские выкрутасы насчет обязанностей совершенно не соответствуют природе. Обязанность исходит от людей, притяжение от бога...». «Важнейший рычаг, чтобы обеспечить триумф истины,— любовь к богатству»¹²¹. В фонде Анфантена имеется графическое изображение социетарной системы и замечание следующего содержания: «Эту таблицу можно понять, лишь изучив труды Шарля Фурье, которые можно найти в редакции журнала «La Phalange», ул. Якоб, 54, Париж». Далее указывается, что наибольшее значение в этом смысле может иметь «Трактат 1822 г.»¹²².

По-видимому, нет оснований сомневаться в том, что, получив от Фурье письмо, «Новый мир...» и записку на 10 страницах, Анфантен имел представление об авторе социетарной теории. В своем ответе, проникнутом тонкой иронией и чувством превосходства, он, не вдаваясь в теоретические рассуждения, отвергал предложение Фурье о сотрудничестве. «Благодарю Вас за те сообщения, которые Вы сделали. Я прочитаю присланные Вами труды со всем вниманием, которое уже было уделено Вашей предыдущей работе»¹²³. Я полагаю, месье, что,

прежде чем начинать дискуссию или просто разговор, необходимо просить Вас сделать некоторые пояснения к записке, которую Вы мне прислали. Они тем более необходимы, что я читал «Новый промышленный мир»,

Вы, как мне кажется, если судить по Вашему же письму и записке, знаете о доктрине Сен-Симона лишь на основании одного или двух заседаний на улице Тарани. Я также мог заметить, просматривая, правда, очень бегло, Вашу книгу, что Вы не упоминаете в ней ни Сен-Симона, ни трудов его школы. В этих условиях личная встреча не привела бы или почти не привела бы к благоприятным результатам, если бы она и не вынуждала нас поспешно выносить определенные мнения: Вам, месье,— о развитых нами идеях Сен-Симона, а нам — о ваших идеях.

Я взял на себя смелость послать Вам некоторые труды Сен-Симона и его школы, те из них, которые были у меня под рукой. Прошу Вас познакомиться с ними, а также принять уверения в моем совершенном почтении»¹²⁴.

Итак, Фурье отвергли. Ему прислали труды Сен-Симона и сен-симонистов, советовали еще поучиться. Это был реальный результат обращения Фурье, послуживший дополнительным толчком к изучению идейного наследия Сен-Симона.

В письме Анфантена содержалась единственная «зацепка», позволявшая предпринять новую попытку установить сотрудничество. Напомним это место: «...необходимо просить Вас сделать некоторые пояснения к записке, которую Вы мне прислали». Фурье воспользовался предоставленной ему возможностью и через несколько дней, как утверждает Луванкур, послал пространную записку, о которой мы можем судить на основании на этот раз весьма развернутого и весьма теоретического ответа Анфантена¹²⁵. Руководитель сен-симонистской школы благодарил Фурье за записку, за быстроту, с которой тот принялся читать присланные ему труды и за

¹²⁰ /J. Alier. Examen des faits qui prouvent la tendance de la societe a s'organisee.— «Le Producteur», 1826, № 2.

¹²¹ Bibliotheque de l' Arsenal. D. m. Fonde d'Echtal, 13759/10 — Датировать документ не представляется возможным.

¹²² Ibid., Fonds d'Enfantin, 7795/7. Упоминаемый здесь журнал начал выходить с 10 июля 1836 г., следовательно, документ составлен не ранее этой даты.

¹²³ Сказанное выше об интересе сен-симонистов к Фурье не позволяет согласиться с мнением Луванкура, который считает эту фразу банальной любезностью Анфантена. Ср. H. Louvancourt. Op. cit., p. 100.

¹²⁴ Archives Nationales. 10 AS, XXV, 3^{Ms}. — Частично опубликовано. См. H. Louvancourt. Op. cit., p. 99—100.

¹²⁵ Ch. Pellarin. Op. cit., p. 197—212.— Ответ не датирован, но появился, по всей вероятности, не ранее 22 мая, когда был написан первый ответ, и не позднее 5 июня 1829 г., когда Фурье в своем письме Мюйрону сообщал о невозможности установить с сен-симонистами сотрудничество. Ср. H. Louvancourt. Op. cit., p. 100.

откровенность в критике идей, принадлежащих Сен-Симону, но очень близких всем сен-симонистам.

Далее Анфантен затрагивает некоторые проблемы, содержащиеся в полученном послании.

Полемизируя с сен-симонистами, Фурье утверждал, что любое преобразование в обществе необходимо начинать с изменений его физической, а не моральной субстанции. Анфантен спорит с этим и заявляет, что в преобразованиях такого рода на первом месте стоит разум и мораль. Анфантен полагает также, что рассуждения Фурье даже об одной ячейке социетарного общества свидетельствуют о гораздо больших претензиях, чем все теоретические построения Сен-Симона вместе взятые. Он отвергает соображения Фурье, будто основание такой ячейки послужит примером для всей «варварской цивилизации». Этого не произойдет, ибо «прежде чем какая-либо теория сможет реализоваться, она должна быть разработана лучшими умами общества». «Мы сделали выбор,— говорит от имени школы Анфантен,— и чтение Ваших трудов не поведет к изменению наших позиций. Нам, месье (разрешите сказать мне это со всей откровенностью, как вы это делаете в отношении Сен-Симона и его учеников), Вы кажетесь человеком, который с непостижимым легкомыслием читал те труды, которые попали ему в руки: то вы утверждаете, будто мы хотим в один день сделать все, что сулим, то, наоборот, говорите, будто мы забываем настоящее и тешимся утопиями относительно весьма удаленного будущего».

Далее речь идет о некоторых вопросах индустриализма. Анфантен объясняет, что «промышленник — это не кто иной, как человек, изменяющий материю и приспособляющий ее для нужд людей», он указывает также, что известное нам рассуждение Фурье о торговцах с улицы Бурдоннэ свидетельствует об упрощенном понимании идей Сен-Симона.

Анфантен обращает внимание на разницу в отношении к собственности у Фурье и сен-симонистов. Фурье часто говорит о богатых и бедных, о различных формах наследования, о многих других вещах, которые составляют понятие, обозначаемое словом «собственность». Однако члены его серий, учредители, получают доход, независимый от их личного труда, передают этот доход по наследству, т. е. фактически пользуются им так же, как

в обществе, которое Фурье именуется варварской цивилизацией. Сен-симонисты же считают, что характер собственности в социетарном обществе не должен быть тем же, что и в «обществе варварской цивилизации».

В заключение Анфантен замечает, что записку Фурье он воспринимает как «торопливое суждение», необдуманное мнение человека, которого он уважает, хотя тот нападает на все, что он, глава сен-симонистов, считает самым великим, чем гордится, что больше всего любит в этом мире,— на теорию Сен-Симона. Завершается письмо суровым замечанием о том, что идеал Фурье исторически не обоснован: «Мы отвергаем почти все Ваши представления относительно будущей судьбы человечества. Мы видим, что Ваши взгляды по этому вопросу не опираются на изучение фактов человеческой истории; нам неясно, как будущее вытекает из прошлого, где причина того следствия, зародыш того плода, который Вы ожидаете». Ответ Анфантена не только обидел, но и убедил Фурье, что сотрудничество с сен-симонистами невозможно. Начиная с этого времени и практически до конца своих дней он ведет против них последовательную идейную борьбу.

На 1829—1832 гг. приходится первая ее фаза. Это время крупных успехов сен-симонистского движения. С октября 1830 г. либеральная газета «Глобус» стала сен-симонистской; она, как и другие издания, распространялась бесплатно. Сен-симонистские организации действовали успешно практически во всех департаментах Франции, специальные миссии способствовали распространению идей Сен-Симона за границей.

Для человека, труды которого встречали непонимание и насмешку, выступить открыто против сен-симонистов было делом чрезвычайно нелегким. Поэтому вначале последовали филиппики негодующего Фурье в письмах к друзьям, затем в течение двух лет зрело и осуществлялось намерение написать против сен-симонистов особую книгу — только в 1831 г. была опубликована уже упомянутая брошюра «Козни и плутовство сект Сен-Симона и Оуэна»¹²⁶, которую автор впоследствии относил к числу важнейших своих сочинений.

¹²⁶ Ch. Fourier. Pieges et charlatanisme des deux sectes Saint-Simon et Owen, qui promettent l'association et le progres. Paris, 1831; Ch. Fourier. Oeuvres completes, v. IX, «Avis».

Прежде чем говорить о ее содержании, необходимо одно замечание. В 1830 г. «*Mercure de France*» напечатал изданную Фурье еще в 1824 г. брошюру «*Mnemonique geographique, ou methode pour apprendre un peu de lecons la geographie, la statistique et la politique*». Журнальное издание сопровождалось заметкой, в которой говорилось: «Господин Шарль Фурье, осмелимся сказать это, самый выдающийся ученый нашего времени. Он не связан с академией, ибо его отвращение к интригам сравнимо лишь с его любовью к истинному знанию. Мы намерены доказать, что все разумное в сен-симонизме есть плагиат принадлежащего Шарлю Фурье открытия притяжения по страсти»¹²⁷. Как показал Луванкур, Фурье в 1830 г. не опроверг этой заметки, а с 1831 г. в письмах к друзьям он прямо обвинял сен-симонистов в плагиате¹²⁸. Некоторые черновые варианты заголовка брошюры содержали слово «плагиат»: «Протест против плагиата и козней сект Сен-Симона и Оуэна», «Против плагиата сен-симонистского общества»¹²⁹.

Итак, если Фурье и не инспирировал заметки в «*Mercure de France*», то во всяком случае воспользовался версией о плагиате в своей борьбе против сен-симонистов. Пишем мы об этом не для того, чтобы нанести какой-то ущерб имени Фурье, а с единственной целью подчеркнуть, что утверждение о плагиате не может существовать без схождения, соответствия, без наличия известной области общности между доктринами Сен-Симона и Фурье. Цель брошюры «Козни и плутовство сект Сен-Симона и Оуэна» Фурье раскрыл в одном из своих писем Мюйрону: «В небольшой преамбуле я покажу в ироническом свете абсурдность их принципов (теократия, право мертвой руки)¹³⁰, хитросплетения их напыщенного стиля; затем перейду к их плагиату..., но прежде чем покончить с их теорией и тактикой, я кратко изложу в трех разделах два научных принципа, которые сен-симонисты хотят у меня похитить; наконец, я проанализирую их коварное плутовство»¹³¹.

Брошюра указывает на различие между Сен-Симоном и людьми, действовавшими от его имени. Это обстоятельство нужно постоянно иметь в виду, чтобы не отнести целиком критику, которой Фурье подвергал сен-симонистов, к их учителю. Резкую отповедь Фурье встречает попытка превратить Сен-Симона в нового мессию: «Земля, возликуй, произошло явление Сен-Симона..., светоча филантропии, любви и привязанности, предсказателя будущего и судеб людских: послушаем же его толкователей»¹³². Кратким замечанием о том, что этот «новый бог» не знал ступеней прогресса по периодам и фазам, т. е. одного из изложений социетарной теории, Фурье возвращает Сен-Симона с небес на землю. По мнению Фурье, облагодетельствовать мир можно без религиозного раскола и нового бога¹³³.

Шарлатаны сен-симонисты толкуют об ассоциации, но не знают, как взяться за дело, и не осмеливаются провести соответствующий опыт — их пугают неудачные попытки Оуэна¹³⁴.

В последние годы эти софисты дурачат публику новыми философскими плутнями, жонглируя словечком «прогресс». Они жалкие плагиаторы, ибо он, Фурье, задолго до появления сен-симонистской школы писал о ступенях социального прогресса в «Трактате об ассоциации» и «Новом мире». Сен-симонисты «предлагают многое из того, что прочитали в моих сочинениях, но не осмеливаются... указать на средства осуществления своих рекомендаций»¹³⁵. Кроме того, они безуспешно пытаются соединить идею ассоциации с идеей религиозного раскола. Сами эти попытки свидетельствуют о незавершенности их теоретических построений. Именно поэтому Фурье «представился одному из этих пап», посылая ему письма, обращая внимание на ту часть своей теории, которую «его компания могла бы использовать». Однако Анфантен ответил, что находит свою доктрину величайшей и твердо ее придерживается. После чего он, Фурье, решил оставить сен-симонистов в покое, ибо подумал, что «если они попытаются создать промышленную ассоциацию», не следуя его методу, то «провалятся,

¹²⁷ «*Mercure de France du XIX siecle*», 1830, t. 30, № 9—10, p. 469—470.

¹²⁸ H. Louvancourt. Op. cit., p. 110, 145—147.

¹²⁹ Archives Nationales, 10 AS, XV (6), XVII (9).

¹³⁰ Речь идет об отмене права передачи имущества по наследству.

¹³¹ H. Louvancourt. Op. cit., p. 111.

¹³² Ch. Fourier. Pieges et charlatanisme..., p. III—IV.

¹³³ Ibid., p. IV—V, 9.

¹³⁴ Ibid., p. V, 13, 27, 28, 71.

¹³⁵ Ibid., p. V, 1, 4, 8, 26.

как Оуэн», а «если они ограбят» его, то он заявит о плагиате.

Отметим, что не Сен-Симон, а его ученики обвиняются в плагиате, однако в пылу полемики Фурье словно забывает, что Сен-Симона нет в живых и называет школу сен-симонистов школой Сен-Симона, проповеди сен-симонистов — проповедями Сен-Симона и т. д.¹³⁶

Подобно иезуитам, пишет Фурье, сен-симонисты стремятся подчинить себе правительство и захватить имущество частных лиц путем отмены права наследования. Эти опасные претензии они обосновывают ссылкой на бессмысленные экономические теории их «светлейшего метра», который часто говорил не то, что ему теперь приписывается¹³⁷. Конечно, Сен-Симон прав — для организации будущего общества необходим расцвет промышленности, науки и искусства¹³⁸. Но его призывы к безудержному развитию экономики, без учета человеческого, психологического фактора в жизни общества ни к чему не приведут. Более того, Фурье полагает, что «чем больше развивается индустрия, тем больше простой народ, составляющий две трети населения, страдает от бедности»¹³⁹.

Сен-симонисты хотят покончить с нуждой, произносят немало сочувственных слов в отношении рабочего класса, предлагают такой паллиатив, как лишение состоятельных людей их богатства, но бедность не исчезнет, пока не будет установлен режим индустриального притяжения, т. е. пока не будет реализована социетарная теория¹⁴⁰.

Они хотят вести по всей стране пропаганду своих теорий — это бесполезно, нужно дело, а не слово, нужен наглядный пример новых общественных отношений¹⁴¹.

Они хотят покончить с войной, но из этого ничего не выйдет, пока общество будет состоять из отдельных семей, а не объединяться в соответствии с притяжением по страсти¹⁴².

Они хотят привлечь на свою сторону «промышленников, ученых, деятелей искусства, а также женщин», но не знают, что этим людям нужно¹⁴³.

Представления сен-симонистов о будущем несостоятельны, ибо их принцип распределения по способностям и труду сковывает страсти, вместо того чтобы дать им наибольший простор, разрушает объединяющие людей «чувства, одну из самых сильных человеческих страстей». По Фурье, доходы в ассоциации должны распределяться по капиталу, способностям и труду, «без какой бы то ни было общности имущества»¹⁴⁴. «Истинный прогресс — я буду без конца это повторять — состоит не в том, чтобы отнять у богатых и отдать бедным, а в том, чтобы с помощью режима согласованной индустрии создать массу продукта, достаточную для удовлетворения как богатых, так и бедных»¹⁴⁵. Идея распределения по способностям сама по себе неплоха, но нужно найти средство воплощения ее в жизнь¹⁴⁶.

Если сен-симонисты и имеют какое-то влияние, то только потому, что указывают на «возмутительные социальные противоречия», на «бедствия рабочего класса, бедствия, которые являются позором цивилизации», но вместе с тем они, сознавая собственное бессилие, уклоняются от реализации своих прекрасноречивых слов и предпочитают неблагоприятный путь политических интриг¹⁴⁷.

Социетарная теория выступает в брошюре как универсальное средство избавления сен-симонистов от всех недостатков, как залог осуществления их благих намерений.

Брошюра «Козни и плутовство сект Сен-Симона и Оуэна» не имела большого резонанса¹⁴⁸. Фурье и его сторонники стали искать иные пути для критики сен-симонистов и пропаганды социетарной теории. На этот раз возникла идея обращения в газету «Глобус». В конце июля — начале августа Фурье делал наброски такого обращения. «Ответ на сен-симонистскую статью от

¹³⁶ *Ch. Fourier. Pieges et charlatanisme...*, p. 9, 27.

¹³⁷ *Ibid.*, p. 2.

¹³⁸ *Ibid.*, p. 39.

¹³⁹ *Ibid.*, p. 21.

¹⁴⁰ *Ibid.*, p. 8.

¹⁴¹ *Ibidem.*

¹⁴² *Ibidem.*

¹⁴³ *Ibid.*, p. 52—53.

¹⁴⁴ *Ibid.*, p. 3, 25.

¹⁴⁵ *Ibid.*, p. 29.

¹⁴⁶ *Ibid.*, p. 47.

¹⁴⁷ *Ibid.*, p. 13, 29, 32, 36.

¹⁴⁸ *H. Louvancourt. Op. cit.*, p. 124.

28 июля 1831 г.» назывался один из них; окончательный вариант имел заголовок: «Гороскоп сен-симонистов. Ответ на их статью от 28 июля». «Гороскоп» не был отправлен в газету — он интересен как свидетельство тщательной подготовки Фурье к этой акции. «360 раз в год ополчаясь в «Глобусе» против праздных,— писал он — секта сен-симонистов сама себя разоблачает, так как виновна в наивреднейшей праздности. Она утверждает, что ей ведомо искусство создания ассоциации трудящихся, но не показывает этого на практике. Десять лет назад Р. Оуэн претендовал на то же самое. Оуэнисты прекратили свои аферы, сен-симонисты принимают за свои. Все повторяется лишь с небольшими нюансами»¹⁴⁹. Не исключено, что либо сам текст, либо повод для обращения в «Глобус» встретили возражения среди сторонников Фурье. Во всяком случае, в письме к одной из своих почитательниц, мадам Дюпони, Фурье писал: «В воскресенье потеряли много времени в напрасных спорах. Я хочу покончить послезавтра с этими бесполезными дискуссиями, обратившись к сен-симонистам с суровой отповедью в связи с задержкой реализации всех их обещаний. Если бы они захотели действовать, я бы их поддержал, что бы с ними ни случилось. Они были бы сегодня на вершине богатства и славы, царили бы не только в Тюильри, о котором грезили, а в дворцах всех монархий. Вместо такого блестящего взлета, осуществить который я предлагал Анфантену два года назад, сен-симонисты сумели только воздвигнуть Вавилонскую башню; они больше не понимают друг друга, говорят на разных языках, идут дорогой раскола и беспорядка»¹⁵⁰.

Эти документы свидетельствуют, что Фурье внимательно следил за изменениями, происходившими в сен-симонистской школе.

31 августа 1831 г. «Глобус» писал о финансовых затруднениях сен-симонистов, о том, что газета не сможет издаваться без серьезной общественной поддержки. Это дало Фурье повод обратиться 2 сентября 1831 г. к редакции с письмом, которое было напечатано только

19 октября. «Господа, только сегодня,— писал Фурье,— я прочел номер вашей газеты от 31 августа. Вы шлете сигналы бедствия. Считаю своим долгом обрисовать вам ситуацию, в которой вы могли бы находиться, если бы встали на путь истинный, избрав социетарную теорию, если бы основали ассоциацию, не ограничиваясь проповедями о ней, если бы действовали, а не раздавали одни посулы». Такая ассоциация, продолжал Фурье, учтет богатство, превратит труд в удовольствие. Уже через несколько месяцев о ней узнает вся Европа, а затем весь мир. Такая ассоциация отвечала бы интересам и собственников, и бедняков, способствовала бы успеху сен-симонистской религии больше, чем какие бы то ни было проповеди; двор, вельможи, сам король стали бы в этом случае подписчиками «Глобуса».

Но сен-симонисты не захотели следовать этим путем, а совершают одну ошибку за другой. Завершается письмо отеческим внушением: «Если человек отвержен к такой ложной доктрине, то отказ от нее — единственно мудрое решение. Еще есть возможность потрудиться, заняться делом, а не разговорами. Вы не хотите сделать того, что пожарники называют жертвой огню»¹⁵¹. Вы не хотите сменить аранжировщика и потеряете все. Вам было бы легко испытать естественный метод притяжения по старости... А я имел бы честь разрабатывать теорию; уверяю, это не слишком большая претензия... Что бы там ни было, я должен как первооткрыватель социетарного механизма разоблачить тех, кто спекулирует на славе, чтобы оторвать нас от дела. Опубликовав три месяца назад памфлет¹⁵² против сект Оуэна и Сен-Симона, я вовсе не выходил из себя (как Вы писали 13 июля), а, напротив, соблюдал слишком много предосторожностей, хотя мог бы легко расправиться с вашими теориями... Этот же порок свойствен всем газетам, которые выступают против вашей секты. Если бы я был сотрудником одной из них, я подошел бы к делу позитивно и предложил средство извлечь пользу из обещания двух сект: О... и С—С... Скоро я это сделаю»¹⁵³.

¹⁴⁹ Archives Nationales, 10 AS, XX, 11.

¹⁵⁰ Bibliotheque de l'Arsenal. D. m. N. acq. 15032/126—139. Документ не датирован; последняя фраза неоспоримо доказывает, что он относится к лету 1831 г.

¹⁵¹ Т. е. пожертвовать частью во имя спасения целого.

¹⁵² Это место письма позволяет довольно точно установить время выхода из печати брошюры Фурье.

¹⁵³ «Le Globe», 19X 1831.

Публикуя письмо Фурье, редакция, видимо, рассчитывала, что оно само по себе наилучшим образом избавит сен-симонистов от обвинений в плагиате. Редакционное введение не только с грустной иронией рекомендовало вниманию читателей письмо Фурье, но и великодушно указывало на некоторые сильные стороны его творчества: «Мы признаем, что система Фурье обладает большими потенциальными возможностями. Кроме того, автор часто критикует современную социальную организацию с редкой пронизательностью (особенно см. предисловие к его «Новому индустриальному миру»). Однако ему довелось встать на ложный путь, причем даже здесь он неизменно забегал далеко вперед, ибо всегда работал в стороне от людей и постепенно пришел к тем смешным мечтам, о которых можно узнать из публикуемого ниже письма»¹⁵⁴.

В конце 1831—начале 1832 г. в условиях распада сен-симонистской школы многие активные ее деятели, в том числе Жюль Лешевалье, Абель Трансон, Шарль Пелларен, перешли на сторону учения Фурье¹⁵⁵. Так было положено начало образованию «Социетарной школы». Конечно, большое значение имели при этом привлекательность социально-психологического аспекта учения Фурье, его детально обоснованные и по видимости весьма практичные идеи о гармонической ассоциации, его глубокая, не знающая компромиссов критика капиталистического строя.

Если наиболее вопиющие крайности анфантеновского сен-симонизма в области религии, по вопросам церковной структуры и эмансипации женщин, а также пестрота идейных устремлений лиц, объявивших себя продолжателями дела и мысли Сен-Симона, привели к распаду сен-симонистской школы, то преимущества фурьеризма и наличие общих черт в учениях Сен-Симона и Фурье превратили многих бывших сен-симонистов в сторонников «социетарной теории». Лучше всего говорят об этом сами участники событий. 16 января 1832 г. Лешевалье писал Фурье: «Вот уже 18 месяцев мне из-

вестны Ваши идеи благодаря одному молодому человеку из Лиона, которому я проповедовал сен-симонизм. То, что мне говорили о Ваших трудах, не отбивало моего любопытства. Всякий раз я спрашивал руководителей сен-симонистской школы, известны ли им Ваши сочинения? Они ограничивались ответом, что они Вас видели, что Ваши работы довольно хорошо критикуют современное состояние цивилизации, но что Ваши представления о будущем узки, мелочны, утонули среди подробностей и не имеют никакого значения, что Вы не сделали ничего, кроме попытки координировать и регулировать страсти в том виде, в каком общество дает их нам сегодня. Занятый иным делом, я провел немало времени, прежде чем «Новый промышленный мир» попал мне в руки. Я прочел некоторые страницы, но Ваша непривычная терминология скорее оттолкнула, чем поразила меня... Затем я был послан с миссией в Дижон, где познакомился с господином Габэ, который мне многое рассказал. Мне помог также ознакомиться с Вашими идеями Жюль Мюирон. Я просил его основательно проанализировать Ваши работы и послать рецензии на них в «Глобус». Об этом я напечатал анонс, который Вы, быть может, видели. Я начал читать «Трактат об ассоциации» и понял, что в нем много нового, глубокого, поражающего воображение. И тем не менее я все еще могу видеть в Вас лишь одного из спутников сен-симонистского светила. Я писал вождям школы, что рассматриваю Вас как растущего ученого, который нам нужен... я не получил никакого ответа. Когда я вернулся в Париж, наши споры, воистину достойные строя цивилизации, были в полном разгаре.

Затем я снова уехал, на этот раз с миссией в Мец, и там часто встречался с Виктором Консидераном; с ним разговаривать гораздо легче, чем с г. Мюироном. Я откровенно говорил Консидерану о положении в сен-симонистском движении, но совершенно не предвидел, что фатальный для сен-симонизма исход столь близок. Эти события поколебали мою веру в идеи сен-симонизма и разбили доверие к его руководителям. Я порвал и с тем, и с другими, и мне пришлось снова искать решение социального вопроса...

Сейчас я изучаю только Ваши работы и убеждаю всех тех сен-симонистов, которые способны, по моему мне-

¹⁵⁴ «Le Globe», 19X 1831.

¹⁵⁵ Ch. Pellarin. Une page de l'histoire du saint-simonisme et du fourierisme. Notice sur J. Lechevalier et A. Transon. Paris, 1877; *idem*. Mon equipée saint-simonienne.—«Souvenir anecdotiques». Paris, 1868.

нию, понять эти работы, заняться их изучением. В одной из своих последних проповедей Абель Трансон воздал Вам должное и имел в этой связи некоторые осложнения с руководителями. С удовольствием сообщаю Вам, что он порвал с ними из-за их слепоты относительно ценности Вашей системы. Он написал книгу, в которой критикует некоторые высказывания Анфантена.

Что касается меня..., то я с каждым шагом все больше приближаюсь к Вам. Сомнение сменилось живейшим восхищением. Я чувствую, что Вы дали миру то, что от имени Сен-Симона обещал ему я: счастье, ассоциацию, свободу, истину...»¹⁵⁶. Далее Лешевалье сообщает, что принимает не все идеи Фурье, что многое ему неясно.

Это представление о фурьеризме как разновидности сен-симонизма, как о новой, более высокой ступени одного и того же учения не является чем-то уникальным.

Даже во Введении к «Le Phalanstere», первому печатному органу фурьеристов, Ж. Лешевалье и В. Консидеран отметили: «Если говорить о существовании идей, то мы принимаем критические замечания Фурье по адресу Оуэна и сен-симонистов, но по многим причинам воздаем последним должное, чего не делает тот, кому мы поклоняемся как учителю в вопросах науки и ассоциации. Однако это не дает ему оснований лишать нас права иметь собственные принципы и чувства. Достаточно сказать, что хотя многие из нас отошли от сен-симонизма, признав превосходство и первенство Фурье там, где оно проявляется неопровержимо и не вызывает возражений, мы далеки от того, чтобы снять с себя ответственность за прежние свои слова»¹⁵⁷.

Один из видных сен-симонистов — Касезо — в письме к Ж. Лешевалье 14 июня 1832 г., с болью говоря о распаде сен-симонистской школы, отмечал, что Ж. Лешевалье и А. Трансон будут главными редакторами «Le Phalanstere», призванного пропагандировать идеи Фурье и способствовать созданию промышленной и сельскохозяйственной фаланги. Такую деятельность Касезо считал полностью сен-симонистской¹⁵⁸.

Хирург из Лиона Юбер писал 19 августа 1832 г. Ж. Лешевалье, что с интересом ознакомился с проспектом «Le Phalanstere». «Как и Вы, месье,— подчеркивал он — я сен-симонист. Но я искал в сен-симонизме лишь план ассоциации, лишь средство улучшить жизнь самого многочисленного и бедного класса общества. Именно поэтому я должен был присоединиться к г. Фурье, как только смог его понять. На протяжении десяти лет «Теория четырех движений» была для меня предметом насмешек и шуток. Благодаря Вам я вижу теперь в ней одно из самых удивительных произведений, порожденных человеческим гением»¹⁵⁹.

В указанном смысле большой интерес представляют два письма (от 16 ноября и 2 декабря 1832 г.) испанского эмигранта Нарцисса Лопеса. В первом он просил сообщить, что «думает отец Анфантен о системе Фурье и его доктринах», и прислать сочинения Сен-Симона и «Изложение» его учения. Во втором письме сказано: «Я с большим удовлетворением узнал Ваше мнение относительно трудов Фурье. Еще больше я был рад тому, что благодаря этому отшлифую мои знания, хотя и несовершенные, но отвечающие в целом Вашим суждениям. Мне кажется, что Фурье — в основе своей сен-симонист, несмотря на все его протесты...»¹⁶⁰

Отношение к Фурье как к сен-симонисту не только уязвляло весьма болезненное самолюбие автора «Нового мира...», но и показывало, что идейные позиции сен-симонизма все еще сильны. Именно этим, по нашему мнению, объясняются крайне резкие выступления Фурье против Сен-Симона в 1832—1837 гг. Причем, если до распада сен-симонистской школы выдвигались на первый план обвинения в плагиате, то теперь всемерно подчеркивается различие двух доктрин.

Уже в первых номерах «Le Phalanstere» Фурье выступил со статьей «Обзор утопий XIX века и парижских утопических обществ»¹⁶¹. В архиве сохранилась заметка Фурье «Взгляд на химеры, модные в XIX веке»¹⁶², написанная, по всей вероятности, при подготовке журналь-

¹⁵⁸ Archives Nationales. 10 AS, XXV, 3bis. — Частично опубликовано Буржемом и Луванкурмом (см. *H. Bourgin. Op. cit.*, p. 443; *H. Louvancourt. Op. cit.*, p. 275—276).

¹⁵⁷ «Le Phalanstere», t. I, 1832, p. 6.

¹⁵⁸ Archives Nationales, 10 AS, XXVII (3).

¹⁵⁹ Archives Nationales, 10 AS, XXXIX (1).

¹⁶⁰ Bibliotheque Nationale. D. m. N. acq. fr. 24610.

¹⁶¹ «Le Phalanstere», 1832, t. I, p. 49, 57, 65 sq.

¹⁶² Archives Nationales, 10 AS, XIX, 3.

ной статьи. Нисколько не шадя неопитов «социетарной школы», в большинстве своем бывших сен-симонистов, Фурье обрушивает на них ряд весьма тяжелых обвинений.

В неопубликованной заметке он предостерегал людей против «сект, не предлагающих ничего, кроме демагогии и теократических бредней, а именно: введение общности имущества, жен и теократического абсолютизма, уничтожение права передавать свою собственность даже по прямой линии, запрещение религиозных обрядов. Именно к этому и сводятся концепции сект Оуэна и Сен-Симона. Авторы этих теорий напоминают двух спорящих лекарей: один предлагает разрушить культы, а другой хочет заново их создать, дабы священнослужители в результате отмены наследования стали собственниками всего имущества. XIX веку нужно обладать избытком благодушия, чтобы внимать подобным фокусникам и принимать за путь, ведущий к прогрессу, учреждения теократии (самой порочной из всех форм правления) и права мертвой руки (самой одиозной из всех феодальных юридических норм).

Дабы оправдать такое отношение к шарлатанству, говорят, что наш век нуждается в обновлении экономической политики. Это действительно ощущается всеми. Но дело в том, что нет ничего более избыточного, чем демагогия Сен-Симона и Оуэна. Говорят, они дали толчок. Это верно. Но какой толчок — вот что нужно понять... Теперь совершенно ясно, что условия жизни пролетариев могут быть улучшены с помощью социетарного режима в экономическом единении мелкого ремесленного, земледельческого и домашнего хозяйства, ныне раздробленного между семьями и лишенного необходимых средств»¹⁶³.

И далее автор кратко излагает свою теорию притяжения по страсти.

Как можно убедиться, заметка весьма сдержанна по тону, не вносит существенно новых аргументов в традиционный набор критических замечаний Фурье относительно сен-симонистов; причем, прежнее понимание различий между Сен-Симоном и его последователями здесь совершенно исчезает.

Статья, опубликованная в журнале, отмечена крайней резкостью, хотя по содержанию своему мало чем отличается от предыдущих выступлений Фурье. Сен-симонистам специально отводится третья, заключительная часть.

По мнению Фурье, вожди сен-симонистской школы только тогда были последовательны и решительны, когда отстаивали и пытались проводить в жизнь свои религиозные догмы. Им было выгодно насаждать «прелатства и архиепископства». Эти действия пронизывают всю их тактику, которая должна обеспечить успешную прививку «иезуитства на древо якобинизма». Весьма шумно и претенциозно сен-симонисты называли себя народными трибунами. Это была продуманная уловка, рассчитанная «на привлечение толпы некоей оригинальностью, романтикой, широчайшей демократией». Они льстили женщинам, чтобы использовать их способности к интригам во имя религиозного раскола, ибо не желали ничего иного, кроме разрушения христианской религии, осуществления своих религиозных утопий, присвоения церковных доходов, достигающих в католической Франции 4 млн. в год. Ликвидация собственности, новые принципы распределения богатств — «это кость, которую они бросают на потребу простому народу».

Самого беглого анализа достаточно, чтобы сен-симонистская доктрина рухнула, как картонный домик. Действительно, на чем она покоится? На опасной претензии все отобрать и присвоить — власть, доходы, собственность, женщин... «Сверхиезуиты» — вот истинное имя сен-симонистских руководителей. В чем основной порок учений Сен-Симона и Оуэна? И то, и другое мешают изучению и осуществлению истинной социетарной теории, способствуют распространению обскурантистской философии, стремятся с помощью словесных ухищрений отбить охоту к точному исследованию проблемы гармонической ассоциации, могущей обеспечить интересы и богатых, и бедных. Сами сен-симонисты не верят ни одному слову своей теории, которую они очень удачно называли переходной, видимо, на том основании, что она «непостоянна, как флюгер». «Некоторые утверждают, что сен-симонисты дали общественному мнению импульс, способствовавший моему открытию, и что я должен быть им признателен за это. Наоборот. Их импульс был край-

¹⁶³ Archives Nationales, 10 AS, XIX, 3.

не порочен, ибо укреплял старые предрассудки об ограниченном, неполном, бессильном провидении и подставлял дело прогресса под удар правительств, религий и собственности, вместо того чтобы основываться на реформе четырех индустрии: культуры, производства, домашнего хозяйства и торговли»¹⁶⁴.

Отметим, что и в этой статье Фурье не проводит различия между Сен-Симоном и сен-симонистами. В решающий момент борьбы с влиянием сен-симонистских идей в рядах социетарной школы, борьбы за торжество собственной теории это различие перестало, видимо, играть для Фурье какую-либо роль, тем более что теперь ему приходилось бороться не с тем или иным неверным, с его точки зрения, тезисом Сен-Симона, не с организованным, достаточно сильным и влиятельным социально-политическим движением, а именно с идейным наследием сен-симонизма.

5 апреля 1833 г. «Le Phalanstere» опубликовал статью, автор которой подчеркнул, что невозможно лишить сен-симонистов «мертвых или по меньшей мере заживо погребенных» их заслуг, так как они горячо и самозабвенно трудились на благо человечества и сумели оставить богатое наследство в области социальных исследований. То обстоятельство, что им не удалось выполнить до конца своих обещаний, еще не дает оснований бросать в них камни тем, кто больше преуспел в служении людям¹⁶⁵. Фурье не назван, но ясно, что именно с ним полемизировал журнал той самой школы, которая официально признавала его главой и учителем. Уже через неделю Фурье там же опубликовал гневный ответ¹⁶⁶. «Апология сен-симонистов,— писал он,— обнародована в 14-м номере нашего журнала; ее нельзя оставить без ответа. Нужно признать, что плохо используешь фимиам, если тратишь его на восхваление несостоятельной секты, которая была способна лишь на то, чтобы возродить ереси демагогов, призывавшие отнять у богатых и отдать бедным. Проповедники этих идей потерпели поражение и потому не заслуживают больше серьезной критики. Я не написал бы по их поводу статьи, если бы не

был обязан изобличить во лжи тех, кто бросает моей теории обвинение, будто она связана с сен-симонизмом, а также предостеречь тех, кто мог бы поверить в эту ложь, прочитав апологию сен-симонистов, напечатанную в нашем журнале без каких-либо кардинальных пояснений». Эти немногие слова позволяют, как нам кажется, понять мотивы и особенности критических замечаний Фурье по адресу сен-симонистов в период 1832—1837 гг.

Большое место отводит Фурье критике сен-симонизма в своем последнем крупном сочинении «Ложная индустрия»¹⁶⁷. Многое в этом труде вызывает недоумение: и несуразная пагинация, и навязчивые повторы, и нарочитая разорванность отдельных частей. Постоянное противопоставление положений социетарной теории идеям сен-симонистской доктрины и других учений о «ложной индустрии» выступает одной из «организующих» сторон этого хаоса сюжетов и тем, словно для Фурье ничто не важно, кроме доказательства своего отличия от Сен-Симона и других социальных реформаторов.

Фурье требует, чтобы его теорию не смешивали с сен-симонизмом¹⁶⁸. «Мое учение,— подчеркивал он,— отличается от всех остальных, что бы там ни говорила по этому поводу газета «Le Constitutionnel», которая превращает меня в сен-симониста, врага собственности, хотя я разработал 24 меры, гарантирующие ее сохранение»¹⁶⁹.

Обвинения сен-симонистов в «промышленной теократии», «священническом абсолютизме» напоминают предыдущие, хотя и содержат некоторые весьма интересные детали. Фурье указывает, что во Франции против властей и духовенства боролись энциклопедисты, якобинцы, карбонарии, сен-симонисты, мистики. Автор «Ложной индустрии» упрекает их в том и подчеркивает исключительно мирный характер своего учения, не опасного ни правительству, ни собственникам, ни духовенству¹⁷⁰.

¹⁶⁴ «Le Phalanstere», t. I, p. 66, 68, 69.

¹⁶⁵ Ibid., t. II, p. 164.

¹⁶⁶ Ch. Fourier. Sur un éloge de la theocratie et de mainmorte.— «Le Phalanstere», t. II, p. 176—177.

¹⁶⁷ Ch. Fourier. La fausse industrie morcellee repugnante, mensongere, et l'antidote, l'industrie naturelle, combinee, attrayante, veridique donnant, quadruple produit (et perfection extreme en toutes qualites). Mosaique des faus proges, des ridicules et cercles vicieux de la civilisation. Parallele des deux mondes industriels, l'ordre morcele et l'ordre combine, v. 1—2. Paris, 1835—1836. Ch. Fourier. Oeuvres completes, v. VIII—IX.

¹⁶⁸ Ch. Fourier. Oeuvres completes, v. IX, p. 72.

¹⁶⁹ Ibid., p. 821.

¹⁷⁰ Ibid., v. VIII, p. 7, 8, 413, 426.

По мнению Фурье, «философы так плохо изучают нужды народа, что последняя секта демагогов разделилась вначале на два течения — Бюше и Анфантена. Первый говорил об умерщвлении плоти, второй — о ее реабилитации, но никто из них даже и не помышлял об удовлетворении наиболее насущных народных требований»¹⁷¹. Они теряли время на разговоры, вместо того чтобы действовать¹⁷². Фурье непрерывно повторяет, что не желает играть «банальную роль руководителя секты» и походить на фабрикатора оторванной от жизни социальной системы или основателя новой религии. Более всего он боится «быть причисленным к представителям сен-симонистской доктрины, противоречащей всем мечтам о гарантии собственности..., всем антитеократическим принципам наших многочисленных конституций».

Итак, мы видели, что начиная с 1802 г. и до последних лет жизни критическое освоение сен-симонизма было важным моментом в творческом развитии Фурье, заметной вехой на пути развития социализма от утопии к науке. Неопровержимые факты свидетельствуют, что К. Маркс и Ф. Энгельс не случайно относили Фурье и Сен-Симона к одному и тому же критически-утопическому направлению в утопическом социализме, хотя и указывали на существующие между ними различия¹⁷³.

5. СЕН-СИМОНИЗМ И ОУЭНИЗМ (постановка вопроса)

О некоторой необычности самого рассмотрения этой проблемы может свидетельствовать тот факт, что в книгах о Сен-Симоне имя Оуэна обычно не упоминается; соответственно и авторы, писавшие о великом английском социалисте-утописте¹, обходят вниманием Сен-Симона. О французском мыслителе молчит Ф. Подмор, книга которого остается самой подробной биографией Оуэна², об английском же мыслителе ни словом не обмолвились

д. Гуйе и Ф. Манюэл. Ф. Изамбер говорит об Оуэне дважды. В первый раз он отмечает сходство представлений Бюше и Оуэна о рабочих кооперативах³, а во второй — обращает внимание на «противоречие между "The Crisis" (газетой Оуэна) и „Le Phalanstere" (газетой Фурье) и одновременно — на их противоположность "сен-симонистскому монастырю" в трактовке вопроса о «частичной ассоциации»⁴.

П. Ансар один раз упоминает Р. Оуэна, когда противопоставляет «исторические и социологические работы» Сен-Симона «практицизму» его английского коллеги; при этом автор отрицает принадлежность обоих к критически-утопическому социализму⁵.

В работах советских историков дается марксистско-ленинская постановка этой проблемы. Во вступительной статье к «Избранным сочинениям» Р. Оуэна В. П. Волгин пишет: /Подобно Сен-Симону и Фурье Оуэн уверен, что науке об обществе, которую он строит, предстоит большое будущее, что она станет «наукой наук», открывает новую эру в истории человечества»⁶ УА. Р. Иоаннисян раскрыл социальные и идейные корни, общие идейные установки Сен-Симона, Фурье и Оуэна и одновременно подчеркнул, что «социалистические системы великих утопистов не были сходны между собой по своим конкретным принципам и деталям. Учение Сен-Симона, Оуэна и Фурье — это три разновидности утопического социализма. При этом каждая из них содержит ценные положения, прочно вошедшие в золотой фонд идей социализма и критически использованные К. Марксом и Ф. Энгельсом в научной теории социализма»⁷ /Некоторые сведения об отношениях английских и французских социалистов-утопистов содержатся в работе Т. М. Торицкыша⁸. Своеобразие идей Оуэна раскрыто в книге С. А. Саркисян⁹.

¹⁷¹ *Ch. Fourier*, La fausse Industrie... — *Ch. Fourier*. Oeuvres complètes, v. VIII, p. 74.

¹⁷² *Ibid.*, v. VIII, p. 75; v. IX, p. 387, 515.

¹⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 454—457.

¹ И. Н. Неманов. Некоторые итоги и проблемы изучения Роберта Оуэна. — В кн.: «История социалистических учений» (в печати).

² F. Podmore. Robert Owen. Biography. 2 ed. London, 1923.

³ F. Isambert. Politique, religion et science de l'homme, p. 84—85.

⁴ *Ibid.*, p. 88.

⁵ P. Ansart. Sociologie de Saint-Simon, p. 6.

⁶ Р. Оуэн. Избранные сочинения. М.—Л., 1950. Пер. с англ. и коммент. С. А. Фейгиной. Вступ. статья В. П. Волгина, т. 1, стр. 22.

⁷ А. Р. Иоаннисян. Шарль Фурье, стр. 14—15.

⁸ Т. М. Торицкыш. Учение Р. Оуэна и его влияние на распространение и развитие социалистических идей. Рязань, 1972.

⁹ С. А. Саркисян. Великий социалист-утопист Р. Оуэн. Ереван, 1974.

Конкретные факты об отношениях между сен-симонизмом и оуэнизмом недостаточно известны. В порядке предварительной постановки вопроса наметим некоторые направления поисков. Исходными историографическими материалами в таком исследовании прежде всего могут служить труды Панкхёрста о распространении идей сен-симонизма в Англии. К ним примыкают статья Фаррара и соответствующий раздел книги Факкара¹⁰. Исследования Панкхёрста представляют собой детальное описание деятельности сен-симонистов в Англии в 1828—1834 гг. Автор довольно подробно рассказывает о реакции английской прессы на появление сен-симонистских миссионеров, об их связях с Д. С. Миллем, Т. Карлейлем и другими деятелями; в ряде случаев он прямо касается отношения к этим миссиям оуэнистов". Пенкхёрст, либеральный позитивист по своим идейным позициям, полагает, что сен-симонизм родился после смерти Сен-Симона. Его не интересуют взаимоотношения Сен-Симона и Оуэна как представителей критически-утопического социализма, он лишь описывает в общем потоке факты, относящиеся «к странным миссиям сен-симонистов в Лондоне».

Самое поразительное в работах Панкхёрста — отсутствие свидетельств о знании трудов на смежные темы. Даже в главе, посвященной отношению к сен-симонистам Карлейля, нет и намека на специальные исследования, представляющие несомненный интерес как для характеристики английской общественной мысли в целом, так и для установления фактов, полезных для изучения взаимосвязей сен-симонизма и оуэнизма. Речь идет о работах Л. Казамиана, Е. Неффа, Д. Б. Коффера, Е. М. Мэрфи, Г. Шина¹².

¹⁰ R. Pankhurst. Saint-simonism in England.— «Twentieth Century», 1952, CLII, p. 499—512; СЫН, p. 48—58; *idem*. The saint-simonians Mill and Carlyle. A preface to modern Thought. London, 1957; P. Farrar. Le saint-simonisme en Angleterre.— «Economies et societes», 1970, № 10.

¹¹ R. Pankhurst. The saint-simonians..., p. 2, 4, 26, 36, 44—46, 47, 59, 60, 67—68, 70—71, 83, 99, 109, 113, 125, 132, 144—150.

¹² L. Cazamian. Carlyle. Les grands Ecrivains Etrangers. Paris, 1913; F. Neff. Carlyle and Mill. An Introduction to Victorian Thought. New York, 1926; D. B. Coffey. Saint-simonism in the Radicalism of Thomas Carlyle. Texas, 1931; E. M. Murphy. Carlyle and Saint-simoni-

Для советских историков надежным ориентиром при оценке всех этих работ служат труды К. Маркса и Ф. Энгельса¹³. Исследования Е. В. Гутновой и Н. А. Ерофеева¹⁴ вносят существенный вклад в марксистско-ленинское освещение проблем истории английской общественной мысли первой половины XIX в.

Связей сен-симонистов и оуэнистов касается Ж. Ган в большой статье об «Отношениях между, социалистами Франции и Англии в начале XIX в.»¹⁵ Таким образом, тема сен-симонизм и оуэнизм специально в зарубежной литературе не выделена, что отражает ложные представления об автономном, совершенно независимом развитии идей социализма в Англии и Франции, о противоположности «социологии Сен-Симона» «практицизму Оуэна». Однако содержащиеся в этой литературе факты свидетельствуют не только о различиях, но и о некоторых чертах сходства в творчестве двух великих социалистов-утопистов. Для освещения данной проблемы, помимо переписки Д. С. Милля и Т. Карлейля с Г. Эхталем¹⁶, а также некоторых свидетельств английской прессы, обычно привлекающихся для исследования, заслуживают большого внимания переводы трудов Р. Оуэна на французский язык, труды Сен-Симона и сен-симонистов — на английский язык, статьи о сен-симонизме в оуэнистской прессе, статьи об оуэнизме в периодических изданиях сен-симонистов, а также письма сен-симонистских миссионеров в Лондоне Фонтана и Прати¹⁷.

Сен-Симон и Оуэн не были знакомы. Но можно ли

ans.— «Studies in Philology», 1936, XXXIII. H. Shine. Carlyle and Saint-simonians. The concept of Historical Periodicity. Baltimore, 1941.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 572—597; т. 7, стр. 268, 279.

¹⁴ Е. В. Гутнова. Карлейль-историк.— «Вопросы истории», 1945, № 5, 6; Н. А. Ерофеев. Английская историческая наука 30-х — 40-х гг. XIX в.— В кн.: «Маркс-историк», М., 1968.

¹⁵ J. Gans. Les relations entre socialistes de France et d'Angleterre au debut du XIXsiede.— «Le mouvement social», 1964, № 46.

¹⁶ J.-S. Mill. Correspondance avec Gustave d'Echtal. Paris, 1898; F. E. Mineka. The Earlier Lettres of John Stuart Mill. 1812—1848. London, 1863; Carlyle et le saint-simonisme. Lettres a Gustave d'Echtal — «Revue historique», 1903, LXXXIII; T. Carlyle. The Lettres 1826—1836. London, 1889.

¹⁷ F. della Peruta. Note e documenti per la storia della idea sociali in Italia (1830—1849).— «Annali», 1960, III.

представить, что Сен-Симон ничего не слышал об Оуэне? Первое упоминание о нем в парижских газетах относится к августу 1817 г. (небольшая заметка в «Journal des debats»). В 1818 г. Оуэн приехал во Францию, чтобы передать руководителям «Священного союза» свои соображения об установлении мира между народами, о необходимости создать такое общество, в котором трудящиеся будут довольны своей судьбой. Он пробыл несколько недель в Париже, старался привлечь к себе внимание правительственных кругов, ученых, влиятельных лиц. 20 июня 1818 г. он был принят в Академию наук, передав ей два своих сочинения. Трудно поверить, что все это ускользнуло от внимания Сен-Симона. С другой стороны, не исключено, что Оуэну рассказали о трудах Сен-Симона, которые он опубликовал в 1815—1817 гг. и посвятил проблемам, не чуждым интересам его английского коллеги,—проблемам мира между народами, организации их мирной ассоциации.

После визита Оуэна во Франции появились первые переводы его работ и посвященные ему книги. Кроме упомянутого «Обращения к государям», при жизни Сен-Симона в Париже были опубликованы «Обращение к жителям Ланарка»¹⁸ и известный труд Г. Макнаба¹⁹. «Revue Encyclopedique» поместило на оба перевода рецензии²⁰. О книге Макнаба сообщил девятый номер за 1821 г. (стр. 321—325), там же (стр. 326—328) была помещена рецензия на работу Сен-Симона «Катехизис промышленников». Почти исключено, чтобы Сен-Симон, не избалованный знаками общественного внимания, читая эту рецензию, не обратил внимания на заметку о сочинении Макнаба. Что касается Оуэна, то он, разумеется, мог ничего и не знать об этой своей «встрече» с Сен-Симоном на страницах популярного французского журнала.

С 1825 г. материалы об Оуэне печатает «Le Produc-

teur»²¹ позднее статьи, написанные Ж. Рэем для четвертого и пятого томов, вышли отдельной брошюрой²². Для изучения связей сен-симонизма и оуэнизма большой интерес представляют протоколы «Семнадцатого заседания» сен-симонистской школы²³, статья в оуэнистской газете «The Crisis»²⁴ о преследованиях сен-симонистов, обращение сен-симонистов, опубликованное в газете «The Pioneer»²⁵, а также различные материалы о Сен-Симоне, помещенные в английском журнале «Quarterly Review»²⁶.

Перечисленные источники позволяют установить, что между наследием французского и английского мыслителя не было пропасти, что, несмотря на существующие между ними различия, они принадлежали к одному и тому же, критически-утопическому направлению в утопическом социализме первой половины XIX в. Не случайно Фурье объединял имена Сен-Симона и Оуэна в одном памфлете. Не случайно последователей того и другого мыслителей объединял английский буржуазный журнал: «Секта сен-симонистов во Франции, общины оуэнистов в Англии и Америке не отличаются в том, что самым главным принципом своего учения считают требование об отмене индивидуальной собственности и об установлении общности имущества»²⁷.

Столь же красноречиво относящееся к 1831 г. свидетельство К. Россера, одного из пропагандистов оуэнистских идей в Англии. «Секта сен-симонистов,—говорил он,—вызвала в столице Франции большой интерес и играет значительную роль. У сен-симонистов и учеников Оуэна одна и та же цель, одни и те же надежды, хотя их взгляды и не во всем полностью совпадают. Улучшение морального, умственного и физического состояния великого рода людского — главный их лозунг»²⁸. Единство

¹⁸ R. Owen. Institution pour ameliorer le caractere moral du peuple, ou Adresse aux habitants de New-Lanark en Ecosse. Paris, 1819.

¹⁹ H. Macnab. Examen impartial des nouvelles vues de M. R. Owen et de ses etablissements a New-Lanark en Ecosse. Paris, 1823.

²⁰ СМ. «Revue Encyclopedique», v. II, 1819; v. IX, 1821. О других публикациях, относящихся к Сен-Симону и Оуэну, см. «Revue Encyclopedique». Table generale, v. 2, p. 305, 439.

²¹ «Le Producteur», t. I, p. 138—141; t. II, p. 524—528; t. IV, p. 525—545; t. V, p. 129—160.

²² J. Rey. Lettres sur le systheme de la cooperation mutuelle d'apres le plan de M. Owen. Paris, 1828.

²³ Saint-Simon. Oeuvres, v. XVII.

²⁴ «The Crisis», 21.VI 1832.

²⁵ «The Pioneer», 8.II 1834.

²⁶ «Quarterly Review», XXII, XXVII, XLV, 1830; XLIV, 1832.

²⁷ «Quarterly Review», XLVII, 1832, p. 409.

²⁸ C. Rosser. Thoughts on the new era of society. A lecture delivered at Mr. Owen's institution, Barton street. Barton crescent, on Sunday,

целей, вытекающую отсюда возможность совместных действий сен-симонистов и оуэнистов Россер рассматривает как одно из доказательств того, что «нынешняя социальная эпоха близится к своему завершению»²⁹. Его рассуждения о связи различных эпох истории человечества, о зависимости общественных преобразований от предшествующего развития, о подчиненности человека и «человеческих институтов» общим законам природы³⁰ — один из примеров переключки некоторых теоретических идей последователей Сен-Симона и Оуэна.

Глава III

БУРЖУАЗНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕН-СИМОНИЗМА

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как уже отмечалось, историка-марксиста прежде всего интересует отношение к сен-симонизму Анфантена и Базара, ибо именно с их творчеством, с деятельностью руководимой ими сен-симонистской школы связаны пропаганда и развитие идей Сен-Симона после его смерти. Не менее важно и отношение к этим идеям Фурье и Оуэна, действовавших в одно время с Сен-Симоном. Сравнительное изучение их наследия помогает понять творчество самого Сен-Симона, значение его критически-утопического социализма в истории общественной мысли XIX в. Той же цели послужит установление фактов об отношении к сен-симонизму течений, враждебных социализму.

В плеяде либеральных историков первой половины XIX в. Огюстен Тьерри более других близок к сен-симонизму. В 1814—1817 гг. он — секретарь, ученик, сотрудник и соавтор Сен-Симона. После разрыва с учителем Тьерри применил некоторые его общетеоретические и исторические идеи к анализу прошлого человечества, используя их в условиях Реставрации для обоснования притязаний буржуазии на экономическое, политическое и идеологическое руководство обществом. Благодаря трудам Тьерри многие видоизмененные идеи Сен-Симона стали достоянием широкой читательской аудитории. Самыми своими смелыми и глубокими мыслями этот ли-

evening, november 13th, 1831. On the new era of society, p. 5—6. Фотокопия этой редчайшей брошюры получена нами по международному абонементу Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина из библиотеки Гейдельбергского университета.

²⁹ C. Rosser. Op. cit, p. 6.

³⁰ Ibid., p. 6—8.

берал обязан представителю критически-утопического социализма.

Исследование характера связей между воззрениями Сен-Симона и Огюста Конта, сменившего в 1817—1824 гг. Тьерри на посту секретаря Сен-Симона, ведет нас к сложнейшему вопросу о противоположности между позитивизмом и утопическим социализмом. Оспорить факт, что отец позитивизма многому научился у одного из создателей критически-утопического социализма, невозможно. Это не дает, однако, оснований для превращения самого Сен-Симона либо в основателя, либо в предтечу позитивизма и буржуазной социологии. По нашему мнению, Конт в своих сочинениях лишил сенсимонизм черт критически-утопического социализма, сумел приспособить некоторые его теоретические достижения для обоснования философии и социологии позитивизма. «Позитивное» в контизме — самая попытка подойти к изучению общества как к научной проблеме и установить ряд положений, не лишенных черт исторического реализма,— заслуга не Конта, а Сен-Симона.

Взаимоотношения сенсимонизма и социального католицизма, утопического социализма и религии лучше всего осветить на примере того, как понимал наследие Сен-Симона его ученик Ф. Бюше, который был участником сенсимонистского движения в 1825—1829 гг. и вместе с тем сыграл важную роль в истории социального католицизма. Нам кажется, что суть вопроса не в сходстве так называемых социально-религиозных идей Сен-Симона и социально-католических воззрений Бюше, о чем толкуют клерикально настроенные авторы, а в освоении и переосмыслении учеником на основе веры в сверхъестественное некоторых теоретических построений учителя. Пример Бюше показывает, что католицизм становится «социальным» в той мере, в какой ему удается, оставаясь самим собой, поступиться религиозной сверхъестественной сущностью в пользу идей социальных реформаторов, в частности идей Сен-Симона.

2. СЕН-СИМОН И ТЬЕРРИ (К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ СЕН-СИМОНИЗМА НА ИСТОРИКОВ ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ)

Авторы, писавшие о Сен-Симоне, обычно касались его сотрудничества с О. Тьерри. Наиболее содержательны в этом отношении разделы в трудах Ж. Вейля, Ив. Иванова, Ж. Дюма, М. Леруа, А. Гуйе, Ф. Манюэла. Все они опираются в основном на факты, изложенные еще издателями «Собрания сочинений Сен-Симона и Анфантена», излагают содержание их совместных работ¹, главным образом первой, приводят соображения о причинах их разрыва. Однако никто из них не устанавливает, какие именно идеи сенсимонизма Тьерри воплотил в историографии, и не объясняет, почему, несмотря на разрыв, несмотря на неприязнь к идеям социализма, он ни единым словом не осквернил памяти учителя; почему, умолчав вначале о своих связях с ним, он хотел, тем не менее, написать специальную статью «Мои отношения с Сен-Симоном», почему он навесил учителя после попытки последнего покончить с собой; почему подарил ему позднее один из первых экземпляров своей «Истории завоевания Англии норманнами», почему присутствовал на похоронах Сен-Симона?² Благородство души? Широта

¹ De la reorganisation de la societe europeenne», par M. le Comte de Saint-Simon et par M. A. Thierry son eleve. Paris, octobre 1814. В ноябре того же года появилось второе издание этой брошюры: *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 1 (XV); Opinion sur les mesures a prendre contre la coalition de 1815, par H. Saint-Simon et A. Thierry. Paris, 18 Mai 1815.— *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 6; L'industrie litteraire et scientifique liguee avec l'industrie commerciale et manufacturiere ou Opinion sur les finances, la politique, la morale et la philosophie, dans interet du tous les hommes livres a des travaux utiles et independents, t. 1, part 2. Politique. Par A. Thierry, fils adoptif de H. Saint-Simon. Paris, Janvier 1817. В мае того же года появилось второе издание под измененным заглавием: — *Industrie ou discussions politiques morales et philosophiques. Dans interet de tous les hommes livres a des travaux utiles et independents*, t. 1, part. 2, Politique. Par A. Thierry, fils adoptif de H. Saint-Simon. Paris, mai 1817. В этом издании появился знаменитый эпиграф: «Tout par industrie tout pour elle»,— *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 1 (XVIII).

² CM. A. Thierry. Dix ans d'etudes historiques. Preface. Paris, 1834. A. Bazard. Consideration sur l'histoire.—«Le Producteur», 1826, v. IV, p. 395—396; G. Hubbard. Saint-Simon. Sa vie et ses travaux. Paris, 1857, p. 105.

натуры? Память щедрого сердца? Бесспорно. Но дело, видимо, не только в этих столь ценимых потомками свойствах Тьерри.

После прекращения совместной работы многие идеи учителя стали для Тьерри словно собственными или сохранили значение бесспорной истины. К их числу следует прежде всего отнести мысли о мире и сотрудничестве между народами, мысли, которые они вместе обдумывали и излагали.

Работы Тьерри лишь отчасти облегчают решение этих вопросов. Соотечественники знаменитого историка посвятили ему немало блестящих эссе³, виртуозно составленных речей⁴, статей по частным вопросам⁵, но так и не написали монографии, сравнимой, например, с исследованием Моно о Мишле. Две посвященные Тьерри книги⁶ — скорее популярные, чем научные работы. Чтобы составить представление о том, в какой мере их авторы опирались на источники, мы просмотрели документы о Тьерри, хранящиеся в Библиотеке Арсенала⁷, и полагаем, что они не были использованы.

Освещение вопроса об отношениях Тьерри и Сен-Симона в некоторых из перечисленных работ не может нас

удовлетворить. Первые литературные связи, правда, лишь по случайному стечению обстоятельств, писал Э. Ренан, установились у Тьерри именно с Сен-Симоном⁸. На этом нельзя ставить точку. Следует сказать, какое значение имел этот «случай» в творческой биографии Тьерри. Другой автор, излагая замысел статьи о публицистической деятельности Тьерри 1819—1820 гг., писал, что, прежде чем стать великим историком, Тьерри был замечательным журналистом. «Пережив свой короткий сен-симонистский кризис», в 1817 г. он начал сотрудничать в газете «*Le Censeur europeen*», в 1819 г. она слилась с «*Le Courrier frangais*»; здесь и печатались знаменитые «Письма по истории Франции»⁹. Думается, есть некая несообразность в позиции исследователя, который скрупулезно изучает один год жизни Тьерри, а четыре других почему-то считает кратким кризисом.

А вот схема Г. Аното, предложенная им в предисловии к книге «*Augustin Thierry d'apres sa correspondance et ses papiers de famille*». Едва Тьерри исполнилось 20 лет, как он стал секретарем Сен-Симона. Когда в конвульсиях рушилась наполеоновская империя, он написал под диктовку своего патрона, этого «последнего дворянина и первого социалиста», памфлет «О реорганизации европейского общества», предусматривающий в рамках подновленных идей аббата Сен-Пьера сообщество наций и свободный плебесцит, который позволяет каждому народу располагать самим собой. Однако Сен-Симон слишком забежал вперед. «Этот разорившийся дворянин в конце концов отрекся от земных дел, и прежде всего от самого себя. В англосаксонских странах он познал величие индустрии. Из этой неудобаримой мешанины вскоре им было сфабриковано «Новое христианство». Огюстен Тьерри ощущал несправедливость своего положения, чувствовал, что завален работой. Он был угнетенным, его учитель — угнетателем, феодалом-завоевателем, невыносимым тираном. Разрыв между ними был неизбежен. Тьерри обрел свободу и своими работами по истории утвердил себя в качестве метра новой плеяды историков»¹⁰. Каждую из этих фраз, за исключением по-

³ E. Renan. M. Augustin Thierry.— In: E. Renan. Oeuvres complètes. Paris, 1948, v. II, p. 86—109; A. de Jubanville. Deux manieres d'ecrire l'histoire. Paris, 1896; G. Jullian. Augustin Thierry et le mouvement historique sous la Restauration.— «Revue de Synthese historique», 1906.

⁴ Le centenaire d'Augustin Thierry. Blois, 1885; F. Albert-Buisson et R. Fawtier. Celebration du centenaire de la mort d'Augustin Thierry. Paris, 1956.

⁵ Ch.-M. de Granges. Notes romantiques. Augustin Thierry journaliste, d'apres des documents inedits (1814—1820).— «Revue d'Histoire litteraire de la France», 1905, t. 12, p. 611—627; E. Harpaz. Sur un ecrit de jeunesse d'Augustin Thierry. Paris, 1952.

⁶ F. Valentin. Augustin Thierry. Paris, 1895; A. Augustin-Thierry. A. Thierry (1795—1856), d'apres sa correspondance et ses papiers de famille. Preface de G. Hanotaux (блестяще написанное «Предисловие» вошло во второй том известного труда Г. Аното «О путях истории» (Sur les chemins de l'histoire. Paris, 1924).

⁷ Bibliotheque de l'Arsenal. D. m., 3461/57—59 — письма жены, относящиеся к 1836 и 1844 гг.; 13468/14—37 — Договор 1828 г. о переиздании «Истории завоевания Англи норманнами», 22 письма Тьерри к его другу, художнику Анри Шефферу, продиктованные историком или написанные от его имени в 1828—1846 гг. Письмо, адресованное Огюстену Тьерри и подписанное буквой «р», от 21 ноября 1825 г.; 13522/1—6—шесть писем-автографов Тьерри 1848—1850 гг. к графине и графу Сиркур (Circourt).

⁸ E. Renan. Op. cit., p. 94.

⁹ Ch.-M. de Granges. Op. cit., p. 611.

¹⁰ U. hanotaux. Op. cit., A. Augustin Thierry. Op. cit., p. VI—VII.

следних, можно оспорить. Обратим внимание только на хронологическую путаницу. «Новое христианство» было написано Сен-Симоном не вскоре после брошюры «О реорганизации европейского общества», а лишь через 11 лет и не до разрыва между учеником и учителем, а 8 лет спустя.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса содержится высокая оценка вклада Тьерри и других историков эпохи Реставрации в развитие науки, в особенности в разработку концепции общественных классов и классовой борьбы. «Мне не принадлежит ни та заслуга,— писал 5 марта 1852 г. К- Маркс Вейдемейеру,— что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой, буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов»¹¹. К. Маркс советует в этой связи изучать исторические работы Тьерри и Гизо¹². К числу историков, которые постоянно указывают на борьбу классов «как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков», Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» отнес Тьерри, Гизо, Минье и Тьера¹³.

И все-таки в трудах основоположников научного социализма наибольшее внимание уделяется Тьерри. В письме Ф. Энгельсу 27 июня 1854 г. К- Маркс пишет, что его очень заинтересовала книга Тьерри «История происхождения и успехов третьего сословия»: «Удивительно, как этот господин, отец «классовой борьбы» во французской историографии, негодует в предисловии на «новых», которые теперь также видят антагонизм между буржуазией и пролетариатом и находят следы этой противоположности уже в истории третьего сословия до 1789 г. Он изо всех сил старается доказать, что третье сословие включает в себя все сословия, кроме дворянства и духовенства, и что буржуазия играет роль представительницы всех этих остальных элементов»¹⁴.

В работе «Государство и революция» В. И. Ленин писал, что К- Маркс, определяя свое отношение к назван-

ным историкам, смог «выразить с поразительной рельефностью... главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии»¹⁵.

Специальные работы, посвященные Тьерри и историкам эпохи Реставрации, принадлежат Г. В. Плеханову¹⁶, который первый в русской литературе обратил внимание на несомненную связь их концепций с идейным наследием Сен-Симона. «Насколько новы и широки,— были его [Сен-Симона] взгляды, видно из того, что его ученик Огюстен Тьерри мог совершить чуть ли не целый переворот в разработке французской истории. Сен-Симон держался того мнения, что и Гизо заимствовал у него свои взгляды»¹⁷. Советские историки — О. Л. Вайнштейн, М.А.Алпатов, Б. Г. Реизов, В. М. Далин — опубликовали о Тьерри интересные статьи¹⁸, раскрывающие с марксистско-ленинских позиций его роль в истории общественной мысли. В каждой из этих статей содержатся материалы, кратко характеризующие отношения Тьерри и Сен-Симона.

Попытка определить степень разработки данной проблемы в специальной литературе заставляет согласиться с В. М. Далиным, который писал: «Вопрос о том, какую роль сыграл в формировании этих новых воззрений (французских историков времен Реставрации.— Г. К.) Сен-Симон, с которым О. Тьерри в 1814—1817 гг. был весьма близко связан, остается до сих пор недостаточно выясненным»¹⁹.

Еще несколько историографических замечаний. В работах специально рассматривающих представления Сен-

¹⁵ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 33, стр. 34.

¹⁶ В. Г. Плеханов. Французские историки времен Реставрации.— В. Г. Плеханов. Соч., т. VII; его же. Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории.— Там же, т. VIII.

¹⁷ Там же, т. VII, стр. 87.

¹⁸ О. Л. Вайнштейн. Огюстен Тьерри.— В кн.: О. Тьерри. Избранные сочинения. М., 1937; М. А. Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.— Л., 1949; его же. Утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы.— Сб. «Из истории социально-политических идей». М., 1955; Б. Г. Реизов. Французская романтическая историография. Л., 1956; В. М. Далин. Французские историки эпохи Реставрации.— В кн.: «Маркс-историк». М., 1968.

¹⁹ В. М. Далин. Указ. соч., стр. 8.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 424—425.

¹² Там же, стр. 423.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 308.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 321.

Симона о мире между народами²⁰, Тьерри упомянут лишь мимоходом. При этом нередко высказывается мысль, что Сен-Симон, осуждая войны, меньше всего выступает как социалист; прагматизм, пацифизм, либеральные мечты о всеобщем благе — вот будто бы наиболее подходящие термины для описания его идейных устремлений.

Три главы монографии Ф. Манюэла, в которых рассматривается творчество Сен-Симона 1814—1817 гг., носят общее название «На службе у доброго буржуа». Академик Ж.-Дави в статье «Сомнения относительно интерпретации Сен-Симона», касаясь его проектов реорганизации европейского общества, без тени сомнения пишет: «В тот момент речь шла не о создании социологии или теоретическом обосновании социализма, но о том, чтобы привлечь на свою сторону Францию, европейский континент и с помощью политики установить мир во имя процветания и счастья»²².

Приведем в связи с этим высказыванием отрывок из прокламации 1832 г.: «Известно, что доминирующей идеей этой (т. е. Сен-Симона) странной, малопонятной философии является реорганизация европейского общества»²³.

Уже в первом крупном сочинении — «Письма женевского обитателя»²⁴ — Сен-Симон считал прекращение

войн и мир между народами важнейшим элементом грядущего справедливого общества. Как только будут проведены выборы в предлагаемый им «главный совет Ньютона», «бог войны покинет Европу, чтобы никогда не возвращаться». Свой план социальных преобразований он рассматривал как средство, как условие воплощения в жизнь идей мира²⁵.

В «Очерке науки о человеке», который был написан в конце 1813 г.²⁶ и который Ж. Вейль²⁷ считал одним из наиболее важных произведений Сен-Симона для суждения о его вкладе в создание «позитивной философии» и теории исторического процесса, концепция мира и сотрудничества народов Европы излагается достаточно развернуто. «Остановлюсь, — писал Сен-Симон, — на кризисе, в котором мы сейчас находимся, и скажу, что этот кризис (крайне жестокий, так как вся Европа объята пламенем войны и армии обеих сторон состоят из многих миллионов людей) несомненно обусловлен причиной величайшего значения. Причина же, могущая наиболее сильно действовать на общество, — изменение, совершенствование общей идеи, общей веры»²⁸. Далее автор поясняет: «Французская революция начинается несколько лет спустя после издания Энциклопедии... Англия и Франция возобновляют каждая на свою ответственность попытку Карла V и Людовика XIV подчинить всех жителей Европы светской власти. Соперничество, которое между ними возбуждает это намерение, приводит к войне, охватившей все европейские народы»²⁹. Восстановление

²⁰ / J. L. Puech. La société des nations et ses précurseurs socialistes: Le Compte C.-H. de Saint-Simon. — «Revue politique et littéraire», 1921; E. Eichthal. Les idées de Henri Saint-Simon sur la paix européenne. — «Académie des sciences morales et politiques. Séances et travaux», 1925, 2ème partie; M. Leroy. La société professionnelle des nations. Un projet d'Henri de Saint-Simon. — «Europe», V, 1924; H. De Jouvenel. Le Comte de Saint-Simon et la reorganisation de la société européenne. — «Revue de Paris», 1925; И. С. Андреева. Сен-Симон и идея вечного мира. — «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 4.

²¹ In the service of the good bourgeois. — F. Manuel. Op. cit., p. 171—206.

²² G. Davy. Doutes sur l'interprétation de Saint-Simon. — «Revue Internationale de philosophie», 1960, N 53—54; p. 314.

²³ Bibliothèque Nationale. D. m. N. acq. fr. 24614, f. 376.

²⁴ Первое издание было опубликовано в 1802 г. в Женеве. См. P. Martin. Saint-Simon et sa Lettre d'un habitant de Genève à l'humanité. — «Revue d'histoire suisse», t. V, 1925, p. 477—497; второе — под измененным заголовком — появилось без указания места, даты и имени автора. См. Saint-Simon. Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains (1803) réimprimées conformément à l'édition ori-

ginale. Int. par A. Pereire. Paris, 1925. Сообщение о нем было напечатано в «Journal typographique et bibliographique» 17 октября 1803 г. — это помогло установить место и время второго издания. Найденное в 1863 г. письмо Сен-Симона Наполеону позволило решить вопрос об авторе «Писем женевского обитателя». См. Saint-Simon. Oeuvres, v. 1 (XV), p. 7—10.

²⁵ Saint-Simon. Oeuvres, v. 1 (XV), p. 23, 56.

²⁶ Впервые «Очерк науки о человеке» и примыкающий к нему «Труд о всемирном тяготении» были опубликованы в 1859 г. в 40-м томе «Oeuvres complètes de Saint-Simon et d'Enfantin». Второе сочинение посвящено Наполеону с пометой «декабрь, 1813 г.», здесь же сказано, что недавно Сен-Симон обнародовал «Очерк науки о человеке». См. Saint-Simon. Oeuvres, v. 1 (XV), p. 138; v. 5 (XL), p. 277.

²⁷ O. Weill. Op. cit., p. 74.

²⁸ Saint-Simon. Oeuvres, v. 5 (XL), p. 161.

²⁹ Ibid., p. 194—195,

мира мыслится как необходимое условие социального преобразования в целом. «Какими средствами можно ускорить прогресс наук? Этот вопрос заключает в себе другой: какими средствами можно восстановить спокойствие в Европе, преобразовать все европейское сообщество и улучшить жизнь человеческого рода?»³⁰.

Проблем внешней политики Сен-Симон касается и в другом «социологическом» сочинении — «Труде о всемирном тяготении», причем не только в посвятельном письме Наполеону, но и в самой работе. Он исходит из необходимости «возбудить и сосредоточить внимание общества на изыскании средства всеобщего примирения». С этой целью он предлагает организовать всемирный конкурс³¹.

Две мысли будут общими для этих проектов, а именно: народы Европы должны объединить свои усилия, чтобы принудить англичан признать свободу плаванья; Франция должна вернуться к своим естественным границам. Если же Наполеон не откажется от завоеваний, то он разорит Францию и поступит вопреки стремлению своих подданных³². Сен-Симон не обольщается тем, что его проект будет с радостью принят. «Предлагаемая мною мера,— замечает он с грустью,— может с первого взгляда показаться философским бредом, похожим на проект вечного мира аббата Сен-Пьера». И тем не менее «идея всемирного тяготения послужит основой новой философской теории, а новая политическая система в Европе явится следствием новой философии»³³. Как только первый эскиз новой теории будет сделан, «появится возможность уничтожить ужасный бич всеобщей войны и преобразовать европейское сообщество — вот единственный философский вопрос, заслуживающий ныне внимания ученых»³⁴.

Таким образом, вопросы войны и мира трактуются как составная часть необходимых общественных преобразований и в «Письмах женевого обитателя», и в наиболее абстрактных трудах Сен-Симона, созданных к концу 1813 г., т. е. еще до сотрудничества с Тьерри.

Думается, этот вывод вносит существенный корректив в предложенную К. Бугле и ставшую для иных авторов почти догмой схему идейной эволюции Сен-Симона «от сциентизма к пацифизму, от пацифизма к индустриализму, от индустриализма к социализму, от социализма к «новому христианству»³⁵.

Идея мирной ассоциации народов, равно как критика складывающегося капиталистического общества, поиск альтернативы реально существующему капитализму, нарастающее понимание противоположности интересов собственников и пролетариев, стремление анализировать общественные явления с научных позиций проходят в той или иной форме через все творчество великого социалиста-утописта и свидетельствуют, что между обозначенными Бугле пятью фазами сен-симонизма нет разрыва.

Материальное положение Сен-Симона к концу 1813 г. было чрезвычайно тяжелым. «Вот уже две недели,— писал он,— как я сижу на хлебе и воде, работаю в нетопленной комнате; я все продал, вплоть до одежды, чтобы оплатить издержки на переписку моих трудов». Речь идет, в частности, и об оплате 60 списков «Очерка науки о человеке», предназначавшихся многим ученым, а также богатым и влиятельным людям³⁶. Отсутствие денег не позволяло ему напечатать свои сочинения 1813 г. Один из этих экземпляров был послан Тьерри, о чем мы узнали из письма будущего историка Сен-Симону от 13 января 1814 г.³⁷ «Объявив сразу цель и план труда, можно отпугнуть читателей, не обладающих прочными навыками к умственным занятиям и мало способных вследствие этого возвыситься до понимания слишком абстрактной истины. Таким образом,— предупреждал Тьерри,— я полагаю, что было бы весьма кстати вначале ознакомить только с «Очерком науки о человеке», а уже потом объяснять, ради чего он был написан». Тьерри

³⁵ «Doctrine de Saint-Simon. Exposition Premiere annee. 1829». C. Bougie et E. Halevy. Preface. Paris, 1924, p. 20.

³⁶ Saint-Simon. Oeuvres, v. 1 (XV), p. 137. Здесь указано, что данный отрывок написан в 1812 г. На самом деле это часть письма, которое должно было прилагаться к «Очерку науки о человеке» и «Труду о всемирном тяготении» при их рассылке, следовательно, относится к концу 1813 г.

³⁷ Saint-Simon. Oeuvres, v. 1 (XV), p. 150—151.

³⁰ Saint-Simon. Oeuvres, v. 5 (XL), p. 196.

³¹ Ibid., p. 214—215.

³² Ibid., p. 215—216.

³³ Ibid., p. 217.

³⁴ Ibid., p. 304.

положительно оценивает труд Сен-Симона: «Эта история прогресса человеческого разума, целиком покоящаяся на фактах и содержащая новые, искусно обоснованные идеи, привлечет внимание читателей и, быть может, подготавливает их, не вызывая особого удивления, к восприимчивости мыслей, которые за ней последуют». Далее он благодарит Сен-Симона за предложение стать его секретарем и, соглашаясь сотрудничать, просит не сообщать об этом редакторам газет, ибо он, Тьерри, преподает в школе, а статус школьного учителя не позволяет становиться предметом всеобщего внимания. В заключение сказано: «Разрешите, милостивый государь, поздравить моего друга Пекле с тем счастливым случаем, который свел его с Вами».

Как могло случиться, что один из 60 списков, стоивших таких материальных жертв, попал к 19-летнему преподавателю истории в провинциальном Компьене? Обычно ограничиваются указанием, что Пекле, упомянутый в письме Тьерри, по-видимому, посоветовал Сен-Симону сделать это. Быть может, так и было. Нельзя исключить, хоть это и не подкреплено ссылками на источники, что Сен-Симон и Тьерри еще в 1812 г. были знакомы, что они состояли в переписке после отъезда Тьерри в Компьен, что Сен-Симон неоднократно предлагал ему стать его секретарем³⁸. Однако недавняя статья Ж. Бартье³⁹ и подготовленная им публикация документов помогают прояснить вопрос о том, когда завязались отношения между Тьерри и Сен-Симоном.

Ж. Бартье пишет, что Шарль-Этьен Гиллери, проживший два года в Эколь Нормаль, был 25 октября 1813 г. назначен преподавателем математики в Валансьенн. Он думал, что ненадолго покидает Париж, но в действительности провел почти всю жизнь в Бельгии. На его похоронах в Брюсселе 4 мая 1861 г. Теодор Вархаеген сказал, что покровителем и другом Гиллери был знаменитый «граф Сен-Симон». Гиллери «долгие годы был секретарем Сен-Симона, выполняя его особые поручения, а когда покинул его, то оставил своим преемником Огюстена Тьерри»⁴⁰. Эти слова подтверждаются факта-

ми Тьерри и Гиллери были однокурсниками. Мы знаем, что Сен-Симон кому-то платил за переписку рукописей. Вот его письмо от 27 июня 1813 г. студенту Эколь Нормаль Гиллери: «Работа над завершением предисловия, мой дорогой Шарль, затянулась больше, чем я предполагал, и требует более долгого обдумывания. Прошу вас изготовить список как можно быстрее. Не сшивайте тетрадь, иначе вы не завершите работу или в ней окажутся погрешности. Пока вы не получите конец этого предисловия, оставьте для него необходимые страницы, дабы все попало в одну тетрадь на свое место»⁴¹.

А в письме ему же, посланном 16 апреля 1814 г. в Валансьенн, есть приписка: «Тьерри, о котором Вы пишете, очаровательный молодой человек. Мы работаем вместе»⁴². Видимо, Гиллери рекомендовал Сен-Симону своего однокурсника Тьерри и посоветовал послать ему список «Очерка науки о человеке».

В январе 1814 г. австрийцы оккупировали Компьен. Тьерри лишился места учителя и уехал в Париж, не имея ни средств, ни связей в столице, кроме знакомств по Эколь Нормаль⁴³. А в апреле Сен-Симон и Тьерри уже работают вместе.

Благодаря Ж. Бартье мы знаем, что до Тьерри, Конта, Алеви секретарем Сен-Симона был Гиллери. Добавим, что существовал пятый секретарь, имя которого пока не установлено.

В своей «Заметке о Сен-Симоне и его учении»⁴⁴ этот аноним пишет: «Я познакомился с ним (с Сен-Симоном.— Г.К.) в 1814 г., как и с г. Огюстеном Тьерри, его приемным сыном; иногда я работал для них. В 1816 г. он предложил мне стать его секретарем».

Эти факты показывают, сколь не оправдана категоричность и двусмысленность утверждения Ф. Манюэла: «Начиная со времени знакомства с Тьерри и до самой смерти... Сен-Симон никогда не работал один. Рядом с ним всегда были блестящие молодые люди, которые

⁴¹ Ibid., p. 335—339.

⁴² Ibid., p. 351.

⁴³ A. Augustin-Thierry. Op. cit., p. 18.

⁴⁴ См.: «Notice sur Saint-Simon et sa doctrine et sur quelques autres ouvrages qui on seraient le developpement par son ancien secretaire». — «Bibliothèque historique de la ville de Paris, D. m., CP. 3704. Cp. A. Pereire. Autour de Saint-Simon. Paris, 1912, p. 173—203.

³⁸ A. Augustin-Thierry. Op. cit., p. 20, 23—24.

³⁹ J. Bartier. Des amis inconnus de Saint-Simon: Les Guillery.— «Economies et societes, 1970, N 6, p. 335—336.

⁴⁰ Ibid., p. 335—339.

именовались «секретарями», «учениками» или «приемными сыновьями» и должны были писать под диктовку, править рукописи, подготавливать первые варианты работ, основываясь лишь на произнесенных учителем монологах»⁴⁵. Мы видим, что у Сен-Симона были помощники и до Тьерри, причем занимались они обычными секретарскими делами. Были среди них «блестящие» и «менее блестящие» люди.

Итак, в начале 1814 г. Тьерри стал секретарем Сен-Симона. Уже в октябре увидел свет труд «О реорганизации европейского общества», авторами которого были «Сен-Симон и его ученик Тьерри», в мае 1815 г. появилась брошюра «О мерах против коалиции 1815 г.», авторы которой выступали вполне равноправно. (А. Сен-Симон и О. Тьерри, т. е. без слов «его ученик».) В январе 1817 г. была издана вторая часть «Индустрии», посвященная политическим вопросам, автором ее назван один Тьерри с добавлением: «приемный сын Анри де Сен-Симона».

Конечно, во всех этих обозначениях авторства можно усмотреть и укрепление близости между учителем и учеником, и рост самостоятельности Тьерри. Вскоре после второго издания «Индустрии» (май 1817 г.) между Сен-Симоном и Тьерри произошел разрыв. Рассуждения о его причинах можно встретить у многих авторов. Думается, правы те, кто указывает на глубокие идейные корни этого разрыва. Весьма существенным считаем мы, то, что начиная с 1817 г. усиливается социалистически-утопическая тенденция в творчестве Сен-Симона: он более резко критикует капиталистическую систему, все более определенно говорит о неоднородности третьего сословия и об особых интересах рабочего класса. И тем не менее полного разрыва не произошло. На это, к сожалению, обращают мало внимания.

Выше мы отмечали, что если совместная работа Сен-Симона и Тьерри и прервалась летом 1817 г., то все же они сохраняли вполне лояльные отношения.

Все три написанных в соавторстве сочинения продолжают и конкретизируют концепцию мира и сотрудничества народов, содержащуюся уже в первом крупном произведении Сен-Симона и очерченную со всей определен-

ностью в трудах, завершенных к концу 1813 г. Первая работа — записка монархам, собравшимся на Венский конгресс. Авторы полагают, что реорганизация Европы должна стать целью и конечным результатом усилий всех философов и писателей XIX в.⁴⁶ Их брошюра — важный шаг в создании «организующей философии», призванной избавить Европу от войн и обеспечить мирное сотрудничество народов". В этом сочинении формулируются некоторые основополагающие принципы сен-симонистской «социологии». «Все науки — не что иное, как ряд проблем, подлежащих решению, одна наука от другой отличается лишь характером проблем. Таким образом, метод, приложенный к одной из них, должен подходить ко всем остальным, ибо как инструмент познания он совершенно независим от исследуемых объектов и ничего не меняет в их природе. Более того, благодаря такому методу всякая наука приобретает достоверность, превращаясь из предположительного (*conjectural*) в позитивное (*positive*) знание. Причем это приходит после долгих веков тьмы и заблуждений.

До сих пор метод опытных наук не использовался при рассмотрении политических вопросов: каждый приносит сюда свою манеру видеть, думать, судить. Именно поэтому в данной области нет ни точности решений, ни повторяемости результатов. Настало время вывести науку из младенческого возраста; это весьма желательно, ибо неясность в политических вопросах порождает потрясение социального строя»⁴⁸. Далее следует вывод: «Метод точных наук должен быть применен к политике. Рассуждение и опыт — элементы этого метода... Опыт необходим для подтверждения того, что доказано логическим путем»⁴⁹.

Эти теоретические положения убеждают, что рассмотрение обеих «социологических» проблем — органическая часть тех сочинений Сен-Симона, которые рассматриваются рядом зарубежных авторов как проявление беспринципного прагматизма.

Вторая из интересующих нас работ — призыв к народам Франции и других стран Европы о мирном сотруд-

⁴⁶ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 1 (XV), p. 182—183.

⁴⁷ *ibid.*, p. 195.

⁴⁸ *ibid.*, p. 182—183.

⁴⁹ *ibid.*, p. 159.

ничестве, третья — теоретический трактат, имеющий следующий подзаголовок: «О народах и их взаимоотношениях; какими были эти отношения в разные эпохи, каковы они сейчас и каковы их принципы на будущее».

Произведения дополняют друг друга и могут быть проанализированы вместе. Авторы исходят из признания важности внешнеполитического аспекта в жизни народов, важности как внутренней так и внешней политики⁵⁰ и полагают, что тот и другой принципы должны быть «установлены точно и непоколебимо»⁵¹.

«Мы полагаем, что политика, которая когда-то была уделом кабинетов, принадлежит теперь народам. Общественное мнение отныне — активная сила; оно не только контролирует, но и диктует, не только регулирует, но и сообщает политике определенное направление»⁵². Если невозможен союз между правительствами, необходимо воздействовать на народы⁵³. Видная роль принадлежит здесь философам и писателям, ибо они «господствуют над общественным мнением, а общественное мнение правит миром»⁵⁴.

В истории народов и государств всегда действовал принцип противостоящих коалиций, который «приводил к бесконечным войнам»⁵⁵. Особенно это относится ко временам, наступившим после Реформации, которая уничтожила прежнее религиозное единство, и Вестфальского мира, разделившего Европу на два равновеликих и потому соперничающих союза государств. «Именно с Вестфальского мира война становится обычным явлением в жизни Европы»⁵⁶.

В этих условиях Англия ради обеспечения собственного господства противилась процветанию остальных государств, проводила жесткую политику в отношении народов континентальной Европы, поддерживая «пресловутое равновесие сил», которое есть не что иное, как умаление могущества одних стран с помощью других⁵⁷.

В полном соответствии с предыдущими и последующими работами Сен-Симона авторы утверждают, что XVIII столетие, век философии, век «Энциклопедии», подготовил Французскую революцию, которая разрушила старый феодально-теологический порядок и повлекла за собой продолжавшиеся более четверти века войны⁵⁸. Авторы говорят о страсти Наполеона к завоеваниям. Императору удалось подчинить народы Европы и противопоставить Англии почти весь континент. Франция сражалась с коалициями, но они являлись лишь ответом на аналогичные действия французов в наполеоновскую эпоху⁵⁹. Более того, «в 1814 и 1815 гг. правое дело цивилизации объединило народы Европы в борьбе с правительством Франции... надевшим на соседей военное ярмо»⁶⁰. Важное значение имело при этом заявление участников последней антинаполеоновской коалиции: «Да здравствует Франция, да будет она великой и свободной, ее существование необходимо для Европы!»⁶¹.

После кровавой эпохи наполеоновских войн «монархи всех европейских народов собрались в Вене, чтобы дать Европе мир»⁶². Однако Венскому конгрессу вряд ли удастся это сделать, так как «ни одному из участников его не поручено рассматривать проблемы с общей точки зрения»⁶³. Принципу коалиции, национального эгоизма и войны должна быть противопоставлена идея всеобщего объединения, сотрудничества и мира. «Несомненно, наступит время, когда народы поймут, что прежде, чем заниматься национальными делами, надо решить проблемы, имеющие международное значение. Только тогда бедствия станут ослабевать, утихнут смуты, исчезнут войны. К этой цели мы беспрестанно стремимся»⁶⁴.

Для достижения мира необходимы согласованные действия «национальных правительств» и органов общеевропейского управления, чему будет содействовать образование «общих учреждений», «общей организации»⁶⁵. С этой целью должны быть созданы три вида

⁵⁰ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 1 (XV), p. 364.

⁵¹ *Ibid.*, p. 377.

⁵² *Ibid.*, p. 19—20.

⁵³ *Ibid.*, v. 6, pp. 371—372, 377.

⁵⁴ *Ibid.*, v. 1 (XV), p. 158.

⁵⁵ *Ibid.*, v. 6, p. 359.

⁵⁶ *Ibid.*, v. 1 (XV), p. 163.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 164, 168.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 39, 219; v. 6, p. 360, 369.

⁵⁹ *Ibid.*, v. 1 (XV), p. ПО; v. 6, p. 369.

⁶⁰ *Ibid.*, p. ПО.

⁶¹ *Ibid.*, p. 43.

⁶² *Ibid.*, p. 169.

⁶³ *Ibid.*, p. 171.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 247.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 158, 166, 173, 174, 181.

власти — власть частных интересов, т. е. национальный парламент, власть общих интересов, т. е. общеевропейский парламент, а также власть, регулирующая взаимоотношения между первыми двумя⁶⁶. Национальные парламенты избираются в соответствии с законами данной страны. В Палату общин общеевропейского парламента каждый миллион грамотных жителей посылает по четыре депутата: коммерсанта, деятеля науки, руководителя производства, представителя местного самоуправления. Палата лордов состоит из лиц, известных своим богатством (их места передаются по наследству), а также из 20 человек, достигших всеевропейской славы в науке, торговле, промышленности или на административном поприще. Этот европейский парламент избирает единого короля, который и призван быть регулирующей властью⁶⁷.

Если предлагаемая схема носит в целом абстрактный, чисто умозрительный характер, то выдвигаемые перед «всеевропейской властью» задачи куда более реалистичны. Речь идет об осуществлении мер, в которых заинтересованы все европейские страны, весь континент, а именно: строительство дорог, судоходных каналов, осушение болот, обеспечение единой системы народного образования, составление общего кодекса морали и т.д.⁶⁸

Мир и международное сотрудничество выступают и как следствие, и как новая предпосылка производительной деятельности людей. «Для народа, целью которого служит производство, важнейший вопрос — мирная обстановка, ибо война мешает производить и торговать, прерывая все коммуникации, закрывая все пути для обмена». Кроме того, соседние народы должны жить в мире, чтобы иметь возможность выполнять взаимные обязательства⁶⁹.

Мирная обстановка позволит использовать в общих интересах особенности положения каждой страны. Англия, например, — морская и торговая держава, она располагает крупными денежными средствами. Во Франции промышленность слабо развита, пустоет много земли,

население избыточно. Сотрудничество этих двух государств принесет им несомненную пользу⁷⁰.

Оба автора не мыслили осуществления своих планов без России. Известно, что экземпляр брошюры «О реорганизации европейского общества» был послан Александру I. Авторы полагали, что связи между Россией и другими народами нужно всячески развивать⁷². Эта страна «вот уже 150 лет находится в постоянных коммерческих связях с самыми богатыми государствами Европы, Голландией и Англией»⁷³.

Добиться мира и сотрудничества — далеко не просто. Этому будет мешать разница социальных и политических режимов, незнание людьми предлагаемой авторами «новой философской системы»⁷⁴. Понимая, что мирная ассоциация — дело нелегкое», что- «блага достигается лишь путем долгого опыта и попытки часто оказываются безрезультатными, а тот, кто выдвинул справедливую идею, редко умеет придать ей совершенную ясность и четкость, которую она приобретает только со временем»⁷⁵, и Сен-Симон, и его ученик верят в торжество идей мира, страстно зовут к нему, показывают народам, сколь велики возможности мирного соревнования, «мирного соперничества», «борьбы без насилия», «сражений без риска для жизни»⁷⁹.

«Граждане, — призывают они, — трудитесь на благо всех людей Земли, и они будут трудиться на вас. Ваше оружие — искусство и торговля; ваши победы — прогресс в этих областях; ваш патриотизм — это доброжелательство, а не ненависть»⁷⁶.

Таковы основные черты концепции мирной ассоциации народов, которую развивают Сен-Симон и Тьерри. Внешнеполитические принципы Сен-Симона неотделимы от его утопического социализма. Сен-Симон излагал их в своих сочинениях, написанных и до встречи с Тьерри.

⁷⁰ Ibid., t. 6, p. 367.

⁷¹ Ibid., v. 1 (XV), p. 153; t. 6, p. 365—366, 367, 371.

⁷² Ibid., p. 61—62.

⁷³ Ibid., p. 78—79.

⁷⁴ Ibid., p. 168, 178, 180, 206—207, 241—242, 244.

⁷⁵ Ibid., p. 175.

⁷⁶ Ibid., p. 119.

⁷⁷ Ibid., p. 127.

⁶⁶ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 1 (XV), p. 185, 196, 197.

⁶⁷ Ibid., p. 200—203.

⁶⁸ Ibid., p. 204—205.

⁶⁹ Ibid., v. 1 (X), p. 54—55.

На 1814—1817 гг. приходится наиболее интенсивная разработка этих принципов, что обеспечило успешную совместную деятельность великого социалиста-утописта и его либерально настроенного ученика, ставшего одним из столпов буржуазной историографии, а также способствовало сохранению между ними лояльных отношений, после того, как летом 1817 г. они прекратили сотрудничество.

После разрыва с Тьерри проблема реорганизации общества на основе мирной ассоциации народов продолжает занимать важное место в творчестве Сен-Симона.

Что касается Тьерри, то, встав на самостоятельный путь, он воплотил многие идеи метра в своих работах на исторические темы. Наибольшую известность получили его статьи, которые с 1817 г. печатались в «Европейском критике» и «Французском курьере», а позднее вышли в виде сборников⁷⁸, четырехтомный труд «История завоевания Англии норманнами», выдержавший в 1825—1830 гг. три издания⁷⁹, а также трактат «История происхождения и успехов третьего сословия», работать над которым Тьерри начал до революции 1848 г., нов 1850г. опубликовал как введение к одному из томов серии «Неизданные документы по истории Франции» и три года спустя — отдельной книгой⁸⁰.

О. Л. Вайнштейн и М. А. Алпатов отмечают в трудах Тьерри некоторые общетеоретические положения, свидетельствующие об освоении и приспособлении им идей сен-симонизма. Прежде всего, речь идет о концепции разделения общества на классы и классовой борьбе. История Франции с завоевания галлов франками, полагал Тьерри, — это непрерывная война дворянства и третьего сословия, двух разных народов, потомков завоевателей-франков и покоренных галлов. Проявлением этой борьбы были жаркие схватки горожан и кре-

постных, всего третьего сословия, с сеньорами за освобождение. Тьерри подчеркивал, что по политической направленности его концепция — «реабилитация средних, и низших классов, предков третьего сословия, забытых нашими современными историками. Выходец из простонародья, я настаивал, чтобы в наших анналах ему возвратили его долю славы, чтобы воздали дань уважения традиции плебейской чести, энергии и отваги»⁸¹.

Совершенно в духе Сен-Симона звучат слова Тьерри: «Во многих странах высшие и низшие сословия, ныне подозрительно следящие друг за другом или воюющие из-за идей и социальных принципов, суть не более как народы-победители и народы-побежденные давно минувшей эпохи». Из завоевателей, захвативших землю, образовалось «воинственное дворянство, которое... господствовало над массой людей, занятых мирным трудом. Побежденные лишались земельной собственности, свободы и самоуправления; они существовали благодаря не оружию, а работе, составляя как бы отдельное общество рядом с военной дружиной победителей. Сохранив в стенах своих городов остатки римской цивилизации или положив начало новой цивилизации... класс трудящихся набирал силу по мере того, как слабела феодальная организация дворянства»⁸².

Так идея Сен-Симона о классах и классовой борьбе использовалась для прославления «третьего сословия». Причем если в ранних работах Тьерри симпатизировал крестьянам, оправдывал Жакерию, то постепенно все больше интересы третьего сословия он сводил к интересам буржуазии и отрицал разделение на классы французского общества, сложившегося после революции XVIII в.

В 40-х годах в «Истории происхождения и успехов третьего сословия» он стремился затушевать его «неоднородность и решительно осуждал тех, кто хотел «разделить нацию, ныне единую и однородную, на взаимно враждебные классы... Обыкновенно склоняются к мысли, что тогда третье сословие соответствовало нынешней буржуазии... Мнение это ложное и вредное, ибо оно ищет в прошлом корни антагонизма, возникшего лишь вчера

⁷⁸ Aug. Thierry. Dix ans d'etudes historiques. Paris, 1834; *idem*. Lettres sur l'histoire de France. Paris, 1829.

⁷⁹ Aug. Thierry. Histoire de la conquete de l'Angleterre par les Normandes. De ses causes et de ses suites jusqu'a nos jours, en Angleterre, en Ecosse, en Irlande et sur le continent, t. 1—4. Paris, 1825 (1826, 1830).

⁸⁰ Aug. Thierry. Essai sur l'histoire de la formation et les progres du tiers etat. Paris, 1853. Все эти работы переводились на русский язык; в 1937 г., как уже отмечалось, в СССР были опубликованы «Избранные сочинения» О. Тьерри.

⁸¹ Aug. Thierry. Dix ans d'etudes historiques, p. 11.

⁸² Aug. Thierry. Histoire de la conquete.... p. 334.

и возмущающего общественное спокойствие»⁸³. С особой настойчивостью Тьерри проводил идею о том, что Францию создал союз королевской власти и третьего сословия и что режим, возникший после революции 1830 г., полностью это подтверждает. События 1848 г. опрокинули эту апологетику июльской буржуазной монархии и ввергли Тьерри в глубокую душевную депрессию — книг он больше не писал. Относящиеся к 1848—1850 гг. письма Тьерри к графине и графу Сиркур рисуют смятенного, обманувшегося в своих предсказаниях человека⁸⁴. Революция представляется ему «тяжким бременем, которое тяготит всех». «Я оказался,— писал Тьерри 5 марта 1848 г.,— перед лицом будущего, неопределенного и для меня, и для моей страны». Некоторые надежды Тьерри возлагал весной 1848 г. на известного поэта, умеренного либерала А. Ламартина, ставшего после февральской революции министром иностранных дел, фактическим главой временного правительства. «Да вознаградит господь самоотверженность и мужество г. Ламартина,— отмечал Тьерри в том же письме.— Я восхищаюсь им как мыслителем, я восхищаюсь им как человеком в самом высоком смысле этого слова. Что с нами стало бы без него?» Последующие события, видимо, не оправдали надежд Тьерри. 31 июля 1849 г. он писал графу Сиркуру: «Вы хорошо сделали, сбежав от холеры, которая, слава богу, кажется оставляет нас в покое. Однако эпидемия моральная свирепствует по-прежнему, что бы там ни делали, что бы там ни говорили, но в умах царит постоянное смятение, а в делах—застой...»⁸⁵ 13 января 1850 г. Тьерри признавался, что ко всем его бедам «революция, достойная сожаления, прибавила еще одно... сомнение во французской истории, той, какой я ее видел... Теперь я ее больше не понимаю, настоящее ниспровергло мои представления о прошлом и будущем. Я утратил историческое кредо, политические убеждения, о чем прежде не мог бы никогда и думать»⁸⁶.

Итак, сен-симоновские концепции классов и классовой борьбы, использованные Тьерри для прославления

буржуазии и обоснования ложного тезиса о единстве третьего сословия, оказались несостоятельными перед лицом исторической действительности. Однако эти концепции благодаря трудам Тьерри стали достоянием французской историографии.

От Сен-Симона идет также идея о том, что история должна заниматься деятельностью трудящихся. В 1820 г. Тьерри писал: «История Франции, как ее изображали современные историки, вовсе не является подлинной историей страны, историей национальной, народной... Самый лучший раздел нашей летописи, самый важный и поучительный для нас еще не написан: нам необходима история простых людей, история народов... восхождение народных масс к свободе и благосостоянию кажется нам более внушительным явлением, чем завоевательные походы, а страдания этих масс трогают нас более, чем страдания королей, лишенных трона»⁸⁷.

Демократические настроения Тьерри претерпели эволюцию, как его представление о классах и классовой борьбе. Однако требование изучать историю самих масс, а не только королей и полководцев, было важным достижением историографии первой половины XIX в. М. А. Алпатов справедливо подчеркивал, что буржуазные историки эпохи Реставрации, в том числе Тьерри, «прошли мимо тех исторических идей Сен-Симона, которые не укладывались в рамки буржуазной теории». Для них словно бы и не существовало представлений Сен-Симона «о враждебности государства собственников интересам широких масс народа..., о решающей роли народных масс во Французской революции конца XVIII в., о незавершенности этой революции, о необходимости во Франции новой революции», их не интересовала «отрицательная оценка Сен-Симоном Английской буржуазной революции... и т. д.». «Они не хотели да и не могли поставить вопрос о действительном происхождении собственности и классов, об эксплуататорской природе буржуазного государства..., установив свое господство, буржуазия требовала от пролетариата классового мира во имя охраны капитализма, который они стремились увековечить»⁸⁸.

⁸³ Aug. Thierry. Essai sur l'histoire de formation..., p. 29.

⁸⁴ Bibliothèque de l'Arsenal. D. m. 13522, 1—6.

⁸⁵ Ibid., 13522.1.

⁸⁶ Ibid., p.13522.3.

⁸⁷ Aug. Thierry. Lettres sur l'histoire de France, p. 137.

⁸⁸ М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.— Сб. «Из истории социально-политических идей». М., 1955.

Данная проблема относится к числу «больших тем» буржуазной историографии и социологии. Об этом много писали Ж. Дюма и И. И. Иванов, Э. Дюркгейм и А. Гийе, Ж. Гурвич и Ф. Манюэл, У. М. Саймон и Д. Физикелла. Трехтомная монография А. Гийе служит для современных социологов кладезем фактов. Все они, исключая, быть может, лишь Ф. Манюэла, главное внимание уделяют интерпретации накопленных сведений. Поэтому интересно отметить, что часть книги А. Гийе была недавно переиздана¹, а вопрос, насколько самостоятелен О. Конт в разработке позитивистской философии и социологии, стал предметом довольно схоластических споров и идеологических спекуляций². Споры эти только внешне напоминают прежние схватки сен-симонистов³ и контистов⁴ и дискуссии историков⁵ о том, был ли Конт учеником Сен-Симона или, напротив, 57-летний Сен-Симон

с 1817 г. поступил в обучение к своему 19-летнему секретарю?

В работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина рассматриваются разные стороны философских и социологических воззрений Конта, их идеологическая и политическая направленность, затрагивается его отношение к Сен-Симону. В письме к Ф. Энгельсу 7 июня 1866 г. К. Маркс писал: «Я штудирую теперь, кроме всего прочего, Конта, потому что англичане и французы так много кричат об этом субъекте. Их подкупает в нем энциклопедичность, синтез. Но по сравнению с Гегелем это нечто жалкое (хотя Конт превосходит его как специалист в области математики и физики, т. е. превосходит в деталях, ибо в целом Гегель бесконечно выше и здесь). И этот дрянной позитивизм появился в 1832 г.»⁶ В первом томе «Капитала» раскрыта идеологическая направленность позитивизма. «Капиталист не потому является капиталистом,— подчеркнул К. Маркс,— что он управляет промышленным предприятием,— наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»⁷. Комментируя эту мысль в подстрочном примечании, К. Маркс писал: «Огюст Конт и его школа могли бы поэтому так же хорошо доказывать вечную необходимость феодальных господ, как они доказывали необходимость господ капиталистов»⁸. В послесловии ко второму изданию «Капитала», отвечая на критику парижского журнала «Revue positiviste», К. Маркс отметил как одно из достоинств своего труда отсутствие в нем контовских «рецептов для кухни будущего»⁹.

«Первый набросок «Гражданской войны во Франции» со всей определенностью характеризует политическое назначение контизма, отношение к нему рабочих. К. Маркс говорил, что рабочие «никогда не шли на поводу у контизма... Конт известен парижским рабочим

¹ *H. Gouhier*. La jeunesse d'Auguste Comte et la formation du positivisme, t. 2. Saint-Simon jusqu'à la Restauration, 2e ed. Paris, 1964.

² *G. Gurvitch*. Les fondateurs français de la sociologie contemporaine. Paris, 1955 (2e ed—1961); *idem*. Pour le centenaire de la mort d'Auguste Comte (1857—1957). Paris, 1957; *idem*. Introduction and notes.— *C. H. Saint-Simon*. La physiologie sociale. Oeuvres choisies. Paris, 1965; *H. G. Davy*. Doutes sur l'interprétation de Saint-Simon.— «Revue internationale de philosophie», 1960, N 53—54; *P. Arnaud*. Saint-Simon, le saint-simonisme et les saint-simoniens vus par Auguste Comte.— «Economies et sociétés», 1970, N 6.

³ См. «Концепция. Метод. Историческая классификация. Отступление, касающееся сочинения ученика Сен-Симона Огюста Конта под названием «Третья тетрадь «Катехизиса промышленников».— «Изложение учения Сен-Симона», стр. 187—213, 500—520; *Saint-Simon*. Oeuvres, v. LXI, p. 149—178; v. XLII, p. 65—87. См. также отдельные замечания о Конте в «Собрании сочинений Сен-Симона и Анфантена».— *Saint-Simon*. Oeuvres, v. I, p. 109—111; v. II, p. 65—66; v. V, p. 102—125; v. XVII, p. 105; P. Enfantin. Science de l'homme. Paris, 1858, p. 73—74.

⁴ *E. Littré*. Auguste Comte et la philosophie positive. Paris, 1863, p. 87—89; *E. Robinet*. Notice sur l'oeuvre et la vie d'Auguste Comte. Paris, 1860, p. 122; *P. Laffitte*. Auguste Comte.— «Revue occidentale», 11 1884, p. 120.

⁵ Кроме работ Ж. Дюма, см. также: *P. Janet*. Les origines de la philosophie d'Auguste Comte. Comte et Saint-Simon.— «Revue des deux mondes», 1.VIII 1887; *P. Dubuisson*. Comte et Saint-Simon. Comte n'est-il que la disciple de Saint-Simon? Paris, 1906.

⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 197.

⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 344.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 19.

как пророк режима империи (личной *диктатуры*) — в политике, капиталистического господства — в политической экономии, иерархии — во всех сферах человеческой деятельности и как автор нового катехизиса с новым папой и новыми святыми вместо старых»¹⁰.

Для правильного суждения о месте Конта в истории общественной мысли большое значение имеют также связанные с этим вопросом высказывания Ф. Энгельса. В «Наброске общего плана» «Диалектики природы», в пункте четвертом сказано: «Связь наук. Математика, Физика, Химия, биология. Сен-Симон, (Конт) и Гегель». Таким образом, уже в самом начале одного из главных произведений научного социализма указано на выдающуюся роль Сен-Симона и подчиненное положение Конта в истории науки. В разделе «Формы движения материи. Классификация наук» Ф. Энгельс не оставляет на этот счет никаких сомнений: «*Классификация наук*, из которой каждая анализирует отдельную форму движения или ряд, связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является вместе с тем классификацией, расположением, согласно внутренне присущей им последовательности, самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение.

В конце прошлого века, после французских материалистов, материализм которых был по преимуществу механическим, обнаружилась потребность *энциклопедически резюмировать* все естествознание старой ньютоновской школы, и за это дело взялись два гениальнейших человека — *Сен-Симон* (не закончил) и *Гегель*...

Как мало Конт является автором своей, списанной им у Сен-Симона, энциклопедической иерархии естественных наук, видно уже из того, что она служит ему лишь ради *расположения учебного материала* и в целях *преподавания*, приводя тем самым к несуразному *enseignement integral*, где каждая наука исчерпывается прежде, чем успели хотя бы только приступить к другой, где правильная в основе мысль математически утрируется до абсурда»¹².

В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» подчеркивал «коренное расхождение материализма со всем широким течением позитивизма, внутри которого находится и О. Конт, и Г. Спенсер, и Михайловский, и ряд неокантианцев, и Мах с Авенариусом»¹³. Одну из заслуг К. Маркса В. И. Ленин видел в том, что он отстранял контовский «позитивизм» как один из «ублюдочных проектов примирения материализма и идеализма»¹⁴.

Советские философы успешно разрабатывают различные аспекты позитивизма, в том числе творчества Конта. О важнейших чертах позитивизма, его идеологической роли как одного из направлений буржуазной философии, некоторых его положительных чертах, его исторических этапах и о позитивистской социологии писали И. С. Нарский, Н. Ф. Бегияшвили, Д. П. Горский, Ю. А. Асеев, В. С. Швырев, И. С. Кон, В. П. Лекторский и др. Именно их работы, в особенности труд И. С. Нарского¹⁵ и очерк И. С. Кона¹⁶, служат нам опорой для рассмотрения вопроса об отношениях Сен-Симона и Конта. Большую помощь оказали также статьи других советских авторов о Конте¹⁷.

Огюст Конт родился 19 января 1798 г. в Монпелье, в семье сборщика податей. Окончив местный лицей, Конт в 1814 г. поступил в Политехническую школу в Париже, которая сыграла очень большую роль в его жизни. Здесь он изучает математику и другие точные науки, начинает знакомиться с литературой по социальным и философ-

¹³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 214.

¹⁴ Там же, стр. 358.

¹⁵ И. С. Нарский. Очерки по истории позитивизма. М., 1960.

¹⁶ И. С. Кон. Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Л., 1964.

¹⁷ В. Ф. Асмус. К столетию со дня смерти Огюста Конта.— «Культура и жизнь», 1957, № 125; *его же*. Огюст Конт (1798—1857).— «Вестник Академии наук СССР», 1957, № 9; М. П. Баскин. О. Конт и его место в истории мировой культуры.— «Вестник мировой культуры», 1957, № 6; Б. М. Кедров. Огюст Конт о классификации естественных наук.— Там же: С. Ф. Кечекьян. Социологические взгляды Огюста Конта.— «Советское государство и право», 1957. № 12; Т. А. Расулов. О философских и социологических взглядах Огюста Конта.— «Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия общественных наук», 1959, № 3; А. Л. Субботин. Философские идеи Огюста Конта (К 100-летию со дня смерти).— «Вопросы

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 560; см. также стр. 561, 567, 568.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 343.

¹² Там же, стр. 564—565.

ским вопросам, интересуясь преимущественно мыслителями XVIII в. Занятия были прерваны в 1816 г., когда правительство закрыло школу. Конт был выслан на родину под надзор полиции. Вернувшись в Париж, он перекликивался уроками, был секретарем у банкира, видного деятеля парламента, а позже министра К. Перье. К 1817 г. относится решающее событие в его жизни: он сменяет Тьерри на посту личного секретаря Сен-Симона. Почти семь лет длилось их сотрудничество; к этому времени относятся первые печатные работы Конта.

Они содержат эскиз его будущих более пространственных сочинений.

Конт встретился с Сен-Симоном в августе 1817 г., т. е. на 20-м году своей жизни. Он был полон сил и юношеского энтузиазма. «Присматриваясь к нему,— писал Е. Литтре,— вы увидели бы чрезвычайно деятельного и способного молодого человека, в совершенстве освоившего все науки, изучающие неорганическую природу (к биологии он перешел немного позже), сведущего по части исторических документов и желающего глубже проникнуть в мир идей и спекулятивной политики. По общему духу, царившему в его семье, он должен был бы быть католиком и легитимистом, а из него вышел вольнодумец в религии и революционер в политике. Республиканский дух, сохранявшийся еще в Политехнической школе, несмотря на деспотизм Наполеона и порядки военного времени, не мешал развитию такого склада ума. Но индивидуальность его проявлялась пока лишь в том, что он умел связывать воедино изучаемые доктрины. Конт был в эту пору просто одним из новобранцев под знаменем, поднятым XVIII веком и революцией. Если Конту суждено было стать в конце концов тем, кем он был на самом деле, ему необходимо было покончить с этим положением и освоить новые идеи»¹⁸.

Сен-Симон к моменту встречи с Контом уже был автором «Писем женевского обитателя» (1802), «Введения к научным трудам XIX века» (1807—1808), «Очерка науки о человеке» и «Труда о всемирном тяготении» (1813). С помощью Тьерри он опубликовал книгу «О организации европейского общества» (1814), два выпус-

ка «Индустрии» (1816—1817)¹⁹ и некоторые другие сочинения²⁰.

В работах 1802—1813 гг. Сен-Симон не только выдвинул, но и пытался обосновать требование о создании «общей науки», включающей «науку о человеке», которая бы основывалась на наблюдении, т. е. не отличалась по методам исследования от наук точных. Возможность разработки такой всеобъемлющей доктрины вытекает, по мнению Сен-Симона, из единства мира; в нем «не существует двух порядков вещей, есть только один порядок— физический»²¹. «Явления всех видов суть следствия единой причины — закона всемирного тяготения»²². Применив этот закон к изучению вселенной, «вы не найдете разницы между явлениями, которые называют моральными, и теми, которые называют физическими»²³.

Наблюдая и постигая «все известные нам явления», ученые «делят их на различные категории. Вот принятая классификация: явления астрономические, физические, химические, физиологические». Знание физиологических явлений, физиологию, «науку о человеке» Сен-Симон мыслит не только как учение об изолированном человеке, но и как «социальную физиологию», «социальную физику». «План (социальных преобразований.— Г. К.) я составил,— писал он уже в первом своем сочинении,— рассматривая наши общественные отношения как явления физиологические. Я докажу обоснованность этого плана с помощью соображений, почерпнутых в той системе, которой я пользуюсь для установления связи между физическими явлениями»²⁴. Особое место занимает математика: она «обладает всеми свойствами, необходимыми для построения общей системы знаний, и если не представляется возможным применить ее методы к тем

¹⁹ Перевод слова «industrie» представляется затруднительным. По смыслу сочинения Сен-Симона оно скорее соответствует понятию «производство», «экономика», «материальная деятельность», чем «промышленность».

²⁰ См. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 1 (XV, XVIII), v. 2, (XIX), v. 5 (XL), v. 6.

²¹ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 5 (XV), p. 173, 186—187; v. 6, p. 17.

²² *Ibid.*, v. 6, p. 131.

²³ *Ibid.*, p. 117.

²⁴ *Ibid.*, v. 1 (XV), p. 57.

²⁵ *Ibid.*, p. 38.

²⁶ *Ibid.*, p. 42.

явлениям, которые нельзя привести к простейшему виду, го я не думаю, чтобы на этом основании мы обязаны были оставить надежду связать надлежащим образом закон всемирного тяготения с идеями, составляющими теоретическую основу различных отраслей физики». Таким образом, Сен-Симон видит не только высокое предназначение математики, но также трудности и пределы ее приложения. Не потому ли он считал, что в образовательных школах всех ступеней главную роль должен играть не математик, а физиолог?²⁸

Частные науки могут быть точными, «позитивными» или неточными, «неопределенными». Первые основаны на наблюдении установленных и проверенных длительным опытом фактах, вторые опираются на воображение²⁹. «Все науки начинались,—писал Сен-Симон,— как неопределенные... все они призваны стать позитивными»³⁰. Это ответственное утверждение он обосновывает данными из истории науки, сведениями о «развитии человеческого разума».

Первые явления,— сказано в «Письмах женеvского обитателя»,— которые человек последовательно наблюдал, были астрономические; есть основательные причины того, что человек начал именно с них: они очень просты. В начале своих астрономических работ человек *смешивал* явления, которые он *наблюдал*, с теми, которые он *воображал*, и из этой бессмыслицы он строил возможно лучшие комбинации, чтобы удовлетворить все требования предсказаний; он постепенно освобождался от фактов, созданных его воображением, и после долгих усилий встал на путь усовершенствования этой науки. Астрономы приняли лишь то, что было удостоверено наблюдением; они остановились на *системе*, которая наилучшим образом связывала эти явления между собой, и с тех пор они уже избавили свою науку от ложных поисков. Если создается *новая система*, то, прежде чем принять ее, они проверяют, лучше ли она связывает явления, чем принятая ими прежде. Если обнаруживается новый факт, они посредством наблюдения проверяют, существует ли он в действительности.

В самую достопамятную эпоху истории успехов человеческого ума астрономы удалили из своей среды астрологов... Химические явления более сложны, поэтому человек стал заниматься ими позже, впадая в те же ошибки, что и при изучении астрономии. Но и химики в конце концов избавились от алхимиков.

Физиология находится еще в том жалком положении, через которое уже прошли астрономические и химические знания. Физиологам еще предстоит удалить из своей среды *философов, моралистов и метафизиков*, как астрономы изгнали астрологов, а химики — алхимиков³¹.

Итак, физиологии предстоит стать позитивным знанием. «До сих пор,— неоднократно отмечал Сен-Симон,— наука о человеке была неопределенной, моя задача... возвести ее в степень наук, основанных на наблюдении»³². История науки свидетельствует, что до него, до Сен-Симона, никто этой задачи не решил. Бэкон, например, ввел в науку аналитический метод, благодаря чему стали быстро развиваться физика и математика. Такой же метод должен быть принят для «возделывания науки всеобщей»³³. Другой великий ученый, Ньютон, никогда не изучал человека, никогда не сосредоточивал внимания на физиологических явлениях. Между тем учение о телах неодушевленных и физиология человека — два корня одной и той же общей науки.

Превращение «физиологии» в позитивную науку будет иметь весьма серьезные последствия. «Ученый,— констатирует Сен-Симон,— занимается какой-нибудь одной наукой больше, чем другими»³⁴. Однако человек «столь склонен систематизировать, т. е. согласовывать возникшие у него идеи с установленными им фактами, столь жаждет увязать предмет своих занятий со всей совокупностью явлений, что весьма равнодушно воспринимает единичные, частные, необобщенные мысли и сведения, даже если они и интересны сами по себе»³⁵.

Иначе говоря, свойства человеческого ума таковы, что с одной стороны, в силу ограниченности своих возможностей он делит единую науку на отрасли, а с дру-

²⁷ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 1 (XV), p. 42

²⁸ *Ibid.*, v. 5 (XL), p. 36, 39—40.

²⁹ *Ibid.*, v. 1 (XV), p. 38; v. 5 (XL), p. 26.

³⁰ *Ibid.*, v. 5 (XL), p. 25.

³¹ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. I (XV), p. 38—40.

³² *Ibid.*, v. 5 (XL), p. 27—29, 131, 186—187.

³³ *Ibid.*, v. 1 (XV), p. 91.

³⁴ *Ibid.*, p. 38.

³⁵ *Ibid.*, v. 5 (XL), p. 126.

гой — стремится создать из разрозненных элементов знания нечто цельное. Так в процессе познания рождается философия. «Началами общей науки, или философии,— отмечает Сен-Симон,— служат обобщения, полученные частными науками. Или, если угодно, частные науки суть элементы науки общей»³⁶. Именно поэтому «философия по необходимости имела и всегда будет иметь тот же самый характер, что и частные науки», т. е. неопределенный или позитивный в зависимости от состояния отдельных отраслей знания³⁷.

Итак, превращение физиологии в позитивную науку приведет к рождению позитивной философии. «Науки начинаются как неопределенные. Они становятся позитивными... Частные науки образуют элементы науки общей, которую называют философией. Эта последняя с точки зрения пассивной выступает как резюме достигнутых знаний, а с точки зрения активной — указывает пути новых научных открытий... Принимая во внимание относительность, а также позитивность или неопределенность целого и частей науки, легко понять, что как целое, так и части вначале были неопределенными, что затем они должны были стать наполовину неопределенными, т. е. полупозитивными, что, наконец, и целое, и части должны достигнуть, насколько это возможно, позитивного состояния»³⁸. А вот несколько иная, выраженная менее диалектично редакция этого закона трех стадий развития человеческого познания: «...философия должна была быть неопределенной, пока неопределенными были частные науки; она стала наполовину неопределенной, когда некоторые из них превратились в позитивные, а другие оставались еще неопределенными; она обретает совершенно позитивные свойства, когда их получают все частные науки, когда физиология и психология будут основаны на установленных и изученных фактах»³⁹. Облик каждой стадии соответственно определяют «астрологи, алхимики, теологи», затем «метафизики, моралисты, философы», наконец, представители точных наук, в том числе позитивной философии⁴⁰.

Важнейшим последствием создания позитивной физиологии и философии будет возникновение позитивной политики, включающей, в частности, религиозную систему и организацию духовенства". Придет время, мечтал Сен-Симон, когда «политика станет наукой, основанной на наблюдениях, а политические вопросы попадут в поле зрения ученых, занятых позитивной наукой о человеке, и будут изучаться теми же методами и в той же манере, которые ныне приняты в исследовании других явлений»".

Точно так же и мораль примет позитивную форму. Кому, как не физиологу, знать секрет гармонического сочетания требований добродетели и долга с естественным стремлением каждого человека к личному счастью?⁴³

Физика и математика, став предметом обучения, сыграли большую роль в сокрушении теологической системы, господствовавшей еще в XV в. Еще более глубокое воздействие может оказать преподавание физиологии⁴⁴. «Все позитивные науки,— полагал Сен-Симон,— должны быть включены в программы»⁴⁵. Если все частные науки — элементы науки общей, то, следовательно, образование должно венчать «курс позитивной философии»⁴⁶.

Таковы к началу 1814 г. некоторые черты «позитивизма» Сен-Симона, некоторые теоретические результаты его честолюбивого и дерзкого стремления создать всеобъемлющую, научно обоснованную доктрину о природе, человеке и обществе.

Выше уже говорилось, что рассмотрение общих «социологических» вопросов, требование распространить методы точных, опытных наук на область истории, сферу общественных явлений, политики, в том числе политики внешней, в полной мере присущи тем относящимся к 1814—1817 гг. сочинениям Сен-Симона, которые ряд зарубежных авторов принимает за чуждые теоретическим амбициям проявления либерального прагматизма и пацифизма.

В работе «О реорганизации европейского общества» Сен-Симон утверждал, что «социальные преобразования

³⁶ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 5 (XL), p. 16, 29—30.

³⁷ *Ibid.*, v. 1 (XV), p. 128.

³⁸ *Ibid.*, v. 1 (XV), p. 109.

³⁹ *Ibid.*, v. 5 (XL), p. 16—17.

⁴⁰ *Ibid.*, v. 1 (XV), p. 41—42.

⁴¹ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 5 (XL), p. 18.

⁴² *Ibid.*, p. 190.

⁴³ *Ibid.*, p. 29.

⁴⁴ *Ibid.*, v. 1 (XV), p. 122, 123; v. 5 (XL), p. 28—29.

⁴⁵ *Ibid.*, v. 5 (XL), p. 27.

⁴⁶ *Ibid.*, v. 1 (XV), p. 129.

возможны лишь при изменении собственности. Стремление к общественному благу может поначалу заставить собственников пойти на соответствующие жертвы — таков первый этап этой великой революции⁴⁷. Однако довольно скоро они раскаиваются в содеянном, отказываются от него, и тогда начинается второй этап революции. Соппротивление собственников не может быть сломлено, если люди, лишенные собственности, не возьмутся за оружие,— отсюда гражданская война, проскрипции и кровопролитие»⁴⁸.

Выпуски «Индустрии» свидетельствовали о начале серьезного изучения «производственного ряда» общественных явлений, дальнейших попытках создать «социальную науку». Эпиграфом этого труда служила знаменитая фраза: «Все через индустрию, все для нее». Сен-Симон писал, что «общество целиком и полностью покоится на индустрии»⁴⁹. «Производственный ряд», «экономика» интересны не сами по себе, а именно как важная сторона человеческих отношений. Касаясь работ Ж.-Б. Сея, Сен-Симон заметил: «Автор смутно и как бы вопреки самому себе сознавал, что политическая экономия — подлинное и единственное основание политики»⁵⁰.

Иными словами, «политика — это наука о производстве, т. е. отрасль знания, стремящаяся создать наиболее благоприятные условия для развития всех видов индустрии»⁵¹. Даже «общие моральные устои», без которых не может существовать общество, связаны с производственной деятельностью людей. «Нетрудно заметить,— писал Сен-Симон,— что представления о сверхъестественном исчезли почти повсюду и что мысли о рае и аде не могут больше служить основой поведения людей... Начинается эра позитивных убеждений. Мораль можно обосновать только материальными, ясными и точными интересами»⁵². «Изучая взаимоотношения людей, легко

понять, что мораль меняется по мере совершенствования производства. Следовательно, необходимо развивать, распространять и делать общепризнанными те идеи, которые возбуждают в каждом человеке желание работать и учат его уважать чужой труд»⁵³. Даваемый нами в Приложении отрывок «Класс пролетариев» (1817 г.) служит одним из доказательств усиления в творчестве Сен-Симона элементов критически-утопического социализма⁵⁴.

Нельзя, конечно, забывать, что при всем внимании к «позитивной науке» и «научной политике», к «производственному ряду» и «интересам рабочих», при всей глубине и «позитивности» отдельных идей и догадок Сен-Симон и до встречи с Контом, и после нее движущими силами социального развития считал прогресс научных знаний «морали и религии», а к «классу производителей» упорно относил не только «трудящихся, лишенных собственности», но и их хозяев. Таким образом, Сен-Симону не удалось избавиться от идеализма в объяснении общественных явлений и выйти за пределы утопического социализма.

Окончательный разрыв между учителем и учеником произошел в апреле 1824 г. Сочинения, опубликованные Сен-Симоном в период сотрудничества с Контом, свидетельствуют, что, вопреки утверждениям позитивистских историков, резкого изменения в творчестве великого социалиста-утописта не произошло и оно не растворилось в единой системе позитивистской философии и социологии. Замысел А. Гюйе сводился именно к тому, чтобы доказать обратное. Его труд называется «Молодость Конта и формирование позитивизма». Том первый — «Под знаком свободы» — посвящен биографии Конта до 1817 г., том второй озаглавлен «Сен-Симон до эпохи Реставрации», третий — «Сен-Симон и Конт». Таким образом, 65 лет жизни Сен-Симона автор «вписал» в книгу о молодости Конта, творчество критически-утопического социализма до 1817 г. назвал «предпозитивизмом» и, чувствуя шаткость такого построения, попытался подкрепить его риторикой. Проблема Конта и Сен-Симона навевала ему образ реки и ее притока, Ионы и Сены. «Эти два речных

⁴⁷ Сен-Симон абсолютизирует опыт Французской революции конца XVIII в., в частности события 4 августа 1789 г., знаменитой «ночи чудес», когда французские дворяне «отказались» от части своих прав.

⁴⁸ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 1 (XV), p. 242.

⁴⁹ *Ibid.*, v. 1 (XVIII), p. 12—13.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 185.

⁵¹ *Ibid.*, p. 187.

⁵² *Ibid.*, p. 17; v. 2 (XIX), p. 37—38.

⁵³ *Ibid.*, v. 1 (XVIII), p. 18G.

⁵⁴ См. ниже.

потока сливаются у Монтрё и образуют один. Спрашивается, Иона или Сена продолжает свой путь? Мнения на сей счет не совпадают. Две теории в 1817 г. смешались, и получился позитивизм. Чья же истина, Конта или Сен-Симона, продолжает путь? И этот вопрос рождает разные мнения. Если считать Конта основателем позитивизма, то мысль Сен-Симона до 1817 г. была притоком, а не рекой. Таков главный тезис трех томов моей книги»".

Образ не лишен выразительности, однако художественное воображение бессильно перед фактами. Если обратиться к трудам Сен-Симона 1817—1824 гг., то окажется, что они углубляют критику существующих социальных порядков, продолжают и развивают его идеи о позитивной общественной доктрине, о важности производственной деятельности в жизни общества, о необходимости научно обоснованной политики и морали⁵⁶, об интересах рабочего класса⁵⁸, о мире между народами⁵⁹.

Эти сочинения — неотделимая часть творчества Сен-Симона как представителя критически-утопического социализма. Они неотделимы ни от «Писем женевского обитателя», изданных тогда, когда Конту было 4 года, ни от «Нового христианства», опубликованного почти за год до того, как 2 апреля 1826 г. он начал публичные чтения, посвященные позитивной философии. Прошло пять лет после смерти Сен-Симона, прежде чем эти лекции стали с ноября 1829 г. появляться в «Revue Encyclopédique», а с 1830 по 1842 г. были опубликованы отдельными томами⁵⁹.

Для Конта период с 1817 по 1824 г. был временем ученичества, сотрудничества с Сен-Симоном, временем постижения и отрицания творчества метра. Он усвоил форму мысли своего великого учителя, отдельные приемы и методы ее обоснования, но решительно отверг ее со-

держание как системы критически-утопического социализма. Он использовал отдельные элементы этой внешней теоретической оболочки сен-симонизма в своих попытках обосновать совсем иную систему, систему буржуазного позитивизма.

Только три месяца получал Конт у Сен-Симона жалование, но их сотрудничество продолжалось почти семь лет. По указанию и под руководством учителя он участвует в создании третьего и четвертого томов «Индустрии», которые были опубликованы в мае 1818 г. Конт никогда не притязал на авторство и впоследствии относил третий том «Индустрии» к «работам подмастерья»⁶⁰, хотя нынешние позитивисты настойчиво включают их в число «юношеских сочинений Конта», подчеркивая тем самым мнимую зависимость Сен-Симона от его ученика⁶¹.

Для Конта было важно приобщение к занятиям социальными вопросами. Он писал об этом своему другу Вала 17 апреля 1818 г.: «Я работаю у Сен-Симона, превосходного человека, человека больших достоинств... я готовлю для него материалы по политической экономии... Это один из наиболее глубоких философов, занимающихся проблемами политики. Благодаря сотрудничеству и дружбе с ним я узнал много такого, о чем не написано в книгах. За шесть месяцев нашего знакомства я прошел в умственном развитии такой путь, который самостоятельно не преодолел бы и за три года. Работа помогла мне понять политические науки и расширила представления о всех других областях знания, так что я теперь больше философ, чем прежде... Она разбудила мои способности к политическим вопросам, т. е. такие качества, о которых я даже не подозревал. Сен-Симон и многие публицисты, с которыми я имел случай познакомиться у него же, восторгаются моими успехами в философских и социальных науках и говорят, что мой талант погиб бы в иных условиях. У меня имеются твердые доказательства, что эти похвалы — отнюдь не простая вежливость и что отец Симон действительно думает обо

⁵⁵ H. Goughier Op. cit., v. II, p. 2.

⁵⁶ Saint-Simon. La politique ou Essai sur la politique qui convient aux hommes du XIX siècle (1819). L'Organisateur (août. 1819 a mars 1820).—Oeuvres, v. 2 (XIX, XX); Du système industriel (sept. 1820 a juin 1822).—Oeuvres, v. 3 (XXI—XXIII); Catechisme des industriels (dec. 1823 a juin 1824).—Oeuvres, v. 4 (XXXVII—XXXIX).

⁵⁷ Saint-Simon. Lettre de H. de Saint-Simon a Messieurs les ouvriers (1821).—Oeuvres, v. 6.

⁵⁸ Saint-Simon. Des Bourbons et des Stuarts (1822); Suite a la brochure: des Bourbons et des Stuarts (1822).—Oeuvres, v. 6.

⁵⁹ A. Comte Cours de Philosophie positive. 6 vol. Paris, 1830—1842.

⁶⁰ A. Comte. Systeme de politique positive ou Traite de sociologie instituant la religion de l'humanite, v. 1—4. Paris, 1851—1854, v. 4. Appendice general, p. 11.

⁶¹ A. Comte. Ecrits de jeunesse. 1816—1828. Textes établis et présentés par Paulo E. de Barredo Carneiro et Pierre Arnaud. Paris, 1970, p. 14, 15, 19, 29—30, 43—97.

мне то, что говорит, а если он так думает, значит что-то есть»⁶².

Через месяц, 15 мая 1818 г., Конт снова пишет о Сен-Симоне: «Это превосходнейший человек, какого я только знаю. Он из тех, чьи поступки, сочинения и чувства находятся в полнейшей гармонии; он неизменно верен себе». Конт восторгается своим кумиром — тот совершенно не похож на либералов-аристократов, которые при всех своих добродетелях и «принципах» тешат себя титулами. Сен-Симон, отпрыск знатнейшей семьи, отказался от феодальных привычек, обладает бесценными качествами: он искренен, благороден. Он любим всеми, кто его знает близко, он не причастен к «крайностям революции», никогда не льстил Бонапарту, а при теперешнем правлении никогда не искал милостей короля, хотя и мог легко добиться их по праву рождения. «Если многие невысокого мнения о его идеях, то лишь потому, что не понимают их,— Сен-Симон опережает свой век... Я поклялся ему в вечной дружбе, а он в ответ любит меня, как родного сына». И далее Конт отмечал, что еще год назад его взгляды «основывались на теории прав человека, «Общественном договоре», словом, на философских системах прошлого века», что благодаря Сен-Симону он стал «мыслить по-новому»⁶³.

В письме к тому же Вала 6 сентября 1820 г.⁶⁴ Конт сообщает, что «работает в надежде внести когда-нибудь свою лепту в дело созидания человеческого счастья», что судебный процесс, связанный с «Притчей», его не коснулся, так как он из осторожности не подписал свои статьи, предназначенные для издававшихся Сен-Симоном «Политика»⁶⁵ и «Организатора»⁶⁶.

Видимо, чувствуя уязвимость подобного поступка с моральной точки зрения, Конт поясняет, что согласовал свои действия с учителем, которому они «не нанесут никакого ущерба», ибо привлечение к суду обоих авторов ничем не помогло бы Сен-Симону. Нужно сказать,

что по части морали объяснение вряд ли лучше самого поступка. Скорее всего, Конт все-таки не мог еще выступать соавтором, ибо лишь помогал метру в работе. В дальнейшем относительно материалов для «Политика» Конт не выражал претензий. Что касается нескольких страниц для «Организатора», то через 34 года он переиздал их под своим именем в «Системе позитивной политики»⁶⁷.

Письмо от 6 сентября 1820 г. свидетельствует, что у Конта исчезла бывшая восторженность в отношении Сен-Симона, все это послание пронизано нетерпеливым стремлением к самостоятельности, ибо авторские амбиции его «откровенно говоря, неистребимы». Взрослеющий ученик, слишком прагматичный, но достаточно хвастливый для своих неполных 23 лет, сообщал, что составил «общирный план важных трудов, которые он осуществит позднее»⁶⁸.

Еще в 1818 г. Конт написал Сен-Симону два письма по поводу издания четвертого тома «Индустрии»⁶⁹. Отправить и даже подписать эти послания Конт, видимо, не решился, опубликованы они были много лет спустя⁷⁰. Учитель мог и не подозревать, что ученик с самого начала их знакомства склонен был не только осваивать, но и столь энергично отвергать некоторые его идеи. «В значительной мере неудача, постигшая Ваш труд,— писал Конт,— неизбежный результат ложности и необдуманности принятого Вами образа мыслей...»⁷¹.

Мысли, которые высказал Сен-Симон, не поддержат, по мнению Конта, журналисты, ибо они не могут говорить о том, что не принято в данном обществе. Публицисты будут утверждать, что труд Сен-Симона не содержит ничего нового. Ученые будут сочувствовать некоторым идеям, но не станут их распространять. Индустриалы, коммерсанты и мануфактуристы слишком заняты делами, чтобы читать книги. Кроме того, они никогда не согласовывали свои планы с интересами общества. Земельные собственники не терпят нововведений, они бу-

⁶² A. Comte. Correspondence generate et confessions, t. 1. 1814—1820. Paris, 1973, p. 27—28.

⁶³ Ibid., p. 35—37.

⁶⁴ Ibid., p. 67—71.

⁶⁵ «Sur budget», «Sur liberte».

⁶⁶ «Opuscules relatifs de la fondation de la science sociale». «Sommaire appreciation sur l'ensemble du passe moderne».

⁶⁷ A. Comte. Systheme de politique positive, v. IV, p. 4—9.

⁶⁸ A. Comte. Correspondance generale..., p. 70.

⁶⁹ Saint-Simon. Oeuvres, v. 2 (XIX).

⁷⁰ «Revue occidentale», t. VIII, 1882. Cp. A. Comte. Ecrits de jeunesse..., p. 439—449.

⁷¹ A. Comte. Ecrits de jeunesse..., p. 439.

дут уверять, что Сен-Симон жаждет перевернуть мир, и сделают все возможное, дабы предлагаемые им меры не были приняты. «Сельские индустриалисты», дворяне, правительство — все против Сен-Симона.

Таким образом, Конт назвал всех, кроме трудящихся, и в общем справедливо заметил, что сочинения Сен-Симона не найдут поддержки господствующих классов и групп буржуазного общества. Писать же нужно так, чтобы заслужить одобрение именно этих людей. «Сочинения предназначены для публики,— писал в заключение Конт,— а не публика для сочинений»⁷².

Во втором письме политические симпатии Конта выступают еще резче. Однако оно свидетельствует, что Конту нравятся некоторые идеи метра и что он намечает собственные пути их использования.

Издание «Индустрии» он считает уже не просто неудачей, а катастрофой, ибо «работа насыщена правильными и новыми идеями, но развивает их в дурном направлении»⁷³. Идеи эти хороши, ибо способствуют просвещению общества. Однако они имеют выход в политику и потому не могут не вызывать всеобщего протеста. «Не станете же вы обращаться к массе населения... Имейте в виду, что позитивные идеи, которые Вас занимают, не настолько распространены, чтобы к Вам отнеслись с пониманием в случае, если Вы прямо обратитесь к самому многочисленному классу... Как Вы не понимаете, что Ваша деятельность возбуждает страсти, затрагивает интересы — именно они будут существенно влиять на суждения о правильности Ваших доводов»⁷⁴.

«Ваши главные идеи кажутся мне самой блестящей доброй удачей, которая когда-либо выпадала на долю публициста». Что же с ними делать, если их применение в политической области ведет к катастрофе? Конт поясняет это примером. Сен-Симон ясно сказал, что «политическая экономия — единственная разумная политика», что «собственность — самый важный институт в ряду других и должен быть устроен так, чтобы наилучшим образом содействовать развитию производства»⁷⁵.

⁷² A. Comte. Ecrits de jeunesse..., p. 439—444.

⁷³ Ibid., p. 445.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Ibid., p. 446.

⁷⁶ Ibidem.

Каков же вывод Конта? Надо менять структуру собственности? Отнюдь нет. «Вместо того, чтобы применять Вашу идею к политике или практике, вместо того, чтобы изучать воздействие, которое она могла бы оказать на существующие институты и быть принята законодателями,— вместо всего этого необходимо применить эту идею в сфере научной или теоретической; необходимо обсудить влияние на теорию социальной науки, дабы возвести ее, что не исключено, в ранг фундаментальных принципов этой теории»⁷⁶.

Итак, с 1817 по 1824 г. Конт был учеником и сотрудником Сен-Симона. Ученик восторженно отзывался о своем учителе, помогал ему в работе. Он многому учился, многое осваивал, но многое и отрицал в творчестве метра. В эти годы у него зрели планы собственных сочинений, им было написано по указанию и под руководством Сен-Симона несколько работ.

Итог ранним, несамостоятельным трудам, которые с большой тщательностью изданы позитивистами⁷⁸, подвел знаменитый «План научных трудов, необходимых для реорганизации общества». Эта работа была подписана О. Контом, некоторые обстоятельства ее издания послужили поводом для окончательного разрыва между учителем и учеником и длительных споров между сен-симонистами и контистами.

«План» впервые был опубликован в апреле 1822 г. под именем Сен-Симона и назывался «Проспект работ, имеющих целью основать промышленную систему. Об общественном договоре»⁷⁹, в апреле 1824 г. он был переиздан под заголовком «Система позитивной политики» как третья тетрадь известного труда Сен-Симона «Катехизис индустриалов»⁸⁰. Только в особом предисловии Сен-Симон разъясняет, что О. Конт, его ученик, был автором этой тетради. Такое необычное и двусмысленное

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ A. Comte. Opuscules de philosophie sociale 1819—1829. Paris, 1883; Evolution originale. Documents publies jusqu'ici montrant la paraitte continuee de cette evolution sens pareille, malgre les troubles profondes dus a la funeste liaison avec Saint-Simon, v. 1. 1798—1819. Rio de Janeiro, 1913; Ecrits de jeunesse. 1816—1828. Paris, 1970.

⁷⁹ Saint-Simon. Suite des travaux ayant pour object de fonder le Systeme industriel Du Contract social. Paris, 1822.

⁸⁰ Saint-Simon. Cathechisme des industriels, 3^e cahier, Paris, 1824.—Oeuvres, v. 4 (XXXVIII).

обозначение авторства Конта, собственно, и стало поводом для скандала. В письмах к Е. Табарье (5 апреля 1824 г.), Г. Эхталю (1 мая и 6 июня 1824 г.), Вала (24 мая 1824 г.)⁸¹ Конт выражал свое негодование, рисовал недавнего «отца Сен-Симона», «превосходнейшего человека» самыми мрачными красками, как нетерпимого эгоиста, выживающего из ума философа. Он не покидает его только из благодарности за прежнюю науку. И все-таки в мае 1824 г. Конт еще не чувствует достаточно сил объявить полную независимость. Несмотря на уязвленное самолюбие, бранясь и негодуя, в письме к Вала он заметил: «Несомненно, я многим обязан Сен-Симону в умственном развитии. Он очень сильно помог мне примкнуть к тому направлению философии, которое теперь я окончательно усвоил и которому буду следовать неуклонно всю жизнь»⁸².

Об этом же говорил Конт в Предисловии к «Плану»⁸³. Свой труд он рассматривал как начало «серии внешне самостоятельных, но внутренне единых сочинений». Их задача — доказать, что «политика должна подняться на уровень наук, основанных на наблюдении», что этот же принцип «позитивности» необходимо применить для «духовного преобразования общества». В одном случае речь пойдет о методе «социальной физики» в другом — о его применении. словно предупреждая мысль читателя, что ему сулят нечто уже известное, Конт спешит заявить: «Я — ученик Сен-Симона и люблю повторять это. Однако, чтобы поточнее выразить смысл своего произведения, я озаглавил его («Система позитивной политики». — Г. К-) иначе, чем именуется сочинение моего учителя («Катехизис индустриалов». — Г. К-). Несхожесть названий отнюдь не означает, что наши труды отличаются своими целями. Данные работы следует рассматривать как две стороны той же самой доктрины, стремящейся установить единую систему политики различными средствами».

Далее Конт выразил свое полное согласие с «философской идеей Сен-Симона», что социальное преобразование немислимо без «духовных трудов», противополож-

ных по характеру, но равновеликих по значимости. Одни, основываясь на «научной способности», должны «разрабатывать общие доктрины»; другие, опираясь на «способность литературную» и «художественное воображение», призваны «обновить социальные чувства». «В своих исследованиях,— писал далее Конт,—Сен-Симон стремился открыть главные понятия, необходимые для целесообразного решения этой двуединой задачи великого философского преобразования, выпавшего на долю XIX века. Размышляя долгое время об основных идеях Сен-Симона, я занимался исключительно систематизацией, развитием и совершенствованием той части воззрений этого философа, которая относится к области научной... Я счел долгом заявить об этом, дабы в случае одобрения моего труда, похвалы были обращены основательно школы, к которой я имею честь принадлежать».

Предисловие настолько красноречиво, что мы ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями. Оно свидетельствует о теоретической несамостоятельности Конта, признаваемой им зависимости от «главной философской идеи», «главных философских понятий», «философской школы», «доктрины» Сен-Симона. Вместе с тем Конт ограничивает свою задачу сферой «духовного, философского, умственного преобразования», сводя к ним одним проблему «преобразования социального». Его занимает как это уже было в письмах 1818 г., научная сторона, теоретическая форма сен-симонизма, методология «социальной физики» и «позитивной политики учителя», лишенная его социальных и политических устремлений. Более того, даже в области «философского преобразования» Конт интересуется «разработкой общей, научной доктрины», оставляя в стороне необходимость «обновления социальных чувств».

Кто знает, может быть, Конт был прав, когда совершенно твердо отстаивал свое авторство и неоднократно (в 1829, 1838, 1842, 1854 гг.) называл «План» своим «фундаментальным сочинением».

В 1854 г., на закате жизни, Конт включил данное сочинение, эту третью тетрадь «Катехизиса индустриалов», в «Систему позитивной политики», назвав здесь

⁸¹ A. Comte. Correspondence generate, p. 75—98.

⁸² Ibid., p. 90.

⁸³ CM. Saint-Simon. Oeuvres, v. 4 (XXXVIII), p. 6—8.

⁸⁴ A. Comte. Cours de philosophie positive, v. 1, p. 4; v. 4, p. 5; v. 6, p. 8—9; idem. Systeme de politique positive, v. I, p. 1.

свое раннее сочинение «Планом научных работ, необходимых для реорганизации общества». Предисловия Конт не переиздавал. Вместо прежних рассуждений о долге перед Сен-Симоном можно прочесть следующее: «Направление моих философских и одновременно социальных взглядов было бесповоротно определено в мае 1822 г. третьей моей небольшой работой, в которой было изложено мое фундаментальное открытие социологических законов. Ее название, единственное которое должно фигурировать, достаточно, чтобы указать на тесную связь между двумя научными проблемами, которые до сих пор меня занимали — либо каждая по себе, либо обе вместе»⁸⁵.

Эта напыщенная сентенция интересна не только как свидетельство скверного характера Конта, она лишь еще один факт, говорящий об идейной пропасти между учителем и учеником. После скандала 1824 г. ничто не связывало Конта с сен-симонизмом, кроме вполне освоенной учеником манеры мыслить, обосновывать свои взгляды, излагать общеполитические и социальные проблемы, по видимости, реалистично, «позитивно» и «научно». Как система критически-утопического социализма сен-симонизм не внушал Конту ничего, кроме нарастающей год от года ненависти. По верному замечанию А. С. Кона, «социология Конта, будучи реакцией на умозрительную философию истории и критикой ее, была в то же время консервативным ответом на социализм»⁸⁶. В частности, добавим, она была отрицанием, буржуазным антиподом сен-симонизма и вместе с тем попыткой использовать некоторые теоретические достижения Сен-Симона для обоснования системы буржуазного позитивизма.

Что касается самого «фундаментального сочинения», в котором выражено «фундаментальное открытие», то оно помогает еще более утвердиться в выводах, вытекающих из других источников. Легко обнаружить связь этого сочинения с трудами Сен-Симона, созданными в период 1817—1824 гг. Легко найти в них даже прямые текстологические совпадения. Мы не будем этого делать, ибо подобные совпадения можно толковать и как свидетельство несамостоятельности Конта, и как доказа-

тельство зависимости от него Сен-Симона. Семь долгих лет Конт был секретарем и сотрудником Сен-Симона, готовил для метра материалы, составлял некоторые части его сочинений.

Юноша многому научился. Но было бы невероятно, чтобы он не вносил в обоснование отдельных деталей «общей доктрины» каких-то своих идей.

Современные контисты указывают на слабые стороны метода сопоставления сочинений их кумира с работами Сен-Симона, созданными в годы их сотрудничества. «Что Конт позаимствовал у Сен-Симона? — вопрошает, например, П. Арно. — Ответить тем легче, чем больше упростишь задачу, сравнивая, скажем, труды Конта с произведениями, подписанными Сен-Симоном, но написанными его секретарем, или возлагая на метра ответственность за мысли, которыми его посмертно столь щедро наделили авторы «Изложения учения Сен-Симона». При таких посылках вполне естественно приходишь к выводу: то общее, что имеется в трудах Конта и в сен-симонистских сочинениях, вернее, в сен-симонистских взглядах, лишь «переиздание идей Сен-Симона»⁸⁷. Рассуждения Арно не только крайне тенденциозны, но весьма неглубоки и уязвимы: никому не удастся доказать, что в период 1817—1824 гг. Сен-Симон лишь ставил свое имя на работах, созданных Контом.

Эти работы носят следы участия в них Конта, но в целом совершенно противоречат характеру его убеждений и творчества.

Однако фразы Арно становятся совершенно бессмысленными, если познакомиться с «Планом научных работ, необходимых для реорганизации общества», другими сочинениями Конта и сравнить содержащиеся в них «фундаментальные открытия» с некоторыми (уже известными нам) основополагающими теоретическими идеями трудов, опубликованных Сен-Симоном в 1802—1817 гг.

В «первом своем фундаментальном сочинении» Конт отмечает, что современное ему общество переживает эпоху «перехода от доживающей свои последние дни старой социальной системы к системе новой, которая достигла полной зрелости и стремится заменить первую»⁸⁸.

⁸⁵ A. Comte. *Systheme de politique positive*, v. IV. Appendice generale, p. III, 47—137.

⁸⁶ А. С. Кон. Указ. соч., стр. 9.

⁸⁷ P. Arnaud. *Op. cit.* — «Economies et societes», 1970, N 6, p. 187.

⁸⁸ A. Comte. *Systheme de politique positive*, v. IV. Appendice generate, p. 47.

В соответствии с этим в обществе действуют два вида движения — «дезорганизации» и «реорганизации». Если первое из них толкает к моральной и политической анархии, то второе ведет к «окончательному социальному строю, который полнее всего отвечает природе человеческого рода и при котором средства, ведущие к благосостоянию, получают наибольшее развитие и непосредственное применение»⁸⁹. Борьба двух тенденций — главная черта времени. Чтобы «положить конец этому бурному состоянию... необходимо убедить просвещенные народы отказаться от разрушительной тенденции, поддержать тенденцию органическую и сосредоточить все свои усилия на создании новой социальной системы». «Такова, — говорит Конт, — главная потребность современной эпохи, такова же общая цель моих трудов и особая задача данного сочинения»⁹⁰.

Кризисная ситуация сложилась во Франции после революции. Ретрограды и короли стремятся выйти из нее, восстановив старую «феодално-теологическую» систему, но это невозможно, так как для достижения подобной цели пришлось бы уничтожить все предшествующие завоевания цивилизации — философию XVIII в., реформацию, все позитивные, т. е. основанные на наблюдении, науки⁹¹. В плане политическом попытки ретроградов привели бы в конечном итоге к отказу от плодов индустриализма и восстановлению рабства⁹².

Народы предлагают столь же негодные решения, ибо опираются на учения, выдержанные «в критическом духе», на философию XVIII в., которая хорошо послужила для разрушения старой социальной системы, но бесполезна для созидания системы новой⁹³.

Необходимо разработать такую доктрину, которая была бы принята и народами, и королями и заставила бы их отказаться от действий, направленных в противоположные стороны⁹⁴. Органическая доктрина до сих пор не существует только потому, что составлением социаль-

ных теорий занимались некомпетентные люди..., которые пытались начертить в мельчайших подробностях план социального преобразования»⁹⁵. «Социальная реорганизация» складывается из двух частей, двух «серий трудов» — «теоретической, или духовной», «практической, или политической»⁹⁶. Главная ошибка творцов социальных теорий состоит в том, что «дело социальной реорганизации, теоретическое по самой своей сути, они считают чисто практической задачей»⁹⁷. Итак, «социальную реорганизацию» нужно перевести в чисто научную, теоретическую сферу. Только в этом случае она будет принята и народами, и королями.

Такую задачу должны решить ученые. Она столь грандиозна, что не под силу исследователям одной страны. Поэтому необходимо направить к единой цели работы представителей позитивных наук всех стран Европы. Они все в этом заинтересованы, так как кризисное состояние имеет всевропейский характер⁹⁸. Отметим, что все эти мотивы невольно заставляют вспоминать о трудах Сен-Симона 1802–М817 гг., обращенных, правда, не только в сферу чистой науки, чистой теории, но и в практику, в сферу политики, обращенных, разумеется, в меру достижений его критически-утопического социализма.

«Ученые должны возвести политику в ранг наук, основанных на наблюдении»⁹⁹, — эти слова записал Конт в своем сочинении, но их не раз повторял и Сен-Симон. Для учителя это был отправной пункт для выхода в практическую сферу, для ученика — «кульминационная и окончательная точка зрения, на которую нужно встать»¹⁰⁰. Достигнув этой точки зрения, Конт рассматривает далее закон трех стадий развития человеческого разума. «Всякая отрасль нашего познания, — писал он, — должна неизбежно пройти последовательно три различных теоретических состояния: теологическое, или фиктивное, метафизическое, или абстрактное, позитивное, или научное.

На первой стадии сверхъестественные идеи объединяют небольшое число разрозненных наблюдений...

⁸⁹ A. Comte. *Systheme de politique positive*, v. IV. Appendice generale, p. 47.

⁹⁰ Ibid., p. 47–48.

⁹¹ Ibid., p. 48–50.

⁹² Ibid., p. 50.

⁹³ Ibid., p. 51–55.

⁹⁴ Ibid., p. 55–57.

⁹⁵ Ibid., p. 60–62.

⁹⁶ Ibid., p. 63;

⁹⁷ Ibid., p. 65.

⁹⁸ Ibid., p. 71–73, 74–77,

⁹⁹ Ibid., p. 77.

¹⁰⁰ Ibidem.

Иными словами, наблюдаемые факты рассматриваются а priori, т. е. согласно фактам изобретенным, фантастическим. Это состояние переживает всякая наука... Назначение второй стадии — служить средством перехода от первой к третьей. Она по необходимости уродлива, ибо соединяет факты с помощью идей уже не совсем сверхъестественных, но еще не вполне естественных, идей, олицетворяющих какие-либо абстракции...»¹⁰¹.

Третья, окончательная стадия всякой науки наступит тогда, когда факты сгруппированы согласно вполне позитивным идеям или законам, подсказанным и подтвержденным самими же фактами, которые достаточно просты и всеобщы, чтобы стать принципами. Необходимо сократить таковые факты до возможно меньшего числа, дабы было легко проверить их наблюдением и рассматривать как средство общего выражения самых разнообразных явлений¹⁰².

Так законы исторического развития человеческого разума Сен-Симона приобретают у Конта характер временной, универсальной схемы.

Политика прошла две стадии, необходимо, чтобы она поскорее достигла третьей стадии — науки. Ее-то и нужно создать и с помощью деятелей искусства распространять среди королей и народов. Это будет величайшая революция, она предохранит общество от угрожающих ему взрывов, направит на путь истинный, продиктованный состоянием просвещения¹⁰³. Так, не повторяя «ошибок» учителя, Конт стремится и в рассуждениях о политических вопросах не выйти за рамки «чистой науки», «чистой теории». Такую науку можно создать, только подчинив воображение наблюдению¹⁰⁴. Позитивные доказательства «способны воздействовать на классы, которые в силу своих предрассудков и интересов склонны бороться против цивилизации»¹⁰⁵.

Далее Конт указывает на главные попытки возвести политику на уровень наук, основанных на наблюдении, говорит о Кондорсе, Монтескье, рассуждает о возможно-

сти применения методов математики и данных физиологии.

В особом предисловии к «Третьей тетради» Сен-Симон отметил: «Мы поручили нашему ученику г. Конту изложить общие идеи нашей системы. Написанная им работа очень хороша, если смотреть на нее теми же глазами, что и автор. Он, однако, не выполнил поставленную перед ним задачу — не изложил общих идей нашей системы, вернее, изложил их лишь частично, отдав предпочтение вопросам, которые мы считаем второстепенными.

В созданной нами системе главное место отводится интересам производства... Индустриалы обязаны понимать, что им одинаково полезны данные наук как платоновского¹⁰⁶ так и аристотелевского¹⁰⁷ направлений. Эта основополагающая мысль существенно отличается от идеи нашего ученика, ставшего на точку зрения Аристотеля... Конт думает, что аристотелевская способность, как самая главная в ряду других, должна господствовать над эмоциональными, производственными и философскими запросами.

Из сказанного следует, что он затронул лишь чисто научную сторону нашей системы и совершенно не коснулся проблем, относящихся к области чувств и религии... Мы полагали своим долгом предупредить об этом читателей. В следующей тетради мы постараемся в меру сил изложить наши общие идеи, не прибегая ни к чьей помощи... Конт лишь наполовину выполнил наши указания»¹⁰⁸.

Предисловие Сен-Симона, точно так же как предисловие Конта, сам «План научных работ, необходимых для реорганизации общества», письма Конта и другие источники, весьма выразительно говорят о характере отношений ученика и учителя, мастера и подмастерья, позволяя судить о существовании их разногласий.

После смерти Сен-Симона Конт некоторое время сотрудничал в «Производителе», написав довольно большие работы: «Философские рассуждения о науке и об ученых», «О духовной власти»¹⁰⁹, развив здесь в полной

¹⁰¹ A. Comte. *Systheme de politique positive*, v. IV, p. 77.

¹⁰² Ibid., p. 78.

¹⁰³ Ibid., p. 78—80, 103—105.

¹⁰⁴ Ibid., p. 83—85.

¹⁰⁵ Ibid., p. 96

⁶ Видимо, предполагается учение о чувственном мире, психология.

¹⁷ По всей вероятности, речь идет о науках, опирающихся на логику. j» Saint-Simon. *Oeuvres*, v. 4 (XXXVIII), p. 3—5.

A. Comte. *Considerations philosophiques sur les sciences et sur les savants: Considerations sur le pouvoir spirituel.* — «Le Producteur»,

мере свои представления об определяющем и всеобъемлющем значении универсальных идей «научного ряда» в жизни общества. На заседаниях в редакции Конт не присутствовал, подчеркивая свою независимость¹¹⁰.

Опубликование в этом же журнале статей Базара дало Конту повод обвинить руководителя зарождающегося сен-симонистского движения в плагиате и потребовать, чтобы впредь при изложении вопросов общей социологии упоминали его имя. Базар отверг эти притязания на том основании, что в своих работах он опирался на идейное наследие Сен-Симона, а вовсе не на работы Конта. Дело едва не кончилось дуэлью. С переживаниями этого времени Литтре связывает и душевную болезнь Конта¹¹¹.

Как уже отмечалось, Огюст Конт начал «позитивистские чтения» 2 апреля 1826 г., т. е. после опубликования статей в «Производителе». Им было прочитано три лекции. Болезнь надолго прервала это важнейшее дело его жизни. Чтения были возобновлены только 4 января 1829 г. на его квартире, а с 9 декабря 1829 г.—в парижском зале «Афины Паллады». Они заложили основы «Курса позитивной философии», шесть томов которого наряду с четырьмя томами «Системы позитивной политики» определяют роль Конта как основоположника позитивизма.

15 июля 1829 г. сен-симонисты посвятили Конту специальное заседание. Базар прочитал лекцию «По поводу «Третьей тетради», «Катехизиса промышленников», сочинения, написанного Огюстом Контом, учеником Сен-Симона». Официальный мотив выступления состоял в том, что на одном из собраний сен-симонистов их идеям о религии будущего были противопоставлены «некоторые, без сомнения, весьма замечательные цитаты» из сочинений Конта¹. Базар стремился возможно более точно передать мысль Конта, а в принципиальных оценках придерживался опубликованного предисловия Сен-Симона. «Труд О. Конта,—говорил лектор,—о котором у нас еще не было случая беседовать с вами, служил

многим из нас введением в учение Сен-Симона... Если смотреть на него глазами самого автора, т. е. если исходить из стремления построить политическую науку на тех же основаниях, что и науки, покоящиеся на наблюдениях, то с этим сочинением не может сравниться ни одна попытка подобного рода, ни одно конкретное воплощение чистой научной способности... Но если, взирая с той высоты, на которую нас поднял Сен-Симон, мы видим нашу задачу в том, чтобы связать все науки с помощью единой концепции, лишить сами науки и ученых свойственного им состояния обособленности и эгоизма; если, исследуя одновременно три основных аспекта прогрессивного развития человечества (искусство, производство, наука), мы страстно желаем познать и осуществить на земле порядок, касающийся всех сторон жизни,—то нам кажется, что, занимаясь только наукой и забывая при изложении истории говорить об изменении общественных чувств, человек разрабатывает лишь второстепенные проблемы»¹¹³.

Подобную же позицию в отношении Конта занимал в это время Анфантен. Он подробно анализировал «Третью тетрадь» в своем письме Пикару от 15 августа 1829 г.¹¹⁴ Его более позднее письмо Байи показывает, что Конта упрекали не за пристрастие к науке, а за ограничение ее задач. «Эхталь не всегда был учеником Конта,—писал Анфантен.—Последний втиснул бы, если это вообще возможно, духовный мир юности в рамки, которые учитель поставил самому себе. Конт мастерски лишил Эхталь христианской веры, мы с любовью возвратили ему веру сен-симонистскую. Конт толкал ученика на путь опошления науки, отвергнув этот путь, Эхталь вместе с нами движется к органическому состоянию, к жизни»¹¹⁵.

До опубликования шестого тома «Курса позитивной философии» (1842 г.) Конт ни разу не сослался в своем труде на Сен-Симона, ни словом не обмолвился он и о сен-симонистах. Однако некоторые фразы предисловия к первому тому (1829 г.) не только противоречили его предисловию к «Третьей тетради» (1824 г.), но и своей

t. I, II, N 7, 8, 10, 12, 20, 21. Cp. *idem*. *Systheme de politique positive*, v. IV. Appendice generale, p. 137—216.

¹¹⁰ *Saint-Simon*. *Oeuvres*, v. II, p. 166.

¹¹¹ *E. Littre*. *Op. cit.*, p. 34—35.

¹¹² *Saint-Simon*. *Oeuvres*, v. XLII, p. 65.

¹¹³ *Saint-Simon*. *Oeuvres*, v. XLII, p. 65—66.

¹¹⁴ *Bibliothèque Nationale*. D. m. N. acq. fr. 24608.

¹¹⁵ *Ibidem*.

двусмысленностью наносили ущерб памяти Сен-Симона и оскорбляли тех, кто считал себя его продолжателем.

Собрав, что «Курс позитивной философии» развивает идеи «Системы позитивной политики», которая была опубликована еще в 1822 и 1824 гг., Конт пишет: «Я счел нужным заявить, что это первое мое фундаментальное сочинение действительно увидело свет, ибо некоторые авторы в своих трудах, изданных после моего, излагают мысли, очень похожие на мои, без всякого упоминания моих изысканий. Особенно это верно в отношении идей о необходимости обновления социальных теорий. Хотя, как об этом не раз свидетельствовала история человеческого разума, разные мыслители, занимаясь одним и тем же кругом проблем, могут без всяких связей друг с другом прийти к аналогичным теоретическим построениям, я все-таки был обязан объявить о более раннем издании моей малоизвестной для широкой публики работы, дабы никто не подумал, что я извлек основания моих идей из сочинений, опубликованных после моего труда»¹¹⁶.

До последних дней Конт стремился свести счеты с сен-симонистами и заодно подчеркнуть полную непричастность к идейному наследию Сен-Симона. В письмах 1832 г., отстаивая самостоятельность своей философии, он рисовал бывшего учителя в самом неприглядном виде¹¹⁷. М. Шевалье и Г. Эхталь напечатали 13 января 1832 г. в «Глобусе» гневные ответы Конту. Возмущенный Шевалье писал: «Почему Вы заставляете высказать Вам, что в то время, когда Сен-Симон лелеял Вас, как сына, вы никогда не любили его, как отца? Почему даже сейчас вынуждаете меня заметить Вам, что во всем Вашем письме нет ни слова благодарности, даже уважения, к человеку, которому Вы обязаны всем?»¹¹⁸ Распад сен-симонистской школы и работа Конта над «Курсом позитивной философии» помешали, видимо, дальнейшей полемике.

Конт перенес ее в свое главное сочинение. В последнем томе «Курса позитивной философии», в «Личном

предисловии», составленном 14 июля 1842 г., он написал: «Моя естественная эволюция долгие годы была совершенно устойчивой, я не свернул с пути и не остановился из-за мало благоприятного для меня общения со знаменитым Сен-Симоном, писателем весьма остроумным, но и весьма поверхностным. По природе своей это был человек скорее практического, чем теоретического склада. Меньше всего его можно назвать философом. Необъятное честолюбие было по сути единственной побудительной причиной его деятельности». Дальше Конт объясняет, что Сен-Симон, как и он сам, ощущал «потребность в социальном возрождении путем умственного обновления», но представления об этом были у Сен-Симона «смутные и бессвязные» из-за «полной беспорядочности воспитания», которое он получил. Совпадение исходных позиций послужило, пишет сам Конт, основанием «злополучного влияния» на него Сен-Симона и заставило заниматься «текущей политикой». Конт признает, что изучение проблем современности обратило его внимание на роль производства в жизни общества, хотя он и знал об этом раньше из трудов экономистов. Экономические учения Конт называет «первой реальной основой направления, характеризующего в особенности Сен-Симона». Внешнее совпадение идей — его, Конта и Сен-Симона, и притом «весьма ограниченное», дало повод и предлог для «инсинуаций завистников»¹¹⁹.

Одиннадцать лет спустя в «Системе позитивной политики» Конт говорит уже не о «мало благоприятном общении со знаменитым Сен-Симоном», а о «мало благоприятном общении в годы ранней молодости с кривлякой Сен-Симоном». Если в 1842 г. Конт решительно отрицал ответственность Сен-Симона за религиозные идеи сен-симонистов и «кривляками» называл последователей Анфантена, то теперь, он полагал, что «секта» во всех отношениях достойна кумира, которого себе создала. Она же распространяет басни, будто его, Конта, философия получила толчок от идей Сен-Симона!¹²⁰

Итак, «превосходнейший человек» и «кривляка», «глубокий мыслитель» и автор «смутных и бессвязных

¹¹⁶ A. Comte. Cours de philosophie positive, v. I, p. 4.

¹¹⁷ Correspondance inedite d'Auguste Comte, v. 1—4. Paris, 1903—1904, v. I, p. 65 sq.; Lettres d'Auguste Comte a divers, publiees par ses Executeurs testamentaires, v. 1—2. Paris, 1902—1905, v. 2, p. 177 sq.

¹¹⁸ CM. Saint-Simon. Oeuvres, v. V, p. 102—125.

¹¹⁹ A. Comte. Cours de philosophie positive, v. VI. Paris, 1877. Pref. personnelle, p. 8—9, 37.

¹²⁰ A. Comte. Systeme de politique positive, v. III, p. XVI; v. IV, Appendice generale, p. 11.

идей» — таковы крайности в отношении Конта к Сен-Симону. Они отражают противоположность сен-симонизма как системы критически-утопического социализма и контизма как направления буржуазной философии и социологии. Злобные и высокомерные фразы о бывшем учителе выдают теоретическую несамостоятельность Конта, его зависимость от некоторых сторон учения Сен-Симона.

Не только предисловия и письма, но и сами сочинения Конта, созданные им вполне самостоятельно, после разрыва с Сен-Симоном, подтверждают эти выводы. Мы приведем некоторые примеры этой противоречивой связи, отнюдь не претендуя на сколько-нибудь развернутое изложение системы позитивной философии и социологии Конта, несколько не умаляя воздействия на их формирование иных идейно-теоретических истоков. Позитивное значение, писал Конт в 1842 г., как знание «реальное», противоположно «химическому», оно полезно и несоместимо с праздным любопытством, оно достоверно и противостоит всему сомнительному, оно точно установлено и не терпит неопределенности, оно созидает, а не разрушает. Отличаясь этими свойствами от теологии и метафизики, позитивное знание в то же самое время не затрагивает «заведомо неразрешимых вопросов», сознательно отказывается от их рассмотрения, хотя и избегает отрицать их существование. Ведь никто логически не доказал, что даже такие мифические существа, как Аполлон и Минерва, на самом деле не существовали. Основоположающим принципом «позитивного знания» является тенденция заменить повсюду абсолютное относительным¹²¹. «Абсолютное знание», т. е. познание «сущности вещей», совершенно невозможно и не нужно. Установление причин (как первичных, так и конечных) Конт считает бесплодным и бессмысленным занятием. «Все попытки общего объяснения всех явлений одним законом совершенно бесполезны,— полагает Конт,— даже если их делают самые сведущие люди..., силы человеческого разума слишком невелики, а мир слишком сложен... кроме того, мне кажется, что слишком уже преувеличивают выгоды такого объяснения»¹²².

Так диалектическая мысль Сен-Симона об относительности «позитивного», т. е. точно установленного, и предположительного, т. е. установленного не точно, превращается у Конта в принцип релятивизма и непознаваемости сущности явлений.

Наряду с «великим законом трех стадий» вторым своим основным открытием Конт считает классификацию наук. Эту классификацию он склонен иногда именовать своей «энциклопедической формулой»¹²³. Что касается закона трех стадий, то в произведениях «зрелого Конта» он мало изменился по сравнению с «Планом научных работ, необходимых для реорганизации общества».

Принцип классификации получил развернутое изложение. «Курс позитивной философии» подробно рассматривает каждую из наук, попавшую в поле зрения Сен-Симона, а затем Конта. Речь идет об астрономии, физике, химии, физиологии, социальной физике и математике. При всем сходстве классификации Сен-Симона и Конта имеются и некоторые отличия. Сен-Симон в общей схеме не выделял особо социальную физику, включая ее в физиологию. Оба они особое место отводили математике. У Сен-Симона она — средство познания, ограниченное спецификой того явления, которое она изучает. У Конта — математика стоит во главе позитивной философии¹²⁴. «При современном состоянии наших позитивных знаний,— писал Конт,— математику, особенно со времен Декарта и Ньютона, следует считать не столько составной частью естествознания в собственном смысле этого слова, сколько подлинной основой всей позитивной философии. Точнее говоря, математика и то, и другое»¹²⁵.

Конт значительно превосходит учителя в знании деталей, частных законов, содержания каждой из наук, обнаруживая большие способности систематизатора и популяризатора высказанных до него фундаментальных мыслей.

Если и «закон трех стадий», и классификацию Сен-Симона пронизывает принцип историзма, то Конт в этом отношении делает значительный шаг назад. «Нельзя,— писал он,— вполне изучить науку, не зная ее истории.

¹²¹ *A. Comte. Discours sur l'esprit positive.— A. Comte. Oeuvres choisies. Paris, 1947, p. 217—219.*

¹²² *A. Comte. Cours de philosophie positive, v. 1, p. 44.*

¹²³ *Ibid., p. 85.*

¹²⁴ *Ibid., p. 87.*

¹²⁵ *Ibid., p. 86.*

Но изучение истории науки должно быть совершенно отделено от собственно теоретического познания науки, без которого история ее совершенно непонятна». Таким образом, Конт не только отделяет науку от политики, теорию от практики, но также теорию от истории.

Большое место в позитивизме Конта занимает социология, социальная физика, ради нее, собственно, и строится вся его система. В «Курсе позитивной философии» из предполагавшихся 72 лекции (столько им и было прочитано, а напечатано лишь 60) социальной физике отводилось 15. Рассматривает он социальную физику в уже знакомом нам «теоретическом», антидемократическом, охранительном духе, исходя из принципа «неизменности естественных законов бытия»¹²⁶.

Завершим краткое изложение философской и социологической системы Конта словами К. Маркса, который писал: «В качестве партийного человека я занимаю решительно враждебную позицию по отношению к контизму, а как человек науки очень невысокого мнения о нем»¹²⁷.

4. ОТНОШЕНИЕ К СЕН-СИМОНИЗМУ ФИЛИППА БЮШЕ

Если работы А. Гюйе служат сокровищницей фактов для социологов-позитивистов, то основанные на архивах труды Ф. Изамбера¹ призваны быть кладом мудрости клерикально настроенных социологов религии. Бюше интересен для Изамбера «как замечательный пример социального мыслителя», связывающего воедино религиозную идею, пропаганду обновленчества и попытку создания науки об обществе². Скрупулезное описание его общественной и литературной деятельности доводится до 1842 г. Именно в этот период юный революционер и поклонник якобинцев становится карбонарием, затем — одним из руководителей сен-симонистского движения, а в 1830 г., после разрыва с Базаром и Анфантенем,—

основателем нового общественно-политического и идейного течения, претендующего на роль единственного продолжателя мысли и дела Сен-Симона.

Однако его пропаганда 30—40-х годов была направлена против социалистических идей и революционного рабочего движения. В противовес французским социалистам Бюше выдвинул окрашенное в религиозно-католические тона требование об учреждении с помощью буржуазного государства кооперативных товариществ рабочих³. Эти идеи резко критиковали К. Маркс и Ф. Энгельс⁴.

Идейная эволюция Бюше может быть охарактеризована как движение от атеизма и якобинизма к социальному католицизму, от последовательного рационализма к идее взаимного проникновения науки и религии. Решающим моментом, обеспечивающим это движение, служит, по мнению Изамбера, сен-симонизм — и как якобы особое религиозное учение, и как первая попытка создания науки об обществе.

Уже в мае 1825 г., по свидетельству Бюше, он прочел знаменитую «Притчу»⁵. От многочисленных политических памфлетов той эпохи работу Сен-Симона отличало внимание к проблемам социальным: автор «Притчи» подчеркивал значение производственной деятельности в жизни общества. Глубокое впечатление произвело на Бюше «Новое христианство», которое он называл «единственным, по-настоящему оригинальным сочинением Сен-Симона»⁶. Ф. Изамбер не исключает, что к 1825—1826 гг. Бюше были известны «Катехизис промышленников», «Мнения литературные, философские и экономические», а также «Введение к научным трудам XIX века» и «Очерк науки о человеке»⁷.

По всей вероятности, благодаря Базару Бюше познакомился с сен-симонистами. Он стал другом будущего «главного автора» «Изложения учения Сен-Симона» еще

¹²⁶ A. Comte. Cours de philosophie positive, v. 1, p. 7.

¹²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 189—190.

¹ Кроме упоминавшихся выше работ, см. F. Isambert. Religion et science de l'histoire chez Buchez (1796—1869).— «Archives de sociologie des religions», 1965, N 20.

² F. Isambert. Politique, religion..., p. 289.

³ P. J. Wassetz. Bikhez, der Begründer der modernen Assoziationsbewegung Frankreichs. Bern, 1898. Газеты: «L'Europeen», 1831—1832, 1835—1837; «L'Atelier», 1840—1850.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 4, 26.

⁵ F. Buchez. Essai d'un fraite complet de philosophie du point de vue du catholicisme et du pro'gres, v. 1, p. 26.

⁶ Ibid., t. II, p. 315.

⁷ F. Isambert. De la charbonnerie au saint-simonisme, p. 146—148.

в 1817—1818 гг. Дружба эта скреплялась активным участием в движении французских карбонариев, горечью пережитого поражения, поисками новых путей борьбы с социальными несправедливостями⁸.

«Le Producteur» начал выходить с 1 октября 1825 г., 27 ноября в нем появилась статья А. Базара⁹. Ф. Бюше наряду с Базаром, Анфантенем, О. Родригом и Руэном был в числе главных редакторов этого сен-симонистского журнала, он входил также в состав «редакционного и пропагандистского совета», определявшего тематику и содержание публикаций¹⁰. В марте 1826 г. Бюше вместе с Анфантенем, Базаром, О. Родригом и Лораном подписал документ о превращении «Le Producteur» в еженедельное издание¹¹. С апреля, т. е. с того времени, когда было принято решение более энергично подчеркнуть связь с учением Сен-Симона, здесь стали печататься статьи и заметки Ф. Бюше¹². После ухода из редакции Конта Бюше ведет рубрику, посвященную теоретическим вопросам науки. Именно Бюше был первым, кто сослался в «Le Producteur» на «Новое христианство», заявив, что медики, как никто, видят страдания самого многочислен-

ного класса, класса наемных работников, людей, которые располагают самыми незначительными средствами существования¹²⁻¹⁴. Решение социальных проблем, полагал Бюше, всецело зависит от религии. В истории человечества христианство играет, подчеркивал он, огромную положительную роль. Христос, этот «сын Греции и Востока», «принес пошатнувшемуся миру надежду; рабам он обещал освобождение; его учение питало присущее человеку чувство любви к ближнему»¹⁵. Упадок христианства относится к концу XV в. и связан с неспособностью церковных деятелей учесть достижения науки и изменить отношение к труду, превратив его из проклятия в источник религиозного наслаждения человека. Обществу необходимо религиозное обновление. «Наука и труд станут богами будущего, а люди, пострадавшие во имя блага человечества, святыми мучениками».

Если у Базара и Анфантена этой новой религией служит пантеистическое богословие, то у Бюше обновление возможно в рамках традиционного христианства, «католицизма, опирающегося на здание науки»¹⁶.

Бюше неоднократно подчеркивал, что именно физиология, психология и социология, т. е. науки о человеке, как говорил Сен-Симон, а не математика, как утверждал Конт, являются главными науками¹⁷. Социальные требования Бюше — более чем умеренные и предвосхищают дальнейшие его мысли о помощи государства кооперативным товариществам рабочих: «Тем классом людей, которые живут на жалование,— писал он,— правительство должно заниматься прежде всего. Богачи не нуждаются ни в советах, ни в поддержке»¹⁸.

12 декабря 1826 г. Бюше вместе с Базаром, Анфантенем, О. Родригом и Руэном подписал циркуляр о прекращении выпуска «Le Producteur»¹⁹.

Из писем Бюше к Анфантену следует, что в «период негласного распространения доктрины» он пытался сплю-

⁸ Aug. Ott. Notice sur la vie et les travaux de Buchez.— Ph. Buchez. Traite de Politique et de science sociale. Paris, 1861; H. Godlewski. L'etudiant en medecine Philippe Buchez, fondateur du Carbonarisme francais.— «Bulletin de la Societe franchise d'histoire de medecine», janv.—fev. 1937.

⁹ A. Bazard. Des partisans du passe et de ceux de la liberie de conscience.— «Le Producteur», t. 1, p. 399—412.

¹⁰ H. R. D'Allemagne, Op. cit., p. 33, 35.

¹¹ Cp. H. Fournel. Op. cit., p. 35.

¹² Ph. Buchez. De la physiologie; Du projet de loi sur les ecoles de medecine et la police medicale? Manuel de clinique medical, par L. Martinet; Discours sur la Biologie ou science de la vie; Quelques reflexions a l'occasion du proces de la fille Cornier; Physiologie. Des termes de passage de la physiologie individuelle a la physiologie sociale; Quelques reflexions sur la litterature et les Beaux-Arts; Subordination des sciences; Troisieme lettre a M. baron d'Eckstein; Notice historique sur les medecins du grand Hotel Dieu de Lyon, par J.-P. Cointe; Histoire medicale des marais, et traite des fiebres intermittentes causees par les emanations des eaux stagnantes, par J.-B. Montfaleau; Quelques generalites sur les eaux minerales, par M. D.-T. Douin; De la Grece; L'Hygiene; Reclamation de Tiedemann dans les archives de medecine; Considerations sur le rapport du nombre des producteurs a celui des non-producteurs en Angleterre; Monomanie homicide; Notice biographique sur M. Pinel.— «Le Producteur», t. III, 1826, № 1, 2, 3; t. IV, № 1, 2, 3; t. V, № 1.

13-н p. Buchez. Du projet de loi sur les ecoles de medecine et sur la police medicale.— «Le Producteur», t. III, p. 177.

¹⁵ Ph. Buchez. Quelques reflexions sur la litterature et es Beaux-Arts.— Ibid., v. IV, p. 200, 208—209.

¹⁶ Ibid., p. 210—211.

¹⁷ Bh. Buchez. Subordination des sciences.— «Le Producteur», t. IV, p. 266—273; см. также статьи «О психологии».

¹⁸ Ph. Buchez. L'Hygiene.— «Le Producteur», t. V, p. 57—59.

¹⁹ H. Fournel. Op. cit., p. 58.

тить сен-симонистов в Париже, вел активную пропаганду среди столичных медиков, обдумывал план возобновления «Le Producteur», поддерживал дружеские отношения с Базаром и Анфантеном²⁰. Сохранились свидетельства об участии Бюше в разработке проекта новой «Энциклопедии»²¹.

Бюше был одним из руководителей сен-симонистской школы и в «период предания доктрины гласности». Именно в это время окончательно выявились его разногласия с Базаром и Анфантеном по религиозным вопросам, что привело к расколу среди сен-симонистов и к образованию особого движения сторонников Бюше.

В бумагах Бюше сохранилась рукопись «Introduction aux questions sur les sciences et les savants»²², которую он составил и прочитал сен-симонистам в конце 1823 г., т. е. еще до начала публичных лекций Базара. Бюше говорил, что все органические эпохи были религиозны, что общество немислимо без веры в христианского бога. Вспоминая об этом собрании, он говорил: «Я попытался показать, что никакая Энциклопедия «невозможна без идеи об акте творения, без идеи бога... Моя работа не понравилась. Это было исходным пунктом дискуссий, которые длились с конца 1828 г. до конца 1829 г. «Сравнение этой рукописи с «Изложением учения Сен-Симона» убеждает, что Бюше оказывал большое влияние на разработку сен-симонистами проблемы места религии, в частности католицизма, в жизни общества»²³.

Быше отмечалось, что Бюше принимал участие в подготовке лекций, составивших первую часть «Изложения». При их обсуждении он горячо спорил и с Базаром, и с Анфантеном, и с другими видными деятелями сен-симонистского движения, отвергая их попытки создать новую религию и рекомендуя им видеть в «Новом христианстве» призыв Сен-Симона к обновлению католицизма²⁴.

Бюше расходился с Анфантеном в трактовке вопроса о равноправии женщин и не соглашался с его требованием организации сен-симонистской «церкви». В письме Анфантену он отмечал, что не разделяет его взглядов на женщин, хотя и согласен с большинством тех принципов, на которые он опирается. Рассуждения Анфантена по женскому вопросу, подчеркивал Бюше, мало связаны со взглядами Сен-Симона. Бюше говорил, что в обществе грядущего управлять будет либо мужчина, либо женщина в соответствии с их положением в социальной иерархии, а вовсе не придуманный Анфантеном «единый социальный индивид», состоящий из мужчины и женщины. Бюше не соглашался также с тем, чтобы у сен-симонистов было два равновеликих вождя, два папы. Бог един, человечество едино, значит и представитель бога среди людей — папа — должен быть только один²⁵. В своем ответе Анфантен выразил несогласие с этими мыслями, подчеркнув, что они противоречат «общим взглядам» сен-симонистов, и заметив, что между ним и Бюше мало общего, кроме «сильного чувства личной привязанности, возникшей благодаря учению Сен-Симона»²⁶.

Как уже отмечалось, споры по религиозным вопросам привели к разрыву с сен-симонистами Бюше и других сторонников католической религии.

25 декабря 1829 г. Бюше официально заявил об этом в письме Анфантену, подчеркнув, что предстоящее избрание верховных отцов исключает его дальнейшее участие в собраниях сен-симонистов и в пропаганде их учения, что он против создания новой «церковной» иерархии, ибо предпочитает свободу как в своих «собственных скромных трудах, так и в работе по совершенствованию доктрины»²⁷. В записи от 4 января 1833 г. Анфантен отметил, что это было последнее послание, которое он получил от Бюше. Они встретились еще только один раз, когда Анфантен и Родриг пришли сообщить о смерти Базара. Бюше встретил гостей весьма настороженно,

²⁰ Бюше — Анфантену, 8 и 26 октября 1827 г.—Bibliothèque de l'Arsenal. D. m. Fonds l'Enfantin, 7644/53—56.

²¹ СМ. *H. R. D'Allemagne*. Op. cit., p. 58.

²² Bibliothèque historique de la ville de Paris. D. m. Papiers de Buchez. CP 3717.

²³ Cp. *F. Isambert*. Epoque critique et époque organique line contribution de Biches a l'elaboration de la theorie sociale des saint-simoniens.—«Cahiers Internationaux de sociologie», 19..., t. XXVII.

²⁴ *Ph. Buchez*. Essai d'un traité complet de philosophie du point de vue du catholicisme et du progrès, v. 1, p. 29; *H. Fournel*. Op. cit., p. 64.

²⁵ Бюше — Анфантену, 18 сентября 1829 г.—Bibliothèque National. D. m. N. acq. fr. 24609/251—252.

²⁶ Анфантен — Бюше, 2 октября 1829 г.—Bibliothèque National. D. m. N. acq. fr. 24608, f. 70—73.

²⁷ Бюше — Анфантену, 25 декабря 1829 г.—Bibliothèque de l'Arsenal. D. m. Fonds d'Enfantin, 7644/55—56.

предполагая, что они попытаются склонить его к сен-симонистской религии²⁸.

4 января 1830 г. в письме Базару три католически настроенных сторонника Бюше (Буланд, А. и Ж. Ализ) заявили о своем разрыве с прежними товарищами, подчеркнув, что не могут участвовать в пропаганде идей, которых не разделяют. «Долгое время,— писали они,— мы полностью были согласны с доктриной Сен-Симона, нашего учителя. В своем духовном развитии мы приблизились к рассмотрению религиозных вопросов. То решение, которое им дали руководители школы, кажется нам противоречащим доктрине и возмущает наш разум и чувство... Мы не можем проповедовать теологическую систему, которую считаем ложной..., вместе с тем... мы славим Сен-Симона, его поучения... и верим..., что настанет время, когда человечество уверует в единого, вечного, бессмертного бога, единого в трех лицах...»²⁹

В будущем, отвечал им 30 января Базар, все люди признают Сен-Симона учителем, но непосредственными наставниками авторов письма выступают те, от кого они узнали это имя, иначе говоря, вождя сен-симонистского движения. Им виднее, что является ложным, а что истинным. Ученик может превзойти учителя. Сен-симонисты, как никто другой, признают эту истину и воплощают ее в жизнь. Однако творчество авторов письма не имеет ничего общего с таким новаторством. Их определение бога совершенно не отличается от католического³⁰.

О причинах разрыва с Бюше писал 30 апреля 1830 г. Анфантен представителю сен-симонистской школы в Константинополе Байи: «Бюше колеблется между будущим и прошлым, между сен-симонистской религией и католицизмом..., а нас принимает за материалистов... он — католик, ибо верен католической догме, Духу святому, но одновременно он — социалист, ибо не отрицает, что Сен-Симон явился, дабы возродить землю»",

²⁸ Бюше — Анфантену, 25 декабря 1829 г.

²⁹ Bibliothèque Nationale. D. m. N. acq. fr. 24609, f. 210—213. Издатель собрания сочинений Сеи-Симона и Анфантена и Дальмань только называют это интересное письмо, но ничего не говорят о его содержании. См. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. II, p. 123; *H. R. D'Allemagne*. Op. cit, p. 69.

³⁰ Bibliothèque historique de la ville de Paris. D. m. Papiers de Buchez. C P. 3706, f. 258—260. *Saint-Simon. Oeuvres*, v. II, p. 123—125.

³¹ Bibliothèque Nationale. D. m. N. acq. fr. 24608, f. 53.

В архиве Бюше сохранились два документа, свидетельствующих либо о плане, либо о чтении лекций, аналогичных тем, которые читал Базар. Документы, относящиеся к ноябрю 1830 г. и написанные рукой Бюше, объединены названием «Доктрина Сен-Симона». Один документ озаглавлен «Шестое заседание», второй — «Девятое заседание»³². Прежние товарищи именуются здесь сектой, предавшей идеи метра. Проповедуемый ею пантеизм примитивен, ибо образует лишь переход между грубым материализмом и истинной духовностью, воплощенной в католицизме. Христианство определяло содержание второй органической эпохи; начиная с XVI в. все большую роль начинает играть наука. Сен-Симон занимает в новое время такое же место, как Сократ в древности, ибо сумел, полагал Бюше, соединить христианскую религию с достижениями науки. Задача его последователей — продолжить и развить это главное достижение метра. В таком же духе выдержан яростный памфлет ближайшего сотрудника Бюше Ру-Лаверня³³.

В литературном наследии Бюше особенно выделяются: трактат «Введение в науку историю», «Очерк общей философии с точки зрения католицизма и прогресса»³⁴, 40-томная «Парламентская история Французской революции», изданная совместно с Ру-Лавернем³⁵. О направлении его идейных устремлений свидетельствует, кроме того, издание с тем же соавтором Евангелий. В своих сочинениях Бюше пытается, пишет Изамбер, реализовать программу, намеченную Сен-Симоном в «Очерке науки о человеке», и религиозный завет его «Нового христианства»³⁶. Именно последний труд Сен-Симона был настольной книгой Бюше и его сторонников, которые видели в ней лишь проявление истинного, обновленного

³² Bibliothèque historique de la ville de Paris. D. m. Papiers de Buchez. CP 3706, f. 264—268.

³³ P.-C. Roux-Lavergne. Lettre d'un disciple de la Science nouvelle aux religionnaires prétendus saint-simoniens. Paris, 1831.

³⁴ Introduction à la science de l'histoire ou science du développement de l'humanité. Paris, 1833; Essai d'un traité complet de philosophie du point de vue du catholicisme et du progrès, vol. 1—3. Paris, 1838—1840.

³⁵ Histoire parlementaire de la Révolution française ou journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815..., t. 1—40. Paris, 1834—1838.

³⁶ F. Isambert. Politique, religion..., p. 19, 22, 34, 110, 290.

католицизма, возвращение ему авторитета, утраченного в конце XV в.³⁷ Действительно, в творчестве Бюше религиозное и «научное» неразрывны. Привычные католические догмы он излагает, используя отдельные идеи и понятия, содержащиеся в трудах Сен-Симона и сен-симонистов.

Центральная идея «научного», «социального» католицизма Бюше — идея прогресса. Она, по Бюше, «коренится в самом человеческом организме, что позволяет, поднимаясь от физиологического к социальному, наметить логику, механизм прогресса, определив вслед за тем его направленность. Понятие «потребность» в данной связи Бюше не удовлетворяет: только религия, назначение которой все более четко вырисовывается, решит задачу определения целей. В конечном итоге бог выступает у него как двигатель самого прогресса, как источник всякого движения. «Нетрудно себе представить, как воля божья, — писал Бюше, — время от времени вмешивается в дело земли, когда она переживает великие потрясения, обретая новые импульсы и новые ценности. Бог предназначает к определенной судьбе и отдельного человека, когда начинается история человеческого общества»³⁸.

Помимо теологического аспекта идеи прогресса, Бюше выделяет также ее религиозно-этический аспект, утверждая, будто эта идея — изначальная христианская догма, а католицизм якобы представляет собой воплощение и реализацию принципа равенства — к нему иногда присоединяется принцип братства, который вытекает из представления, что все люди — дети бога³⁹.

Теологические и религиозно-этические искания Бюше Изамбер произвольно и односторонне уподобляет идеям Сен-Симона. Так, представление Бюше о «Боге, совечном материи, который является демиургом, придающим хаосу форму разума», а также о космогонии, в которой толчок был дан богом-прогрессом, находит, по Изамберу,

удовлетворительную аналогию с попытками Сен-Симона расширить учение о прогрессе, намеченное Кондорсе, и дополнить физику Ньютона, распространив действие закона всемирного тяготения на социальную жизнь⁴⁰. В соответствии с этим Сен-Симон рассматривал прогресс как цель политики, «социальную физику» — как ее теоретическую основу и средство, а принцип «все люди — братья» — как наиболее важную сторону «социальной физиологии»⁴¹.

Нетрудно заметить, что Изамбер выдает сходство рассматриваемых Бюше и Сен-Симоном проблем за «аналогичность» их решений, которые в том и другом случае отличались ровно настолько, насколько религиозное и мистическое отличается от рационального и реально существующего. Ведь даже принцип «все люди — братья» не является специфически религиозным, а тем более евангелическим, ибо он неизменно включался во многие системы этики и большинство развитых религий Европы и Азии.

Однако Изамбер старается придать всему идейному наследию Сен-Симона характер обновленной христианской религии, навязывая сен-симонизму ряд не свойственных ему черт. Прежде всего он пытается обосновать «фактическое совпадение» воззрений Сен-Симона и таких признанных корифеев католической реакции, «теологической школы», как Мэстр, Бональд, Шатобриан⁴². Их сближает, говорит он, стремление создать «социальную догму» как средство преодоления неверия и идейного разброда, порожденных Французской революцией. Эти утверждения удивительно неглубоки и тенденциозны. Достаточно вспомнить, что одни лелеяли контрреволюционную мечту о восстановлении во Франции католицизма и феодально-абсолютистских порядков, другой же — пытался разработать «социальную науку», как основу для поиска на Земле альтернативы капитализму. Одни звали к прошлому, взор другого был обращен в будущее, хотя ему и удалось разглядеть лишь некоторые контуры грядущего. Сен-Симон был достойным учеником и продолжателем передовых мыслителей XVIII в.,

³⁷ F. Isambert. Politique, religion..., p. 151—152.

³⁸ Ph. Buchez. Introduction a la science de l'Histoire, p. 120—121, 391. Cp. P. Chanson. L'Organisation du progres selon Buchez. Paris, 1948; B. Petri. The Historical thought of Ph. Buchez. Washington, 1960.

³⁹ Ph. Buchez. Introduction a la science de l'Histoire, p. 404—407; F. Isambert. Politique, religion..., p. 108, 259.

⁴⁰ Ibid., p. 151, 290.

⁴¹ Ibid., p. 261.

⁴² Ibid. p. 11, 12, 14—15.

унаследовав от них атеистическое мировоззрение, ненависть к «теологической системе», неистребимый здравый смысл.

О своем отношении к просветителям Сен-Симон оставил весьма красноречивое свидетельство. «Вспомним,— писал он,— об образовании, которое мы получили. Вначале наше внимание сосредоточивали на истории греков и римлян, воспламеняя наши юные сердца добродетелями Гракхов и Брута и отмечая наши податливые души печатью республиканизма. Словом, в нас возбуждали самые демократические чувства. Переходя от изучения древних языков к освоению языка французского, мы обращались к таким авторам, как Жан-Жак Руссо, Вольтер, Гельвеций, Рейналь, Д'Аламбер, все энциклопедисты, не говоря уже о Дидро, который хотел, чтобы последний из королей был повешен на кийшках последнего попа. Наше образование достигло своей цели: оно сделало из нас революционеров»⁴³.

Итак, Сен-Симону была известна, в пересказе Дидро, знаменитая фраза Мелье об участии королей и священников. Будущие исследования покажут, знал ли великий социалист-утопист «Завещание». Отметим, однако, уже сейчас, что некоторые высказывания Сен-Симона напоминают вовсе не системы деятелей католической реакции, а рассуждения Мелье относительно «ложности самого представления людей о мнимом существовании богов».

В «Очерке о человеке» Сен-Симон писал, что «вера в бога... не избавляет от изучения природы, не выясняет сущности законов, которым подчинен мир; что вера оказывается совершенно лишней и станет абсолютно бесполезной, как только удастся в совершенстве познать эти законы... Здравый смысл не может мириться с множеством противоречий богословской системы. Бог представлен всемогущим; утверждают, что, создавая человека, он хотел его сделать счастливым, а ему это не удастся. Бог, говорят, совершенство, а на следующей странице рассказывается о его гневе против человека. Бог все предусматривает, однако человек пользуется свободой воли. Человек должен быть наказан за содеянное им зло

и вознагражден за совершенное им добро, но так как *тл* воздаяния и наказания имеют место только в другой жизни, то добрые не поощряются, а злые не сдерживаются примером»⁴⁴.

Мелье в свою очередь отмечал: «При ближайшем рассмотрении совершенно ясно и несомненно, что предположение о существовании мнимого божества нисколько не подвигает дела ни в смысле познания, ни в смысле объяснения природы...» " «Возможно ли, чтобы бог, бесконечно благой, бесконечно мудрый, который может без труда и усилия сделать все свои создания совершенными и навсегда счастливыми, пожелал их оставить с пороками и недостатками!»⁴⁶ Как и Сен-Симон, Мелье обращал внимание на то, что «не существуют бесконечно совершенного существа, которое могло бы награждать праведных и наказывать злых так, как они того заслуживают... Богопоклонники не могут ничего противопоставить силе и очевидности этого довода. Поэтому они ловко придумали, что если бог не награждает всегда на земле добродетель и добрые дела праведных и не наказывает всегда на этом свете пороков и преступлений злодеев, то он не преминет сделать это в другой жизни, не преминет щедро наградить в ней праведных и строго наказывать злых» ". Подобно Сен-Симону, Мелье указывал также на противоречие между совершенством бога и его гневом на людей. «Если богу угодны праведники, то неужели он покинет их и тиранически будет испытывать их добродетель через злодейство других людей... Если он хочет, чтобы люди были умными и добродетельными, кроткими, смиренными, жалостливыми, благотворительными и послушными его закону, то неужели для этого он должен так сурово поражать их всевозможными бедствиями, вместо того чтобы милостиво даровать им дух благодати и мудрости»⁴⁸.

Стремление Изамбера максимально сблизить воззрения великого социалиста-утописта и видных теоретиков «теологической школы» противоречит действительное ц

⁴⁴ *Saint-Simon. Oeuvres*, v. 5 (XL), p. 163—165.

⁴⁵ Ж. Мелье. Завещание, т. I—III. М., 1954, т. II, стр. 305.

⁴⁶ Там же, т. III, стр. 26, 27.

⁴⁷ Там же, стр. 33, 36.

⁴⁸ Там же, т. II, стр. 99—140; т. III, стр. 225.

⁴³ *H. Saint-Simon. Avertissement. «Archives Nationales», F. 7, 4233. Cp. «La Neb, juillet 1946.*

и служит тому, что характер связи между Бюше и Сен-Симопом толкуется в ложном свете — факт заимствования и религиозной трансформации учеником некоторых социальных идей и теоретических положений учителя отодвигается на задний план рассуждениями о будто бы существующем сходстве их религиозных воззрений.

Знакомство с идеями Сен-Симона, участие в сен-симонистском движении помогло Бюше одним из первых нарядить католицизм в одежды «социальности» и «научности». Заимствование и переосмысление па основе веры в сверхъестественное идей утопического социализма — одно из важнейших условий влияния религии в капиталистическом мире, одно из коварнейших средств ее борьбы с социалистическими и коммунистическими идеями, с революционным рабочим движением⁴⁹, Низведение утопического социализма до уровня религии, выведение тезиса об утопии как особой форме двойственного, религиозно-рационалистического мышления — лишь разные способы маскировки и тех приемов, к которым прибегает религия⁵⁰.

Наше исследование имело своей целью обосновать правомерность отнесения идейного наследия Сен-Симона к истории критически-утопического социализма. Вместе с тем необходимо было дать аргументированный ответ на попытки некоторых зарубежных историков рассматривать Сен-Симона не как предшественника научного социализма, а как прямого предтечу новейшей «деидеологизированной» буржуазной социологии с ее домыслами о «едином индустриальном обществе» и «конвергенции» или как одного из наставников социального католицизма. Такой замысел требовал не только анализа воззрений Сен-Симона и освещения некоторых особенностей утопического социализма XIX в., но и изучения судьбы сен-симонизма в общественной мысли первой половины прошлого столетия.

Знакомство со специальной литературой показало, что более всего разрабатывались такие темы, как индустриализм, позитивизм и религиозность Сен-Симона, его связи с О. Контом и Ф. Бюше. Вопрос об отношении к сен-симонизму сторонников идей утопического социализма освещался недостаточно. Зарубежные авторы либо равнодушны к этому вопросу, либо противопоставляют Сен-Симона, Фурье и Оуэна, выдвигая па передний план существующие между ними различия.

В работах о сен-симонистах творчество метра и его учеников не расчленяется, «сен-симонизм» рассматривается как единая система, которой якобы присущ нетленный дух позитивизма и религиозного поиска.

⁴⁹ Интересно к этим вопросам подходит болгарский философ Т. Стойчев в статьях «Некоторые аспекты проблемы социальной сущности и социальной роли религии» («Философска мисъл», 1968, № 12) и «О социально-исторической роли религии» (там же, 1969, № 1). См. также обобщающую работу: М. М. Шейнман. Христианский социализм. История и идеология. М., 1969.

⁵⁰ Отметим, что новейшие обзоры зарубежной литературы, посвященной понятию «утопии», свидетельствуют о необходимости проведения четкой грани между утопическим социализмом и «остальным утопизмом», понимаемым как любое фантастическое, неадекватное действительности, представление о судьбе человечества. См. Э. А. Араб-Оглы. В утопическом антимире. — «Литературная газета», 1972, № 8, 9; В. П. Шестаков. Понятие утопии и современные концепции утопического. — «Вопросы философии», 1972, № 8, стр. 151—158.

Это влияло на постановку конкретных задач исследования. Центральное место заняла в нашей работе глава о роли идей Сен-Симона в критически-утопическом социализме XIX в. Мы попытались исследовать диалектическую взаимосвязь идей самого Сен-Симона и сен-симонистской школы, сопоставить наследие метра с творчеством Базара и Анфантена. В работе приведены факты об отношении к сен-симонизму Фурье, намечены пути изучения проблемы «Сен-Симон и Оуэн». Основной наш вывод сводится к тому, что учение Сен-Симона неотделимо от критически-утопического социализма. Этот вывод — главный аргумент в споре с теми историками, которые рассматривают воззрения Сен-Симона в русле развития буржуазной мысли и тем самым обедняют один из идейных истоков научного социализма.

Однако этот вывод, даже после исследования вопроса о судьбах сен-симонизма в критически-утопическом социализме, будет недостаточно обоснован, если оставить в стороне сложную проблему использования идей Сен-Симона в разработке некоторых буржуазных и социально-католических концепций. На примере Тьерри, Конта и Бюше мы постарались показать, что сильными сторонами своего творчества они обязаны Сен-Симону. Одновременно восприятие и использование ими отдельных теоретических достижений Сен-Симона явилось буржуазным отрицанием сен-симонизма как системы критически-утопического социализма.

Однако идеологические тенденции в сен-симонистском движении нами лишь намечены. Мы проанализировали взгляды только двух его наиболее выдающихся руководителей. Несомненный научный интерес представляло бы специальное изучение главных документов этого движения и творчества таких, например, сен-симонистов, как Г. Эхталь, О. Родриг, Э. Барро, Ж. Лешевалье, А. Трансон, М. Шевалье и др. Ждет своей разработки и проблема: Сен-Симон и Оуэн — мы ограничились лишь ее предварительной постановкой и обозначили некоторые исходные данные.

Пример Тьерри — не единственное свидетельство воздействия идей Сен-Симона на буржуазную историографию. Предстоит еще исследовать такие проблемы как: Сен-Симон и Гизо, Мишле, Карлейль, Токвиль. «Господин Гизо, — писал Сен-Симон, — только что издал работу,

популяризирующую соображения, которые я опубликовал в «L'Organisateur» — о разделении нашей нации на два народа, о союзе короля с галлами и об ошибке, которую совершил Людовик XIV, покинув галлов и присоединившись к франкам. Я прошу г-на Гизо принять мою искреннюю благодарность и внимательно отнестись к моей просьбе. Весьма желательно и для меня, и для общества, чтобы он усвоил содержание этих строчек столь же хорошо, как мои идеи относительно Французского королевства»¹.

Мишле посвятил Сен-Симону специальный раздел в своей «Истории XIX века»² и также значительную часть статьи о «Начале социализма во Франции»³. В Библиотеке Арсенала хранятся письма Мишле к Анфантену и Г. Эхталю⁴. О Мишле написано множество первоклассных исследований, последнее из них принадлежит П. Виаланексу. Там уделено внимание и проблеме Сен-Симон и Мишле⁵. Токвиль проявлял к идеям Сен-Симона несомненный интерес. Карлейль познакомился с сен-симонизмом благодаря деятельности сен-симонистской школы.

Некоторые идеи сен-симонизма были использованы Миллем, одним из основоположников позитивизма. Довольно много писал об этом сам Милль в знаменитой «Автобиографии», в «Основаниях политической экономики», в «Открытом письме о сен-симонистском обществе», в письмах к Г. Эхталю и другим⁶. Кроме исследований Панкхёрста и недавней статьи Фаррара, сведения об отношении Милля к Сен-Симону и сен-симонистам

¹ H. Saint-Simon. Oeuvres, v. XXI, p. 191—192.

² J. Michelet. Histoire de XIX siècle. Paris, 1872.

³ J. Michelet. Les debuts du socialisme en France. — «Revue politique et litteraire», 1872, v. II, IX.

⁴ Bibliotheque de Г Arsenal. D. m., Fonds d'Enfantin, 7631, 7757; Fonds d'Echtal, 13749.

⁵ P. Viallanai. La voie royale. Essai sur l'idee de peuple dans l'oeuvre de Michelet. Paris, 1959.

⁶ J. S. Mill and Open Letter on the saint-simonian society in 1832. — «Journal of the history of ideas», 1943, VI, p. 102—103; Оригинал был опубликован анонимно «Monthly Repository», 1833, VIII и назывался «Сравнение тенденций французского и английского интеллекта»; J. S. Mill. Correspondence avec Gustave d'Echtal 1826—1842. Paris, 1898; The Earlier Letters of John Mill 1812—1842. London, 1963.

Кроме Бюше, наследие Сен-Симона осваивали другие социальные католики, приспособлявая христианство к нуждам нового времени. Нуждается в исследовании многогранная проблема: сен-симонизм в русской общественной мысли XIX в.

Этот перечень тем можно продолжить. Исследование любой из них подтвердит, что творческое наследие великого социалиста-утописта Анри де Сен-Симона в первой половине XIX в., т. е. до возникновения марксизма, сыграло важную роль в истории общественной мысли.

СЕН-СИМОН И ПРОЛЕТАРИИ

Отношение Сен-Симона к рабочим рассматривается в трудах советских и зарубежных историков-марксистов* как важнейший элемент его критически-утопического социализма. В новейших работах некоторых буржуазных авторов² оно интерпретируется весьма произвольно и служит для обоснования ложного тезиса о совпадении коренных интересов собственников и неимущих в так называемом индустриальном обществе.

Публикация известным французским историком-коммунистом Ж.Дотри трех текстов, переводы которых даются ниже, создала новые возможности для научной

¹ В. П. Волгин. Социальное учение Сен-Симона.— В кн.: *Сен-Симон. Избранные сочинения*, т. 1. М., 1948, стр. 48—51; *его же*. Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1961, стр. 46—49; М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.— В кн.: «Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию академика В. П. Волгина». М., 1956, стр. 399—400; Н. Е. Застенкер. Анри де Сен-Симон.— В кн.: «История социалистических учений». М., 1962, стр. 217—227; J. Dauity. Preface et commentaires.— In: *Saint-Simon. Texte choisis*. Paris, 1951, p. 41—43 (в 1969 г. вышло стереотипное издание).

² G. Gurvitch. Les fondateurs de la sociologie contemporaine. Saint-Simon et P. J. Proudhon. Paris, 1955 (2^e ed. 1961); Mem. Saint-Simon et Marx.— «Revue internationale de philosophie», 1960, N 53—54, p. 412—413; *idem*. Saint-Simon.— «Cahiers internationaux de Sociologie», 1960, vol. XXIX; *idem*. Introduction et Notes.— In: C. H. de Saint-Simon. La physiologie sociale. Oeuvres choisies. Paris, 1965, p. 10—21; F. E. Manuel. The New World of Henri Saint-Simon. Cambridge, Mass, 1956, p. 253—256; P. Ansart. Marx et anarchisme. Essai sur les sociologies de Saint-Simon, Proudhon et Marx. Paris,

разработки темы Сен-Симон и пролетариат³. Два из них — неизвестные ранее автографы Сен-Симона — хранятся в Отделе рукописей Национальной библиотеки Франции⁴ и представляют собой, по всей вероятности, черновые наброски к задуманному, но не осуществленному труду о рабочем классе.

Третий из интересующих нас текстов озаглавлен: «Анри Сен-Симон гг. рабочим». Из пояснений Дотри можно заключить, что речь идет об отрывке из второй части книги Сен-Симона «Du systeme industriel», увидевшей свет в 1821 г.⁵ На деле это самостоятельное издание, известное по библиографическим указателям как второе приложение ко второй части названной книги⁶.

На наш взгляд, данные источники недостаточно использованы теми исследователями, которые писали об отношении Сен-Симона к рабочему классу. Из советских авторов письмо «Анри Сен-Симона гг. рабочим» впервые упоминает Н. Е. Застенкер, правда, со ссылкой не на сам документ, а на его изложение, содержащееся в монографии Ф. Манюэла. Этому видному американскому буржуазному историку публикация Дотри осталась, по-видимому, неизвестной. Во всяком случае, в разделе, посвященном рабочему классу, он не использует двух архивных документов, впервые обнаруженных Дотри.

Ж. Гурвич перепечатал все три текста в собственном издании избранных сочинений Сен-Симона⁷. Однако во вводной статье, касаясь вопроса об отношении великого социалиста-утописта к рабочим, повторил то, что уже говорил по этому поводу в 1952—1953 гг. без ссылки на публикацию Дотри. Недостаточное внимание работам Сен-Симона о пролетариях уделяет и П. Ансар. Более того, процитировав в одной из своих книг упомяну-

тые черновые наброски, автор приходит к неожиданному выводу о том, что «они не являются подлинным выражением мысли Сен-Симона»⁸.

АНРИ СЕН-СИМОН ГГ. РАБОЧИМ

В публикуемых ниже произведениях, как и во всем наследии Сен-Симона, немало двусмысленных, ошибочных и даже реакционных идей, характеризующих его как представителя утопического социализма. Те же сочинения, в особенности черновые записи, извлеченные из архива и впервые изданные историком-марксистом лишь в 1951 г., доказывают, что Сен-Симон видел «фундаментальное различие» между «рабочим классом» и «руководителями главных организаций культуры, промышленности и торговли», между «рабочими, составляющими большинство промышленного класса», и их «хозяевами-банкирами, негоциантами, владельцами мануфактур». Нарастающее понимание неоднородности «промышленного класса» и противоположности интересов собственников и пролетариев, забота об улучшении положения неимущего «большинства французского народа» — это те черты творчества Сен-Симона, которые наряду с критикой капиталистического общества, поиском альтернативы капитализму, идеей мирной ассоциации народов, попытками подойти к изучению общества как к научной проблеме определяют его роль как одного из великих социалистов-утопистов, предшественников научно-го социализма К. Маркса и Ф. Энгельса.

Письмо Сен-Симона рабочим было опубликовано отдельно без указания места и года. Однако был назван владелец типографии — Портман, и это позволяет утверждать, что брошюру напечатали в Париже. О времени ее выхода в свет помогают судить два обстоятельства.

Сочинение представляет собой второе приложение ко второй части «Du systeme industriel» и, следовательно, издано не ранее 1821 г. Тогда же появился и ответ Сен-Симону⁹, значит, источник, его породивший, стал известен не позднее этой даты. Брошюра не попала в 47-томное собрание сочинений Сен-Симона и Анфантена, впервые была перепечатана Ж. Дотри в 1951 г., затем Гурвичем в 1965 г. и, наконец, вошла в 6-й том последнего собрания сочинений Сен-Симона¹⁰.

⁶ P. Ansart. Marx et l'anarchisme, p. 74.

⁸ A. Nantua. Reponse a une lettre adressee par M. Henry Saint-Simon.—Henry Saint-Simon a MM les ouvriers. Paris, 1821.—BNLb 48/3347. Cp. J. Dautry (ed.). Saint-Simon. Textes choisis. Paris, 1951, p. 143; F. Manuel. Op. cit., p. 410.

¹⁰ Oeuvres de Claude-Henri de Saint-Simon, v. 1—6. Paris, 1966.

1969, p. 73—75; *idem*. Sociologie de Saint-Simon. Paris, 1970, p. 121—126.

³ Saint-Simon. Textes choisis. Paris, 1951, p. 133—135, 143—150.

⁴ Bibliotheque Nationale. D. m. N. acq., 24607. Cp. Bibliotheque Nationale. D. m. Nouvelles acquisitions francaises (1946—1957). Paris, 1967, p. 91—92.

⁵ CM. Saint-Simon. Textes choisis, p. 150.

⁶ Henry Saint-Simon a Mm les ouvriers, s. 1. (Paris), sd. in — 8° page 213—220. Reservation R/2652 (2^e suite de la 2^e partie du Systeme industriel). Cm. Catalogue General de la librairie francaise, t. CLXI, p. 240.

⁷ C. H. de Saint-Simon. La physiologie sociale, p. 133—136.

«Господа!

Главная цель моих трудов — улучшение, насколько это возможно, вашей жизни. У меня нет никакого общественного положения, я не обладаю никакой властью, я могу помочь только добрым советом. Я предлагаю вам обратиться к видным деятелям культуры, производства и торговли и уверен, что это обращение будет весьма полезным и быстро улучшит условия вашего существования. Вот каким может быть ваше обращение.

Господа руководители главных организаций культуры, производства и торговли! Вы богаты, мы бедны, вы заняты умственным трудом, мы — физическим, в силу этих двух фундаментальных различий мы вам подчиняемся и будем подчиняться. Вы — наши руководители, вам мы и адресуем наши просьбы и одновременно выражаем пожелания, чтобы они стали известны королю. Именно это мы и делаем, умоляя вас довести до сведения его величества то, что мы вам скажем.

Генрих IV полагал, что все усилия правительства должны быть направлены на то, дабы мы имели каждое воскресенье курицу в супе; нынешние славные короли Бурбоны могут, выступая наследниками этого доброго государя, осуществить его намерения.

Господа! Нашего грубого здравого смысла хватает для понимания того, что дела французской нации ведутся очень плохо, что ее ресурсы плохо используются, что активность ее плохо направляется, или, вернее, парализуется ложными побуждениями. Мы видим также, что есть возможности легко сделать нацию богатой, счастливой и сильной, как никогда прежде; нашего грубого здравого смысла достаточно, чтобы представить себе средства, необходимые для достижения этой великой цели.

Господа! За десять лет можно по меньшей мере удвоить ценность французской территории. Для этого нужно распахать необработанные земли, осушить заболоченные; проложить новые дороги, улучшить существующие; построить там, где нужно, мосты; сделать все каналы пригодными для судоходства и ирригации.

Для осуществления этого доброго начинания не будет недостатка в деньгах. Капиталы быстро найдутся, если государство ограничится взиманием налогов, возрастающих вследствие увеличения национального богат-

ства, и оставит предпринимателям по возможности все полученные ими доходы.

Если провести, как мы говорили выше, те мероприятия, которые способны обеспечить развитие производства, не будет недостатка и в рабочей силе, ибо множеству земледельцев¹¹, как правило, не хватает работы. Сельское хозяйство требует обычно всех рук при уборке урожая, а после ее завершения достаточно лишь восьмой части (деревенского.— *Г.К.*) населения для ухода за скотом, пахоты, сева, боронования и молотбы; стало быть, там, где сельские жители не заняты ремеслами, большинство трудоспособных свободны почти весь год. Таким образом, можно рассчитывать на семь миллионов земледельцев, ничем не занятых в периоды между жатвами¹².

Потрудитесь, господа, обратить внимание на то, что мы сказали. Поразмыслив над нашими соображениями, вы охотно признаете, что если правительство заявит о готовности предоставить в той мере, в какой это возможно, всем предпринимателям, желающим способствовать обогащению Франции, все доходы, полученные в результате осуществления перечисленных нами работ, то соответствующие начинания будут быстро подхвачены, горячо поддержаны и очень скоро завершены.

Равным образом вы признаете, что эта мера обеспечит и вам, и нам наибольшие возможности, какие только представляет общество,— она увеличит ваше богатство, нам даст работу, а значит, достаток. Крестьяне получат прямую выгоду, не меньше выиграют и те, кто трудится в промышленности и торговле, правда, лишь косвенным путем. Жалование рабочих обрабатывающей промышленности, занятых полный год, возрастет в результате предлагаемой меры на 120—150 млн. в месяц, и, следовательно, они смогут больше тратить на 15—1,800 млн. в год¹³, что приведет к такой экономической активности, какой не было нигде, даже в Англии.

¹¹¹ Сен-Симон употребляет здесь слово *terrassiers*, которое, однако, не может быть, судя по контексту, переведено как «землекопы».

¹¹² «Мы не утверждаем, что в периоды между жатвами семь миллионов человек сидят сложа руки, но мы говорим, что если эти семь миллионов не используются все это время на названные нами работы, то производству наносится ущерб» (прим. авт.).

¹¹³ Так в оригинале. По-видимому, на 1,5—1,8 млрд. в год.

Нынешнее управление общественными делами порочно прежде всего потому, что число администраторов и их помощников слишком велико, а это чрезмерно повышает расходы на их содержание, обременяет нацию и не приносит ей никакой пользы. Оно порочно еще и потому — это особенно важно, — что теперешние администраторы — это представители общественных классов, не способных к управлению, классов, интересы которых во многом противоположны интересам класса производителей, нашего класса, единственного, чьи труды имеют непосредственной целью рост могущества, достатка и действительного счастья нации.

Вред, причиняемый штатом негодных администраторов, неизмеримо больше, чем тот, который вызван избытком служащих и слишком высокими окладами руководителей, без всякой пользы для дела стоящих во главе различных отделов управления.

Экономия за счет сокращения расходов на управление не превысила бы и 200 млн. в год; однако можно уверенно предполагать, что Франция сумеет увеличить ценность своего движимого и недвижимого имущества на 3 млрд. в год, если управленческий аппарат будет состоять из людей способных и заинтересованных в эффективной работе всех видов производства.

Одним словом, во главе нынешней администрации стоят главным образом дворяне, законники и военные. Эти три класса великолепно умеют потреблять результаты производства, но совершенно неспособны руководить работой тех, кто производит; более того, они в некотором отношении не заинтересованы в успехах индустрии, ибо такого рода успехи усиливают роль тех, кто производит, и ослабляют позиции дворян, служилой и военной знати.

Именно наш класс, господа, более всего страдает из-за плохой администрации, внося большую часть налогов и не получая ничего взамен; он один только теряет, поэтому будет вполне естественно, если именно мы, рабочие, попытаемся найти способ избавиться от особенно тягостных бедствий. Недостатки управления, господа, затрагивают нас, рабочих, сильнее, чем вас, богатых и образованных, еще и потому, что для большинства из нас эти недостатки означают страдания, вызываемые невозможностью удовлетворить самые элементарные жизненные потребности. Следовательно, именно нам, рабо-

чим, должна принадлежать инициатива в нахождении средств положить конец нашей нищете. Мы не сомневаемся, что она прекратится, если общественными делами будут управлять соответствующим образом.

Вот что мы предлагаем.

Мы предлагаем вам, нашим лидерам, ставшим в силу прогресса цивилизации самыми способными, значительными и полезными людьми нации, потребовать от короля, чтобы именно вам он поручил возглавить управление общественными делами; мы предлагаем даже заявить его величеству, что вы обеспечите Франции дополнительно 3 млрд. в год дохода, дадите нам возможность иметь каждое воскресенье курицу в супе, сумеете установить спокойствие и порядок, подавляя все существующие группы заговорщиков, и тем самым не допустите растраты общественных средств, которые каждая из этих групп надеется использовать в своих интересах.

Мы поручаем вам передать его величеству это требование от нашего имени, от имени миллионов людей. Мы надеемся, что его величество обратит внимание на это требование, так как оно отвечает всем принципам справедливости и имеет целью улучшение условий жизни подавляющего большинства нации.

Господа рабочие!

Единственное более или менее значительное препятствие на пути перемены вашей судьбы к лучшему состоит в том, что руководители индустрии не уверены в своих способностях управлять делами общества. Чтобы рассеять их беспокойство по этому поводу и избавить от некоторых других предрассудков, я отсылаю без промедления к моей брошюре.

Имею честь быть, господа рабочие, вашим покорнейшим слугой.

Анри Сен-Симон, улица Ришелье, дом 34.

Все промышленники, которые хотели бы иметь эту брошюру, могут получить ее у меня и для себя, и для своих друзей».

Подлинники, хранящиеся в архиве, двух черновых записей Сен-Симона, не озаглавлены. Ж. Дотри¹⁴ и вслед за ним Ж. Гурвич¹⁵ дают им общее название: «О нищете рабочих», а издатели последнего собрания сочинений — «Класс пролетариев»¹⁶. Нам кажется, что во втором случае более точно отражено содержание документов. Анализируя тексты, Ж.-Дотри приходит к выводу, что они написаны Сен-Симоном около 1817 г. Ж.-Гурвич не соглашается с этой датировкой на том основании, будто даже в более поздних работах Сен-Симона нет никаких намеков на пролетариев и иногда упоминаются лишь ремесленники. Именно поэтому «Класс пролетариев», по мнению Гурвича, относится к тому же периоду, что и письмо «Анри Сен-Симон гг. рабочим», т. е. к 1821 г. Отметим со своей стороны, что представление о собственниках и неимущих присуще уже первому сочинению Сен-Симона и прослеживается в других его произведениях, созданных и до 1817 г.¹⁷, поэтому довод Гурвича необоснован. Мы постараемся доказать правоту Ж. Дотри. Это необходимо сделать, ибо составители собрания сочинений Сен-Симона помечают документы 1821 г., не объясняя причин своего решения¹⁸.

Первый набросок

«Люди, составляющие (класс пролетариев.— Г.К.), догадываются, что перемены в их жизни не вполне соответствуют достижениям прогресса, обусловленного позитивными¹⁹ идеями. О правах своих они имеют лишь смутное представление, путей избавления от социальных бедствий не видят, хотя твердо верят, что парламент непременно окажет самое благотворное влияние на условия их материального и политического существования.

Они прямо и косвенно испытывают недовольство. Мы собираемся говорить и о том, и о другом.

Осознание некоего единства, некоего, если угодно, товарищества связывает всех людей класса производителей. Вот почему последний рабочий мануфактур господ

¹⁴ /J. Dautry. Op. cit., p. 140.

¹⁵ С. Н. de Saint-Simon. La philosophie sociale. Paris, 1965, p. 135.

¹⁶ Saint-Simon. Oeuvres, v. 6, p. 455.

¹⁷ См., например: Lettres d'un habitant de Geneve.— In: Saint-Simon Oeuvres, v. 1 (XV), p. 26—28; 35; Introduction aux travaux scientifiques. Saint-Simon. Oeuvres, v. 6, p. 205; L'Industrie. Saint-Simon. Oeuvres, v. 1 (XVIII), p. 178.

¹⁸ Saint-Simon. Oeuvres, v. 1 (XV), p. III; v. 6, p. 455.

¹⁹ Ж. Дотри предлагает слово positifs понимать как scientifiques.

Перрена, Терно или Гро д'Авиллье²⁰ видит в своих хозяевах компаньонов; подобно этому солдаты армий Тюренна и Конде называли своих генералов братьями по оружию. Между тем жизнь руководителей класса производителей во многом изменилась: они стали куда более респектабельны, чем перед революцией, их собственность, т. е. недвижимость, облагородил в некотором роде избирательный закон²¹. А рабочие ничего не добились и теперь с понятным негодованием наблюдают, как предприниматели, становясь графами и баронами, переходят в класс феодалов. До революции наемные рабочие, составляющие большинство класса производителей, пользовались поддержкой хозяев, ибо делали общее дело с банкирами, негоциантами и владельцами мануфактур. Ныне они видят, что покинуты этими могущественными людьми, и поэтому отвергают существующие политические порядки.

В заключение отметим, что пролетарии²² раздражены в силу многих причин. В настоящее время они лишены работы и мрут с голода²³ — это самая главная причина их возмущения.

Второй набросок²⁴

«Как успокоить рабочих, составляющих большинство французского народа? Как удовлетворить их справедли-

²⁰ Крупные французские предприниматели. Терно в ряде случаев подерживал Сен-Симона. (См. Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, v. 1, p. 102—103; S. Leroy. Ternaux, Rogget de Lisle et Saint-Simon.— «Bulletin de la Societe Quaylaise d'Emulation», 1903, v. VI, p. 17—40.).

²¹ По-видимому, Сен-Симон ссылается на принятый 5 января 1817 г. и опубликованный месяц спустя закон, который предоставлял избирательное право всем мужчинам, достигшим 30 лет и платившим 300 франков прямых налогов. Этот закон несколько повысил политическую роль французской буржуазии.

²² Здесь Сен-Симон употребляет слово manoeuvres. Мы согласны с Дотри, что в данном контексте оно является синонимом слова proletaires.

²³ По всей вероятности, подразумевается экономический кризис 1817 г., вызвавший резкое ухудшение условий жизни пролетариата.

²⁴ В отличие от Дотри и Гурвича составители последнего собрания сочинений Сен-Симона не выделяют ни «первого», ни «второго» наброска, нарушая правила публикации архивных документов.

вые требования? Прежде всего необходимо обеспечить их работой, для чего понадобятся значительные капиталовложения. Нужные суммы удастся изыскать лишь в том случае, если положить конец иным тратам, сократив самые большие расходы, главный из которых идет, несомненно, на содержание армии. Следовательно, армию надо распустить. Эта мера убогитворит, осчастливит, умиротворит народ и поможет избежать последствий его ярости²⁵.

До сих пор только силой сдерживали напор пролетариев и препятствовали им нарушить социальный порядок. Даже половины денег, предназначенных для указанных выше целей, хватит, чтобы привязать сердца пролетариев к правительству. Что касается последних внутренних беспорядков, вызванных политическими причинами, то известно, как легко власти их подавили²⁶. Трудясь на благо французского народа, вы наиболее действенным образом оберегаете его покой»²⁷.

²⁵ «Большая часть расходов военного министра безвозвратно теряется, а средства, выделенные для обеспечения бедного класса работой, увеличат национальный доход, если капиталы использовать с умом, не забывая при этом о материальном интересе каждого» (прим. авт.).

²⁶ Речь может идти о голодных бунтах 1816—1817 гг., беспощадно подавленных властями, либо о разгроме антиправительственного заговора и массовых казнях в Лионе в июне — сентябре 1817 г. Все указания источника, позволяющие думать о событиях 1817 г., убеждают, что именно в это время Сен-Симон записал некоторые свои мысли о классе пролетариев.

²⁷ Данный абзац опущен в издании Дотри и впервые опубликован в шеститомнике.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Святое семейство, или Критика критической критики.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 3—320.
- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Немецкая идеология.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 7—544.
- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 419—459.
- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Рецензии из «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», № 4. А. Шеню, экс-капитан гвардии гражданина Коссидьера. «Заговорщики. Тайные общества; префектура полиции при Коссидьере; Вольные стрелки». Люсьен Делаод. «Рождение республики в феврале 1848 г.» — *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 280—294.
- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 323—452.
- К. Маркс.* Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung».— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 114—118.
- К. Маркс.* Письма из «Deutsch-Französische Jahrbücher».— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 371—381.
- К. Маркс.* Ж. Пэше о самоубийстве.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Изд. 1-е, т. III, стр. 671—688.
- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Нищета философии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 65—185.
- К. Маркс.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 115—217.
- К. Маркс.* Французский Credit Mobilier. (Статья третья.) — *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 32—37.
- К. Маркс.* К критике политической экономии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 1—167.
- К. Маркс.* Господин Фогт.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, стр. 395—691.
- К. Маркс.* О Прудоне.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 24—31.

К. Маркс. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» — *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 579—624.

К. Маркс. Политический индифферентизм.— *К. Маркс и Ф. Энгельс* Соч., т. 18, стр. 296—301.

Л. Маркс. Капитал.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23—25, ч. I—II

К. Маркс. Письмо Анненкову от 28 декабря 1846 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 411.

К. Маркс. Письмо Энгельсу от 27 июля 1854 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 28, стр. 319—324.

К. Маркс. Письмо Иосифу Вейдемейеру от 5 марта 1852 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 28, стр. 422—428.

К. Маркс. Письмо Энгельсу от 27 февраля 1861 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 122—126.

К. Маркс. Письмо Энгельсу от 20 октября 1861 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 192—193.

К. Маркс. Письмо Кугельману от 9 октября 1866 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 443—447.

К. Маркс. Письмо Энгельсу от 10 мая 1870 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 415—417.

К. Маркс. Письмо Энгельсу от 17 августа 1877 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 58—59.

К. Маркс. Письмо Энгельсу от 17 февраля 1882 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 35, стр. 30—32.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.— В кн.: *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Из ранних произведений. М., 1956.

Ф. Энгельс. Успехи движения за социальное преобразование на континенте.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 525—541.

Ф. Энгельс. Письма из Лондона.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 512—524.

Ф. Энгельс. Наброски к критике политической экономии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 544—571.

Ф. Энгельс. Быстрые успехи коммунизма в Германии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 518—531.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 231—517.

Ф. Энгельс. Эльберфельдские речи.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 532—554.

Ф. Энгельс. Истинные социалисты.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 545—586.

Ф. Энгельс. Немецкий социализм в стихах и прозе.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 208—248.

Ф. Энгельс. Введение и заключение к «Отрывку из Фурье о торговле».— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 580—586.

Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 3—113.

Ф. Энгельс. «Тайме» о немецком коммунизме.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., Изд. 1-е, т. II, стр. 411.

Ф. Энгельс. Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для «Demokratisches Wochenblatt».— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 240—248.

Ф. Энгельс. Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для «Elberfelder Zeitung».— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 219—220.

Ф. Энгельс. Добавление к предисловию 1870 года к «Крестьянской войне в Германии».— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 494—500.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 203—284.

Ф. Энгельс. Предисловие к первому немецкому изданию «Развитие социализма от утопии к науке».— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 321—323.

Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 185—230.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 1—338.

Ф. Энгельс. Диалектика природы.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 339—626.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 23—178.

Ф. Энгельс. К истории первобытной семьи.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 214—225.

Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 465—492.

Ф. Энгельс. Маркс, Генрих Карл.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 349—360.

Ф. Энгельс. Предисловие к четвертому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке».— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 213.

Ф. Энгельс. Письмо Марксу от 19 ноября 1844 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 9—14.

Ф. Энгельс. Письмо Марксу от 22—26 февраля 1845 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 20—24.

Ф. Энгельс. Письмо Марксу от 17 марта 1845 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 24—28.

Ф. Энгельс. Письмо Марксу от 19 августа 1846 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 31—35.

Ф. Энгельс. Письмо Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету от 19 августа 1846 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 35—38.

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 269—317.

Ф. Энгельс. Письма Марксу от 29 марта 1868 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 46—47.

Ф. Энгельс. Письмо Каутскому от 26 апреля 1884 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 123—124.

Ф. Энгельс. Письмо Бернштейну от 23 мая 1884 года.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 129—132.

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 1, стр. 125—346.

В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). — *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 1, стр. 347—534.

В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 2, стр. 119—226.

В. И. Ленин. Перлы народнического прожектерства.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 2, стр. 471—504.

В. И. Ленин. Капитализм в сельском хозяйстве.— *В. И. Ленин.* Поли собр. соч., т. 4, стр. 95—152.

В. И. Ленин. Протест российских социал-демократов.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 4, стр. 163—176.

В. И. Ленин. Наша программа.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч. т. 4, стр. 182—186.

В. И. Ленин. Попытное направление в русской социал-демократии.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 4, стр. 240—273.

В. И. Ленин. По поводу «Profession de foi».— *В. И. Ленин.* Поли собр. соч., т. 4, стр. 310—321.

В. И. Ленин. О стачках.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 4, стр. 288—298.

В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 5, стр. 21—72.

В. И. Ленин. Что делать? — *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 6, стр. 1—192.

В. И. Ленин. К деревенской бедноте.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч. т. 7, стр. 129—203.

В. И. Ленин. Les beaux esprits se rencontrent (По-русски примерно: свой своему поневоле брат).— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 7, стр. 212—216.

В. И. Ленин. План статьи против эсеров.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 7, стр. 389—390.

В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 9, стр. 38—65.

В. И. Ленин. Рабочая и буржуазная демократия.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 9, стр. 179—189.

В. И. Ленин. Социализм и крестьянство.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 11, стр. 282—291.

В. И. Ленин. «Борьба Пролетариата».— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 11, стр. 386—387.

В. И. Ленин. мелкобуржуазный и пролетарский социализм.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 12, стр. 39—48.

В. И. Ленин. Пролетариат и крестьянство.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 12, стр. 94—98.

В. И. Ленин. Партийная организация и партийная литература.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 12, стр. 99—105.

В. И. Ленин. Вопрос о земле и борьба за свободу.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 13, стр. 122—125.

В. И. Ленин. Кризис меньшевизма.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 14, стр. 149—172.

В. И. Ленин. Сила и слабость русской революции.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 15, стр. 220—228.

В. И. Ленин. Доклад об отношении к буржуазным партиям.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 15, стр. 330—343.

В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 16, стр. 193—413.

В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 18, стр. 7—384.

В. И. Ленин. К единству.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 19, стр. 192—201.

В. И. Ленин. Л. Н. Толстой и его эпоха.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 20, стр. 100—104.

В. И. Ленин. По поводу юбилея.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч. т. 20, стр. 161—170.

В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 20, стр. 171—180.

В. И. Ленин. Памяти Герцена.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 21, стр. 255—262.

В. И. Ленин. Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 21, стр. 380—386.

В. И. Ленин. Две утопии.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 22, стр. 117—121.

В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 23, стр. 1—4.

В. И. Ленин. Три источника и три составные части марксизма.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 23, стр. 40—48.

В. И. Ленин. Август Бебель.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 23, стр. 363—369.

В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 24, стр. 113—150.

В. И. Ленин. Переписка Маркса с Энгельсом.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 24, стр. 262—269.

В. И. Ленин. Народничество и класс наемных рабочих.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 24, стр. 320—323.

В. И. Ленин. Народники о Н. К. Михайловском.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 24, стр. 333—337.

В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 25, стр. 93—101.

В. И. Ленин. Еще одно уничтожение социализма.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 25, стр. 31—54.

В. И. Ленин. Рецензия. Н. А. Рубакин. Среди книг, т. II. М., 1913.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 25, стр. 111—114.

В. И. Ленин. Карл Маркс.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 26, стр. 43—93.

В. И. Ленин. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 27, стр. 61—68.

В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 27, стр. 299—426.

В. И. Ленин. Конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство».— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 29, стр. 3—40.

В. И. Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 30, стр. 17—58.

В. И. Ленин. Военная программа пролетарской революции.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 30, стр. 131—143.

В. И. Ленин. Классовый сдвиг.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 32, стр. 384—386.

В. И. Ленин. Государство и революция.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 33, стр. 1—120.

В. И. Ленин. О кооперации.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 45, стр. 369—377.

В. И. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть? — *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 34, стр. 287—339.

В. И. Ленин. Речь о национализации банков на заседании ВЦИК 14/ (27) декабря 1917 г.— *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 35, стр. 171—173.

- В. И. Ленин. Первоначальный вариант статьи «Очеред^{ные} задачи Советской власти».— В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 36, стр. 127—164.
- В. И. Ленин. Доклад о текущем моменте 27 июня [IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы. 27 июня—2 июля 1918 г.]—В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 435—454.
- В. И. Ленин. Маленькая картинка для выяснения больших вопросов.— В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 37, стр. 407—411.
- В. И. Ленин. Третий Интернационал и его место в истории.— И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 38, стр. 301—309.
- В. И. Ленин. О компромиссах.— В. И. Ленин. Поли. Собр.соч., т.40, стр. 289—291.
- В. И. Ленин. Конспект книги К. Каутского «Аграрный вопрос».— «Ленинский сборник», XIX, стр. 25—85.

ИСТОЧНИКИ

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Библиотека Арсенала (Париж)
 Отдел рукописей. Сен-симонистские архивы: фонд Анфантена; фонд Г.Эхтля.
 Новые приобретения.
 Фонд О. Тьерри. Документы, относящиеся к Ж. Мишле и А. Токвилю.
 Национальная Библиотека (Париж).
 Отдел рукописей. Сен-симонистские архивы.
 Новые приобретения французских рукописей.
 Национальный архив (Париж).
 Социетарные архивы.
 Отдельные коллекции и документы.
 Парижская городская историческая библиотека.
 Отдел рукописей. Сен-симонистские документы; Бумаги Ф.Бюше

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

«The Crisis», 1832—1834.
 «Le Globe», 1830—1832.
 «The Edinburgh Review», 1816—1819, 1823, 1827.
 «L'Organisateur», 1829—1831.
 «The Quarterly Review», 1816—1850.
 «La Phalange», 1836—1837.
 «The Pioneer», 1832.
 «Le Producteur», 1825—1826.
 «La Reforme industrielle ou le Phalanstere», 1832—1834.
 «Revue Encyclopedique», 1814—1850.
 «The Times», 1815—1832.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

Указатель изданий сочинений Сен-Симона.— «Annali», 1962, № 5, р. 847—885.
Journal, H. Bibliographie saint-simonienne de 1802 au 31 dec. 1832. Paris, 1833.
Stammhammer, J. Bibliographie des Sozialismus und Kommunismus. Bd. I—III. Jena, 1893—1909.
Walch, J. Bibliographie du saint-simonisme. Paris, 1967.
 Литература о Сен-Симоне на русском языке.— «Под знаменем марксизма», 1925, № 5—6, стр. 265—269.

СОЧИНЕНИЯ А. СЕН-СИМОНА

Letters d'un habitant de Geneve a ses contemporains. 1802 et 1803.
 Essais sur l'organisation social. 1804 (не вошло ни в одно из собраний. Опубликовано в качестве приложения к изданию 1925 г. «Писем женевого жителя»: ed. Pereire, Alcan, 1925).
 Lettre aux Europeens (sans date).
 Introduction aux travaux scientifiques du XIX siecle. 1807—1808.
 Lettres au Bureau des Longitudes. 1808.
 Histoire de l'homme. 1810.
 Memoire sur la science de l'homme. 1813.
 Travail sur la gravitation universelle. Moyen de forcer les Anglais a reconnaitre l'inepenseance hes pavillions. 1813.
 De reorganisation de la societe europeene par H. der Saint-Simon et A. Thierry. 1814.
 Opinion sur les mesures a prendre contre la coalition de 1815, par. H. de Saint-Simon et A. Thierry. 1815.
 L'Industrie. 1816—1818.
 La classe des proletaires (brouillon inacheve). 1817.
 Les communes ou Essai sur la politique pacifique. 1818.
 Le politique. 1819.
 L'organisateur. 1819—1820.
 Lettres de Henri de Saint-Simon a Messieurs les Jures... 1820.
 Du Systeme Industriel. 1820—1822.
 Lettre de H. de Saint-Simon a Messieurs les ouvriers. 1821.
 Des Bourbons et des Stuarts. 1822.
 Suite a la brochure: des Bourbons et des Stuarts. 1822.
 Cathechisme des industriels. 1823—1824.
 Opinions litteraires, philosophiques et industrielles. 1824.
 De l'organisation sociale, fragmente d'un ouvrage inedit. 1824.
 Le nouveau christianisme. 1825.
 Oeuvres completes de Saint-Simon. Publiees par Olinde Rodrigues son disciple. Paris, 1832.
 Oeuvres completes de Saint-Simon. Seconde livraison. Paris, 1832.
 Oeuvres completes de Saint-Simon. Paris, 1841.
 Oeuvres choisies de Saint-Simon, precedees d'un essai sur la doctrine, t. I—III. Bruxelles, 1859.
 Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, precedees de deux notices historiques et publiees par des membres du conseil institue par Enfantin... pour l'execution de ses derniers volentes, v. 1—47. Paris, 1865—1878.

- L'oeuvre d'Henri de Saint-Simon. Textes choisis avec une introduction par C. Bougie. Paris, 1925.
- Textes choisis. Pref., commentaires et notice explicatives par J. Dautry. Paris, 1951 (1969).
- Selected writings. Ed. and transl. with an introd. by F. Marham. Oxford, 1952.
- La physiologie sociale. Oeuvres choisies. Introduction et notes de G. Gurvitch. Paris, 1965.
- Oeuvres Claude Henri Saint-Simon, v. 1—6. Paris, 1966.
- La nouveau christianisme et les ecrits sur la religion. Choisis et presentee par Henri Desroche. Paris, 1969.
- Собрание сочинений Анри де Сен-Симона. Пер. с франц., под ред. с предисл. и примеч. В. В. Святловского. М.— Пг., 1923.
- Избранные сочинения. 1812—1825. Пер. с франц. Л. И. Рубина, Л. С. Цетлина и С. С. Цетлина. С предисл. В. П. Волгина. М.— Пг., 1823;
- Избранные сочинения, т. I—III. Пер. с франц., под ред. и с коммент. Л. С. Цетлина. Вступ. статья В. П. Волгина. МЛ—Л., 1948.

СОЧИНЕНИЯ А. БАЗАРА

- Consideration sur les mesurs litteraires, 1825.
- Des partisans du passe et ceux de la liberte de conscience. 1825.
- Sur une lettre de M. Constant au redacteur de «L'Opinion». 1825.
- Considerations sur l'histoire. 1826.
- De l'esprit critique. Quelques reflexions sur un ouvrage de M. de Lamennais et sur un article du «Memorial Catholique». 1826.
- De la necessite d'une nouvelle doctrine generale. 1826.
- Examen d'une dissertation sur le mot «Encyclopedic», par M. Guisot. 1826.
- De quelques une obstacles qui s'opposent a la production d'une nouvelle doctrine generale. 1826.
- J. Bentham. Defence de l'usure. Traduit de l'anglais par Saint-Amand Bazard. Paris, 1828.
- Jugement de la doctrine de Saint-Simon sur les derniers evenemeh. 1830.
- Discussion morales, politiques et religieuses qui ont amenees separation qui s'est effectue au mai — nov. 1831, dans la sein de la societe saint-simonienne. Relations des hommes et des femmes, mariage, divorce. Paris, 1832.
- Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Premiere annee. 1828—1829. Deuxieme edition. Paris, 1830.
- Doctrine de Saint-Simon. Seconde annee. 1829—1830. Premiere edition. Paris, 1830.
- Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Premiere annee. 1829—1830. 3-eme edition. Paris, 1831.
- Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Premiere annee. 1829. Bruxelles, 1831.
- Doctrine de saint-simonienne. Exposition. Paris, 1834.
- Doctrine de saint-simonienne. (Nouveaux Christianisme). Exposition par Bazard au nom ou College en 1829 et 1830.— *Saint-Simon*. Oeuvres, v. XLI, XLII. Paris, 1877.
- Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Premiere annee. 1829. Introduction par C Bougie et E. Halevy. Paris, 1924.

- Doctrine of Saint-Simon. Exposition. Ed. by G. G. Iggers. Boston, 1958.
- Bazard, A., *Enfantin*, P. Doctrine Saint-Simon. Warszawa, 1961.
- Изложение учения Сеп-Симона. Пер. с франц. М. Е. Ландау. Предисл и примеч. В. П. Волгина. М., 1923.
- Изложение учения Сен-Симона. Ред. и коммент. Э. А. Желубовской М., 1947.
- Изложение учения Сен-Симона. Вступ. статья В. П. Волгина. М., 1961.

СОЧИНЕНИЯ Р. АНФАНТЕНА

- Des societes anonymes et en commandite par actions. 1825.
- Considerations sur la baisses progressives des objects mobiliers et immobiliers. 1825.
- Considerations sur organisation feodale et l'organisation industrielle comment se substitute graduellement dans le rapport sociaux a l'esprit de conquest. 1826.
- Considerations sur les progres economie politique dans ses rapports avec l'organisation sociale. 1826.
- Conversion morale d'un rentier. 1826.
- Des banques d'escompte. 1826.
- Du systeme d'emprunte compare a celui des impots. 1826.
- De la circulation. L'echange, vents, promesse, produits, monnai, papier, 1826.
- Reflexions sur quelques questions de donanes et de finances discutees actuellement en France et en Angleterre. 1826.
- Economie politique et politique. 1831.
- Enseignements faits par Pere Supreme. Paris, 1832.
- Correspondance politique. 1835—1840. Paris, 1849.
- Science de l'homme. Physiologie religieuse. Paris, 1838.
- Correspondance philosophique et religieuse. 1843—1845. Paris, 1847.
- La vie eternelle. Paris, 1861.

СОЧИНЕНИЯ Ш. ФУРЬЕ

- Oeuvres completes, v. 1—6. Paris, 1841—1845.
- Oeuvres completes, 3-me ed. Paris, 1846—1848.
- Publications des manuscrits de Charles Fourier, v. 1—4. Paris, 1851—1858.
- Oeuvres choisies. Paris, 1890.
- Oeuvres completes, v. 1—12. Paris, 1966—1968.
- Ш. Фурье. Избранные сочинения, т. 1—4. М., 1951—1954.

СОЧИНЕНИЯ Р. ОУЭНА

- A bibliography of Robert Owen the socialist 1771—1858. Aberystwyth — London, 1925.
- Robert Owen. 1771—1858. Catalogue of an exhibition of printed books held in the library of the Univ. of London. Oct.— Dec, 1958. London, 1959.
- Adresse aux Souverains a Aix-la-Chapelle et aux gouvernements europeens. Traduit par M. le Comte de Lastegrie. Paris, 1818.
- Institution pour ameliorer le caractere moral du peuple ou Adresse aux habitants de New Lanark. Paris, 1819.

Esquisse du systheme d'education suivi dans les ecoles de New Lanark Paris, 1823.

Propositions fondamentales du systheme social de la communaute des biens fonde sur les lois de la nature humaine. Paris, 1837.

Dialogue entre la France, le monde et R. Owen, sur la necessity d'un changement total dans notre systheme d'education et de gouvernement. Paris, 1848.

Wybor pism. Warszawa, 1959.

Textes choisis. Paris, 1963.

Избранные сочинения. Пер. с англ. и коммент. С. Ф. Фейгиной. Вступ. статья В. П. Волгина. М.— Л., 1950.

СОЧИНЕНИЯ О. ТЬЕРРИ

De la reorganisation de la societe europeenne par M. le Comte de Saint-Simon et par M. A. Thierry son eleve. Paris, 1814.

Opinion sur les mesures a prendre contre la coalition 1815, par H. Saint-Simon et A. Thierry. Paris, 1815.

L'Industrie litteraire et scientifique liguee avec l'industrie commerciale et manufacturiere ou Opinion sur les finances, la politique, la morale et la philosophie, dans interet du tous les hommes livres a des travaux utiles et independant, t. I, 2-me pt. Politique, par A. Thierry, fils adoptif de Henri Saint-Simon. Paris, 1817.

Lettres sur l'histoire de France. Paris, 1829.

Dix ans d'etudes historiques. Paris, 1830.

Histoire de la conquete de l'Angleterre par les Normands. De ses causes et de ses suites jusqu'a nos joirs, en Angleterre, en Ecosse, en Irlande et sur le continent, t. 1—2. Paris, 1825 (1826, 1830).

Essai sur l'histoire de la formation et des progres du tiers etat suivi de deux fragments du recueil des documents inedits de cette histoire. Paris, 1853.

Recits des temps merovingiens. Paris, 1887.

Городские коммуны во Франции в средние века. Пер. Г. А. Лучинского. С предисл. проф. Н. И. Кареева. СПб., 1901.

Избранные сочинения. Пер. с франц., под ред. и с предисл. О. Л. Вайнштейна. М., 1937.

Завоевание Англии норманнами. Царское Село, 1892.

Завоевание Англии норманнами. Пер. с франц. А. Д. Киев — Харьков (1897).

История возникновения и развития третьего сословия. Пер. с франц. Киев — Харьков, 1300.

История происхождения и успехов третьего сословия. Пер. с франц., ред. и вступ. статья Р. Ю. Виппера. М., 1899.

Исчезновение античного рабства (смещение рас). Пер. с франц. Варшава, 1891.

Рассказы из времен меровингов. Пер. Н. Трескина. СПб., 1892.

СОЧИНЕНИЯ О. КОНТА

Opusculs de philosophie sociale. 1819—1828. Paris, 1883.

Evolution originate. Documents publies jusqu'ici montrant la parfaite continuity de cette evolution sans pareille, malgre le troubles profonds dus a la funeste liaison avec Saint-Simon, premier volume. 1798—1820. Rio de Janeiro, 1913.

Dautry, J. Le comte Saint-Simon et Dieu.— «Revue internationale de philosophie», 1960, N 53—54.

Dautry, J. La nation de travail chez Saint-Simon et Fourier.— «Journal de psychologie normale et pathologiques», 1955, N LII.

Dautry, J. Nouveau christianisme ou nouvelle theophilantropie? Contribution a une sociologie religieuse de Saint-Simon.— «Archives de sociologie des religions», 1965, N 20.

Dautry, J. Pour le cent-vingt-cinquieme anniversaire de la mort de Saint-Simon.— «Le Pensee», novembre 1950.

Dautry, J. Preface et commentaires.— *Saint-Simon*. Textes choisis. Paris, 1957.

Datirty, J. Saint-Simon et les anciens babuvistes de 1804 a 1809.— «Annales historiques de la Revolution francaise», oct.— dec. 1960.

Dautry, J. Saint-Simon et revolution necessaire.— «Annales historiques de la Revolution francaise», 1966.

Dautry, J. Sur un imprime retrouve du comte de Saint-Simon.— «Annales historiques de la Revolution francaise», oct.— dec. 1949.

Dehove, G. Saint-Simon a-t-il ete socialiste? — «Revue des etudes cooperatives», 1936, № 58.

Denis, H. Histoire de la pensee economique. Paris, 1966.

Desroche, H. Les dieux reves: Theisme et atheisme en utopie. Paris, 1972.

Desroche, H. Fourierisme ambigu. Socialisme ou religion.— «Revue Internationale de philosophie», 1962, № 60.

Desroche, H. Introduction. Genese et structure du Nouveau christianisme et les ecrits sur le religion. Paris, 1969.

Desroche, H. Messianisme et Utopies. Note sur les origines du socialisme occidental.— «Archives de sociologie des religions», 1959, N 8.

Desroche, H. Saint-Simon ou l'utopie de une science sociale en action.— «Archives Internationale sociologie cooperation», 1970, № 27.

Desroche, H. La societe baconienne, une utopie inedite de Saint-Simon.— «Archives Internationale sociologie cooperation», 1970, N 27.

Dolleans, Ed. Robert Owen (1771—1858). Paris, 1905.

Dondo, M. The French Faust Henri de Saint-Simon. New York, 1955.

Droz, J. Histoire generale du socialisme, t. 1. Des origine a 1875. Paris, 1972.

Dubska, J. Auguste Comte a vytvoleni sociologie. Praha, 1963.

Dubuisson, P. Comte et Saint-Simon. Comte n'est-il que le disciple de Saint-Simon? Paris, 1906.

Ducasse, P. Auguste Comte et la philosophie des techniques.— In: Structure et evolution des techniques, 1957, N 55—56, p. 11—15.

Ducasse, P. Perspectives contemporaines sur l'oeuvres A. Comte.— In: Structure et evolution des techniques, 1956—1957, N 49—50, p. 1—20.

Ducasse, P. Methode et intuition chez A. Comte. Paris, 1939.

Dumas, G. Psychologie de deux messies positivistes: A. Comte et Saint-Simon. Paris, 1905.

Dumas, G. Saint-Simon pere du positivisme.— «Revue philosophique», 1904, № LVII.

Durkheim, E. Le socialisme, sa definition, ses buts, la doctrine saint-simonienne. Paris, 1928.

Durkheim, E. Saint-Simon fondateur du positivisme et de la sociologie.— «Revue philosophique», 1925, № XCIX.

Duroselle, J. Les debuts du catholicisme social en France. 1822—1870. Paris, 1951.

- Eichtal, E.* Les idées de Henri Saint-Simon sur la paix européenne.— «Académie des sciences morales et politiques. Séances et travaux» 1925, 2-me pt.
- Fakkar, R.* Sociologie, socialisme et internationalisme pré-marxistes Contribution à l'étude de l'influence internationale de Saint-Simon et de ses disciples, Neuchâtel, 1968.
- Ferrier, J.-P.* La pensée politique de C. Pecqueur. Paris, 1969.
- Fischella, D.* Il potere nella società industriale Saint-Simon et Comte Napoli, 1965.
- Friedberg, M.* L'influence de Charles Fourier sur le mouvement social-contemporain en France. Paris, 1926.
- Erutos, E.* La sociologia positivista de Augusto Comte. Madrid 1957.
- Cans, J.* Les relations entre socialisme de France et d'Angleterre ou début du XIX siècle.— «Le mouvement social», 1964, N 46.
- Geissberger, W.* Philippe-Joseph-Benjamin Buchez — Theoretiker einer christlichen Sozialökonomie und Pionier des Produktiv-Genossenschaften (Diss.). Winterthur, 1956.
- Gentile, Fr.* Dalla concezione illuministica alla concezione storicistica della vita sociale Saggio sul concetto di società nel pensiero di C. H. de Saint-Simon. Padova, 1960.
- Gentile, Fr.* Saint-Simon in Italia, emozione e risonanze sensimoniane nell'Ottocento italiano. Naples, 1969.
- Gerado, J. M.* De la Bienfaisance publique. Paris, 1839.
- Gide, Ch. et Rist, Ch.* Histoire des doctrines économiques. Paris, 1947.
- Gjores, Ax.* Robert Owen och hans tid. [Stockholm], 1971.
- Glasse, J.* Robert Owen and his life-work. London.
- Godlewski, H.* L'étudiant en médecine Philippe Buchez fondateur du carbonarisme franchise.— «Bulletin de la société franchise d'histoire de médecine», 1937, janv.—dec.
- Goret, J.* Fourier et l'économie dialectique de l'autorité.— «Autogestion et socialisme», 1972, N 20—21.
- Gotti de Garmond, Z.* Fourier et son système. Paris, 1841—1842.
- Gouhier, H.* La jeunesse d'Auguste Comte et la formation du positivisme, t. I—III. Paris, 1933—1941.
- Gouhier, H.* Saint-Simon et Auguste Comte devant la Révolution française.— «Revue philosophique», 1933.
- Gouhier, H.* La vie d'Auguste Comte. Paris, 1931.
- Gruber, H.* August Comte, der Begründer des Positivismus. Freiburg im Breisgau, 1889.
- Gurvitch, G.* Les fondateurs français de la sociologie contemporaine: Saint-Simon et R. J. Proudhon. Paris, 1955 (1961).
- Gurvitch, H.* Saint-Simon et Marx.— «Revue internationale de philosophie», 1960, № 53—54.
- Halevy, E.* La doctrine économique des saint-simoniens dans «Revue du Mois», 1968, 10 juillet.
- Halevy, E.* L'ère des tyrannies. Paris, 1938.
- Harpey, E.* Sur un écrit de jeunesse d'Augustin Thierry. Paris, 1952.
- Harrison, J.* Quest for the new moral world. Robert Owen and the Owenites in Britain and America. New York, 1969.
- Harvey, R.* Robert Owen. Social idealist. Berkeley — Los-Angeles, 1949.
- Haupt, Udo.* Empiristisch-positivistische Grundtendenzen der Erziehungsphilosophie. München, 1972.
- Hausenstein, W.* Die grossen Utopisten. Berlin, 1920.
- Hawkins, R. L.* Auguste Comte and the United States (1816—1853). Cambridge, 1936.
- Hubbart, G.* Saint-Simon. Sa vie et ses travaux. Paris, 1857.
- Iggers, G.* The Cult of Authority. The political philosophy of the saint-simonisms. A chapter in the intellectual history of totalitarianism The Hague, 1958.
- Iggers, G.* Notes and introduction. The Doctrine of Saint-Simon. Exposition. First Year 1828—1829. Boston, 1958.
- Isambert, F. A.* Christianisme et classe ouvriers. Jalons pour une étude de sociologie historique. Tournai, 1961.
- Isambert, F. A.* De la charbonnerie au saint-simonisme. Étude sur de jeunesse de Buchez. Paris, 1966.
- Isambert, F. A.* Politique, religion et science de l'homme chez Philippe Buchez (1796—1865). Thèse... Paris, 1967.
- Janet, P.* Les origines de la philosophie d'Auguste Comte. Comte et Saint-Simon.— «Revue des deux mondes», août 1887.
- Janet, P.* Saint-Simon et le saint-simonisme. Paris, 1878.
- Janet, P.* Le socialisme moderne. L'école saint-simonienne.— «Revue des deux mondes», oct. 1876.
- Janet, P.* Le principe saint-simonien. À chacun selon ses capacités à chaque capacité selon ses œuvres. Paris, 1911.
- Janet, G.* Robert Owen, idealist. London, 1928.
- Jones, D.* Robert Owen, 1771—1858. Caerdydd, 1968.
- Jouvenal, H. de.* Le Comte de Saint-Simon et l'organisation de la société européenne.— «Revue de Paris», 1925.
- Jouvenal, H. de.* Deux manières d'écrire l'histoire. Paris, 1896.
- Julian, C.* Augustin Thierry et le mouvement historique sous la restauration.— «Revue de Synthèse historique», 1906.
- Kellermann, F.* Kritik einer Soziologie der Ordnung. Freiburg, 1967.
- Kellermann, F.* Organistische Vorstellungen in soziologischen Konzeptionen bei Comte, Spencer und Parsons. München, 1966.
- Koneffke, G.* Menschenbildung und Kinderarbeit bei Pestalozzi und Owen. [Heidelberg], 1961.
- Kühnert, H.* August Comtes Verhältnis zur Kunst. Leipzig, 1910.
- Lacroix, J.* La sociologie d'Auguste Comte. Paris, 1956.
- Lacroix, J.* Saint-Simon et nous.— «Le Monde», 21—22 oct. 1973.
- Laffite, P.* Auguste Comte.— «Revue occidentale», janv. 1884.
- Lechevalier, J.* Étude sur la science sociale. Paris, 1832—1834.
- Lehoucq, E.* Fourier aujourd'hui. Essai. Paris, 1966.
- Lentz, J. J.* De l'Amérique et de la Russie. Paris, 1972.
- Leopold, R. W.* Robert Dale Owen. Cambridge — London, 1940.
- Leroux, P. Bazard.*— In: «Encyclopédie nouvelle», 1836.
- Leroy, M.* Histoire des idées sociales en France. Paris, 1947—1954.
- Leroy, M.* Le socialisme des producteurs: Henri de Saint-Simon. Paris, 1924.
- Leroy, M.* La vie véritable du comte Henri de Saint-Simon. Paris, 1925.
- Levy-Bruhl, L.* La philosophie. Paris, 1900.
- Levy-Bruhl, L.* Nîmberg, 1892.
- Liebknecht, W.* Robert Owen. Sein Leben und sozialpolitischen Werken.
- Limanovski, B.* Socijologija Augusta Comte'a. Lwow, 1875.
- Limousin, Ch. M.* Le positivisme... Paris, 1899.
- Littre, E.* Auguste Comte et la philosophie positive. Paris, 1863 (1864, 1877).

Louvencourt, H. Do H. do Saint-Simon a Charles Fourier. Chartres 1913.

Lustrac, A. de. Christianisme et socialisme. Paris, 1863.

Mamford, L. The Story of Utopies. New York, 1922.

Manuel, F. The New World of Henri Saint-Simon. Cambridge, 1956

Manuel, F. Utopies and Utopian Thought. Boston, 1966.

Marphy, E. M. Carlyle and saint-simonians,—«Etudies in Phylology» 1936, N XXXII.

Martin, P. Saint-Simon et sa Lettre d'un habitant de Geneve a l'humanite.—«Revue d'histoire Suisse», 1925, v. V.

Marvin, F. S. Comte. The founder of sociology. New York, 1965.

Marxens Notizbucher in den Jahren 1834—1847.—K. Marx, F. Engels. Gesamtausgabe, Bd. V.

Massing, O. Fortschritt und Gegenrevolution. Die Gesellschaftslehre Comtes in ihrer sozialen Funktion. Stuttgart, 1966.

McCabe, J. Robert Owen. London, 1920.

Mendieta y Nunez, L. Homenajes. Augusto Comte, Emile Durkheim, Manuel Gamio. Mexico, 1961.

Michaud, L.-D. et Villeneve, Th. Histoire du saint-simonisme et de la famille de Rothschild ou Biographie de Saint-Simon et de Bazard Paris, 1847.

Moraes Filho, E. de. La sociologia de los opusculos de Augusto Comte. Mexico, 1957.

Moraes, E. de Augusto Comte e lo pensamento socioldgico contemporaneo. Rio de Janeiro, 1957.

Morton, A. L. The Life and Ideas of Robert Owen. London, 1962.

Mucle, F. Henri de Saint-Simon. Die Personlichkeit und ihre Werk. Jena, 1908.

McL, H. Carlyle and Mill. An Introduction to Victorian Thought. New York, 1926.

Negt, O. Strukturbeziehungen zwischen den Gesellschaftslehren Comtes und Hegels. [Frankfurt a/M.], 1964.

Nitti, Le socialisme catholique. Paris, 1894.

Oljelund, Iv. Robert Owen. Stockholm, [1918].

Ostwald, W. Auguste Comte. Leipzig, 1914.

Pankhurst, R. The Saint-Simonians: Mill and Carlyle. A preface to modern thought. London, [1957].

Pankhurst, R. Saint-Simonisme in England.—«Twenty Century», 1952, N CLII, CLIIII.

Pasch, J. L. La societe des nations et ses precurseurs socialistes: Le comte O.-H. de Saint-Simon.—«Revue politique et litteraire», 1921.

Pellarin, Ch. Notice biographique sur Charles Fourier suivie d'une exposition de la theorie societaire. Paris et Besanson, 1839.

Perroux, F. Industrie et creation collective. Paris, 1964.

Peruta, F. delta. Note e documenti par la storia della idea sociali in Italia (1830—1849).—«Annali», 1960, N° III.

Petri, B. The Historical thought of Ph. Buchez. Washington, 1960.

Podmore, Fr. Robert Owen. London, 1923.

Puy, Fr. Etude critique de la Parabole de Saint-Simon.—«Economies et societes», 1971, N 7.

Queiros, M. I. P. de. La sociologie du developpement et la pensee de G. Gurvitch.—«Cahiers Internationaux de sociologie», 1971, v. 51.

Regnier, J. Les idees religieuses, politiques et sociales de Saint-Simon. Paris, 1903.

Renan, E. M. Augustin Theirry.—E. Renan. Oeuvres completes, v. II. Paris, 1948.

Reyband, L. Etudes sur les reformateurs contemporains ou Socialistes modernes. Saint-Simon, Charles Fourier, Robert Owen. Bruxelles, 1841.

Riez, I. Sozialmoral. Nach Auguste Comte. Miinchen, 1961.

Rinska, E. The Earlier Lettres of John Stuart Mill. 1812—1848. London, 1963.

Robert Owen's Journal. London, 1851.

Roberty, E. de. Auguste Comte et Gerbert Spenser. Paris, 1894.

Robinet, E. Notice sur l'oeuvres et vie d'Auguste Comte. Paris, 1860.

Robinet, E. La philosophie positive. Paris, 1881.

Ruppert, J. Das Sociale Systhem Bazarde. Wiirzburg, 1890.

Rutten, Ch. Essai sur la morale d'Auguste Comte. Paris, 1972.

Saint-simonisme et Pari pour l'industrie XIXe—XXe siecles, t. I—V, t. I. Theorie et politique; t. II. Saint-simonisme et pensee contemporaine; t. III. Influence a l'etranger; t. IV. Economie politique; t. V. Industrie et crise de civilisation.—«Economies et societes», 1970, N° 4, 6, 10; 1971, N° 7; 1973, Kb 1.

Santoanastaso, G. II socialismo francese da Saint-Simon a Prodhom. Firenze, 1954.

Schaefer, A. Die Moralphilosophie Auguste Comte's. Basel, 1906.

Schellens, A. Das Rechts- und Staatsdenken in der Philosophie von Auguste Comte. Diss. S. I., s. a.

Schere, R. Charles Fourier ou la contestation globale. Paris, 1970.

Schuhl, P. M. Henri de Saint-Simon. 1760—1825.—«Revue philosophique», 1960, N° 4.

Second, J. Le saint-simonisme d'Auguste Comte et le but pratique de la sociologie.—«Revue de Synthese historique», 1906, t. XXXIX.

Seillere, E. Auguste Comte. Paris, 1924.

Servier, J. Histoire de l'utopie. Paris, 1967.

Sfia, M.S. Les saint-simoniens et «L'Orient».—«Cahiers Internationaux de sociologie», 1971, v. 50.

Shine, H. Carlyle and saint-simonisms. The concept of Historical Periodical. Baltimore, 1941.

Simon, H. Robert Owen. Sein Leben und seine Bedeutung fur die Gegenwart, Jena, 1905.

Simon, W. M. European positivism in the nineteenth century. An essay in intellectual history. New York, [1963].

Simon, W. M. History for utopia: Saint-Simon and the idea of Progress.—«Journal of History of Ideas», 1956, N° XVII.

Sokoloff, B. The «mad» philosopher Auguste Comte. New York, 1961.

Sommer, H. Die positive Philosophie August Comte's. Berlin, 1885.

Spier, W. Reicht und Staad bei Saint-Simon. Bonn, 1959.

Spuler, W. Der Saint-Simonisme. Lehre und Leben von Saint-Amand Bazard. Zurich, 1926.

Stein, L. von. Der Socialismus und Communismus des heitigen Frankreichs. Leipzig, 1842.

Sudre, A. Histoire de communisme ou refutation historique des utopistes-socialistes. Paris, 1840.

Thuiller, A. Saint-Simon en 1812—1813.—«Revue d'histoire economique et sociale», 1971, N° 1.

Tonissen, J. J. Le socialisme depuis l'antiquite jusqu'a la Constitution frangaise du 14 janv. 1852. Paris et Louvan, 1852.

- Valentin, F.* Augustin Thierry. Paris, 1895.
- Vergeot, J.-B.* Le credit comme stimulent et regulateur de l'industrie. La conception saint-simonienne, ses realisations, son application au probleme bancaire d'apres-guerre. Paris, 1918.
- Verget, A.* Fourier. Paris, 1969.
- Viallanaix, P.* La voie royale. Essai sur l'idee de peuple dans l'oeuvre de Michlet. Paris, 1959.
- Vidal (Daniel).* Saint-Simon, oeuvre ouverte.— «Sociologie du travail», 1967, № 4.
- Villeneve, Th.* Bazard.— In: Bibliographie universelle, v. 57. Paris, 1835.
- Waenting, H.* Die Vorlaufer Auguste Comtes. Leipzig, 1894.
- Warschauer O.* Geschichte des Socialismus und neueren Kommunismus. Erste Abteilung: Saint-Simon und der Saint-Simonismus. Leipzig 1892.
- Wassilieff, P. J.* Buchez, der Begrunder der modernen Associationsbewegung Frankreichs. Berne, 1898.
- Watson, J.* Comte, Mill und Spenser. Glasgow — New York, 1895.
- Weill, G.* L'ecole saint-simonienne, son histoire, son influence jusqu'a nos jours. Paris, 1896.
- Weill, G.* Saint-Simon et son oeuvre. Paris, 1894.
- Zeldin, D.* The educational ideas of Charles Fourier (1772—1837). London, 1969.